

СИБИРИАДА

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

**Москва
«Вече»**

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)
359

Зиганшин, К.Ф.

359 Хождение к студёному морю : роман / Камиль Зиганшин. — М. : Вече, 2022. — 352 с. — (Сибириада).

ISBN 978-5-4484-3532-4

Знак информационной продукции **12+**

Новый роман известного сибирского писателя Камиля Зиганшина завершает трилогию, начатую романами «Скитники» и «Золото Алдана». Наступает вторая половина XX века. Главный герой истории решает исполнить свою заветную детскую мечту и отправляется через всю Сибирь к Ледовитому океану. Попадая в сложные ситуации, он находит друзей среди эвенков, якутов, потомков русских землепроходцев, юкагиров, чукчей и благодаря их помощи достигает не только океана, но и Чукотского Носа.

Камиль Зиганшин — писатель, путешественник, лауреат премии Президента в области литературы и искусства, Большой литературной премии России, литературной премии им. В.Г. Распутина и др.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-3532-4

© Зиганшин К.Ф., 2022
© ООО «Издательство «Вече», 2022

Сомненье — гибель, вера — жизнь.

Дж. Байрон

ПРОЛОГ

Дарья, глядя в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

— Чего загрустила, матушка? — обнял её за плечи гостивший в скиту настоятель монастыря отец Андриан — её старший сын Изосим.

— Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов да невест искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту¹. Вон и сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перева-лило. Паша в бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков, — вздохнула Дарья.

Изосим задумался:

— Есть у меня одна мысль. Попробую с китайцем погово-рять.

— Что ещё за китаец? — сразу насторожилась Дарья.

— Да стал захаживать к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть золото и стали жёстко преследовать, переключился на контра-банду. С весны до осени успеваает сделать на лошадях по тайным

¹ Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать ещё и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крёстной и её крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крёстные старались брать из кровной родни. Есть даже поговорка: «Бери пашню ближ-нюю, а невесту дальнюю»,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

тропам четыре ходки. И нам что надобно привозит, а мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину.

— И что? Чем он в нашем деле может помочь? Китайцев, что ли, приведёт?

— Ну что-ты, матушка! — рассмеялся Изосим. — Он как-то обмолвился, что ещё к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода, так «немозно, да немозно» — изобразил он торговца. — Сдаётся мне, что это он про наших одноверцев говорил. Ежели моё предположение подтвердится, отправлю его к тебе, как появится.

Когда китаец в очередной раз с навьюченными товаром лошадьми явился в монастырь, Изосим сразу подступился к нему:

— Ван, ты как-то говорил, что ещё к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

— Бородачи, как бородачи. Такие зе, как и вы, русские с верёвочками.

— Можешь помочь с ними связь установить?

— Бумагу пиши. Передам.

В очередной визит Ван привёз ответ от тамошнего наставника. В нём сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и женихах.

На следующий день Изосим отправил китайца с одним из трудников в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний.)

Обрадованная Дарья ответным письмом пригласила тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

На Преображение Господне китаец явился в скит со старобрядцами из неведомой Маньчжурии. Демьян, вышедший на стук в ворота, попросил Вана подождать у заплота, а одноверцев повёл в избу Дарьи. Та распорядилась призвать биллом народ на меновую торговлю с китайцем, а сама занялась гостями.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Уставщик, сероглазый бородач лет пятидесяти, с тёмно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, казалось, не знал куда их деть: то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надёжностью и спокойствием. С ним трое парней. Войдя в горницу, гости разом стянули картузы из своедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

— Доброго здравия на многие лета, матушка! Иван Фёдорович Кулагин, — прогудел старшой. — Это наши ребята: сыновья Харитон, Назар, и племянник Устин.

— Благодарствую, что столь споро откликнулись на приглашение!

— Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

— Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещён по всем правилам, с троекратным полным погружением.

— Каков обличьем — не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещёный китаец, чем некрещёный русский.

— Истину молвите, матушка... Примите от нас скромный, но полезительный для души дар — книги, своеручной работы¹. Одна певческая, ещё до Никоновой справы писана, а вторая — святителя Епифана.

— Спаси Христос, Иван Фёдорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

— То верно. Умная книга завсегда побуждает к размышлению, даёт примеры благочестивой жизни.

— С дороги, поди, устали? — спохватилась Дарья.

— Есть чуток. Путь неблизкий, да и тропы малохоженные.

¹ Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными книгами.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

— А далеко ль это? — забеспокоился уставщик.

— С полверсты, но очень советую. Не пожалеете. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окупёшься — такая лёгкость и благодать, кажется, полетела бы, как птица.

Через час посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка полюбопытствовала:

— Иван Фёдорович, ну и как вам наш источник?

— Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, — ответил тот, улыбнувшись.

— Рада, что удовлетворены... В Маньчжурию-то каким ветром общину занесло?

— Ежели начать с истоков, то предки наши с Гомельской губернии Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье в Верхнеудинском округе. Пришли туда в 1764 году. То я достоверно знаю из исповедной росписи.

Жилось там вольготно и покойно, пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: начались коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставив дома и возделанные пашни, всей общиной податься в Северный Китай — Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но в дороге лиха хватило стока, что волосы у многих сделались белыя. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особливо с провиантом. Зато ноне справно живём.

— Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли? Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

— Пытались. В разные места ходоков посылали. Две семьи с год пожили было на Лене, да вертались — вельми хладный край, сказали. А тем, кто в Маньчжурию разведать ходили, тамошний край глянулся. Сказывали, красовитей места не найти: тепло, земля жирная, зверья, рыбы вдосталь.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские¹ нас порядочно поддержали, а позже японцы. Оне разный инвентарь дали — имели задумку переселить со своих островов пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской земли не было. А как война началась, хотели забросить нас в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любви Советы, идти супротив своих — грех.

В сорок пятом встречали Красную Армию цветами, радовались и гордились — победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со Смершем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали наставника Демьяна Дубова. Незаконно-де границу перешёл в тридцатых годах... С тех пор о нём ни слуху ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживём! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Куды уезжать? Баят, куды хотите. Хоть домой, хоть в Боливию, хоть в Бразилию, хоть Парагвай — оне, мол, согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали — как быть?

Приезжали советские консула. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Гарантировали свободу и разрешение на постройку молельных домов. Переселение предлагали поэтапное, с растянутыми сроками, дабы дать возможность продать скот и имущество, приобрести товары для жизни в СССР.

К середине пятидесятых тысячи наших уехали. По ряду отзывов, судьбы многих переселенцев действительно сложились вполне благополучно. Но мы на сходе решили, чиво через стока

¹ Семейские — так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев переселённых в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» осуществлялась с целью защиты восточных границ России от посягательств Цинской империи. Семейские привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

годов вертаться — не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги и ушли в глубь Большого Хингана — горы такие. Семейские следом подались. Сейчас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьём. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

— Поди, опасное дело?

— По первости всяко бывало. Опося наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигрёнка отгоним. А как собаки того в круг зажмут, тут не зевай — одеяло накидывай и лапы вяжи.

— Страх какой! — ужаснулась Дарья.

— Мы ж не взрослых. Тех не брать...

— Иван Фёдорович, а велика ли ваша община?

— На двадцать семь дымов сто шестьдесят девять душ.

— Окромя тигров какой ещё зверь в вашем Хингане водится? — встрял свёкор Дарьи — дед Елисей.

— Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного — изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Леопарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О, чуть не забыл — гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то, што любит по деревьям лазать, кличут. Его тоже вдосталь. Окромя того многочисленны еноты. Я их в паводок десятками на островах снимал. Жирные, будто бочонки. Само собой всякое пушное зверьё. Из редких непальская куница — харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

— Баско у вас получается, до самого сердца проняли, — похвалила Дарья.

— А нам отраднo, что служба у вас по чину, — отозвался Иван Фёдорович.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Как исстари Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, — ответила довольная Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Заметила, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно, было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но в то же время стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жили-то душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон — сын уставщика. На смотринах он не сводил с неё глаз. Елена, действительно, была красавицей. К тому же от нее исходили такое тепло и внутренний свет, что любой человек сразу же проникался к ней симпатией.

Любу, дочь Матвея, выбрал чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашёл — ему тоже сразу глянулась Елена, но он не стал соперничать со старшим братом.

Иван Фёдорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

— Теперь дорогу знаем, не раз придём. Молодёжь ишо имеется.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену», — торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнёс Харитон. Она отвечала: «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слёзы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там, где любовь, — там Бог, где совет, — там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Фёдорович прочитал «Поучение новобрачным».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Молодухам заплели волосы в две косы и надели шашмуру — головной убор замужней женщины. А те повязали мужьям, в дополнение к узким повседневным поясам, собственноручно тканые широкие с кистями, для ношения по праздникам. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно». А на Любашином «Господь хранит душу, покаохранишь мой пояс».

По завершению обряда молодожёны, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадебному столу. Прочитав хором все положенные молитвы, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали поклоны — подарки.

Подходили, одаривая молодых, по старшинству. Первыми подошли Еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням сшитые им самим, поняги¹ из кожи, а Ольга, молвив молодыхам: «Мужа послушаться — Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядрёная брага своё взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супружницей пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья тоже вышла в круг: пусть маньчжурцы знают, как варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот, всплакнула. Обняла молодых, смахнула слёзу: «Свидимся ли когда, дитятко моё ненаглядное?!» и, обращаясь к зятю, добавила: «Береги, не обижай мою дочушку. Будешь холить, лелеять — будешь как сыр в масле кататься».

Иван Фёдорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

С молодыми в маньчжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался —

¹ Поняга — сибирский аналог рюкзака.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

привык холостяковать, но мать настояла: невестка ей нужна была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счёт: едва по дому ходит.

— Паша, ты там больно не привередничай. Гляди не лицо, гляди сердце. Главное, чтобы добрая была да работающая. Красота ведь до венца, а ум и душа — до конца, — напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось — тот всё время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал, как разрубленную верёвку ни связывай, узел всё равно останется.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась, что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии у старших по возрасту благословение на предстоящее дело. Лишь после этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи в общине царила атмосфера любви и уважения.

Несмотря на строгий распорядок и тяжёлый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться, но из года в год прихорашивали отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли каждый на свой лад затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни украшали узорчатыми росписями, а стены внутри дома порхающими среди деревьев птицами, цветами и непременно единорогом — символом силы и свободы. Всё это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом разрисовывали не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прялках и посуде. Всё это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Хозяева, обновляя росписи, старалась заполучить Капитона, самого даровитого в этом деле.

Срядя¹ тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на её яркость и неповторимость узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию обучали с малых лет. К семи годам девочке уже умели пряхть и вышивать. К десяти-двенадцати, когда начинали готовить приданое, самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась. Говорили, что «худую», неумелую никто замуж не возьмёт.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, заготавливать дрова. А всех вместе — грамоте и Закону Божьему.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория школа какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия. Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя школу.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Азбучки. Освоив её, перешли к чтению Ветхого Завета и Пятикнижью.

Попутно учили наизусть «Символ веры» и сороковой псалом. («Отче наш» и «Богородице Дева радуйся» дети знали с малолетства.) Учили так, чтобы помнить до смертного часа. В хорошую погоду уроки проводил прямо на лужайке перед школой или на берегу Глухоманки.

Прочитав очередную главу Ветхого Завета, растолковывал ребятам её суть на примерах из жизни общины. Попутно нена-

¹ Срядя — нарядная одежда.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

вязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Кому-то учение давалось легко, а с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Ремёслам же детей обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году¹ (1957) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти всё звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору — вода в Глухоманке была такой студёной, что ни разу не искупались.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала наявленная рыба. Её, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худо-бедно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусёны из-за неурожая не получилось. Посему упор сделали на съедобные коренья. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпадал дважды. Первый, в июне, погубил всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Мокрым снежным саваном заодно переломало деревья. Второй добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые² и оставить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

¹ До 1700 года в России действовал ведический календарь, заменённый Петром Первым на григорианский, ведущий отсчёт с Рождества Христова.

² Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели подняться до 10—12 сантиметров.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но возвращались чаще всего с пустыми руками.

У Корнея к тому времени рана на культе зажила и он, смастерив протез, учился ходить на нём. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал, и культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить конструкцию, поместил протез в кожаную гильзу, плотно облегающую культю. Два поперечных ремня надёжно фиксировали её и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а пообвыкшись, и в тайгу на охоту. При этом был единственным, кто частенько возвращался с добычей.

Старший сын Корнея — Изосим, он же настоятель монастыря отец Андриан, обиды на батю за то, что тот ушёл из семьи, не поминал и вёл себя уважительно.

За время, пока заживала культя, Корней стал завсегдатаем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Российской империи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в неё Алдан. (Кружочек, обозначающий город Алдан¹, на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал.) Определив по характерной излучине место впадения Глухоманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океань».

¹ Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932 году), а атлас издан в 1912 году.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Когда он первый раз прочитал эту надпись, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по надписям на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», — удивлялся он.

Корней так полюбил странствия по картам, что мог просидеть над атласом по несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распяляли его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так чётко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Юла, сидящая в нём, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студёному морю, известному ему из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по побережью Северного океана, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим действительно исходил весь Север, любил его и мог рассказывать о нём бесконечно. Поэтому монастырские звали его Географом. Как позже выяснилось, тот и в самом деле был учителем географии. Окончив Ленинградский университет, он девять лет преподавал в школе.

— Николай Александрович, как же вас занесло в те края?

— Так я, Корней Елисеевич, там и родился. Дед мой из ссыльнопоселенцев. Ещё при Александре III протопал по этапу от Тульской губернии до Усть-Янска. Бабушка поехала за ним. Пока отбывали срок, обжились, детей нарожали. Так и остались. Это ведь только для заезжих Север промороженная, закованная во льды и обделённая светом окраина. Они и представить себе не могут, какое буйство жизни у нас летом! А как красиво небо, расцвеченное северным сиянием. Те, кому выпадает счастье видеть всё это, пленяются Севером навсегда.

— Я пока ничего этого не видел, но меня почему-то с детства тянет туда. Завидую первооткрывателям Севера. Так хочется пройти по их следам.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Здорово! Вы не пожалеете! Поверьте, в нашей стране не так уж много мест, принявших стольких прославленных путешественников, как мой Усть-Янск, — обрадовался Географ. — Представьте себе, ещё в 1637 году енисейский десятник Елисей Буза первым спустился по Лене и вышел в Ледовитый океан с отрядом в 50 человек. На следующий год он же с сотоварищами на не боящихся льдов круглобрюхих кочах¹ достиг устья Яны. Тогда же боярский сын Иван Ребров прошёл пролив Дмитрия Лаптева и зашёл в устье Индигирки.

— На карте есть море Лаптевых. Это в его честь?

— Разумеется, в честь его и брата Харитона². А устье Колымы морем первым в 1643 году достиг казачий атаман Михаил Стадхун. Общая протяжённость открытых и описанных им берегов составила 1500 километров.

Арктический мореход Семён Дежнёв, выйдя из Нижнеколымского острога в 1648 году на кочах, совершил выдающееся географическое открытие — доказал, что Азия не смыкается, как до того полагали, с Северной Америкой. Обогнув Чукотский Нос, он первым прошёл на лодке вверх по реке Анадырь, где построил острог. В Усть-Янске с научными целями побывали капитан-командор Семен Лаптев, мичман Федор Матюшкин. Позже Колымская экспедиция Фердинанда Врангеля описала побережье от Индигирки до Берингова пролива, который, вообще-то, справедливей было бы называть проливом Семёна Дежнёва, ибо проход из Ледовитого океана в Тихий пройден и описан им на 80 лет раньше обрусевшего датчанина.

— Вот это ничего себе! А я только про Дежнёва и Врангеля читал.

— Что вы! На моей родине работали ещё такие известные исследователи, как барон Толь, боцман Бегичев, геолог Волосович,

¹ Коч — русское, парусно-гребное деревянное, одномачтовое, однопалубное судно с корпусом яйцеобразной формы.

² Полярные исследователи, двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы, первыми описали береговую линию этого моря.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

учёный Миддендорф. А экспедиция друга Врангеля — лейтенанта Петра Анжу, так и называлась «Усть-Янской». Описывая берег между Оленёком и Индигиркой, он прошёл на собаках тысячи километров.

Наш Усть-Янск в те времена был известен от Таймыра до Чукотки. Я бы назвал его «форпостом лейтенантов». Поглядите, чьи подписи стоят под знаменитой генеральной картой Сибири, составленной по описям Великой Сибирской экспедиции: лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин; капитаны флота Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев. Со временем почти все они стали адмиралами.

До увлечённых беседой приятелей донёсся звук била, призывающий к обедне.

— Николай Александрович, слушать вас интересно, но некоже опаздывать. Предлагаю снова встретиться после службы.

Корней встал и, приглаживая густо засеянную седыми нитями бороду, добавил:

— Для меня важно всё, что касается Севера. Особливо про ранешные времена.

— Так я с удовольствием поделюсь всем, что знаю. Свою карту для наглядности принесу... Корней Елисеевич, просьба есть. Если не затруднит, зовите меня просто Николаем, или Географом. Мне так привычней.

— Договорились.

Вечером Географ продолжил свой эмоциональный рассказ о землеописателях прошлого:

— На мой взгляд, вся эта лейтенантско-сибирская экспедиция, продолжавшаяся десять лет, с 1733 по 1743 года, — воистину Великая, я бы даже сказал — героическая! Поражает невероятная преданность делу и Отечеству! Ведь ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, по-моему, и не смогло бы предпринять такого. Это как раз то, что называется русским размахом... Возьмем, для примера, только август — октябрь 1740 года.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Представьте Север того времени. На крайнем востоке страны, в Авачинской бухте, на Камчатке, отдают якоря пакетботы «Святой Павел» и «Святой Петр», прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. В те же дни команда бота «Иркутск», на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно пробивается сквозь льды вблизи устья Колымы, стремясь к неведомым землям Чукотки. А возле восточного берега Таймыра сплюснутый торосами идёт ко дну бот «Якутск». Его экипаж, по решению Харитона Лаптева, направляется по льдам к пустынному берегу полуострова Таймыр и посуху обследует, описывает его. Тщательность и точность, с какой выполнены эти работы, поразительна. Ещё более поразительно мужество этих людей: ведь они испытывали нехватку практически во всём. Я вам сейчас покажу маршруты этих экспедиций.

Возбуждённый Николай развернул на столе вычерченную от руки карту. — Вот смотрите...

— Погоди, погоди — темновато, — остановил его Корней и, пересев к печке, нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил сначала одну, потом, для лучшего света, вторую.

— Вот теперь получше. Так что там у нас?

— Смотрите, здесь нанесены все маршруты. Штрихами — первопроходцев, а те, что мы прошли, — точками. Я ведь тоже изрядно помотался с экспедициями по Северу. Если сложить их все вместе, то поболее кругосветки получится. Вот отсюда досюда прошёл в 1940 году с Ленинградской экспедицией. И тут был, и тут, — с гордостью показывал он.

— Я тоже немало походил по лесам и горам, но с тобой не сравняться.

— Вам будет чудно, но в Заполярье леса в обычном понимании нет.

— А что там, трава, что ль?

— В основном карликовые берёзки и ползучие ивы. А вот цветов — море. Когда все они зацветают — красота неописуемая! Глаз не отвести. Горы есть, но пониже здешних и по большей части лысые. А вот озёр и болот без счёта. В них, правда, не утонешь — мелкие, а под водой вечная мерзлота.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

С того дня их вечерние посиделки стали регулярными. Николай приходил к Корнею, как только управлялся с заданиями благочинного¹.

За чаем он рассказывал всё, что знал о Севере. Корней внимательно слушал. Если что-то было непонятно, переспрашивал. Оставшись один, записывал в тетрадь самое важное. В том, что судьба свела его с таким знатоком Заполярья, он видел Божий промысел.

Эти встречи-беседы окончательно лишили скитника покоя. Север всё сильнее манил его. Никакие доводы разума уже не могли заглушить его желания идти туда, куда звала мечта, рождённая в детстве бабушкиными сказками: ведь ни одна из них не обходилась без упоминания о Студёном море. Корней и не противился этому зову. Эта мечта-желание настолько завладела им, что, ложась спать, он непременно мысленно проходил весь путь от монастыря до океана. А случалось, просыпался ночью от нахлынувших сновидений воображаемой дороги и подолгу лежал, заново переживая сон.

Корнею хотелось обсудить с сыном своё намерение отправиться на Север, но всё робел: как-никак настоятель монастыря. Наконец набрался смелости и, выждав момент, когда тот отдыхал в своей келье, постучался. Изосим отворил сразу, словно ждал его. Это успокоило Корнея, и он заговорил без стеснения:

— Сыно. — Тут он запнулся. — Отец Андриан, пришёл посоветоваться.

— Слушаю внимательно.

— Ничего не могу с собой поделать. Старая маета одолевать стала — потянуло в дорогу.

Изосим вопросительно глянул:

— И куда теперь?

— На этот раз туда, где кончается земля. Хочется увидеть океан и побывать в тех краях, где поллета — день, ползимы — ночь. Представь, там даже медведи белые!.. Что посоветуешь?

¹ Благочинный — священнослужитель, несущий ответственность за хозяйственную деятельность в монастыре и соблюдение братией внутренних правил.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Сын смотрел на отца и думал: «Неугомон! Как был бродягой, так им и остался. Такого в четырёх стенах не удержать», а вслух произнёс:

— Ведал, что маешься, ждал, когда сам придёшь. У Создателя на каждого из нас свой замысел. Коли Он тебя на край земли призывает — стало быть, это для чего-то надобно... Благословляю!

Андриан перекрестил отца:

— И когда мыслишь отправиться?

— По весне, как земля подсохнет.

Хотя Изосим знал, что раньше июля отец не выйдет, поправлять не стал:

— Время подходящее. Одно тревожит — как на культе в такую даль?

— Ты же сам в проповеди о святом Луке говорил, что главный враг человека — страх. Что для успеха задуманного надобно не страшиться и, уповая на Бога, действовать. А уж Он подскажет и поможет.

— Я и не отрицаю того, но беспокоюсь — путь-то неблизкий.

— Нога не подведёт. Протез хорошо подошёл, сидит, как влитой. Да и кожа загубела, не так чувствительна. Главное, выйти к Алдану. Дальше, мыслю, на пароходе.

Тут Корней развернул тщательно скопированную из атласа карту:

— Ежели Господь позволит, хочу достичь вот этого пролива. Берингов называется. За ним Русская Америка. Знаешь, кто такой Беринг и почему пролив назван его именем?

И Корней с жаром принялся рассказывать про экспедицию командора, которая благодаря мужеству и таланту капитан-лейтенанта Чирикова совершила массу географических открытий.

— С маршрутом всё понятно, а как с родительским благословением? Без него пути не будет. В поучении Ивана Златоуста прямо сказано: «Родителя послушаться — Бога оскорбить».

— За то сильно опасуюсь... Отец ведь так и не простил.

— Сходи, покайся, глядишь, смягчится... Заодно проверишь, как нога себя поведёт. В гостинец муки прихвати — у них, поди, давно кончилась. Благодичному скажу, чтоб отсыпал.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Выйдя из кельи, окрылённый Корней немедленно направился к Географу. Не терпелось поделиться радостью, что настоятель поддержал его намерение достичь не только океана, но и Берингова пролива.

— Корней Елисеевич, если вы не против, я бы тоже с вами пошёл.

— А чего мне противиться? Вдвоём-то сподручней и веселей. Тем паче места те знаешь, да и к бивачной жизни привычный. Только, прежде чем идти, мне непременно родительское благословение получить следует. Без него никак.

Не любивший долгой раскачки, Корней отправился в скит, едва стали гаснуть звёзды. В лесу стояла обычная предрассветная тишина, но стоило взошедшему светилу позолотить морщинистую кору сосен и выбелить стволы берёз, лес ожил: защebetали, запорхали разнокалиберные птахи, забегали зверушки.

В горельнике, в просвет между подрастающими ёлочками мелькнул круп убегающего сохатого.

— Ишь ты, белоштанник! Испугался?! — улыбнулся Корней.

Где-то в стороне неуверенно попробовала голос кукушка и смолкла, прокуковав двенадцать раз.

— Что-то маловато ты мне отсчитала, — продолжал посмеиваться скитник.

«Пристыженная» птица вскоре возобновила счёт и вещала свои пророчества до тех пор, пока Корней не сбился со счёта. В растущих вдоль тропы зарослях шиповника он разглядел алые ягоды. Сняв со спины понягу, прислонил её к стволу кедра и, отцепив притороченный котелок, стал собирать их для матери. Ягод было немного и, переходя от куста к кусту, он заметно удалился от тропы.

Неожиданно с неё донесся короткий рык. Привстав, скитник увидел, что в метрах четырёх-пяти от поняги стоит небольшой, видимо, прошлогоднего помёта, медведь. Обнаружив незнакомую штукювину, он внимательно рассматривал её издали и потешно вертел головой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Что это такое? Оно опасное? Можно ли это есть? — читалось в его движениях.

Зверь крадучись делал к поняге шажок и замирал, вслушиваясь и всматриваясь, как «оно» отреагирует на его приближение. Сделав несколько шажков, остановился, переминаясь с ноги на ногу. Решив, что «оно» спит, стал фыркать и ударять перед собой передними лапами. Однако «оно» не реагировало.

Корней с улыбкой наблюдал за «храбрецом».

Наконец тот, подойдя почти вплотную, как можно сильнее отклонившись назад — мало ли чего! — вытянул вперёд лапу и попробовал прикоснуться самыми кончиками когтей. Едва успев дотронуться, резко отдернул её — будто обжётся. Помедлив, решил повторить свой храбрый поступок. В этот раз коснулся чуть смелее — поняга шевельнулась! Медведь тут же отпрянул. А успокоившись, вновь решил подойти, но уже с другой стороны. Убедившись, что «оно» неопасно, пестун принялся обнюхивать, дотрагиваясь уже носом.

Корней понял, что пора спасти понягу, и застучал ножом по котелку.

Перепуганный зверь, зауффкав, бросился наутёк. Отбежав немного, обернулся и посмотрел с обидой — эх, такую добычу пришлось бросить!

А скитник, набрав ягод, продолжил путь. Метров через триста увидел медведицу с двумя медвежатами и тем самым любознательным пестуном. Вокруг чернели свежие поковки. Косолапые выкапывали корни борщевика и, отряхнув от земли, аппетитно причмокивая, ели их. Корней осторожно обошёл семейку.

* * *

Чем ближе Кедровая Падь, тем сильнее тревога: как примет отец?

Вот и скит. Из некоторых печных труб, видневшихся за заплотом, струился дымок. Корней жадно вдыхал знакомые, только этому месту присущие запахи.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Постаревший, белый, как полярная сова, Елисей встретил неприветливо. Набывчившись, недобро зыркнул глазами из-под кустистых бровей:

— Чо пожаловал?

Погрузневшая мать, держа в руках принесённый сыном котелок с шиповником и ковригу хлеба, запричитала:

— Чего уж ты! Аль не сын? Поговори нормально.

— Ну, слушаю, — досадливо поморщился тот, насупив брови.

— Тятя, пришёл вымолить твоё прощение, — видя, что отец смотрит по-прежнему неприязненно, взмолился. — Не гневайся, прости, Христа ради. Затмение тогда нашло, бес попутал. — В голосе Корнея прозвучала такая непостижимая боль, что взгляд отца помягчел. — Наказан я сполна — вот и ногу потерял, — задрал штанину сын.

Увидев протез, Елисей обомлел, а мать завывала в голос.

— Прости, тятя! Прости! Прости, Христа ради, — твердил Корней, с мольбой глядя на отца.

Старик, прикрыв рот ладонью, прокашлялся:

— Я что? Я не судья. Главное, чтоб Господь простил... Может, и я где-то оплошку дал. — И, повернувшись к жене, уже твёрдо произнёс: — Полно, мать, мокроту разводить, на стол мечи. А ты садись, — указал он Корнею на лавку.

Заметив, что тот не решается, добавил:

— Чо мнёшься? С дороги, поди, голодный.

Узнав о намерении Корнея, Елисей преобразился и даже посветлел лицом:

— Я ведь тоже когда-то имел охоту до Студёного моря сходить, да не сложилось... Коли душа просит, благословлю... Токо впопыхах такие хождения не делаются. Всё загодя надобно подготовить... Эх, дожить бы до твоего возвращения да узнать каково оно, Студёно море. Да чую, не дотяну... Изломался весь, силёнок нет, и сердце по утрам замирает, а потом как зачастит, будто вдогонку пускается.

Елисей, шаркая, подошёл к божнице и снял с полки литую иконку Николая Чудотворца. Глядя сыну в глаза, промолвил:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Это наша родовая икона. Перешла ко мне от твоего деда Никодима, а ему от основателя общины — Варлаама. Во всех мытарствах сопровождала, беду и напасть не раз отводила. Даст Бог, и тебя в пути оборонит.

— Спаси Христос, тятя!

— В дороге, сынок, всяко может случиться. Как бы тяжело ни было, не паникуй. Запаникуешь — пропадёшь. Паника — страшнейший враг. Не давай ей овладеть тобой. Тогда и Господь не оставит...

Перекрестив, Елисей вручил иконку сыну.

Растроганный Корней благоговейно приложился к лику покровителя путешественников, поклонился отцу в пояс и попытался было что-то сказать, но горло сдавил судорожный комок...

Ближе к вечеру вернулись с Глухоманки Дарья с Пашей и невесткой Катей. Они собирали уродившуюся на мари у Завала клюкву. Хоть и обрызнуло волосы у Дарьи сединой и фигура несколько оплыла, но стан по-прежнему прямой, и лицо своей былой красоты не утратило.

Молодые, молча поклонившись, сразу удалились в свою каморку. Дарья же не знала, как себя вести. Корней тоже растерялся. Так и стояли молча.

— Пошто заморозилась? Чай, твой муж, — нарушил заминку Елисей. — Вот пришёл благословение испросить на путь к Студёному морю.

— Куда, куда? — переспросила, поражённая Дарья.

— Чо раскудахталась? Сказал же — к Студёному морю.

— Ну и как? Что порешили?

— Благословил... Простил я его.

Узнав, что Корней обезножел, Дарья в порыве сочувствия неожиданно для себя, забыв обиды и едва сдерживая слёзы, обняла мужа.

Корней, вдыхая запах её волос, замер, не веря своему счастью. Так они и стояли, глядя друг на друга сквозь пелену слёз, как когда-то, в прошлой, такой счастливой и такой далёкой, жизни.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Во взгляде Дарьи читались то бессловесный укор, то непонимание, то восхищение.

— Боже мой! Ты так и не изменился, — прошептала она. — Всё такой же шальной, волк-одиночка.

— Понимаешь, океан так манит, что порой дрожу от нетерпения — быстрее бы отправиться. Ажно дышать стал по-другому.

— А сдюжишь?

— До вас же дошёл и до Алдан-реки с Божьей помощью дойду. А дале на пароходе мыслю. И не один иду, с товарищем. Он Север хорошо знает — родом с тех краёв.

— Дивлюсь я на тебя...

Тут она едва сдержалась, чтобы не сказать ласково: «Горе ты моё луковое».

— Дарьюшка, тебе премного благодарен. Родители с тобой как у Христа за пазухой. Отец вон какой бравый.

— Это он на людях бодрится. На самом деле болезный. Иной раз бывает так плох, что задыхается, словно рыба на берегу. Давеча едва откачали.

— Да уж, тятя жалобиться не любит... Пластина-то, гляжу, теперь в нашем доме стоит. Картинки смотрите?

— Какое! Она уж с год как не кажет.

— А Ларь как?

— С ним всё в порядке. Паша с пещерниками приглядывают.

— Дарья, помнишь, я тебе рассказывал про залежь самородного золота? Где оно схоронено, никто, кроме меня, не знает. На случай, ежели золото общине понадобится, я на этом листке обозначил дорогу к залежи. Токмо никому не кажи. Сама, если что, сходи. Не то беда будет.

— Не беспокойся. Я понимаю.

* * *

Утром, перед тем как выйти из избы, Корней постоял у порога, оглядывая отчий дом так, словно хотел запечатлеть в памяти всё до мельчайших деталей. После чего решительно распахнул дверь — впереди его ждала полная испытаний дорога.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

У скитских ворот Елисей ещё раз перекрестил сына двумя перстами и добавил к лежащим в поняге трём вяленным гусям мешочек отборных кедровых ядрышек — полночи чистил. Прощались молча, соединяя усы и бороды в трёхкратном ликовании.

Дарья, прижавшись напоследок, прошептала:

— Буду каждодневно молить Господа за тебя.

Отходя, Корней несколько раз оборачивался и, щурясь от солнца, поглядывал на сутулого отца, грузную мать и ладную Дарью.

В монастырь он не шёл, а почти летел по нахоженной за четверть века тропе, с наслаждением вдыхая пьянящие запахи хвои и трав. Ещё бы, такая радость — тятя и Дарья не только простили его, но и были приветливы, порой даже ласковы. Ещё вдохновляло то, как легко он осилил полсотни вёрст, отделяющих скит от монастыря.

А вот к Алдану тропы не будет, разве что зверовая. Там завалы и буреломы; да и расстояние поболее вёрст на двадцать. Но в душе крепла уверенность, что и этот переход он одолеет.

Тайга, прогретая полуденным солнцем и погрузённая в сладостную летнюю истому, была до того красива, что в душу вливалась редкая благодать. Сердце Корнея переполняло желание благодарить Создателя. Без конца осеняя себя крестным знамением, он принялся громко читать все известные ему благодарственные молитвы. После чего улёгся на до хруста высохший ягель и, раскинув руки, вслушивался в голоса леса: глухо шумел, вздыхая, старик-кедр, пугливо звенела, дрожа от малейшего ветерка, осина; весело лопотала, словно радуясь ему, берёза.

Сколько он так лежал, ласкаемый солнцем и шаловливым ветерком? Сколько прошло времени? И есть ли оно? Всё это было неважно. Важно было то, что он чувствовал себя абсолютно счастливым!

* * *

Подготовив за зиму всё необходимое для дальней дороги, а требовалось учесть массу мелочей, без которых в пути не обойтись, Корней с Николаем не чаяли, когда сойдёт снег, подсохнет и можно будет отправиться в путь.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Весна не подвела — вступила в свои права дружно, но не успела скатиться талая вода, зарядили обложные дожди. Потянулось мучительное ожидание погоды. Друзья каждое утро с надеждой взирали на небо, однако хмарь не собиралась отступать. Невзирая на непогоду, на соснах затопорщились свечечки будущих шишек.

В конце второй седмицы июня ранним утром в келью Корнея зашёл взволнованный Изосим.

— Тятя, собирайся! Чую, деда уходит.

До Корнея не сразу дошёл смысл леденящих сердце слов.

— Куда это он на старости собрался? — А поняв, вскочил: — Так идём. Я готов.

Он не стал спрашивать, откуда сыну ведомо это — знал, что тот многое предчувствует. Через полчаса они были в пути. Хотя отправились налегке, идти споро не получалось. Тропа от дождей раскисла, и ноги разъезжались. Корней, чтобы не упасть, вырубил себе посох. Изосим, жалея отца, весь груз нёс сам.

Сильно задерживали ручьи, превратившиеся в широкие, бурные потоки. Если прежде их можно было просто перешагнуть, теперь приходилось одолевать вброд — до того много в них стало воды. Шли без остановки весь день и всю ночь. На рассвете, мокрые и грязные, вошли в скит. Дарья во дворе кормила собаку. Поцеловав сына и, приобняв мужа, вполголоса произнесла:

— Отец совсем плох. Не встаёт, второй день от еды отказывается, только водичку пьёт. Вчера уж Григорий с Анастасией весь день были. Григорий соборовал, исповедовал и причастил. Хотела нынче Пашу за вами послать, а вы, слава богу, сами явились.

Возле кровати, на которой лежал исхудавший, с безжизненно застывшим лицом и заострившимся носом Елисей, сидела, поглаживая высохшую, перевитую венами руку мужа, Ольга.

Услышав скрип половиц, старик приоткрыл глаза:

— Корней... вот радость! Не чаял увидеть, — с трудом пролепетал он, — думал, ты уж в пути. — И, переведя взгляд на Изосима, добавил: — А я, дурень, опасался, что не почувешь. Ан не утратил прозорливости. — Силясь что-то ещё сказать, он весь напрягся,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

однако вместо слов зашёлся сухим кашлем. Переведя дух, тихо, но в этот раз внятно продолжил с трогательным спокойствием: — Приходит пора, и лист с дерева опадает... Вот и мой час настал... Одолела-таки немочь... Сердце чуть токает...

Приступ кашля не дал договорить. Отдышавшись и успокоившись, он медленно произнёс:

— Сынок, ты уж не отступи, нашу мечту исполни...

* * *

Создатель за добродетельно прожитую жизнь пожаловал Елисею Никодимовичу кончину лёгкую, безболезненную. Преставился он до того тихо и незаметно, что не сразу поняли — думали, уснул.

Обмыв и облачив умершего в длинную белую рубаху, уложили в выдолбленную им же из цельной древесины домовину. В руки вложили лестовку¹.

Лицо почившего, всё более просветляясь, казалось, даже слегка порозовело. Морщины и скорбные складки разгладились, легла печать умиротворения. Он был красив в своём смирении и ожидании скорой встречи с Богом.

Во время отпевания Корней не сводил глаз с отца. Он испытывал горькую сладость не только от того, что успел получить прощение и благословение, а ещё оттого, что благодаря непогоде, устроенной по воле Господа, он задержался и проводил отца в последний путь.

На следующий день одни мужики пошли на погост копать могилу, другие принялись готовить материал на могильный сруб и крест.

¹ Лестовка (лестница) — кожаные чётки для молитвы у старообрядцев. Представляют собой плетёную замкнутую кожаную ленту из ста узелков и трёх планок. Символизирует собой одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения с земли на небо и замкнутый круг — образ вечной и непрерывной молитвы. Предназначена для счёта молитв. Двенадцать первых «узелков» (валиков) — это 12 апостолов, за ними 38 — это 38 недель, что Пресвятая Богородица Христа в чреве носила. Следом 33 «узелка» — возраст Христа. За ними семнадцать «узелков» — 17 Его пророчеств.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Хоронили всей общиной торжественно и спокойно. Кедровую домовину, устланную стружками, несли шестеро, из числа не сродников, до самого погоста.

Мать после похорон слегла: не могла представлять себе жизнь без мужа, с которым в любви и согласии прожила пятьдесят девять лет. Лежала, время от времени приговаривая: «С кем моё солнышко взойшло, с тем и закатится». Лишь изредка вставала и, с трудом подойдя к божнице, молилась, глядя на лик Христа:

— Господь, сжался! Прошу Тебя лишь об одной милости — даруй мне смерть для воссоединения с мужем, рабом Твоим, Елисеем.

Изосим не мог надолго оставлять монастырь. Отслужив на девятый день молебен, ушёл. Корней решил побыть с матерью, сорок дней молясь о прощении вольных или невольных грехов умершего. Он часами сидел рядом с матерью и, чтобы хоть как-то отвлечь её от горестных дум, подробно рассказывал истории из того времени, когда он жил в стойбище её отца.

Мать слушала, приложив ладошку к уху, то удивлённо ахая, то одобрительно кивая головой. Порой и сама принималась вспоминать случаи из своего детства.

В один из вечеров она взяла Корнея за руку и, глядя в глаза, принялась с дрожью в голосе говорить:

— Сынок, твой Север с головы не идёт. Вдругорядь всякая жуть мерещится... Уж иней сел на волосы, а ты в такую даль собрался. Ну что вы с отцом в том море-окияне потеряли?

— Так ведь то твоя мать посеяла в наших душах тягу к Северу. Все её сказки в Студёном море заканчивались.

— Сказки, они и есть сказки. Но в жизни всё не так. Это ж не в стойбище сходить. Вспомни дядю Бюэна, на что опытный, а в полынье утоп. Да и сам ты, хоть и много хаживал, а вот ногу потерял... Ещё о вас с Дарьей думаю. Она, гляжу, вроде оттаивает, может, у вас и наладится. Ей, что думаешь, легко одной?.. Оставайся! Очень прошу!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

И такая боль прозвучала в голосе матери, что у Корнея защемило в груди. Собираясь с мыслями, он откинул со лба тронутые сединой волосы:

— Матушка, как тебе объяснить... Хорошо в скиту. Рад, что привечаете. Но всё одно усидеть не смогу. У меня уже все мысли ТАМ. Ни о чём ином не думаю. Пойми — коли останусь, всю жизнь не только себя, но и вас корить буду — почему не пошёл?! Поверь, это не каприз, а обдуманное решение. Ты не тревожься, не один иду, а с бывалым товарищем. Он родом из тех мест.

Мать, прикрыв глаза, долго молчала. По её щекам тихонько текли слёзы. Вытащив из-под подушки платочек, вытерла их.

— Ну что ж, сынок, коли твёрдо решил, твоя воля, — наконец вымолвила она... — Видимо, моя кочевая кровь тебе покоя не даёт... Спаси Христос, что побыл со мной, а то ведь и жить не хотелось. Сейчас, чувствую, силёнки понемногу возвращаются. Пора вставать, хозяйством заниматься. Да и Катеньке скоро помощь нужна будет. Видел, поди, на сносях девочка.

— Вот это да! А я и не заметил, — удивился Корней.

— Смотрю на неё и не нарадуюсь — повезло Паше. Такая она проворная и внимательная. Дай Бог им обоим здоровья... За меня не тревожься, не одна ведь остаюсь. Исполни свой и отцово мечтание.

— Спаси Христос, матушка! Знал, что поймёшь.

— Корнюша, каких бы людей ты в дороге ни встретил, худа никому не желай. Худые мысли по миру погуляют и к тебе же возвратятся.

— Не переживай, матушка. Я это давно понял. Не юнец ведь — скоро, сама говоришь, дедом стану. Жаль только, что с Пашей у нас пока никак не наладится.

— А что ты хочешь? Вырос без тебя. Вас ничто, кроме крови, не связывает. Добавь сюда ещё и обиду — все росли с отцами, а он без, при живом-то. Ежели хочешь наладить отношения, с семьёй надо жить, а ты опять неведомо куда собрался.

— Матушка, мы же с тобой всё обговорили. Ну не могу я остаться. Давай не будем об этом больше.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Корней возвратился в монастырь, когда уже во всю томил июль. От жаркого солнца в воздухе стоял дурманящий запах багульника.

Первым пошёл к Географу:

— Николай, задерживаться с выходом больше нельзя. Предлагаю сегодня же всё проверить, а завтра в путь.

Когда друзья паковали поняги, от ворот донёлся громкий голос Вана:

— Люди, ходи! Товар привёз! Люди, ходи! Товар привёз!

У ворот стояли навьюченные лошади и китаец с вежливой улыбкой на лице.

Расплатившись с торговцем за доставленный товар, Изосим провел Вана в трапезную и попросил Матрёну накормить его. Та подала еду в гостевой посуде и, сев напротив, тут же принялась расспрашивать:

— Как там наши? Прибавление у кого есть?

— Прибавление есть, да ваших нет.

— Как так — нет? — Марфа аж подпрыгнула.

— На пароходе уплыли.

— Куда уплыли? Что случилось? Они ведь хорошо жили, — удивился Изосим.

— Китай новый закон: русский старовер не надо.

— А уплыли-то куда, знаешь?

— Говорили, в Америку.

— Вот тебе на!.. Ну а у тебя как дела?

— Моя теперь совсем плохо. На границе чуть не пропал. Назад ходи. Новый дорога искал. Не знай, как дальше ходи.

— Ван, ты уж нас не бросай, мы ведь всегда хорошо платим.

— Платите хорошо. Граница плохо стало. Прибавка надо.

— Не переживай. Не обидим.

Попрощавшись, Изосим вышел. Пробыв у себя в келье с полчаса, направился к отцу.

— Тятя, тебя на Чукотку неспроста потянуло. Ван новость принёс — маньчжурцы-то, оказывается, в Америку уплыли. Может, как раз на Аляске и обживаются.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Провожать Корнея с Географом вышли почти все обитатели монастыря. Давали советы, желали удачи. Больше всего переживали за Корнея. Пухлая, предобрая тётка Матрёна, беспрестанно всплёскивая руками, причитала:

— Корней, да пошто ж ты себя на таки муки обрекаешь? Опамятуйся, пока не поздно! Далеко ль на одной ускачешь? Оголодаете, замрётё!

Тот отшучивался:

— Мне на роду написано бродяжничать. Дарья так и говорит: «Бродячий волк».

— Дарья зря не скажет.

— Ему, бедошнику, делать больше нечего, вот и изгиляется, — проворчал постаревший Дубов.

Корней подошёл к Тинькову и крепко обнял.

— Николай Игнатьевич, не устаю в молитвах благодарить тебя. Кабы ты не оттяпал мне полноги, давно б землю удобрал.

— Честно говоря, сам радуюсь, что столь удачно вышло.

Из ворот к отбывающим вышел отец Андриан. Путники поклонились настоятелю в пояс:

— Отче, благословите.

— Братья, дело вы затеяли многотрудное. В дороге у разных людей придётся бывать, с ними пищу делить, вместе спать. Посему при каждом таком случае читайте очистительную молитву. А вот постами себя не изнуряйте — дорога дальняя, тяжёлая, позволительно и послабу дать.

Коли одноверцев встретите — всенепременно контакт наладьте. Сами знаете — свежая кровь нам вельми потребна. Может, и не полные одноверцы, главное, чтобы почитали Святую Троицу, Символ Веры и крещены, яко Исус, тремя полными погружениями, — напутствовал настоятель. — На грубое слово не сердитесь, на сладкое — не поддавайтесь.

Андриан трижды осенил их благословляющим крестом. Странники, с почтением приложившись к его руке, закинули за спины увесистые поняги и, не оглядываясь, зашагали мимо

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

уже тронутого желтизной поля пшеницы к перевальной седловине.

— Чистой дороги! Никола в путь! Пусть Бог хранит вас! — неслось вдогонку.

Корней шёл, поскрипывая ремнями протеза, со счастливой улыбкой на устах. Ещё бы — наконец он в пути! И сразу глубже стало дыхание, налились силой мускулы. А от пьянящих ароматов, разопревших на солнцепёке цветов и трав (скитник по привычке на ходу срывал целебные), от смолистого духа кедрового стланика, от предвкушения встречи с новыми, неизвестными ранее местами, а особенно — с Океаном, сердце переполняла такая неохватная радость, что ему так и хотелось взлететь и парить над любимыми горами и тайгой! Радости добавило и позволение настоятеля на совместное принятие пищи с иноверцами, а то всё думал, как быть, дабы не согрешить и людей не обидеть.

* * *

Взойдя на вершину гребня, Корней остановился. Сняв войлочный колпак и отерев платком со лба пот, выступивший от зноя и затяжного подъёма, с волнением оглядел синеющую на северо-востоке зубчатую цепь в пухлой кайме облаков. Где-то там родная Впадина, Глухоманка с жемчужными сливами водопадов, золоторудное гнездо, надёжно заваленное им в каменной теснине. Хотя отсюда ничего и не видно, Корней представлял это в мельчайших деталях. Ещё бы — исходил всё вдоль и поперёк!

Сердце невольно сжалось — доведётся ли ещё когда увидеть? А ведь можно было остаться и спокойно жить с Дарьей, родными. Ан нет, жажда дороги и давняя мечта пересилили.

От этих мыслей отвлёк восторженный возглас Николая:

— Корней Елисеевич, гляньте, красотища какая! Какое счастье — видеть всё это! Словами не высказать, как я рад, что мы наконец в пути!

Дальше шли по продуваемому водоразделу, обходя нагромождения камней и поля низкорослого кедрового стланика, обвешанного небольшими, тугими, пока ещё фиолетовыми ши-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

шечками, Местами его упругие ветки переплетались столь густо, что по ним можно было шагать, не касаясь земли, но Корней знал, насколько обманчива эта соблазнительная плотность — если угодишь в прогал между веток, можешь подвернуть ногу или, того хуже, сломать её. Посему путники старались идти набитыми медвежьими тропами: косолапые тоже избегают коварный стланик. Но ещё больше они не любят ходить по сырым, звенящим от комарья низинам. Сверху они кажутся красивыми и ровными, сулят лёгкую дорогу, а на деле встретят залежалой гнилью и беспощадным гнусом.

Люди шли по водоразделу ещё и потому, что с него хорошо просматривалась вязь хребтов и долин, иссечённых пенистыми ручьями. Это облегчало выбор наиболее удобного и короткого маршрута.

В какой-то момент Корней краем глаза уловил чуть заметное движение. Повернувшись, увидел за чапыжником идущую по тропе, ниже по склону, рысь. Рельефно перекатывающиеся под крапчатой шкурой мышцы, мягкая вкрадчивая поступь, уверенный взгляд исподлобья говорили о её независимом характере. Тем не менее, заметив людей, кошка скрылась, будто растаяла.

Путники то и дело вспугивали клевавших камушки глухарей. Те с оглушительным треском тугих крыльев улетали с залитого солнцем гребня в тенистую чащобу. Одного из них Корней подстрелил на ужин.

Немного погода дорогу перегородил большой муравейник. На нём лежал, раскинув крылья, ворон. Казалось, птица мертва, но при приближении людей она встрепелась и взлетела, обдав людей резким запахом муравьиной кислоты.

— Дошлая карга. Намеренно ложится, чтобы муравьи очищали оперение от клещей и паразитов, — на ходу пояснил Корней.

Завершая дневной ход, светило зависло над горизонтом, и тайга замерла в безмятежной истоме тихого, тёплого вечера. Пока подыскивали для ночёвки подходящее место с проточной водой, солнце село. Зато их настойчивость была вознаграждена —

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

нашли жизнерадостный родничок, бурунистой струйкой бьющий из-под обомшелого валуна.

Николай, мучимый жаждой, припал к роднику. Корней покачал головой:

— Воду лакает зверьё. Негоже нам уподобляться им.

Николай вопросительно глянул.

— Ежели кружка далеко, хотя бы ладонью зачерпни.

Умывшись ключевой водой и разостлав спальники, плюхнулись на них. Усталость быстро сменилась привычной лёгкостью во всём теле. Чего не скажешь о растревоженной ходьбой с тяжёлым грузом культе. Она давала о себе знать пульсирующей болью.

Внимательный Географ взял хлопоты по приготовлению ужина на себя. Соорудил таганок, принёс сушняк, достал огниво: кусок кремния и железный брусок с мелкой насечкой. Ударяя им по острой кромке кремния с прижатым к нему куском фитиля, стал высекать искру. Когда он задымил, сунул его под пучок сухой травы и, опустившись на колени, принялся раздувать огонь. Трава задымилась и вспыхнула. На пламя тут же легли завитки бересты, мелкие сучья, сверху — покрупнее. Быстро разгораясь, костёр заявил о себе энергичным треском и бойким танцем оранжевых язычков. Пламя, ныряя в сразу стусившуюся тьму, норвило вырвать у ночи кусочки пространства.

Корней тем временем ощипал и выпотрошил глухаря. Когда мясо сварилось, добавил в котелок собранного по дороге и мелко нарезанного дикого лука и сныти. После вкуснейшей наваристой похлёбки Николай взбодрил костёр и принялся что-то записывать в тетрадь.

— Что пишешь?

— Когда вышли, где шли, что видели, где встали. Эту привычку завёл с тех пор, как прочитал дневники штурмана Альбанова.

— Мне не такого не попадалось. Чем он известен?

— Он описал история двухлетнего дрейфа шхуны «Святая Анна» полярной экспедиции Брусилова. Почти все её участники погибли, но благодаря этим дневниковым записям географические открытия, сделанные ими, стали достоянием человечества.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

А меня они пристрастили к чтению книг о путешественниках, мореплавателях и совершённых ими открытиях. Самая любимая — «Робинзон Крузо»¹. Кстати, в этом году 300 лет с того дня, как он после кораблекрушения оказался на необитаемом острове и прожил там двадцать восемь лет.

— Неужели все годы один?!

— Поначалу один, а потом с индейцем Пятницей. Робинзону повезло, что остров находился в тёплых морях. Там круглый год лето. Он, конечно, и сам молодец — никогда руки не опускал. Хижину построил, коз приручил. Нам будет потрудней — идём туда, где море во льдах и девять месяцев зима.

Последние слова Географ произнёс зевая.

Костёр догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между головёшек и снова прятались в мерцающих жаром убежищах. Вот и они погасли. На чёрном небе сразу отчётливей проступила широкая жемчужная дорожка с разбросанными вокруг неё созвездиями.

Проснулся Корней от тоненького свиста. Открыв глаза, увидел в лучах солнца шныряющих по стану полосатых бурундучков. Забавы ради тихонько откликнулся голосом самочки. К нему тут же выбежал рыжеватый кавалер. Встав столбиком на обомшелом пне, завертел головкой — где же подружка? Корней повторил свист и осторожно потянул руку к котомке, чтобы достать лепёшку. Бурундучок в мгновение ока исчез, но в тот же миг вырос в двух метрах на валёжине. Через некоторое время он осмелел и, подбежав к вкусно пахнущим кусочкам, стал забавно запихивать их за щёки.

Эти малыши, пожалуй, самые милые и юркие среди всей таёжной мелкоты.

На третий день горы пошли на понижение. Появились кусты жимолости. Сизая кисло-сладкая ягода уже почти вся осыпалась.

¹ Прообразом Робинзона Крузо для писателя Даниэля Дефо послужила история шотландского боцмана Александра Селькирка, проведшего около пяти лет на необитаемом острове Тихого океана близ берегов Чили. Этот остров сейчас так и называется — «остров Робинзона Крузо».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

А вот малина как раз поспевает. Возле особенно урожайных кустов останавливались полакомиться.

Когда отрог сошёл на нет, путники оказались в сумраке пойменного леса. Ветра не чувствовалось. Он слегка шумел лишь в позолоченных солнцем вершинах деревьев.

Тропа то пропадала, то появлялась. Деревья местами стояли так плотно, что все звуки глохли, а видимость не превышала пяти метров. Сыростью и гнилью веяло от затянутой влажными мхами земли, в воздухе роились тучи кровососов. Они проникали во все доступные и недоступные места. Уж до чего Корней с Николаем привычны к этим вампирам, но и они, потеряв терпение, то и дело пускались бежать, отмахиваясь ветками. Однако это мало помогало. Стоило замедлить шаг, как их вновь накрывало серое звенящее облако.

Неожиданно до ушей путников донеслось повторяющееся протяжное дребезжание. Ветерок то приближал, то отдалял его.

— Похоже, медведь музицирует. Пойдём посмотрим, — предложил Корней.

И в самом деле, на проплешине, усеянной вывороченными бурей деревьями, сидел у комля сломанной ели косолапый. Он передними лапами оттягивал длинный отщеп и, резко отпустив, с уморительным наслаждением вслушивался в произведённый им пронзительно-вибрирующий звук. Было заметно, что эта «игра» на «щипковом инструменте» доставляет ему удовольствие.

На соседнем кедре разглядели застывшего на суку глухаря. Казалось, он с не меньшим интересом слушал диковинные звуки. Чтобы не мешать исполнителю и его благодарному слушателю наслаждаться «музыкой», люди тихонько вернулись на тропу.

Через пару километров тайга расступилась, и ходоки оказались у болотистой мари, пахнувшей ржавым железом. Огибая её, вышли на заросли смородины. Ягоды ещё не совсем созрели, но некоторые есть уже было можно, однако армады беспощадных комаров, норвящих вонзить свои тонюсенькие жальца в людей, не давали остановиться. Срывали ягоды на ходу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

С противоположной кромки болотины донёлся харкающий кашель. Там, не поднимая головы, брёл, пощипывая траву, молодой согжой¹. На его голове топорщились панты — мягкие рога, покрытые тонкой кожицей с короткой, серовато-коричневой шёрсткой. До гона олени всячески оберегают их. На ощупь они тёплые и упругие. Окончательно вырастут и окостенеют через две-три недели. Тогда эта покрытая короткими волосками кожаца потрескается и начнёт облезать. А животные примутся тереться рогами о деревья и камни, чтобы к гону полностью избавиться от неё.

Солнце неумолимо катилось к горизонту. Сумрак, таившийся под кронами деревьев, осмелев, поднимался всё выше и выше, отчего всё погружалось во тьму. Уже перед самым закатом в проёме между двух сопок блеснула расплавленным золотом широкая лента воды — Алдан!

Несмотря на усталость, решили всё-таки выйти к реке и уже на берегу встать на ночёвку. Николай, продираясь через завалы деревьев и плети цепкой ежевики, во всё горло вопил:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Чем ближе к берегу, тем гуще подлесок и непроходимей буреломы. Ноги на сырых валёжинах и обомшелых камнях скользили, но бывалые таёжники, прикрывая рукой глаза от гибких ветвей, шли уверенно. Перед самым берегом путь перегородил завал из коряг и нанесённых стволов. В темноте они казались многорукими щупальцами лесных чудищ.

Когда наконец они вышли на берег, небесный свод мерцал тысячами звёзд. Завершающий рывок так измотал путников, что Географ отключился, как только прилёг. А Корнея, начавшего читать «Повечерницу», сон сморил на середине молитвы. Спали крепко, как младенцы: знали, что суда на этом участке из-за сложного фарватера ночью не ходят.

¹ Согжой — дикий северный олень.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ПО АЛДАНУ

Перед восходом пала обильная роса. Безоблачное небо обещало ясный, жаркий день. Вот первый солнечный лучик ударил в пенёк рядом с Корнеем. На пригретое место выползла из влажной травы сонная стрекоза. Летать пока не может — крылья в мелком бисере росы. Тёплое пятнышко медленно перемещается, и стрекоза ползёт за ним — сушит крылышки. Вслед за солнцем поднимается с воды лёгкий, полупрозрачный туман. Морщинистая рябь речного плёса то и дело нарушается дразнящими всплесками крупной рыбы, охотящейся на мелкоту. Захлопали в ладошки разбуженные ветром листья.

Прочитав «Начал», Корней спустился на покрытый дресвой, берег, отстегнул протез, разделся догола, оставив только поясок, и поплыл.

Холодная вода была до того прозрачна, что сквозь двухметровую толщу было видно, как колышутся у дна длинные пряди водорослей.

— Корней Елисеевич, что ж вы поясок не сняли? Промок ведь, — удивился Николай, когда тот на четвереньках выбрался на берег.

— Мы пояски никогда не снимаем. Он, как и крест, защищает нас.

— Эх, мне, что ли, подпоясаться, — то ли в шутку, то ли всерьёз произнёс Географ.

Занимаясь приготовлением завтрака, путники то и дело поглядывали на излучину реки — не появится ли пароход, идущий на север. Теперь, не в пример прежним временам, ходили они по Алдану довольно часто. Уже прошло три судна, но все на юг.

Наконец из-за мыса показался сухогруз, идущий на север. Судя по тому, что ватерлиния¹ касалась воды, загружен он был до предела. В ответ на их крики с палубы только рукой помахали.

¹ Ватерлиния — линия на корпусе судна, обозначающая максимально допустимую осадку при полной загрузке.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Зато шедший за ним буксир, на носу которого было выведено «Громов», на вопли путников откликнулся — сошёл с фарватера. Приблизившись к берегу, седовласый капитан, с бакенбардами на изъеденном оспой лице, зычно крикнул:

- Что случилось?
- На борт возьмёте?
- Куда вам?
- К океану.
- Эва! Мы токо до Хандыги...
- И до Хандыги годится.

Когда странники поднялись на палубу, капитан представился с лёгким поклоном:

— Михаил в квадрате. — Видя, что его не поняли, широко улыбнулся и, глядя на них ясными, небесно-голубыми глазами большого ребёнка, добавил: — Михаил Михайлович. А вас как, господа хорошие, звать-величать?

— Меня Корнеем Елисеевичем, а его — Николаем Александровичем, — ответил скитник, протягивая капитану глухаря, которого подстрелил вчера на закате.

— Спасибо! Держи, Егорка, — передал тот петуха конопатому верзиле в тельняшке с непокорным чубом и нежным пушком на верхней губе. — Нынче пируем! А то всё рыба да рыба. Хоть и люблю её, но иногда хочется дичины... А вы до океана куда?

— Для начала в Усть-Янск. Я оттуда, — ответил Географ.

— Вряд ли из Хандыги кто-то будет в те края. На Лену вам надо выбираться, там больше шансов... А у меня нынче последний рейс! Отходил своё! — то ли с грустью, то ли с гордостью произнёс Михайлыч. — Сдам буксир и на пенсию. Дальше пушай молодой капитанит.

* * *

Не бывавший прежде северней устья Глухоманки, Корней, щурясь от слепящих бликов солнца, с интересом всматривался в проплывавшие берега. Левый представлял собой лесистую рав-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

нину с редкими куполами холмов. Между ними аласы¹ — плоские, котлообразные понижения с озерцами и тучной луговой растительностью на дне: идеальные пастбища для коров и лошадей. На них любят селиться якуты. Там, где аласы большого размера или расположены кучно, живут сразу несколько семей.

Правый же берег высокий, обрывистый. По его глинистым обнажениям сочатся водой линзы льда. В ложбинах белеют снежники. За узкой полосой прибрежной тайги тянутся параллельно руслу цепи гор, покрытых где темнохвойным лесом, где полями кедрового стланика, разделённого конусами осыпей. Кое-где живописными группами щетинятся зубцы останцев. За ближними, более низкими, цепями дыбятся белоснежные пики главного Верхоянского хребта, вытянувшегося вдоль правобережья Алдана и Лены на 1200 километров — почти до самого Ледовитого океана. Из-за резкой цветовой границы кажется, что заснеженные вершины — это облака, зацепившиеся за горы.

Желая блеснуть географическими познаниями, Корней, указывая на ближнюю горную цепь, произнёс:

— Хребет Сетте-Дабан. Входит в Большой Верхоянский.

— В переводе с якутского — Шагающая Гора: мы плывём, а она не отстаёт — идёт за нами, — добавил капитан. — А вы откуда знаете название этого хребта? Бывали тут?

— Нет, я здесь впервые. Просто люблю горы, — не сводя глаз с пиков, признался Корней.

* * *

Михайлыч оказался заядлым рыбаком, или, как он сам себя называл — рыбашником.

При этом рыбалкой считал только ловлю тайменя. Стоило показаться подходящему для их обитания месту, глушил двигатель и бросал якорь. Чаще всего это были ямы на крутых

¹ Аласы — типичные для Якутии геологические образования, представляющие собой плоскодонные луговины, диаметром до нескольких километров, и обрамлённые невысокими валами. Образуются при вытаивании подземных льдов.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

излучинах либо устья шумливых притоков: на стыке быстрой и спокойной воды этим речным разбойникам всегда есть чем поживиться.

Ближе к вечеру из-за утёса показалась очередная, манящая чёрной глубиной, ямина, образовавшаяся в месте впадения горной речки. У берега на мелководье, устланном базальтовыми плитами, стояли в два ряда рыбы. По широким, похожим на развёрнутый веер полупрозрачным плавникам на спине сразу определили — хариусы.

— Чую, и таймешки есть. Вон там должны «пасться», — уверенно заявил капитан, указывая на витую полосу сходящихся потоков.

Пристали к террасе, упирающейся в крутой, покрытый разлапистыми кедрами склон чуть ниже ямы.

Михайлыч вынул из брезентового чехла коротенькую удочку с катушкой. На конце жилки поблескивала ложка без ручки с прицепленным к ней тройником.

— Безотказная снасть — «спиннинг» называется. Чешский турист подарил, без блесны, правда. Я их сам из ложек мастерю.

Корней с сомнением покачал головой:

— Чего ради рыба железку глотать будет? Она ж не слепая.

— Ещё как будет! — снисходительно улыбнулся капитан, подкручивая по привычке усы. — Увидишь!

Перейдя на полузатопленный камень, Михайлыч принялся бросать «железку» точь-в-точь в те места, где давали о себе знать расходящимися кругами таймени. Заброс за забросом, а рыба не реагировала.

Корней про себя посмеивался: «Чудак! Где это видано, чтобы таймень железом питался?» Сам он срезал длинный тальниковый хлыст и привязал к тонкому концу жилку. Вместо грузила расплющил дробинку и, сложив получившуюся лепёшечку пополам, зажал ею леску. На крючок насадил пойманного овода. Пройдя к устью, с подвижными завитками водоворотиков, перекрестился и стал одного за другим выуживать радужных хариусов. Было жарко, настойчиво атаквали оводы, но Корней так увлёкся, что

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

обращал на них внимание, только когда надо было поймать очередного для наживки.

Капитан тем временем продолжал упорно обстреливать тёмную ямину. Плечи у него уже ныли от бесчисленных бросков. Наконец, спиннинг резко дёрнулся.

— Есть!!! Взял!.. Здоровый!.. Тяжело идёт! — радостно выкрикивал Михайлыч.

Удилище то изгибалось в крутую дугу, то взлетало вверх, то вытягивалось в одну линию с лесой. Тревожно трещала сорванная с тормозов катушка. Жилка, обжигая кожу, рвалась из-под прижимающих её пальцев. Вытянув метров двадцать, таймень остановился. Капитан тут же возобновил подмотку. Бешеный рывок, и опять визжит катушка.

Схватка продолжалась минут десять. Вроде умаялся, выдохся таймень, но у самого берега вновь забился, забушевал краснопёрый богатырь. Обессилев, вытянулся серым брёвнышком на гальке.

— Кто тут говорил, что на железку не позарится? — победно хмыкнул Михайлыч, не сдерживая ликования. Оценивая вес, поднял добычу за жабры:

— Килограммов четырнадцать потянет.

Хоть и немало их было на счету капитана, он смотрел на тайменя так, словно видел его впервые. При этом ласково поглаживал дымчатые, с чёрными крапинками бока и тёмно-бурую мясистую спину:

— Красота-то какая! Недаром красулями зовут. А хвост-то, хвост! Кайма-то какая яркая! Прямо огонь!

— Да уж! Хорош! — согласился Егорка, облизываясь, в предвкушении вкусной, жирной ухи.

Пока Корней с Географом разделявали трофей, а Егор «кочегарил», возбуждённый капитан ходил кругами:

— Эх, мужики! Вам рыбашника не понять. Хотя я на своём веку не один десяток таймений взял, радуюсь каждому, словно впервой. А всё почему? Потому как по силе, быстроте реакции и уму этой рыбе нет равных. Никто под водой и на воде не уйдёт

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

от него: ни зверюшка, ни птица, ни рыба. Потому и жирён, как сом. Только жир у него не под кожей, а по всему телу. От того мясо во рту просто тает и оно не похоже на рыбе. Скорее, что-то среднее между ягнятиной и телятиной. Сам я больше всего люблю голову. Такая вкуснятина!

Жаль, что растут уж больно медленно: за год всего десять сантиметров. К пяти годам — полметра. В двенадцать чуть больше метра.

— Выходит, этому годков пятнадцать, — прикинул Николай.

— Не меньше... Пока тут возитесь, пойду ещё побросаю.

Минут через пятнадцать подсёк второго. Вываживал недолго — таймешек оказался средних размеров. Зато скакал по воде, опираясь на мускулистый хвост, с узором красноватых пятен, пытаясь вырваться из невидимой узды, как породистый скакун. Окинув «танцора» критическим взглядом, Михайлыч отправил его на вырост.

— Не понимаю тех, кто мелочь берёт. Так ведь и реку обезрыбить можно.

Заметив, как загорелись глаза Корнея, протянул ему спиннинг:

— Спробуй... Хлебни хмельку рыбацкого счастья, покуда уха варится.

Опыта у Корнея бросать блесну не было, и, боясь зацепить ветви черёмухи, он перешёл на вклинившийся в русло столообразный камень.

Первый заброс получился неуклюжим, даже с небольшой бордой. Однако уже после третьей попытки Корней метнул блесну точно туда, куда целился. «Обстреляв» всю яму от края до края, прошёлся по стремнине — ни одной хватки.

Это ещё больше раззадорило его. Он прицепил вместо блесны ложки свою испытанную наживку — искусственную мышь, представляющую собой слегка вытянутую деревяшку, обтянутую бархатистыми шкурками с белых лапок. Внизу кусочек свинца для устойчивости. Сзади мощный тройник на карабине.

От костра донёсся голос Егора:

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Мужики, уха готова! Разли-ваа-ююю!

— Иду, иду, — откликнулся Корней и торопливо забросил обманку поперёк течения.

Плывёт она поверх воды, и кажется, будто через реку переправляется то ли крупная мышь, то ли бельчонок. Один заброс, другой. На третий из глубины что-то выметнулось. Вода вспучилась. Тугой удар хвоста был столь силён, что от всплеска мужики привстали поглядеть — что там происходит?

— Осторожней, дружок, не пугай людей, — словно боясь упустить, тихонько уговаривал Корней тайменя.

Туго натянутая жилка трепетала, отзываясь на каждое движение рыбины. Подматывая леску, скитник трижды подводил её к берегу так, что выступала из воды не только голова, но и спина. Однако всякий раз, оказавшись на мелководье, таймень делал мощный рывок и вновь уходил на глубину. Рывки были столь сильными, что Корней с трудом удерживался на ногах, а при могучем потяге его буквально пригибало к воде.

Катушка визжала, леска жгла кожу на пальцах. Временами натяжение ослабевало. Это таймень, пытаясь освободиться, начинал кувыркаться, делать свечи. Сквозь фонтаны брызг факелами мелькали малиновый хвост и алые плавники.

В четвёртый раз подтянуть тайменя к берегу не удалось — обломив крючок, речной гигант всё-таки сошел с тройника.

Капитан, сидя на палубе в продавленном кресле, встал и сочувственно развёл руками:

— Хорош! Пожалуй, больше моего был. Но ты больно не замичуривайся. Ведь именно такие моменты и запоминаются на всю жизнь. Куражу-то с избытком поимел!

Заправленную черемшой уху есть устроились на толстом слое хвои, под старым кедром. Этот исполин живёт так долго, что боковые ветви уже сами стали толщиной со взрослое дерево. А выступающие из земли корни напоминали перевитые венами руки старика.

Капитан достал из своего сундучка армейскую фляжку. Скитник сразу предупредил: «Я не пью».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Михайлыч отреагировал спокойно:

— Дело хозяйское.

А Егорка хмыкнул:

— Нам больше достанется.

Разложив рыбу по мискам, выпили. Наевшись ухи, Михайлыч ударился в воспоминания:

— Первую свою встречу с тайменем помню до мелочей. Случилась она в аккурат в День пионерии. Наш катер забрасывал партию в верховья Зеи¹. Пока поднимались, столько историй про него наслушался, что тоже захотелось потягаться с этой царь-рыбой.

Тогда спиннингов не было и в помине — хищную рыбу старым пошибом, как и ты, на мыша ловили. Пристали к берегу, на котором геологи решили полевой лагерь разбить. Чуть ниже слышно, как зудит шмелем ключ. В таких местах таймень любит промышлять. Начальник партии весь вечер на сливной яме мышью их соблазнял, да без толку. Я загорелся — вот бы первым словить и народ восхитить! Начальник — мужик нормальный: разрешил своей закидушкой попользоваться.

Едва начало светать, а я уж на каменной гряде посреди русла. Гладь, плёса вся в махоньких кружках — рыба мелкота резвится, а на яме не шелохнёт. Но лишь коснулись воды первые лучи, она ожила. Что тут началось! Не вообразишь, как таймени куражиться принялись: прыгали свечами, сгибались крутыми дугами и с оглушительным плеском шлёпались в воду, водоворотили круги, били хвостами². Один ловкач вымахнул так высоко, что дважды перевернулся в воздухе. Другой перекусил пополам выскочившего губаря и не стал даже подбирать половинки. Вся рыба в панике под коряжины забилась.

Я так засмотрелся, что чуть не забыл, зачем пришёл. Спихватился — начальник-то скоро встанет, и поскорей метнул «мышь» на серёдку. Только стал подтягивать — рывок. Сначала несиль-

¹ Зея — крупный левый приток Амура.

² При описании ловли тайменей я использовал наблюдения геолога и заядлого спиннингиста Петра Сигунова.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ный, опосля как дёрнет — я чуть с камня не слетел. От счастья обезумел. Ору во всё горло: «Таймень! Таймень!» Ору и вдурную выбираю лесу на себя. Куды там — упирается, всё в глубину тянет. А как понял, что на привязи, принялся, выпрыгивать да всяческие кульбиты крутить. Потом вдруг ринулся поперёк течения, прямо к шивере. Там на мелководье, язва, и сорвался. Почувствовав свободу, сделал свечку и помчался глассером — чуть ли не на брюхе, оголив лоб и темя. Под конец зарылся в воду, а пенный след за ним всё тянется и тянется. Я, как дурак, стою и смотрю, замороженный. Народ, разумеется, от моих воплей проснулся, высыпал на берег и, затаив дыхание, наблюдал всю эту картину. Когда таймень сошёл, все аж застонали. А начальник партии, я и не заметил, как он оказался рядом, похлопал по плечу:

— С боевым крещением! Не горюй! Таймень соперник серьёзный, нахрапом не возьмёшь. С ним «играть» уметь надо.

Михайлыч задрал голову и, глядя на улетающие во тьму искры, замолчал, что-то вспоминая. И вдруг, прокашлявшись, запел густым приятным баритоном:

В Цусимском проливе далёком
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забытые есть корабли.
Там русские спят адмиралы,
И дремлют матросы вокруг...

Закончив, произнёс, не сводя глаз с огня:

— Люблю эту песню.

— Так вы на флоте служили?

— А то! Море до того по душе пришлось, что даже остался на сверхсрочную. Двадцать один год на Тихом отходил. Дослужился до старшины мотористов тральщика 17-го дивизиона 113-й бригады Сахалинской военно-морской базы, — по-военному отчеканил Михайлыч. — На Сахалине и семьёй обзавёлся. Женился на медсестре нашей санчасти. Когда в пятьдесят третьем

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

демобилизировался, устроился в Амурскую флотилию — уже не мыслил жизнь без воды. У нас к тому времени уже двое пацанов народились. В пятьдесят четвёртом завербовался на Лену. Жена родом с Хандыги, она и уговорила. С тех пор хожу то по Лене, то по Алдану.

— Михайлыч, выходит, вы с японцем воевали, — сообразил Николай.

— Было дело.

— Об этой войне почему-то мало писали. Может, расскажете?

— Чего рассказывать? Война — дело неинтересное... Самым мучительным было постоянное ожидание боевой тревоги с того дня, как немцы напали. Все были уверены, что и япошки вот-вот полезут. Однако побоялись самураи — после Халхин-Гола знали нашу силу. Четыре года с гаком в таком напряжении жили! Лишь в сорок пятом, в ночь с 9 на 10 августа, прозвучал сигнал к бою. Всех, помнится, охватило чувство воодушевления, хотя каждый понимал — кому-то не дожить до победы. Но все мечтали отомстить за позор Цусимы.

Нашему тральщику была поставлена задача высадить десант на причалах Отомари. Сейчас это Корсаков. Овладеть портом и соединиться с высадившейся на севере бригадой морской пехоты. Не помогли япошкам ни бетонные доты, ни заграждения.

После войны гоняли японских и корейских браконьеров. Это были времена, когда с нарушителями границы не церемонились: ворваться в радиорубку, разбить рацию, было делом чести, а в случае сопротивления сразу открывали огонь на поражение. Всё чётко и доходчиво. Порядок махом навели... Да, были времена... Что-то я разговорился. Давай, Егорка, по последней, и спать.

Ночью затаившийся в углях огонь пробрался сквозь толстый слой хвои к пустотелой сухостоине. Трухлявая труба вспыхнула сразу, словно начинённая хорошим зарядом пороха. Ствол загудел, задрожал, будто ракета на старте. Поначалу из него роем летели только крупные искры, но через пару минут выметнулся язык пламени. Всё бы ничего, но порывы ветра наклоняли его

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

в сторону кедров. Ещё немного, и ближняя крона вспыхнет факелом, и тогда верховой пожар пойдёт стеной.

Корней не растерялся. Схватил котелок с остатками чая и плеснул в огненный зев. Пламя чуть осело, а когда он прикрыл дыру спальником, огонь и вовсе присмирел. Чтобы исключить повтор возгорания, слежавшуюся хвою вокруг костра сняли до земли, а выщерблину в комле, залив водой, ещё засыпали землёй. С часик подождали — не полыхнет ли повторно. К счастью, труба подняла, подняла и заглохла. Единственной потерей от несостоявшегося пожара было обугленная дыра на спальнике Корнея.

Едва заалел горизонт, скитник уже стоял на берегу со спиннингом. Сделал с полсотни забросов, но все впустую. «После вчерашнего осторожничают», — решил он и без всякой надежды бросил последний раз. Подтягивая блесну, заметил, что рядом с ней по воде пошли усы. Пригляделся. Чуть в стороне плыло, лениво шевеля хвостом, некое подобие акулы. В воде рыбина казалась такой громадной, что скитник невольно поёжился. Увидев человека, таймень развернулся и, закрутив взмахом хвоста воронку, ушёл на глубину. Осторожный!

Тем временем утренний туман сгустился так, что воды стало не видно. Ничего не оставалось, как вернуться на буксир. Всем было очевидно, что плыть в таком молоке нельзя. Стараясь расшевелить капитана, страдающего от того, что и плыть нельзя и рыбачить нельзя, Корней подступился к нему с расспросами:

— Михайлыч, вот вы вчера рассказывали, что жена с Хандыги. А сами откуда?

— Не поверишь, оттуда, где и речки-то отродясь не бывало — с Тамбовской губернии. Земля там бедная, урожаи скудные. А семья большая, мал мала меньше — в те времена не грешили, рожали сколь Бог пошлёт. Посему в 1912 году родители надумали перебраться в Сибирь. Мне тогда пять годов было. Получили переселенческое свидетельство, подъёмные и в теплушках, их называли столыпинскими, покатали со всем своим скарбом через всё матушку-Россию в неведомые нам края.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В тех вагонах задняя половина была отгорожена. В ней везли инвентарь и скот. Ох и долго ехали. Месяца два, думаю. На Зее нам отвели 30 десятин¹. На казённое пособие купили двух лошадей и корову. А за счёт ссуды поставили пятистенный дом с тесовыми воротами. Двор и ограду обнесли пряслом из жердей. Помнится лес, дабы дом долго стоял, в разное время пилили. Для стойкости от огня всё какой-то особый день ожидали. Какой точно, уж запомнил. А вот на пол, помню точно, деревья валили только при убывающей луне.

К следующей зиме амбар, хлев, конюшню поставили. Опосля ригу с соломенной крышей для сушки снопов хлеба и при ней гумно для обмолота. Между гумном и дворовой изгородью — огород. На нём матушка с девчонками овощи сажали. Картоху отдельно, на дальнем краю.

Хлеба тогда жали вручную, серпами. Мы скирдовали, сушили в риге, а взрослые молотили цепями на гумне. Работали весело, дружно. Урожаи были хорошие, целина ведь. Матушка, царство ей небесное, как ей на всё хватало сил?! Сейчас не могу это даже представить. Железные были люди! Целый день работала по дому, смотрела за скотиной, а по ночам пряла. А по весне с сёстрами ещё и полотно ткали из конопли и льна.

Только сейчас, с возрастом, стал понимать, каких трудов всё это стоило старшим. Ведь строили без чьей-либо помощи. Токо отец, дядя и дедушка. Сами валили лес, вывозили его из тайги. А кроме этого надо было пашню пахать, сено для скота готовить. В общем, досталось им верхом. Иные не выдерживали, возвращались обратно. В основном те, кому участки достались в низинах. У них Зеея в августе каждый год заливала поля, а стога так и вовсе уносила.

Революция и Гражданская, слава богу, прошли в стороне. А вот чёрная оспа не миновала — кто-то занёс. Тогда полдеревни на погост свезли. У нас четверо заболели. Лежали, покрытые чёрно-синими струпьями. Бредили от жара. Не ели. Только пили.

¹ Десятина — русская мера площади, равная 1,09 га.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Самая младшая померла. У остальных, как и у меня, на теле на всю жизнь отметины остались.

Раскулачивания тоже избежали. Хотя какие мы кулаки? Всё своим горбом, без найму. Отец сообразил — всё без спору сдал в колхоз. Благодаря этому не тронули, оставили жить в дому, а у остальных крепких, что в колхоз не пошли, подчистую забрали и самих увезли незнамо куда.

* * *

Весь следующий день накрапывало. Ближе к вечеру дождь прекратился. Якорь бросили у узкого, словно прорубленного, угрюмого ущелья, из которого выбегала бурунистая речка.

Перед тем как соединиться с Алданом, она рассыпалась перламутровым веером по гальке. Между рукавчиками — островки, заросшие красноталом. Листочки ярко-зелёные, с чёрными крапинками.

Капитан с выбором места для ночёвки не прогадал. Егор ещё не успел обмотать ствол сосны швартовым канатом, а Михайлыч уже вытягивал на берег тайменя с раздутым брюхом. При вскрытии выяснилось, что этот обжора проглотил чирка и налима. А теперь, жадина, ещё и на железку позарился.

Когда по мискам разложили куски варёной рыбы, к стану подбежал горноста́й в бурой шубке — учуял, разбойник, поживу. Капитан кинул ему жирный плавник.

Егор, опустошив очередную миску, пропел:

— Так наелся и напился, что хрен за ногу завился.

— Постыдился бы, охальник, — не приминул сделать замечание капитан.

Завершили ужин несколькими кружками чая, заваренного на смеси брусничных и смородинных листьев.

На ночь оставшиеся продукты унесли, от греха подальше, на буксир (в лесу хватает желающих попользоваться дармовщиной), и расселись у костра.

Первым заговорил капитан, и, как всегда, про рыбалку:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— В устье Гонама есть громадная ямина. Так я в ней как-то четырёх тайменей взял. У одного на голове три шрама, а на месте глаз — углубления, заросшие кожей, — слепой был. Орлан, похоже, постарался.

— Вы что, сетью ловили?

— Отнюдь, на блесну. В том-то и загвоздка — не понимаю, как этот безглазый блесну запеленговал?

— Наверное, на её колебание ориентировался.

— Он вообще был какой-то необычный — когда я кое-как выволок его на берег, он захрюкал, словно кабан. Все молча рты разевают, а этот всё что-то сердито лопочет. И долго так.

— А у нас, на Глухоманке, тайменей нет. Я их тут впервые увидел и попробовал. Зато харюзов немерено. Мы их наладились петлёй ловить.

— Как это?

— Проще простого. С берега высмотришь, где стоят, — они у холодных сливов любят собираться. Выберешь покрупней и петлю на длинном шесте со сторона головы осторожно заводишь. Как только дойдёшь до плавника, резко вверх дёргаешь. Этому меня мой дядя Бюэн, царствие ему небесное, научил, — осенил себя крестом Корней.

— Корней Елисеевич, вы без конца креститесь. И сейчас вот, и перед едой, и после еды, перед сном и после сна — вы что, в самом деле верите в Бога? — решился наконец задать давно волновавший его вопрос Егор.

— Как можно в Него не верить? Он ведь Отец всему существу. Все мы Его дети и живём под Его присмотром. А крещусь, потому как крестное знамение особую силу имеет... Вот как-то зимой в пургу заплутал — Сатанил всё сбивал. Думал, конец мне. Осенил себя крестом, постоял, помолился, и в голове прояснилось. Это Он вразумил, куда идти. Испробуй — убедишься! Только креститься надо с глубокой верой и страстным чувством, а не просто рукой махать. Тогда Отец Небесный услышит. Коли без веры — пустое дело.

— Он, может, и отец, да мы уж больно своевольные дети. Мне думается, сотворение Им рода человеческого — ошибка. От нас

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

один разор. Никому житья не даём, — пробурчал капитан. — Звери, даже самые хищные, и те своих не трогают, а люди друг друга тысячами, а то и миллионами убивают. Всё вокруг крушат, гадят.

— А нас и в школе, и в мореходке учили, что религия — дурман. Мол, Бога выдумали специально, чтобы народ в повиновении держать.

— Егор, у тебя отец есть?

— Да.

— Ты его слушаешься?

— Конечно! Отец ведь.

— А Господь — наш всеобщий Отец. Он дал нам десять заповедей, по которым следует жить. Некоторые из них нас ограничивают. Но ограничивают, дабы уберечь от плохого. Вот, к примеру, есть заповедь — не убий. Ежели её не соблюдать, тогда каждый сам будет решать: этот человек мне не по нраву, убью-ка я его. Ты что, это считаешь правильным?

— Ну, вы и сказанули!

— Так о каком слепом повиновении ты говоришь? Оно не слепое, а самое что ни на есть правильное. Без соблюдения заповедей, что дал нам Господь, мир рухнет. В Евангелии прямо сказано: «Страхом Господним уклоняется всяк от греха». Только слова «страх» и «уклоняется» следует правильно понимать. Это не Бог человека отводит, а сам человек уклоняется, стыдясь предстать перед Отцом плохим.

— Иной раз сложно понять, что хорошо, а что — плохо.

— Создавая нас, Создатель и это предусмотрел. Чтобы мы могли отличить греховное деяние от праведного, совестью нас наделил. Ежели согрешишь, совесть покою не даст — всегда на то укажет. Живи, как она подсказывает, и всё будет ладно. Когда в человеке начинает преобладать греховное, душа болеет, страдает. То совесть не даёт покоя.

— По-вашему выходит, совесть — это голос Бога в нас?

— Молодец, Егор! Верно понял. Даже поговорка есть: «Без рук, без ног — калека, без совести — полчеловека».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ещё я заметил, креститесь вы не так, как моя бабаня. Вы что раскольник?

— Егор, мы не раскольники. Мы как раз последователи древнего, первоисточного православия. Храним то, что изначально Христос людям завещал. Раскольником был патриарх Никон. Это он ради своего возвеличивания и желания стать вселенским патриархом переписал, исказив каноны, утверждённые на Вселенских соборах. Тем самым расколол не только православную веру, но и народ.

— Я в Усть-Куте недавно видел таких же, как вы, мужиков с бородами. На пароход садились. Рослые, немногословные, штаны заправлены в сапоги. Рубахи верёвочками подвязаны. А женщин все в платьях до пят и в платках. Ещё подумал, артисты, что ли?

— Похоже, то наши были. Мы всегда стараемся и в одежде сохранять обычаи предков. Вот идёт человек в косоворотке и с пояском, и сразу понятно — свой человек.

* * *

Русло Алдана раздваивалось. Речные знаки указывали, что идти следует по левому рукаву, но капитан задумал пройти по правому. По рассказам тех, кто ходил по нему прежде, в нём водятся самые крупные на всём Алдане таймени. Но, после того как в тамошней водобоине разбились два судна, по пароходству вышел приказ, запрещающий заходить в этот рукав.

— Рискну, у меня последний рейс — больше шанса не будет, — объявил Михайлыч.

Протока на всём видимом протяжении текла попервости прямо: ни крутых излучин, ни ям. Капитан расстраивался — где же рыбачат? По берегам тёмно-зелёные конуса елей. Их мрачность подчёркивала белизну стволов редких берёз. С макушки одной отсчитывала года избавившаяся от материнских забот кукушка.

Впереди, метрах в двухстах, разглядели медведя — громилу необычной рыжей окраски. Он брёл по узкой полосе галечника и, переворачивая камни, слизывал с них ручейников. Услышав

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

рокот мотора, поднял шарообразную голову с крохотными глазками и с любопытством уставился на невиданное чудище. Когда буксир оказался напротив, отважно поднялся на задние лапы, вздыбил шерсть так, что стал ещё крупнее, и грозно рывкнул. После чего не торопясь, с достоинством хозяина этих мест, в два прыжка заскочил на обрыв и скрылся в чаще.

Вскоре русло стало загибаться, а берега сходиться. Вода зачучерявилась, заплясала гребешками. Донёсся утробный гул. Он с каждой минутой нарастал. Скорость течения заметно возросла, и капитан перешёл на самый малый.

Когда вновь вышли на прямой участок, увидели, что русло упирается в скальный прижим с чернеющими по низу глубокими полостями. Река, врезаясь в него, исчезала в них.

Течение ускорилося так, что на смену весёлым завитушкам пришли тугие конуса мощных водоворотов и стоячие волны. Судном стало трудно управлять, да и непонятно было, куда вырливать?! Назад — поздно, а к отвесным берегам не пристать.

«Неужто конец? — мелькнуло в голове Корнея. — Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани!» — безостановочно шептал он, осеняя себя крестным знамением

Каменная стена совсем близко. Волны перед ней сшибались в беспорядочной толчее. Ещё чуть-чуть, и буксир врежется в скалы. И тут слева показался узкий просвет. Побагровевший капитан непоколебимой глыбой сторбился над штурвалом и, преодолевая чудовищное сопротивление воды, что есть силы закрутил его. Буксир, рассекая задранном носом кипящие буруны, вырвался из бьющего в стену потока, лишь слегка чиркнув бортом о скальный выступ. Напоследок судно окатило отбойным валом и... выплюнуло на плёс. Здесь река успокаивалась и дальше текла умиротворённо. Зеркальная гладь почти без искажений отражала склонившиеся ветви деревьев.

Вся крайне опасная ситуация длилась не более минуты, но эта минута показались всем вечностью.

Михайлыч выдохнул:
— Простите, мужики!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

А заметив, что у Егора мелко дрожит челюсть, добавил: — Чего зубами клацаешь? Пронесло ведь.

— Думал, кранты! — попытался улыбнуться матрос.

— Да уж! Сам малость струхнул. На волоске были!

— Зато будет что вспомнить, — произнёс Географ.

Корней, не обращая внимания на их разговор, опустил на колени и, истово крестясь, принялся благодарить Господа за чудо спасения, повторяя: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!»

— С тобой и впрямь в Бога поверишь. Молитвы твои, похоже, незряшные.

— Господь милостив. Но и вы мастерски вырулили.

Польщённый Михайлыч театрально задрал подбородок, мол — знай наших!

Плёт заканчивался, и капитан, высмотрев по правому борту приток, вытекавший из заваленной обомшелыми стволами теснины, направил буксир к нему.

— А вот теперь и поглядим, каковы тут хвалёные таймени.

Буксир, подняв тугую накатную волну, боднул берег сразу за устьем. Судя по старым, уже заплывшим затёсам, место это в прошлом было популярно у рыбаков. Ниже крутило огромное улово. В нём медленно и тяжело ходила по охватистому кругу тёмная вода.

Оттягивая сладостные минуты ожидания борьбы с сильной рыбой, решили прежде попить чайку. Собрали в кустах застрявший в паводок плавник. Пока Егор с Николаем занимались костерком, Корней отправилс к устью притока набрать воды.

Подойдя, обомлел — в холодных струях нежилось, чуть шевеля плавниками, огромное «бревно». По мощному туловищу, лобастой голове и просвечивающему сквозь воду малиновому хвосту сразу определил — таймень. Он нагло рассматривал подошедшего неподвижными, как будто стеклянными, глазами. Какое властное очертание рта! Какой царственный и грозный взгляд! По спине Корнея невольно пробежали мурашки.

Таймень неожиданно придвинулся поближе.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

«Ишь ты, любопытный!» — успел удивиться скитник, а рыбина, развернувшись, уже торпедой неслась прочь. Перепуганная мелочь веером разлетелась в разные стороны. Недолгие всплески, юркие воронки, и всё стихло.

Ошалевший Корней в три прыжка взлетел на буксир, промычав капитану что-то нечленораздельное, схватил спиннинг и сходу забросил блесну в центр ямы.

Таймень взял сразу и резко. Несколько раз ворохнулся и успокоился. Поплыл вслед за подтягиваемой леской эдаким послушным топляком, лишая Корнея удовольствия борьбы. Только изредка лениво упирался. Но когда его выволокли на берег (к счастью, пологий), пленник, поняв, что над ним нависла смертельная угроза, показал всю свою мощь: ударяя мускулистым хвостом, долго прыгал, выгибался серпом, расшвыривал гальку и никак не давался обступившим его людям.

Когда, наглотавшись воздуха, великан утих, мужики смогли полюбоваться на него.

Широколобая округлая голова, занимающая четверть тела, немного сплюснута, только не с боков, как у щуки, а сверху вниз, как у сома. Громадная пасть усеяна крепкими крючковатыми зубами. По расцветке он отличался от выловленных ранее: спина бархатисто-коричневая, бока серебристо-зелёные в живописной россыпи тёмных пятен. Нижние плавники и внушительный хвост в ярких оранжево-красных разводях.

— Вот это да тебе!! Бери кисть и рисуй! — восторгался капитан.

В этот раз уху варили из одной головы. Больше в ведро ничего не уместилось. Туловище Михайлыч нарубил на куски и большую часть, натерев солью, уложил в бочонок под гнёт. Оставшиеся, насадив на заострённые развилки веток, зажарили. Вытапливаемый жир, падая на раскалённые угли, с шипением вспыхивал короткими язычками пламени.

— Люблю смотреть на костёр. Он завораживает. Наверное, поэтому язычники поклоняются огню, — неожиданно произнёс Николай.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— А я, когда гляжу на игру язычков пламени, отрешаюсь от всего, — добавил, вытирая губы тыльной стороной ладони, капитан.

— У костра хорошо мечтать, особенно после такого вкусного тайменя, — не преминул вставить Егорка, облизывая губы.

Корней, сидевший чуть поодаль и не участвовавший в разговоре, доел поджаренный, сочащийся жиром шмат тайменя, тщательно вытер травой руки и, перекрестившись, прочитал молитву.

— Дядя Корней, а вам не надоедает столько раз на дню молиться? — повернулся к нему Егорка. — Одного раза недостаточно что ли?

— Человек, чтобы жить и двигаться, на дню два-три раза принимает пищу. Душе тоже необходима пища — молитва. Чем чаще молишься, тем душа здоровей, а дух крепче.

— Елисеевич, — подключился к разговору капитан, — скажу честно, я хоть и крещён и в церковь меня в детстве водили, однако мало что в этом понимаю. С одной стороны, Бог вроде как один, а с другой стороны, это Святая Троица. Можешь растолковать мне эту нестыковку?

— Как бы подступней объяснить... Вот, есть вода. Обычно она жидкая, но может быть твёрдым льдом и паром. Так и Господь, он один, но существует в трёх ипостасях. Понятно?

— Честно говоря, не очень.

— Тогда могу Его сравнить с Солнцем, которое одновременно и шар, и тепло, и свет. И всё это не может существовать по отдельности друг от друга.

— Так, может, Солнце и есть Бог?

— Огнепоклонники именно так и считали, но это в корне не верно

Небо тем временем помрачнело, налетел ветер, и прямо над головой с оглушительным треском сверкнула молния, ослепившая на мгновение сидящих у костра. Следом хлынул дождь. В мешанине смятых ветром водяных струй без конца полыхали слепящие разряды. Вода в реке на глазах прибывала.

— Быстро на буксир! — распорядился капитан.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Может, переждём? Гроза раз-два и прошла. На воздухе-то лучше спится, — подал голос Егорка, уже устроившийся под кедром.

— Тебе пора бы знать, что вода в этих краях из-за вечной мерзлоты в землю не впитывается, скатывается сразу. Через час нас может просто смыть.

— Так уж и смыть?!

— Стихия не предупреждает. Вон на Курилах никто и предположить не мог, что их двадцатиметровой волной враз смоем.

— Разве такие волны бывают?

— Отставить разговоры — все на борт, — посуровел капитан.

— Михайлыч, а всё же что за волна там была? — спросил Корней уже на буксире.

— Жуткая история. Даже вспоминать страшно... В пятьдесят втором, в ночь с 4 на 5 ноября, небывалое цунами смыло с Курил и Южной оконечности Камчатки тысячи людей¹. Выжившие рассказывали, что вечером наступила странная тишина. С береговых скал исчезли морские птицы. Сивучи и другие ластоногие сползли с прибрежных камней и уплыли в открытое море. Никто не придавал этому значения.

Ночью потрянуло несколько раз. Жители повыскакивали было, но, обманутые царящим покоем, вместо того чтобы бежать на сопки, вернулись и легли спать. Это потом стали инструктировать: «Услышал толчки — беги в горы». Приехавшие сюда после войны с материка этого не знали.

Первыми обнаружили, что океан неожиданно стал отступать, обнажая дно, пограничники. Вода уходила все дальше и дальше, создавая иллюзию гигантского отлива. Утром отступивший было океан встал на дыбы. Громадная волна смыла не только всё живое, но и постройки. В воде перемешались люди, брёвна, скот, бочки, военная техника.

¹ За три дня до начала этих трагических событий американцы в Тихом океане на Маршалловых островах произвели испытание мощной атомной бомбы, которое, вполне возможно, и спровоцировало сдвиг тектонических плит возле Камчатки.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Вывернуло из земли даже построенные японцами железобетонные доты. Погибли все пограничники. На Парамушире вода обрушилась на казармы стрелковой дивизии, смыв в море личный состав.

Это был настоящий конец света. В живых остались лишь те, кто сообразил бежать в сопки. Когда волна отступила, некоторые стали спускаться в надежде найти близких, но вскоре пожалели об этом. С океана пришла вторая, ещё более высокая, волна. Она была такая мощная, что перекатилась через низменные участки суши в Охотское море.

С одного из уцелевших маяков в штаб флота ушла телеграмма о том, что они подверглись ядерному удару. Мир был на грани новой мировой войны. К счастью, всё обошлось. Нам поступил приказ идти к островам на самом полном ходу и принять участие в спасении оставшихся в живых.

Помню, с каким с трудом отрывали окоченевших людей, вцепившихся в плавающие брёвна и прочие обломки. Поднимали их на корабли. Вливали в рот спирт, горячий чай. После укладывали, укутав одеялами.

К сожалению, без мародёрства не обошлось. Поэтому было введено военное положение. Патрули, составленные из моряков и офицеров с прибывших судов, быстро навели порядок. Мародёры, грабившие в Северо-Курильске отделение Госбанка, при выходе из подвалов с пачками денежных купюр были тут же расстреляны...

Ночью Корнея преследовал один и тот же кошмар: огромный таймень возится на гальке, но, как только он приближается к нему, рыба бьёт могучим хвостом, и он летит на скалистый островок, где его накрывает волна...

Вода в реке за ночь действительно смыла кострище.

* * *

Так они и шли, чередуя «полный вперёд» с рыбалкой на приглянувшихся капитану яминах. Егор всякий раз недовольно ворчал:

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Опять комаров кормить. Так до зимы не дождём.

На одном из поворотов в Алдан влилась шумная перламутровая речонка с необыкновенно прозрачной водой. Она километра полтора так и текла, не смешиваясь с водами Алдана.

У капитана на это место были большие планы— он заранее сбавил до минимума обороты и стал готовить снасти. В самом устье внимание всех привлекла парочка милующихся медведей. Звери были столь увлечены любовными делами, что не обращали внимания на приближение буксира.

Эта идиллическая картина до того растрогала Михайлыча, что он заглушил двигатель, и судно проплыло мимо, не потревожив парочку.

— Порыбачить не дали, — добродушно проворчал он.

* * *

К Хандыге подошли после полудня. Пришвартовались к свободному причалу.

Перед путниками сразу встал вопрос — на чём плыть дальше. Михайлыч в диспетчерской выяснил, что рейсов на север в этом году больше не будет.

— Мужики, на Лену вам выбирать надо — там на севера допоздна ходят. Остаётся решить — как?

Вариантов было два: либо вязать плот, либо найти лодку. Начали с поиска лодки. Проще управлять, и скорость побольше. Обследовав берег, обнаружили затопленную и наполовину замытую песком посудину — один нос из воды торчал. Когда стали переворачивать, в ней кто-то завозился. Оказывается, её уже обжил предприимчивый налим. Не случайно сибиряки эту рыбу называют поселенцем.

Лодка была хоть и старая, но ещё довольно крепкая. Посушив два дня на солнцепёке, подотремонтировали, просмолили гудроном щели. Корней выгесал вёсла, приладил уключины — их снял с другой, валявшейся вверх дном на берегу и уже наполовину сгнившей.

При расставании капитан дал в дорогу моток лески и бесценную в дороге соль.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Эх, ребята! Махнул бы с вами, да жене обещал, как сдам буксир, повезти на море в Сочи, — вздохнул он. — Корней Елисеевич, давно спросить хотел, да стеснялся... Вы говорили, молись — и Господь поможет. Жизнь в прошлом году так долбанула, что несколько раз ходил в церковь помолиться об одном важном деле — и никакого проку.

— Михайлыч, поймите, чтобы молитва подействовала, надо с искренней верой в душе обращаться к Богу и время от времени с чувством повторять её. С одного раза редко исполняется. Когда просишь со слезами, с верой в Него, Господь слышит и помогает. Ежели походя, то бестолку. А бывает, не исполняет, дабы от беды отвести. Он ведь про нас всё наперёд знает.

Разрезая слюдянисто-серую гладь, Корней сильными гребками вывел лодку на стремнину. Михайлыч провожал взглядом удаляющуюся точку до тех пор, пока она не скрылась за излучиной. Он ещё постоял на берегу, размышляя о том, как сложится его жизнь дальше. Ведь завтра сдавать буксир и оформлять пенсию. Как бы он ни бодрился, новая жизнь пугала его.

УСТЬЕ АЛДАНА

Скорость на лодке была в разы меньше, чем на буксире. Зато в тишине, не нарушаемой рокотом двигателя, сплавщики в течение дня видели намного больше зверья по берегам. Обычно это были горбоносые сохатые. Спасаясь от оводов и слепней, они, стоя на продуваемых местах, подёргивали шкуркой, а некоторые заходили в реку по самую шею.

Когда слепни облепляли и морду, животные окунали её в воду. Самые любопытные, поглядывая на проплывавших людей, подпускали метров на тридцать. Более осторожные, завидев лодку, сразу убегали своей характерной размашистой рысью, гордо вскинув голову.

Встречались и медведи. Однажды путешественники чуть не прослезились от умиления, наблюдая, как пестун моет сего-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

летка. Плеснёт на него водой и елозит лапой то по туловищу, то по морде.

А как-то, проплывая рядом с берегом, услышали ворчание, перешедшее вскоре в частое сопение. Сквозь сито жидкого ивняка проступали бурые силуэты. Это развлекались медведь с медведицей. Заметив людей, хозяин тайги поспешил скрыться в кустах — застеснялся.

После полудня обычно устраивали чаёвку — самый приятный момент в пути. Пристав к берегу, собирали выбеленный солнцем сушняк, разводили костер и заваривали из трав чай. Во время одной из таких чаёвок к плеску набегавших на берег волн добавилось шлёпанье лап по воде. Обернувшись, увидели выходящего из-за груды плавника, округлившегося от жира мишку. Корней на всякий случай взвёл курок. Услышав металлический щелчок, зверь тут же развернулся и опрометью кинулся наутёк. Похоже, имел горький опыт встречи с охотниками.

Чем ближе к устью, тем размашистее пойма Алдана. Да и сама река в ширину уже не менее километра. Горы отступили — с обеих сторон равнинная тайга с округлыми луговинами аласов. Русло всё чаще разбивалось на протоки с множеством лесистых островов. Над ними неподвижно «висели» копчики. Часто трепеща крыльями, они терпеливо высматривали добычу.

Поскольку течение на фарватере поживее, придерживались речных знаков.

На берегах замаячили туповерхие балаганы, обложенные внизу дёрном. Что странно — возле них ни людей, ни скотины.

В один из дней ветер принёс запах дыма. Спустя некоторое время к нему примешался ни с чем несравнимый конский душок. Вскоре показались и сами пасущиеся на разнотравье табуны низкорослых якутских лошадок. Они были совсем дикие и при приближении лодки сразу убегали, подгоняемые тревожным ржанием жеребца. На деревьях чёрными гроздьями восседали краснобровые тетерева-косачи. Эти на проплывающих людей не обращали внимания.

Наконец в заливчике показалось несколько обшитых берестой лодчонок, а на яру с десяток балаганов, дымокуры из лошадиного

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и коровьего помёта. Возле них понуро толпились косматые лошади, в основном белой масти. Мотая головами, они шумно отфыркивались от слепней, пытающихся напиться крови, и оводов, откладывающих под кожу яйца. Животные резким подёргиванием шкуры стогнали их.

Сплавщики подгребли к косе, и лодка со скрежетом заползла на плотно спрессованный галечник. Появление бородачей вызвало в становище оживление. Посмотреть на прибывших вышло почти всё мужское население наслега: широколицые с приплюснутыми носами, узкоглазые, пустобородые якуты¹.

Большинство в броднях — мягких ровдужных сапогах, подвязанных узкими ремешками чуть ниже колена. Поверх рубах заячьи жилетки. На головах платки, завязанные сзади так, чтобы закрывались от комаров и мошкеры уши и шея. Женщины и детишки лишь с любопытством выглядывали из окошек и приоткрытых дверей.

Под кедром на чурбане, застеленном коровьей шкурой, сидел, полуприкрыв глаза и покачиваясь, пожилой якут — глава наслежного совета. Чуть в стороне коновязный столб. Рядом три осёдланных упитанных мерина. На земле свежие колобки помёта. Эти стоят спокойно, словно им дела нет до кровососов. (Их тут и в самом деле почти не было.) Корнея поразили глаза лошадей: умные, добрые. Смотрят так, что кажется, всё понимают.

Продублённое солнцем и ветрами лицо якута с резко обозначенными скулами испещрено глубокими морщинами. Жесты сдержанные. На голове густая, ещё совсем чёрная шевелюра (якуты долго не седеют). В зубах короткая носогрейка², на поясе сумочка с огнивом и табаком. Попыхивая трубкой, он внимательно разглядывал приближающихся людей. Всё в его облике говорило о том, что он здесь главный.

¹ Якуты самый многочисленный коренной народ северо-востока Азии. Большая часть живёт на средней Лене. Отдельные якутские рода живут на Яне, в верховьях Индигирки и устье Вилюя. Несмотря на территориальные разрывы, они сохранили свой язык и культуру.

² Носогрейка — короткая трубка.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Когда скитники подошли, якут встал:

— Дорова! Пришли! Как имя?

— Я Корней, он — Николай.

— Я Фрол. Я тут старший. Пошли кумыс пить, кэпсе¹ говорить, — произнёс он с характерной для якутов медлительностью.

Корней впервые оказался в якутском селении и с интересом рассматривал их жилища. У каждой семьи два балагана (юрты): зимний и летний. По форме они напоминают усечённую пирамиду. Расположены рядом, дверь в дверь. Стены из наклонно стоящих стволов², обмазанных глиной, смешанной с конским навозом. Дверь тоже наклонная и утеплена шкурой. Корней про себя отметил: «Разумно — сама закрывается». Над входом у всех «лопаты» сохатого либо ветвистые рога северного оленя. Чуть в стороне покрытый резьбой столб — коновязь. За балаганами в деревянных колодах с мочой дубятся шкуры.

Фрол завёл гостей в летнее жилище. По углам четыре вертикальных столба, связанных поверху венцом. К нему и прислонены почерневшие от копоти (особенно сильно у потолка) стволы, образующие стены. В трёх местах прорублены оконца. В центре камелёк³ — очаг, сложенный из крупных валунов с прямой трубой. В нём тлела пара сырых поленьев, чтобы в любой момент можно было запалить от них огонь. Рядом в коробке кремень и трут.

Слева стол, над ним в полумраке иконка с ликом Христа Спасителя. Перекрестившись, гости огляделись. По периметру вдоль

¹ Кэпсе (*якут.*) — рассказывай новости — таёжная почта якутов. Каждый узнавший или получивший известие о значимом событии в старину обязан был без промедления сесть на коня и скакать в любое время дня и ночи, в любую погоду и передать эту весть ближайшему соседу, живущему иногда за сто вёрст. В результате такой исстари заведённой связи якуты быстро узнавали о том, что происходит даже в самых дальних уголках.

² Якутские юрты из-за того, что стены у них сложены из вертикально стоящих брёвен, ещё называют «стоячим домом».

³ Камелёк — очаг в избе, по устройству напоминает камин.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

стен широкие лавки из толстых плах. Вместо стульев приземистые чурки, отполированные до блеска штанами. На дощаном полу трое румянощёких мальцов играли в кости. Они были так поглощены этим занятием, что не обратили внимания на вошедших.

Неулыбчивая якутка в мужской шапке, с трубкой в зубах, выкраивавшая из конской шкуры подошвы для торбасов, прервала своё занятие и, разлив в кружки и подав гостям кумыс¹, поставила на стол варёную рыбу и миску с калёными кедровыми орешками. Тут подал голос ребёнок, и она поспешила к зыбке.

— Ешьте, ешьте! Это лиимбэ², — сказал хозяин, бросая в огонь жирный плавник, — сын принёс. Переползал из протоки в реку. — И, увидев удивлённые глаза Корнея, добавил: — Сильный дождь был.

Ели молча — соблюдали обычай: пока гости едят, расспрашивать не принято. Насытившись, вытерли руки полосками материи. Когда Корней с Николаем осушили кружки целебного напитка, хозяин придвинул гостям миску с орешками:

— Кэпсе говорите!

Корней знал, что доставлять в дом новости — долг каждого путника, и они с Николаем стали подробно рассказывать про доброго капитана буксира, про то, что научились ловить тайменя на блестящую железку и хотят доплыть до океана.

Фрол озадаченно захлопал глазами:

— Океан — это кто?

— Океан — это самое большое на Земле озеро. В него текут все реки.

Корней развернул карту.

— Это — река Алдан. Вот тут ваша деревня. Если плыть дальше, попадёшь в Лену.

— Лену знаю. Алдан туда течёт.

¹ Кумыс — питательный и целебный напиток из кобыльего молока. Отправляясь на сенокос, якуты обычно берут с собой пару кожаных мешков с ним и пьют только его.

² Лиимбэ (*якут.*) — ленок — рыба из семейства лососёвых. Предпочитает быстрые холодные реки.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— А ещё дальше — океан. Он такой глубокий, что в нём утонет самая высокая гора.

— К его берегам, — вставил Николай, — весной, спасаясь от гнуса и комарья, уходят на лето олени, а осенью они возвращаются. Там бывает время, когда солнце совсем не уходит с неба, светит и днём, и ночью.

— Хорошо им. Всегда тепло. Всегда светло.

— Тепло только три месяца. Потом солнце уходит и наступает зима с долгой-долгой ночью.

— Ух ты! А люди там живут?

— Живут, но мало.

— А кто живёт?

— И якуты тоже живут, и русские, и юагиры... Фрол, я никогда не был в якутских селениях. Можно посмотреть ваш зимний балаган? Мы ведь круглый год живем в одной и той же избе.

— Пошли, — произнёс якут, не переставая щёлкать орешки.

Зимняя юрта была поменьше и лучше утеплена. Снаружи обмазана более толстым слоем смеси глины с навозом и обнесена высокой завалинкой. Внутри вдоль стен не лавки, а длинные канны. Это сложенные из камней, скреплённых глиной, длинные дымоходы. На этих тёплых лежаках, как на русской печи, зимой не страшны никакие морозы.

Снаружи к юрте примыкает хотон — хлев для коров. (Якутским лошадам хотоны не нужны — они до того привычны к холодам, что в тепле даже хиреют.)

Утром, когда Корней с Геграфом готовились к отплытию, из леса вышел небольшой караван. В слезящихся глазах передового мерина и всём его облике читалась обречённость — видимо, переход был крайне тяжёлым. Навьюченные лошади шли гуськом, на расстоянии двух-трёх метров друг от друга. Связаны они были довольно необычно: задние «привязаны» к хвосту той, что идёт перед ней.

Глава семьи, невысокий якут с маленькими усиками на лоснящемся от пота лице, сидел в деревянном седле, обтянутом для мягкости войлоком. Под ним кожаный чепрак — чтобы не натира-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лась спина лошади. На боку пальма — увесистый нож с длинной деревянной ручкой. Сзади седла приторочен выюк, в котором всё, что может понадобиться в дороге. У идущей следом кобылы выюки по бокам. За ней тянулись остальные лошади. На них сидели дети и женщина.

— Племянник с семьёй едут. Были на нашем главном празднике Ысыах¹. Потом долго родню объезжал.

После этого начинаются спортивные соревнования: конные скачки, прыжки на одной ноге, прыжки на обеих ногах, прыжки с чередованием ног, стрельба из лука, перетягивание палки, борьба хапсагай — проигрывает коснувшийся земли хоть пальцем. Сказители рассказывают героический эпос олонхо, чередуя его песенными вставками.

ЛЕНА. «АРКТИКА» В ПЛЕНУ. ЗИМОВКА

От Хандыги до Лены² доплыли за одиннадцать дней. Алдан в устье был столь полноводен и размашист, что казалось, не он, а Лена впадает в него. Широленная угрюмо-серая гладь устья сливалась с мрачными обложными тучами.

На Лене острова пошли ещё чаще. Из глубины береговых зарослей доносился голос кукушки. Она вещала всё время, пока расстояние не заглушило её безостановочный счёт то ли годам, то ли дням. Корней усмотрел в этом добрый знак.

Раскидистые сосны начала теснить стройная даурская лиственница. По берегам всё те же неприхотливые берёзы, ивы,

¹ Ысыах (*якут.*) — изобилие — главный праздник якутов, проводимый перед сенокосом. Он символизирует возрождение природы. К нему заранее шьют наряды, готовят национальные блюда: кумыс, быппах, саламат. В центре ритуального круга из берёз коновязь (сэргэ), символ Мирового древа Вселенной. Праздник начинается с танца стерхов. Затем шаман, чтобы изгнать злых духов, произносит заклинания и «угощает» огонь: бросает в него кусочки сала и лепёшек. Следом пускают по кругу «чорон» — сосуд с кумысом. В заключение ритуала люди встают в хоровод, символизирующий единение всех присутствующих, и с песней двигаются по ходу солнца.

² Лена — Елюнэ, Енэ (*эвенк.*) — Большая Река.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ольха. На полянках краснеет сочная, похожая на лесную малину, только намного крупней, княженика. Завидев её бросающиеся в глаза россыпи сплавщики приставали и с удовольствием лакомились, набирая ещё и в дорогу. Если бы путникам довелось попробовать ананасы, то они согласились бы, что они на вкус похожи.

И вдруг совершенно фантастическая панорама — настоящая пустыня! По правому берегу широкая полоса дюн из чистейшего песка. Видеть это в северной тайге было странно. А часа через два ещё один сюрприз — отрог, сплошь утыканный узкими кинжалами скал.

На Лене скорость сплава замедлилась. Особенно в тех местах, где русло разбивалось на множество рукавов. Вода в них текла медленно и спокойно, что натянутая гладь отражала берега почти без искажений. Когда задувал встречный ветер, эта идиллия разрушалась, а путникам приходилось грести с большим усилием.

Яма, образовавшаяся за одним из лесистых островов, привлекла внимание Корнея: в многометровой глубине, сквозь завихрения струй, угадывались чёрные тени.

— Может, поудим? Давненько не ели свежей рыбы, — предложил он.

— Я не против.

Сбросили один якорь с носа, другой — с кормы. На них, как на растяжках, лодка замерла.

Не спеша двинулись по течению поплавки и потащили насадку. Потянулись минуты ожидания поклёвки — безмолвного сигнала из таинственной глубины. Когда леска вытягивалась на всю длину от удилица до поплавка, рыбаки табанили наживку к лодке и снова отпускали на волю течения. В такие минуты человек погружается в особое состояние, когда он свободен от мыслей и всё внимание сосредоточено на поплавке, важно одно — не прозевать тот чудесный, краткий миг, когда требуется резко подсечь рыбу.

Несколько забросов, и рыбный пир обеспечен. Пока варили и хлебали уху, ожил ветер. Когда снялись с якоря и вышли на

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

прямой участок реки, он и вовсе разыгрался не на шутку. Вода забурлявила, крупную зыбь сменили нешуточные волны. Лодка то зарывалась в них носом, то взлетала вверх. Чтобы укрыться от пронизывающих порывов, одели суконные куртки. Однако ветер всё крепчал.

Разошедшиеся волны то и дело захлестывали в посудину. Пришлось пристать к берегу. Заварив чай, озябший Географ сунул в него на пару секунд, для придания дымчатого аромата, горящую берёзовую головёшку. Согрешившись, долго бродили по мари, лакомясь кисло-сладкой, с седоватым налётом голубикой. Здесь она была крупная и сочная. Насытившись, наполнили ещё и котелки. Поскольку ветер и не думал стихать, решили тут и заночевать.

Забравшись в спальники, бородачи, пользуясь отсутствием кровососов, с интересом наблюдали за тем, как одинокая косматая туча, похожая на чудовище, раскрыв пасть, бесшумно подкралась к рогатому месяцу. Блеснув напоследок, он исчез в сомкнувшихся челюстях, и сразу количество звёзд будто удвоилось.

— Звёзд нынче, что клюквы на болоте! Ого! Смотри! Смотри! Какая яркая падает! — воскликнул Корней, указывая на огненную полосу, прочертившую небо.

— Это не звезда, это метеорит — небесный камень. Входя в плотные слои атмосферы, он раскаляется и сгорает. Лишь самые крупные достигают Земли. Вам наверняка попадалось в книгах упоминание о Тунгусском метеорите.

— Да, и не раз. Тогда от его взрыва ночью стало светло, как днём. Все деревья на десятки километров повалило.

— Вот-вот! Это как раз был несгоревший метеорит, только очень крупный.

И тут из глубины леса донёсся волчий вой.

— Мяса просит, — по-своему истолковал скитник.

Ночью ветер стих, и полчища оголодавших кровососов набросились на путников. Чуя рассвет, залепетала листва в кронах деревьев. Прогалы между туч серели: были те неуловимые минуты, когда ночь переходит в утро. Лес заполнялся щебетом птиц, время

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

от времени перекрываемым пулемётными очередями дятлов. Выплывшее солнце, коснувшись лучами вершин скальной гряды, стремительно отбирало у тьмы всё большее пространство.

Русло Лены здесь почти прямое и далеко просматривается. На торчащем из воды камне, не шевелясь и чуть сгорбившись, застыл медведь. «Рыбу на завтрак караулит», — подумал Корней.

И в самом деле, медведь вдруг гребанул по воде и выкинул на берег рыбину, блеснувшую чешуёй в воздухе.

По косе в поисках поживы бегали неутомимые кулички. На выбеленной солнцем валёжине размеренно покачивала хвостом хозяйюшка-трясогузка.

Корней, собрав недогоревшие ветки, оживил костерок. Пламя, постреливая искрами, зализало покрытое сажей дно чайника.

Из мешка показалась взлохмаченная голова с измятым со сна лицом Николая Александровича.

— Доброе утро, Никола!

— Чего не спится некоторым?! — пробурчал, тот, вылезая из мешка, зябко ёжась.

— Давай, давай вылезай. Покамест я у костра ковыряюсь, возьми ружьишко да рябцов на обед настроляй, — попросил Корней, протирая слезящиеся от привязчивого дыма глаза. — Их тут полно — слышишь, в распадке рассвистелись?

— Корней Елисеевич, вы меня извините, но давайте, лучше я кошеварить буду. Не могу живность стрелять.

— Что так?

— Рука не поднимается. Понимаю, без мяса в тайге никак, но вы уж простите, не могу в живность стрелять.

— Вот как! Понятно.

Прихватив ружьё, Корней сам отправился в распадок.

Углубившись в чащу, обвешанную серыми прядями лишайника, услышал сиплый звук, похожий на стон. Поначалу не обратил на него внимания — решил, что показалось. Но когда стон повторился, замер, прислушиваясь. Точно! Кто-то стонет, и до того жалобно, что скитник невольно повернул на звук. Ветер то приближал стон, то удалял. Кедровка, летя зигзагами сквозь

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лес, выкрикивала скрипучим голосом сигнал опасности. Не щадя себя, она старалась предупредить обитателей тайги о появлении человека.

В одном месте скитник заметил, что мох на валёжине содран. Пригляделся: вмятины от копыт, а сбоку медвежий след. Вокруг тишина, нарушаемая лишь всё отчётливей слышимым стоном. Даже мошка, казалось, роилась перед глазами беззвучно. Корней, отвёдя рукой от лица колкие еловые лапы, увидел подёрнутую ряской старицу. Посреди торчала причудливая коряга. Она вдруг зашевелилась и, издав сиплый звук, стала медленно поворачиваться. Только тут скитник сообразил, что это не коряга, а лосиные рога. Животное, пуча от ужаса глаза, уже почти целиком погрузилось в вязкую трясины. Жалко было сохатого, но помочь, даже при всём желании, Корней не мог.

Расстроенный, даже не вспомнив о рябчиках, он вернулся в стан и рассказал Николаю о случившейся трагедии.

— Вот чудак — чего в топь-то полез? — удивился Географ.

— Похоже, не по своей воле. Судя по следам — медведь гнал. Вот и рванул напрямки. В лесу подобные трагедии не редкость.

— Корней Елисеевич, вы не обижайтесь, что отказался за рябцами пойти. Охоту никогда не любил, а после одной и вовсе зарёкся ружьё в руки брать.

Корней вопросительно смотрел на товарища.

— Одноклассник привязался ко мне: пошли да пошли, и уговорил. Идём ранним утром по распадку. Туман ещё стоял. Он по правому склону, я по левому. Слышу тихий перестук: топ-тук, топ-тук. И тишина. Думал, показалась. И опять пробежка: топ-тук. Уже ближе. Пригляделся — олень. Голова гордо вскинута. Идёт прямо на меня. Сердце заколотилось. Поймал на мушку и выстрелил. Дым, ничего не видно. Не утерпел, побежал к нему. А он стоит, не убегает и на меня в упор смотрит. Я опешил — почему не убегает? Пальнул ещё раз. Тут уж упал, а сам по-прежнему на меня глядит. Эх, лучше б я тогда не видел эти огромные карие, как у моей мамы, глаза. В них было столько недоумения и укора, что я почувствовал физическую

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

боль в сердце. Стало так стыдно, что готов был упасть перед ним на колени и просить прощение... Глаза эти до сих пор вижу... Так что не сердчайте...

* * *

Уже две недели, как путешественники плывут, мерно поскрипывая уключинами, по величественной Лене. Левый берег низкий, а правый довольно высокий, местами почти отвесный. Тут хорошо потрудился камнетёс-ветер. По слоям каменистых обнажений, как по книге, можно было изучать все геологические периоды этих мест. Особенно живописно смотрелись участки, украшенные известняковыми останцами. В одном месте они представляла собой вереницу слоистых колонн, испещрённых трещинами. Колонны эти были до того тонкими, что чудилось, дунет ветер — переломятся. С вершины одной из них взлетел беркут и, поймав восходящий воздушный поток, закружил, оживляя небесную синеву над рекой.

Погода баловала: все дни ни облачка. Правда, по ночам холодало так, что перед рассветом трава покрывалась инеем. Вода в реке остудилась, посветлела.

За все эти дни ни одно судно не обогнало их, а вот навстречу прошло то ли пять, то ли шесть. Выполнив северный завоз, они возвращались на зимовку в порты приписки.

— Поздновато мы вышли, — сокрушался Корней.

На одном из пароходов везли партию заключённых. Офицер прокричал с палубы:

— Кто такие?

— Рыбаки.

— Фамилия, имя?

— Кузовкин Корней Елисеевич.

— Стерхов Николай Александрович.

— Ты вроде с Нижнеянска?

— Да.

— А что, на Яне рыба перевелась?

— Так у нас тайменей нет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ну и как? Поймали?

— Пока нет. Видать, ещё не скатился.

Когда пароход поравнялся с ними, офицер разглядел лежащий рядом с Корнеем протез. (Гребли по очереди, и скитник, чтобы давать отдых культе, отстёгивал его.)

— Так ты одноногий?

— Вроде того. Но рыбалке это не мешает.

Офицер ещё что-то прокричал, но пароход уже удалился, и сплавщики не поняли, что именно.

Весь вечер и всю ночь лил холодный дождь. Стало зябко и тоскливо. Вступала в права ненастная слезливая осень. Когда дождь усиливался, путники отсиживались в палатке, слушая под завывание ветра барабанный бой тяжёлых капель по парусине. Чтобы занять себя, они выбивали орешки из набранных во время предыдущих стоянок двух мешков кедровых шишек.

Затем, начистив полную кружку молочных ядрышков, забрасывали их в рот горстями — так полнее чувствовался вкус. Дожевав очередную порцию, Корней спросил:

— Николай, ты что больше любишь — осень или весну?

— Интересный вопрос... Каждая пора по-своему хороша. Осенью и весной даже настроение совершенно разное. Весна — надежда, обещание. Осень — покой, грусть. Время, когда всё достигает пика зрелости. А «плачет» она, как мне кажется, от того, что ей не хочется уступать место зиме.

— Но всё же тебе-то, что больше по душе?

— Пожалуй, весна.

— А мне осень. Я себя осенью даже чувствую по-другому, более счастливым и спокойным, что ли.

Встали, едва посерело небо. Позавтракали, упаковались. Спустившись к реке, остолбенели: лодки не было. Поднявшаяся вода подмыла берег, и дерево, к которому она была привязана, унесло течением. Хорошо, что в ней ничего, кроме вёсел, не лежало.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Неожиданный сюрприз: лапки кверху, мордой вниз! — приставил Николай.

— Слава богу, с вечера не поленились, подняли всё наверх, — перекрестился Корней. — Если ближайшие дня два-три судов на север не будет, придётся искать оленных эвенков и договариваться с ними, чтобы перебросили на Яну, а там уж на плоту.

— Не знай, не знай. Пока найдём эвенков, пока перевалим, Яна в горах уже встанет, — засомневался Географ. — В нашем положении самое разумное — идти до первого селения и проситься на зимовку.

— Ты прав, с Яной я погорячился. Давай посмотрим, что тут поблизости.

Корней развернул карту:

— Мы сейчас вот здесь. Гляди, устье Ундюлюнг совсем рядом, а через километров пятьдесят Харалах. Речки немалые, люди там наверняка живут.

На второй день, взойдя на холм, измученные грязной, скользкой дорогой, путники увидели разбросанные в беспорядке избы — Ундюлюнг! Судя по взъерошенным, гнущимся на ветру дымам, жилые. Ободрённые бородачи прибавили шаг. Благо тропа, идущая вдоль берега, становилась всё шире и нахоженней. Вскоре в воздухе стал различим дегтярный запах берёзовых дров.

И тут сзади раздался мощный гудок, следом второй.

— Пароход!!!

Обернувшись, путники обомлели! Из-за поворота выворачивал, извергая из трубы чёрный дым, огромный сухогруз. На носу красовалась надпись «АРКТИКА». Палуба почти сплошь заставлена пиломатериалом, ящиками, бочками. (Как позже выяснилось, сухогруз шёл в Усть-Янск и Русское Устье по заявке «Дальстроя».)

— Слава тебе, Господи! Услышал наши молитвы! — произнёс Корней.

Густо бая, судно обогнало путников и, сойдя с фарватера, направилось к пристани.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Мужики со всех ног бросились к ней — такой шанс! Корней быстро бежать не мог, и Николай намного опередил его. Пока судно швартовалось, пока высаживали учительницу, пока выгружали пачки с учебниками и тетрадями для местной школы, он успел подбежать к судну в тот момент, когда прозвучала команда: «Принять трап, отдать швартовы!»

— Товарищи, стойте! Стойте! Возьмите нас! У нас лодку унесло!

— Посторонних брать запрещено.

— Ребята, вы последняя надежда! Выручайте!

— Погоди, капитана спрошу.

— Кто тут с нами прокатиться хочет? — пророкотал рослый, с аккуратно стриженной бородкой мужчина в кителе с золотыми пуговицами.

— У нас лодку унесло. Возьмите, пожалуйста.

— Ба! Николай Александрович! Вы откуда?

— Петя?! Вот так встреча!

— Ребята, пропустите. Это мой учитель!

— Петя, я не один, с другом — вон он ковыляет. На протезе не разгонишься.

— Фёдор, беги, возьми у деда рюкзак, видишь, совсем запыхался.

Через пять минут судно, отбив нос, вывернуло на фарватер. А капитан тискал в своих мощных объятиях учителя:

— Какими судьбами? Как вы в этой глухомани оказались?

— Ой, Петечка, история длинная. Попозже расскажу. Отдохнуть бы, устали.

Бородачей провели через лабиринт приятно пахнущих смолой пачек соснового бруса и железных бочек в свободный кормовой кубрик. Крохотное помещение с двухъярусной койкой, прикрученной к полу, тумбочкой, рундуками, столиком с иссечённой ножами клеёнкой им показалось царской палатой. Не раздрожал даже без устали грохочущий винт.

Сняв куртку, Корней достал из нагрудного кармана иконку и долго благодарил Николу Угодника за чудодеяние. Затем

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

принялся отбивать Господу земные поклоны за дарованную милость.

После тихоходной лодки Корнею показалось, что «Арктика» летит. Сухогруз действительно шёл на максимальной скорости — капитан спешил. Надо было успеть до ледостава зайти в Яну, затем в Индигирку. Там разгрузиться, зазимовать, а в следующую навигацию идти во Владивосток.

В небе одна за другой с печальными, тоскливыми стонами тянулись на юг стаи журавлей. Капитан поглядывал на них с тревогой:

— Что-то дружно пошли. Похоже, чувят морозы.

Характер растительности по берегам менялся. Горы становились всё плешивей, а среди деревьев стала преобладать лиственница, уже тронутая желтизной. Менялась и сама Лена. Её ширина и мощь с каждым часом росли. Местами берега расходились так далеко, что деревья сливались в сплошную полосу.

На одном, открытом всем ветрам, взгорке чернела в косых лучах вечернего солнца шатровая церковь с луковичной главкой. Подплыв ближе, разглядели рядом с ней несколько могильных срубиков с покосившимися крестами внутри. Судя по могилам, староверов. Домов нет, а церковь всё стоит...

Призывая на обед, пробила рында. Все собрались в кают-компании. В буржуйке уютно потрескивали дрова. Кок разлил щи с тушёнкой и раздал по четыре галеты. Корней, перед тем как сесть за стол, чуть слышно прочитал молитву и трижды перекрестился.

— Товарищ Корней, вы на советском судне. Молитвы здесь недопустимы, — произнёс механик и посмотрел на капитана.

— Да, товарищ Корней, если вы не можете не молиться, молитесь у себя в кубрике, — поддержал тот.

* * *

Лес с каждым днём становился всё жиже. Иные берега почти голые. Вода потемнела, в ней уже не было летней живости. Волны, вяло накатываясь на берег, оставляли после себя по утрам на камешках тонкий слой льда.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Капитан понимал, что дойти до Индигирки уже вряд ли удастся. Надо постараться дойти хотя бы до Усть-Янска. Поэтому двигатели работали на полную мощность.

Утром 19 сентября на горизонте появился и стал быстро приближаться, грозно разрастаясь, вал мрачных, свинцовых туч. Солнце, словно олень на аркане, какое-то время билось среди них, но тучи поглотили его. Подгоняя эту грозную армаду, засвистел ледяной кнут северного ветра. На «Арктику» посыпался град. Крупные горошины громко застучали по судну, заглушая голоса людей. За несколько минут палубу укрыло слоем ледяной крупы. Ходить стало трудно — ноги разъезжались в разные стороны.

Температура падала. Град сменился обильным снегопадом. В густой белой мути пропали очертания берегов, и «Арктика» перешла на самый малый.

Более двух суток неистовствовала пурга. Снега навалило по колено. По Лене пошло льдистое сало. На третьи сутки прояснилось, снег прекратился, но мороз с каждым часом крепчал. Ледяных «блинов» становилось всё больше. Местами они соединялись в сплошные поля. Забереги росли, а лента подвижного льда становилась всё уже.

Капитан, да и вся команда понимали, что дальше ситуация будет только ухудшаться. Пётр Порфирьевич ворчал:

— Говорил, что не успеем дойти до ледостава. Так нет — приказали плыть...

— Что ж ты не убедил? Насколько помню, у тебя это всегда хорошо получалось, — удивился Николай Александрович.

— Да это я так, бурчу для порядка. Начальство тоже понять можно. Северянам на зиму позарез нужны уголь, мазут, стройматериалы. А судов не хватает. С голоду люди не помрут — рыба, оленина выручат, а котельную чем топить? Там же голая тундра, а иной дороги для завоза нет. Всё по Лене — она здесь дорога жизни. Однако до Яны уже точно не дойдём. Пойду запрошу разрешение на зимовку.

В пароходстве знали, что Лена в устье уже встала, и дали согласие.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Зимовать на самом русле опасно — весной, во время ледохода льды сомнут, раздавят. Следовало искать удобный затон. Судя по лощии, впереди по курсу ничего подходящего не будет. Единственный закрытый залив прошли вчера. Капитан экстренно собрал команду и, разъяснив ситуацию, приказал разворачиваться.

Судно, осторожно раздвигая молодые льдины, повернуло назад. На исходе дня пробились в уже замёрзшую заводь, обрамлённую елями в белых ризах. Прозвучала команда: «Стоп машина». В тишине прогрохотала цепь спускаемого якоря, и «Арктика» замерла на долгие восемь месяцев. Через две ночи мороз спаял плившие по реке ледяные поля в сплошной панцирь. Встали, похоже, удачно: чуть ниже устье Бегюке. В её среднем течении, судя по карте, расположено селение Саханджа.

До острова Столб, за которым, собственно, и начинается гигантская дельта Лены, оставалось более двухсот километров.

Ночью Корнея разбудили глухие удары. Такие сильные, что судно вздрагивало. Он не сразу сообразил, что это резкие порывы ветра. Они бьют по «Арктике» плотными зарядами снега. Он проникал в кубрик сквозь невидимые глазу щёлочки у иллюминатора. Под ним уже образовался маленький сугробик. Определив рукой, откуда дует, скитник вытащил из котомки свечку. Насухо протерев обшивку вокруг иллюминатора, размял воск и замазал им щёлочки. Ветер не только намёл снег, но и выстудил помещение. Путники надели на себя все тёплые вещи, что у них были с собой.

Призывая экипаж в кают-компанию, забила рында. Там, благодаря соседству с камбузом, было тепло. Когда все собрались, капитан попросил внимания:

— Товарищи, до вскрытия реки и возобновления навигации в лучшем случае восемь месяцев. Исходя из наличия мазута, во время зимовки мы можем отапливать только кают-компанию. Запасов продовольствия на три месяца. Поэтому часть экипажа придётся эвакуировать. Остающимся на зимовку переселяться сюда.

— Товарищ капитан, а кого оставляете?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Останутся те, без кого весной сложно будет дойти до Тикси. Это в обязательном порядке механик, моторист, боцман, радист и два матроса.

— А я? — заволновался кок.

— Вы тоже домой. Готовить будем по очереди.

— Пётр, а как с нами?

— Николай Александрович, извините, но вас отправить не могу. На сухогрузы запрещено брать пассажиров. Если в пароходстве узнают, что я взял посторонних, у меня будут большие неприятности.

— Так мы готовы выполнять любую работу. Корней Елисеевич к тому же эвенкийский знает — это может пригодиться.

— Вот и хорошо!

В тот же день в Якутск начальнику Ленского пароходства ушла радиограмма с просьбой эвакуировать девять человек и доставить для зимовки остающимся две буржуйки, валенки, двести свечей, три лампы и тридцать литров керосина к ним. В дополнение к имеющимся запасам продовольствия два мешка муки, четыре ящика макарон, дрожжи, мешок сахара, соль, сушёный лук, чеснок, сухое молоко, яичный порошок.

Вечером поступил ответ: «Запрашиваемый груз доставим. Прошу подготовить посадочную полосу. Подлежащим эвакуации быть готовыми. Асхат Ильясов».

«Понял. О готовности посадочной полосы сообщим. Пётр Мартынов», — радировал капитан.

Переждав очередную пургу, команда отправилась готовить полосу для самолёта. Для неё подобрали сравнительно прямой и ровный участок. Пурга оказалась благом — засыпала и уплотнила снег в ямах и трещинах. Нужно было только выровнять бугры и убрать два поперечных ропака¹. Вооружившись пилами, топорами, ломами, принялись за работу.

¹ Ропак — нагромождения из смятых и вздыбленных льдин, а также льдины, стоящие ребром.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

На следующий день мороз даванул так, что пароход покрыло искрящейся на солнце бахромой. Казалось, будто надстройки, поручни, трубу, мачту, антенну, буквально всё — выкрасили белой краской. Иней продолжал нарастать и к полудню стал раза в два толще.

Несмотря на стужу (она была только на пользу зимовщикам), люди кололи лёд, засыпали снегом образовавшиеся выбоины, оттаскивали обломки в сторону. На третий день полоса была готова к приёму самолёта, но капитан решил подстраховаться. В очередной сеанс отстучали: «Полоса готова. Ждём через два дня».

Когда пришло подтверждение о вылете, отметили угольной пылью начало и конец посадочной полосы и, столпившись на берегу, поглядывали на небо. Сначала донёсся чуть различимый рокот, но самого самолёта ещё не видно. Наконец проступила чёрная точка. Она стремительно росла. Самолёт из-за спаренных крыльев напоминал стрекозу. Совершив над полосой два контрольных круга, «аннушка», выставив, словно пеликан, перед собой лыжи, приземлилась и, пофырчав, замерла.

Как только последний человек поднялся в самолёт, тот развернулся и, с рёвом набирая скорость, взмыл в небесную синь. Разгрузка-погрузка прошла столь стремительно (метеосводка обещала усиление ветра), что второпях забыли передать пакет с письмами для родных от тех, кто остался зимовать.

В дополнение к запрошенному получили свежий хлеб, бобины с киноплёнками и последние газеты.

На следующий день дежуривший по камбузу моторист Ваня подошёл к Петру Порфирьевичу с банкой в руках. Вид у него был крайне озадаченный.

— Товарищ капитан, тут такое дело. На обед боцман отписал мне две банки тушёнки. В старой коробке оставалась одна, и я вскрыл новую, с надписью: «Свинина тушёная». А там вот это. — Моторист протянул банку с голубенькой этикеткой: «Молоко стущённое цельное». Я подумал, сам ошибся. Открыл вторую

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

коробку. Написано: «Свинина тушённая», а внутри опять молоко. Остальные не стал вскрывать, пойдёмте вместе смотреть.

Пётр Порфиревич позвал боцмана. Зайдя в кладовку, проверили все коробки. Тушёнка была только в двух из старой партии. Во вновь доставленных оказалась только сгущёнка.

За ужином капитан «обрадовал» команду:

— Мужики, выяснилось, что у нас практически нет мяса. В коробках с надписью «тушёнка» почти везде сгущённое молоко. Надо что-то придумать. Без мяса будет сложно. Какие у кого предложения?

— Давайте прорубим лунки и будем рыбу ловить.

— А чем? Сетей-то у нас нет.

— На удочку.

— Ага, полдня лёд долбить ради трёх хвостов, — хмыкнул механик.

— Я могу охотиться, что-нибудь всяко добуду, — подал голос Корней.

— Товарищи, ничего не надо исключать. Ни рыбалку, ни охоту. Один — три хвоста, другой — три хвоста — глядишь, на всех хватит. Не забывайте — впереди много месяцев. А на вас, Корней Елисеевич, у меня особая надежда.

Не откладывая дело в долгий ящик, скитник в тот же день свалил лиственницу, расщепил ствол клиньями на полутораметровые широкие плашки, обтесал их, распарил, загнул носки, из двух ремней смастерил крепление. Лыжи получились довольно крепкие, только тяжеловатые. Хорошо бы окамусовать, да пока нечем.

В первый же выход подстрелил глухаря. Все обрадовались — живём! Но последующие вылазки оказались пустыми, хотя Корней каждый раз уходил всё дальше и дальше. Дело было не в охотничьем фарте, а в полном отсутствии следов.

«Где же олени? — ломал голову скитник. — Видимо, перебрались туда, где мало снега».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Дядя Корней, надо идти в Саханджу, к эвенкам¹. Там снега всегда мало, а места богаты ягельником. На зиму все эвенки туда съезжаются. Это недалеко — в среднем течении Бегюке, — посоветовал моторист Ваня.

— У них стада большие, можно оленины выменять.

— Сколько туда ходу? — оживился Корней.

— Дня два, — подумав, добавил: — Может, три.

— Товарищ капитан, думаю, надо идти. Эвенкийский я знаю — договорюсь.

— А нога не подведёт?

— Не беспокойтесь, я на лыжах.

— Хорошо. С тобой ещё двое пойдут. И надо будет пару волокуш из жести сделать.

— Не нужны ни люди, ни волокуши. Как узнают, что у нас спирт есть — сами всё привезут, — вмешался в разговор Географ.

— Уверен?

— Гарантирую.

— Замечательно! Я дам список, что можем предложить им в обмен. Ещё желательно и меховой одежды раздобыть. Наши бушлаты всё же холодноваты для здешней зимы.

— Это вряд ли. Если только старую, поношенную. Свою не отдадут, а новую шить долго.

— Ну хотя бы два комплекта для уличных работ.

* * *

На второй день пути снега стало поменьше, и сразу запестрели следы зайцев, лунки от спален белых куропаток. Под кустами и сухими метелками растений причудливая топанина крестообразных следочков — места их кормёжки. Одна большая стая, заслышав скрип снега, с оглушительным треском выпорхнула,

¹ Эвенки — один из самых древних народов Восточной Сибири. Заселяют огромную территорию от средней Оби до Охотского моря, от Северного Китая до Ледовитого океана.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

покрыв прогалину султанчиками «взрывов», и унеслась белыми хлопьями прочь.

Ветер тем временем пробил в сплошной пелене облаков окно, и солнечные лучи зажгли голые макушки лиственниц, словно свечи в храме. Озябшие клесты тотчас весело затенькали.

Вскоре цепкий взгляд Корнея стал отмечать на сосёнках обкусанные вершинки — глухаринные столовые. Под ними рыжеватые колбаски помёта. Нижние ветки в снегу, а на макушках его нет: тяжёлые птицы стряхнули. А вон и сами краснобровые, иссиня-чёрные петухи бродят.

Впереди появились путаные наброды оленей. На них кое-где россыпи бурых орешков.

Корней размял пальцами один. «Ого! Совсем свежий, даже не застыл! Потроплю-ка».

Следы вели в ольховник. Вон и табунок. Одни копытят ягель, другие отдыхают в промятых ямках-лёжках. Судя по размерам — не домашние, те помельче. Рядом крутятся песцы: олени, разгребая снег, облегчают им доступ к леммингам.

Стоявшая тишина и предательский скрип снега под лыжами помешали охоте. Чуткий вожак, хоркнув, бросился в глубину леса, увлекая за собой важенок. Теперь преследовать бессмысленно — не подпустят.

По берегам Бегюке заячьих следов особенно много. Их тропки исполосовали пойму и протоки вдоль и поперёк. Попадались чуть ли не утрамбованные «дороги».

Полной неожиданностью для Корнея стало появление медвежьих следов. Они тянулись из-под елового выворотня. Упавшее дерево вывернуло мускулистыми корнями пласт земли, сложившийся под своим весом шалашиком, и миша приспособил его под берлогу.

Опустившись на колени, путник заглянул во внутренность медвежьего жилища. Оно имело шарообразную форму и было на удивление маленьким. Сухо, только в одном месте небольшой ледяной натёк. Открытые боковины заложены ворохами сучьев, веток и завалены снегом. Похоже, и косолапая зима застала

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

врасплох: не успев накопить достаточно жира, ушёл искать, чем бы подкрепиться.

Встреча с голодным зверем ничего хорошего не сулила, но стремление обеспечить команду мясом пересилило здравый смысл. Корней осторожно заскользил вдоль медвежьих следов, шедших поверх оленьих.

Взрыхлённый, обрызганный кровью снег посреди лога и жёлб, ведущий в буреломную чащу, поведал о том, что медведю всё же удалось завалить одного из согжоев. Корней не стал испытывать судьбу — повернул обратно.

Долина, образованная проползшим в давние времена ледником, сужалась и вскоре превратилась в тесное ущелье. Выход из него охраняли гигантские фигуры выветривания. Стоят, словно стражи. С них красиво осыпается сдуваемый ветром снег. Кажется, это стекают молочные ручейки. Дальше ущелье вновь расходилось, образуя просторный, защищённый от ветров цирк.

«Подходящее место для становища? Может, это и есть Саханджа?» — подумал скитник и направил лыжи к белевшей за стволами лиственниц поляне. Оттуда несло позвякивание колокольчика. Вскоре показались торчащие из снега кресты¹. Возле одного имитация чума из трёх жердей. На нём рога, цветные тряпочки и колокольчик. Он-то и позвякивал на ветру.

«Стойбище где-то рядом!» — обрадовался Корней.

Пройдя ещё с полкилометра, он подошёл к горелому лесу. Чёрные стволы стояли, сиротливо растопырив обугленные ветви. Между ними каркасы чумов. Тоже обугленных. От всего этого исходил ещё не выветрившийся запах гари. Пусто, мёртво вокруг. Лишь ворон оглашает промороженное пространство мрачным «Ка-аа! Ка-аа!»

Скитник сообразил, что здесь ещё до снега пронёсся огненный смерч и эвенки покинули пожарище. Чтобы понять, куда они могли уйти, Корней, буксуя на голицах², взобрался на ближай-

¹ До начала XX века эвенки хоронили умерших в гробах, установленных на двух, иногда на четырёх столбах. (Они считали, что землю тревожить нельзя.)

² Голицы — лыжи не подбитые камусом.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

шую сопку. На востоке просматривалась ещё одна, закрытая с трёх сторон горами, котловина. Корнею даже показалось, что оттуда поднимается дымок. «Скорей всего, туда ушли», — решил он.

Въехал он в эту котловину, когда короткий зимний день начал тускнеть. Повсюду олени следы, раскопы, овальные лёжки.

Ещё не видно чумов, а о том, что скоро стойбище, Корней догадался по полупрозрачному облачку от дыхания большого стада. Через некоторое время слух уловил и издаваемые оленями звуки: хорканье, похожее на храп; щёлканье копыт, стук рогов, колышущихся над шерстистой массой.

Заиндевшие животные, чтобы согреться, сбились в плотную кучу и уморительно выплясывали на снегу. При этом крайние время от времени протискивались в центр стада, где заметно теплее.

Сквозь висевшее над ними облако пара проступали верхушки чумов со скрещенными кончиками жердей. Поднимающийся из них дым мраморными столбами подпирал небосвод.

Обойдя стадо, Корней направился к тесно стоящим жилищам, обложенным понизу снегом — своего рода завалинка.

Несмотря на мороз, румянощёкая ребятня на улице. В меховых комбинезонах с капюшонами и разрезом сзади (если захочется в туалет, то надо только присесть) они напоминали медвежат. У самых маленьких рукава наглухо зашиты — чтобы снег не попадал. Дети с любопытством разглядывали пришельца. Они впервые видели такого большого бородатого человека.

Скитника тут же взяли в кольцо звонкоголосые оленогонные собаки. На их лай из ближнего чума вышел немолодой, полный эвенк в богато расшитой кухлянке, с дочерна загорелым, скуластым лицом, толстыми отвислыми губами. Глядя сквозь щёлочки глаз, он произнёс:

— Дорова! Пришёл! — И протянул Корнею руку. — Алдункан.

— Корней.

— Вижу, далеко ходи. Отдыхать надо. Чай пить, что видел, говорить.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Сказал он это с такой простодушной улыбкой, что сразу, несмотря на несколько отталкивающую внешность, расположил к себе.

Откинув оленью шкуру, заменяющую дверь, эвенк пропустил гостя вперёд. В чуме было до того дымно, что скитнику пришлось пригнуться — внизу дыма было меньше. На поперечинах коптились пластины мяса.

В центре, под дымовым отверстием, — очаг-костёр, обложенный для сохранения тепла и предотвращения пожара речными валунами. Над ним горизонтальная жердь с чёрным от сажи чайником. В очаге чадили два толстых полена. На плоских камнях котелки разных размеров. Вдоль стен кожаные мешки, очевидно, с провизией, свёрнутые постели, алюминиевая и берестяная посуда. В глубине громоздился меховой полог для сна.

В чуме было холодно. Алдункан что-то недовольно буркнул пожилой женщине в потёртой дошке и, положив на чуть тлеющие угли сучья, передвинул чайник к огню. Как только дрова запылали в полную силу, скопившийся дым на глазах стал вытягиваться из жилища через отверстие, где скрещивались жерди каркаса. В верхней части они были чёрными, а в нижней, отполированные до блеска спинами и руками, — коричневыми.

Миловидная, проворная девушка в ровдужных¹ шароварах, поставила на низенький столик миски с вкусно пахнущим вяленным мясом, копчёными оленьими языками. Затем принесла охапку поленьев и скрылась в левой половине, частично прикрытой замызганным куском пёстрого ситца.

Корней, отодрав у очага намёрзшие сосульки с усов и бороды, сел на указанное хозяином место, застеленное шкурой белого оленя, поджав под себя ноги, чем сразу расположил эвенка.

Когда мужчины перекусили, Алдункан достал из матерчатого мешочка две полоски шкуры; одну подал Корнею, а второй вытер руки сам. Хозяйка тем временем уже налила чай, ностоянный на листьях брусники, в большие эмалированные кружки. Что ин-

¹ Ровдуга — замша из продымлённой оленьей шкуры. Длительное дымление хорошо дубит кожу. Она не коробится и не грубеет после просушки.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

тересно, Алдункан пил не из кружки, а из блюдечка, держа его на кончиках пальцев. Было видно, что такой способ чаепития доставляет ему большее удовольствие.

Выпив то ли четыре, то ли пять кружек, эвенк откинулся на высокие подушки. Отдышавшись и оттерев пот со лба, вынул из расшитого голенища торбасов длинную костяную трубку, а из-за пазухи кисет. Набив дожелта прокуренным пальцем в обрезок латунной гильзы табак, прикурил от горящей веточки и с наслаждением затянулся:

— Хорошо, когда есть мясо и табак... Теперь говори, откуда и куда ведёт твоя тропа без оленей, без нарты? — произнёс он, пуская дым колечками.

Едко запахло самосадам. Корнею это было крайне неприятно, но деваться некуда. А вот кислотоватого запаха выделанных шкур он почти не замечал.

— Я с Алдана. На пароходе шли на Индигирку. Из-за ранних морозов пришлось встать на зимовку неподалёку от устья вашей речки. Пришёл в вас по поручению капитана. Для зимовки нам необходимы мясо и меховая одежда, — проговорил он специально на эвенкийском, чем окончательно покорила Алдункана.

— Где по-нашему говорить учился?

— У меня мама — эвенкийка. Я часто жил в стойбище у своего деда.

— Однако мало похож на нас. — Эвенк пыхнул трубкой. — На что менять хочешь?

— Сахар есть, крупа есть, сгущёнка.

— Табак надо — пропадаю без него.

— На пароходе всё есть.

— А спирт есть?

— И спирт есть.

— Это хорошо, — сразу оживился Алдункан. При этом его лицо приняло блаженное выражение.

— Я должен крепко думать. Олень — наш вездеход. Олень — одежда, дом, постель, еда. Оленя нет — эвенк помирай. Олень большая работа.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Знаю, знаю, — закивал Корней, наливая в кружку спирт. — Помогал деду за стадом смотреть. От волков, росомах охранял, даже больных лечил.

— Хорошо твоему деду. Мне трудно — помогать некому. Дочь в улусе на почте. Сыновья в интернате. Зачем эвенку интернат? А им нравится. Не хотят в тайге жить. Хотят в интернате. Какая польза? Эвенку надо учиться читать следы на снегу, а не на бумаге. Наша школа — тайга, а не интернат.

Разволнованный оленевод курил трубку за трубкой. В чуме сложился табачный дым.

— Я умру, кто после нас оленей смотри? — продолжал он. — Кто нарты делай? Кто шкура мягкий делай? Кто малица шей? Интернат не учит.

— Так не отдавайте детей. Мы вот не отдаём, сами учим.

— А нам улус говорит: не дашь — детей совсем заберём.

Разговор прервал дружный лай собак. Послышались радостные крики и бряканье ботала. Алдункан с Корнеем вышли посмотреть что происходит.

К стойбищу приближались, пощёлкивая копытами, олени. Впереди стада небольшой караван. Это ещё одна семья возвращалась с дальнего кочевья на зимовку. Глава семейства, облачённый в кухлянку, украшенную цветными вставками, восседал на крупном учуге¹ с достоинством коренного жителя Севера. За ним деловито вышагивал с ямочками на щеках и приплюснутым носиком мальчуган лет девяти. Своего оленя он вёл за поводной ремень. Ещё двое, помладше, сидели верхом. Четвёртый, совсем маленький, в люльке, притянутой ремнями к оленю, словно боковой выюк. Сам малыш в меховом мешке². Этого оленя ведёт мать.

Следом соединённые длинными сырмятными ремнями олени, навьюченные кожаными и брезентовыми сумами. В них весь скарб: постели, котлы, инструмент. В жёстких берестяных коробах то, что

¹ Учуг (эвенк.) — верховой олень.

² Сзади у таких мешков имеется клапан. Через него малышам меняют подкладки из мха и оленьей шерсти.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

может разбиться. На грузовых нартах нюки¹ и жерди из стволов молодых лиственниц — остов чума. И дом, и скарб — всё с собой!

Уклад жизни кочевников не меняется с незапамятных времён. Их быт — пример оптимального хозяйства. В нём только самое необходимое для жизни. При этом не скажешь, что они в чём-то стеснены.

С оленя глава семейства не слез, а сполз — мышцы застыли от мороза и долгой езды. Какое-то время он, кряхтя, сгибал, разгибал спину, растирал колени. Размявшись, стянул меховые, на вязках, рукавицы и занялся оленями. Ослабив подпругу, снимал спаренные выюки и, ласково похлопав оленя по заиндевелому заду, отправлял его к стаду.

Чум собирали сообща. Очистив от снега площадку, составили шести пирамидой, перехватили их сверху арканом и, протянув его конец в наветренную сторону, привязали к стволу лиственницы: чтобы чум не опрокинуло при сильном ветре. Готовый остов обложили внахлёт нюками — оленьими шкурами, и туго перетянули несколькими рядами верёвок. Малец старался не отставать от старших: распаковывал вместе с матерью и соседскими женщинами нюки и подносил их к каркасу. Корнею мальчуган напомнил его самого в детстве.

Через час коническое жилище было готово. Осталось развести огонь, прогреть нутро и установить меховой полог для сна. Этим занялись уже женщины, а мужчины собрались для общего чаепития и обмена новостями в чуме Алдункана — только в нём могли все разместиться.

Вновь прибывший жаловался:

— Геологи собак бросили. Они много оленей давили. Олень собак не боится — близко подпускает.

— Чего смотрел? Стрелять надо было.

— Дел много, не успевал, — промышчал тот с набитым ртом.

— Знаю твои дела. Главное, поесть, полежать.

— Хорошо, хорошо. Не ругайся.

¹ Нюки — оленьи шкуры для покрытия чума.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Хозяйка уже несколько раз костяными щипчиками подправила скрученные из мха фитили жирников, а люди всё не расходились.

После очередной кружки чая Корней вышел опорожнить мочевой пузырь.

Пройдя мимо оленей, усердно копытивших снежный покров, он с облегчением выпустил парящую струю. Две важенки тут же подбежали и стали, тыкаясь волосатыми носами, жадно хватать пожелтевшие комочки. Только тут Корней сообразил, чего ради они сопровождали его от самой юрты. Как же он мог забыть! Ведь в юности сам много раз в стойбище деда подманивал оленей комком снега, пропитанным мочой.

Корнею хотелось подольше подышать свежим, без тошнотворного табачного дыма, воздухом, но морозные иглы, больно пощипывая лицо, заставили вернуться в тепло.

Опустошив очередной чайник, люди наконец стали разбредаться. Когда чум опустел, уставший Алдункан подсел к Корнею:

— Завтра моя очередь смотреть за стадом. Поможешь?

— С удовольствием.

Оленевод критически глянул на его суконную куртку:

— Замёрзнешь! Встанем, одену.

Утром, пока искали подходящую Корнею малицу, совсем рассвело. Пошёл снег. Мохнатые снежинки кружили в воздухе, как бабочки: взлетали, опускались, гоняясь друг за дружкой.

Алдункан закинул на плечо берданку, подозвал свистом двух небольших остромордых лаек и, встав на окамусованные лыжи, зашагал, вспахивая рыхлый снег, в сторону белеющей мари. Корнею на голицах и в непривычной меховой одежде, чтобы не отстать, приходилось то и дело прибавлять шаг.

Олени копытили ягель не на мари, как предполагал Корней, а в ложбине, в двух километрах от стойбища.

— Алдункан, зачем так далеко пасёте? Марь ведь ближе.

— Ты своя башка думай. Тут скоро снега много будет. Как олень будет ягель брать? На мари всегда ветер — снега мало. Тогда там пасти будем.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

От пощёлкивания копыт оленей, неутомимо разгребавших снег, в ложбине стоял ровный гул.

— Хитрый немножко, — тихо засмеялся Алдункан, показывая на молодого оленя. — Сам не хочет копать. Ходит, ищет, где другие копали.

Быки паслись в стороне. Сбросив рога, они стали безоружны перед важенками. Те, пользуясь этим, подходили к упорно трудившемуся хору¹ и прогоняли его от только что разрытой лунки.

Корней обратил внимание Алдункана, что несколько оленей заметно прихрамывают.

— Знаю, знаю. Копытка!² Уже три пропало. Резать надо, — сокрушался он.

— Зачем резать? Лечить надо. Иначе совсем без оленей останетесь.

— Как лечить, не знаем. Раньше такой беда не было.

— Я вас научу. Это несложно.

При осмотре одного из быков скитник обнаружил в межкопытной щели гнойные выделения и язвы на венчике над копытом — в самом деле копытка. Следовало срочно принимать меры, иначе зараза может перекинуться на всё стадо.

Всех больных оленей перегнали в загон рядом со стойбищем. Землю предварительно очистили от снега. Вооружившись острым ножом, Корней вскрывал опухоли, очищал поражённые места от гноя, удалял омертвевшие ткани (у одного даже пришлось ампутировать часть копыта). Очищенные участки протирал тряпкой, смоченной спиртом. Всё это время вокруг Корнея вертелся малец, так впечатливший его при установке чума.

— Малыш, как тебя зовут?

— Я не малыш. Я Вова, — поправил тот, не вынимая пальца изо рта. — Что это вы делаете?

— Видишь возле копыт язвы и гнойники? Если их не удалить, олень умрёт. Да ещё других заразит.

¹ Хор — самец домашних оленей.

² Копытка — некробациллёз — гнойное заболевание копыт оленя.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Я тоже хочу оленей лечить. Научите меня?

— Хорошо, давай смотри и запоминай.

Три дня скитник со старательным помощником каждые четыре часа обрабатывали ноги оленей коричневатым взваром из волокон, которые соскребали с внутренней стороны еловой коры. После чего накладывали дегтярную повязку.

Пока Корней занимался оленями, Алдункан из рыбьей кожи сварил клей и окамусовал его лыжи. Поскольку лосиного камуса в стойбище ни у кого не было, использовал шкуры с голени оленей. Теперь Корнею не страшны крутые склоны: жёсткий волос камуса не позволит лыжам съехать назад.

На третий день после полудня загудела пурга. При сильных порывах чум начинал жалобно скрипеть. Ветер забрасывал через верхнее отверстие снег и загонял дым обратно в чум. Спасаясь от него, все забрались в меховой полог — самое важное и оберегаемое место в чуме. По сути, это большой, многоместный спальный мешок, натянутый на каркас прямоугольной формы метра два в ширину, три в длину и полтора в высоту. Прежде чем залезать, следует тщательно стряхнуть с одежды снег. Он для полога — беда. Воздух в нём и без того влажный от дыхания людей.

Полог — единственное место в чуме, где всегда тепло. Конечно, тесновато и потолок низкий — не встанешь, зато можно раздеться до нижнего белья. Но основной недостаток то, что из-за малого объёма и отсутствия вентиляции в душной, спёртой атмосфере полога через пару часов становится тяжело дышать и начинает кисло пахнуть повлажневшими шкурами.

Масляный светильник к утру из-за нехватки кислорода уже едва светит. Ещё одно неудобство — оленья шерсть лезет и прилипает к лицу и рукам. А в сильные морозы в нём не только спят, но и едят.

Освещается полог светильником — каменной плоской, заполненной жиром. Роль фитиля исполняет прядка из плотно скрученного мха, горящая тусклым, но ровным пламенем. Женщины так искусно заправляют их, что они совершенно не чадят и дают на удивление приличный жар.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корнею в детстве приходилось спать в пологе у деда в стойбище. Тогда он не замечал всех этих неудобств. Сейчас же дышал с трудом, ощущая не только нехватку кислорода, но и высокую влажность, обволакивающую тело. Однако сейчас не до капризов — альтернативы не было: в самом чуме, как только догорали дрова, становилось так же холодно, как и снаружи, разве что ветер не гуляет.

Каждое утро женщины снимали полог с каркаса, выворачивали мехом наружу и выносили на мороз, где с силой колотили оленьим рогом до тех пор, пока из него не высыпятся все кристаллики влаги.

Усилившаяся к вечеру пурга всю ночь хлопала шкурами, пытаясь их сорвать, но опоясывающие их ремни, с тяжёлыми камнями на концах, держали надёжно. Хрупкое с виду жилище лишь подрагивало, хотя порывы ветра бывали столь сильны, что казалось, чум вот-вот оторвёт от земли.

* * *

Открыв глаза, Корней услышал сквозь меховую стенку негромкий разговор, потрескивание горящих дров. Запахи, проникающие сквозь щель неплотно подвёрнутой шкуры, обещали вкусную еду. Скитник оделся и выполз из полога. Выпрямившись во весь рост, с наслаждением вдохнул полной грудью: воздух в чуме был свежей и суше.

Хозяйка хлопотала у очага: вылавливала из котла куски мяса и выкладывала их на деревянное блюдо. Корнею в знак уважения положила отдельно.

Рассевшись вокруг низенького столика, семья ждала, когда начнёт есть хозяин. Насытившись, вытерли руки обрезками шкур и принялись за чай, заправленный Корнеевым гостинцем — сгущённым молоком.

— Алдункан, я больше не могу задерживаться — люди на парохе голодают, — напомнил о цели своего приезда Корней. — Олени пошли на поправку. Надо будет ещё дня три мазать им копыта, но с этим справится Вова. Я завтра должен выехать. Сколько оленей можете дать?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Восемь хватит?

— Думаю, достаточно. Рассчитаемся на судне.

Утром, пока эвенки грузили и обвязывали приготовленные туши, Алдункан, ловко метнув маут¹, поймал для Корнея крупного ездового быка. Поскольку спина у оленей слабая, войлочное седло с двумя подушечками уложил прямо на лопатки. Бык, нервно фыркавая, пугливо косил глаза на непривычно крупного седока, который безуспешно пытался перекинуть культю через седло.

Поняв, что Корней не сумеет ехать верхом, Алдункан запрят для него в лёгкие ездовые нарты двух важенок с наполовину спиленными рогами — чтобы не цеплялись в лесу за ветки.

Одна из них была такая белая, что на фоне снега казалось, что это не олень, а три чёрные подвижные точки — нос и глаза. Себе же он приготовил место на грузовых нартах, запряжённых двумя парами комолых быков.

Запрягают оленей просто: широкая ременная петля, перекидывается через шею, пропускается между передними ногами и из под брюха выходит к саям, где протягивается через поперечину к другому оленю. Если один заленится, другой оттянет ремень вперёд, и ноги лодыря угодят под наезжающие нарты. В результате оба вынуждены тянуть с равным усилием.

Нарты здешних эвенков почти не отличаются от алданских. Такие же широкие полозья, четыре пары стоек копыльев, соединённых поперечинами (здесь копылья делают из оленьих рогов). Обязательная принадлежность нарт — прудило (остол): толстая метровая палка с железным наконечником. Им тормозят на спусках. В конструкции нарты нет ни одного гвоздя, все части соединены сыромятными ремешками. Благодаря этому она, скрипя на ходу всеми сочленениями, лишь изгибается, как змея, не рассыпаясь даже при сильных ударах.

Перед отъездом Алдункан с Корнеем зашли в чум. Ещё раз поели мясо, запивая его горячим бульоном. Скитник подошёл к жене

¹ Маут (эвенк.) — аркан.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Алдункана и поблагодарил за гостеприимство. От непривычного внимания та смутилась и вдруг быстро-быстро перекрестила его.

Чтобы оленям легче было стронуть тяжело гружённые нарты, Алдункан приподнял передок и сел, лишь когда те сделали несколько шагов. Корней последовал его примеру, хотя в этом не было нужды — весь его груз, это два комплекта старенькой меховой одежды для команды.

Чуть отъехав, эвенк, ловко управляя оленями с помощью длинного хорея, затянул свою однообразную, заунывную песню. Корней от необходимости править был избавлен — важенки, как привязанные, бежали вслед за быками Алдункана. От порывистого дыхания оленей за караваном тянулись облачка пара.

Кочкастая марь вначале пути не позволяла расслабиться. То и дело приходилось наклонами тела удерживать нарты от опрокидывания. Зато, как только выехали на речку, расслабились. Ехать по ровному заснеженному руслу было одно удовольствие. Корней, полулёжа на связках меховой одеждой, любовался висящими на ветвях лиственниц кружевами инея и елями в снежных юбках.

Когда олени, устав, сбавляли темп, Алдункан выезжал на берег, где животные сразу принимались копытить ягель и забавно скрести задними ногами морды — счищать намёрзшие от дыхания сосульки. Лишь только караван уходил, на это место тут же слетались белые куропатки: выбитые копытами лунки облегчали им доступ к траве и семенам.

Корнею мороз и ветер теперь были нипочём: эвенки в благодарность за избавление стада от угрозы массового падежа придели его. Теперь поверх обычного белья на нём пыжиковые¹ брюки мехом внутрь, со шнурками на талии и понизу, и прямая рубаха с вырезом для головы, тоже мехом внутрь. (Сами эвенки надевают её прямо на голое тело.) А вот кухлянку² надевают волосом наружу.

¹ Пыжик — шкура полугодовалого оленя. Она мягкая и идеально подходит для пошива одежды и спальных мешков.

² Кухлянка — главный элемент северного костюма: глухая меховая куртка до колен из оленьих шкур с капюшоном. Надевается через голову. В сильные морозы вместо неё используют малицу — удлиненное подобие кухлянки. При

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Поверх неё истончившийся от множества стирок, но ещё крепкий матерчатый балахон с капюшоном — камлейка. Тесёмкой, продёрганной в окантовку капюшона, можно сужать или расширять отверстие для лица. Рукавицы двойные и висят, как у детей, на шнурке, пропущенном через рукава. Всё это сшито не нитками, а тонкими волокнами из сухожилий со спины оленя. (Они крепче и не гниют.) На ногах меховые носки — чижы. Сверху торбаса¹. Их голенища сшиты из красиво чередующихся наборных кусков белого и тёмно-коричневого камуса. Для остальных зимовщиков эвенки смогли собрать только два комплекта из старой одежды. Мех на них, правда, изрядно вытерся, но ещё мог защитить от ветра.

Надо сказать, что оленьи шкуры — самый подходящий материал для зимней одежды. Мягкие, тёплые, лёгкие, при кажущейся громоздкости, не стесняют движения. Они словно специально созданы для северян. Благодаря тому, что густая шерсть состоит из полых клинообразных волосков, снежная пыль не набивается в подшёрсток — мех всегда сухой. Если и проникает во время метели, то не смерзается, как у собак. Достаточно просто хорошо выбить одежду. Ещё одно достоинство полых волос — олень легко преодолевает водные преграды.

Единственный изъян — его относительная недолговечность: мех довольно быстро вытирается. Посему зимняя одежда носится не более трёх лет, после чего переходит в разряд летней.

Вся жизнь эвенков, их благополучие связаны с оленями. Шкуры служат постелью. Из них шьют меховой полог, спальные мешки, одежду. Ими укутывают младенцев, покрывают чум. Олень не только одевает, но и кормит.

Не требуя от человека почти ничего, олень отдаёт так много, что незаменим на Севере. Защита от волков и гнуса — вот вся

продолжительной поездке на нартах поверх малицы надевают глухой меховой сокуй (совик). Во время стоянок он служит ещё и спальным мешком: его стягивают ниже ног, а рукава вправляют внутрь и в таком виде ложатся прямо на снег. В шутку называют его «куропаткин чум».

¹ Торбаса — меховые сапоги с толстой войлочной стелькой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

помощь, которую получает он от человека. Словно сознавая это неравенство, олени не сближаются с людьми. Брезгливо отряхиваются от людских ласк, держатся независимо и гордо. Единственное, чем можно заставить их подойти, — щепотка соли, запах которой они улавливают на расстоянии нескольких метров.

* * *

День выдался на редкость тихим, солнечным. Схваченный морозом снег слегка похрустывал под копытами. Снежинки вспыхивали мириадами бриллиантов.

Ехать по руслу очень удобно — дорога ровная, без помех. Лишь местами мешали тарыны¹ — выходы грунтовых вод, покрывающие обширные участки льдистой кашицей. Намерзая изо дня в день, они к концу зимы могут достичь высоты полутора метров, «заливая» льдом стволы растущих по берегам деревьев. Когда объехать тарын по берегу не было возможности, Алдункан гнал оленей прямо по наледи. При этом животные забавно задирали хвосты и широко расставляли ноги — чтобы не упасть в льдистую кашу.

Первый тарын попался сразу после кочкастой мари. Его поверхность из-за постоянных ветров была совершенно голой, и копыта оленей разъезжались в разные стороны. Путникам пришлось соскочить с нарт и толкать их, чтобы они не остановились — иначе на льду олени «забуксуют».

Через пару часов Алдункан неожиданно тормознул упряжку и склонился над снегом, что-то рассматривая:

— Соболь пробежал! Нас услышал, заторопился... Эх, собаку не взял! За соболя хорошо платят.

Корней пригляделся. Русло пересекала ровная строчка парных следов. Сначала прыжки спокойные, размеренные, а дальше — чуть ли не двухметровые. Действительно испугался.

Мороз не убывал. Воздух, казалось, застыл. Такое чувство, что при вдохе глотаешь комочки льда и они охлаждаают всё внутри.

¹ Тарын (*якут.*) — наледь.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Безмолвие нарушают лишь раскатыстые «выстрелы» от лопающихся стволов деревьев. В этих краях всё же похолодней, чем на Алданском нагорье.

Корнея никак не отнесёшь к категории изнеженных путешественников, но даже его поразила «морозостойкость» Алдункана. На нём старенькая парка¹, перетянутая, скрученным сыромятным поясом, ровдужные штаны да стоптанные торбаса. В таком одеянии любой замёрзнет, но только не Алдункан. Что поразительно, у него даже руки всегда тёплые. А вот лицо, так же как у Корнея, замотано шарфом по самые глаза. Тот от дыхания постепенно оледеневаает, а в узком просвете для глаз нарастает иней.

Короткий зимний день догорал. Низкое солнце, окрасив снег в жёлтый цвет, уже катилось по вершинам сопок. Пора вставать и обулаживать место ночёвки, а Алдункан, высматривая подходящее место, всё погоняет оленей. Наконец его внимание привлекла поваленная ель, усыпанная светло-коричневыми шишками. Где-то в феврале-марте они по извечному закону природы раскроются, и ель проведёт свой последний посев. Густой барьер из зелёных лап хорошо защищал от ветра, и Алдункан решил заночевать именно тут.

При скудном свете вечерней зари, краснеющей на месте укатившегося светила, распрягли оленей, разгребли под палатку снег. Вырубили семь жердей. Шесть для двух пирамидок, а на седьмую, уложенную на них, привязали верх палатки. (В замороженную землю колышки для растяжек не забьёшь.) Натягивали скаты так, чтобы не было ни одной складки и слабины. Установили печурку, собрали трубу, запалили сушняк.

Вскоре в палатке потеплело так, что путники сняли шарфы и верхнюю одежду. Развесив одежду для просушки, уселись пить чай. Алдункан, как всегда, не из кружки, а из блюдца, которое всегда брал с собой. Напившись, раскурил трубку угольком, выхваченным из печурки.

Выбираясь утром из мехового куколя, Корней нечаянно задел парусиновый скат, и на него хлынула лавина холодных кри-

¹ Парка — меховая куртка с капюшоном.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

сталлов инея. Торопливо набив в топку приготовленные с вечера полешки, скитник поджёг завиток бересты и нырнул обратно в спальник дожидаться, пока в палатке не потеплеет.

— Твоя молодец, дал отдохнуть, — похвалил его Алдункан.

Разогнав кровь горячим чаем вприкуску с вяленой олениной, тронулись в путь. Туман, заливший всё окрест, инеем оседал на одежде, ветвях деревьев.

На береговую террасу вышел табунок оленей. Увидев людей, он тут же умчался за увал.

— Согжой! Домашние подошли бы за подачкой, — определил эвенк.

До Лены оставалось не более пяти километров, когда выехали на очередную, судя по густым клубам пара, свежую наледь. Берега обрывистые — не объехать. Слой льдистой кашицы всё толще. Чтобы не намочить торбаса, Корней поднял ноги повыше. Олени же, стремясь быстрее выбраться на чистый лёд, перешли на бег, и в скитника полетели комья пропитанного водой снега.

Неожиданно впереди раздался оглушительный треск. Корней видит, как Алдункан почему-то кубарем скатывается с нарт, а сами нарты и олени исчезают. Корнеевские важеньки тут же встали, озираясь. Скитник бросился к эвенку на помощь, но тот уже поднялся и, показывая на темнеющий пролом, запричитал:

— Всё пропало! Всё пропало!

Осторожно приблизившись к краю, Корней в полумраке разглядел и нарты и оленей, стоящих по колено в воде. Он успел даже заметить уток, уплывающих вниз по течению.

Подобные полости подо льдом — в этих краях обычное явление. После того как речка встаёт, уровень воды в ней из-за вечной мерзлоты начинает резко падать и полноводный поток превращается в ручеёк. Замёрзнуть повторно вода не может, так как присыпанная снегом ледяная крыша хорошо защищает от стужи. Некоторые сообразительные водоплавающие пользуются этим и не улетают. Зимуют в комфортных условиях подо льдом.

Видя, что Алдункан растерян, Корней, недолго думая, спрыгнул вниз. Освободив груз от стягивающих ремней, стал подавать

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ему промороженные олени туши. После чего вытолкал наверх пустые нарты. Осталось самое сложное — поднять оленей. К счастью, они вели себя спокойно и не противились, когда Корней обвязывал их ремнями. Вручив концы эвенку, подлезал под брюхо животного и приподнимал его. Алдункану оставалось лишь вытянуть его на лёд.

— Уф! Корней, твой молодец! — радовался эвенк, когда подняли последнего... Твой торбаса мокрые, по снегу ходи. Пусть липнет. Станет лёд, потом отвалится.

Выехать сразу не получилось — на тяжелогруженных нартах от удара сломался один полоз. Провозившись с ремонтом до вечера, вынуждены были, хотя до «Арктики» оставалось немного, тут и заночевать.

К пароходу подъехали задолго до полудня. Алдункан получил расчёт натурой и в тот же день поспешил в стойбище. Он до того был доволен обменом, что оставил важенок и нарты, на которых ехал Корней.

Растроганный капитан обнял оленевода:

— Алдункан, ты самый добрый эвенк. Дай бог, чтобы всё твоё семейство и все твои олени были здоровы.

— Наша земля холодная. Надо согреть её добротой. Тогда всем тепло будет, — ответил тот.

Дежуривший по камбузу Географ на радостях набил мясом самую большую кастрюлю. Нежная, сочная оленина команде понравилась. Повеселевший механик даже пропел: «Эх, хорошо в стране Советской жить, эх хорошо страной любимым быть...»

Нахваливая Корнея, все удивлялись тому, что в бульоне не оказалось ни одной мелкой косточки.

— Дед научил разделявать по суставам, — объяснил тот.

Уже на второй день скитник соорудил для оленух в затишке у борта парохода навес из сухостоин и накрыл его брезентом. С рассветом выпускал важенок копытить на берегу ягель, а вечером подкармливал остатками с общего стола. Одну пачку соли высыпал в загоне прямо на снег, и животные сами охотно воз-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

вращались к импровизированному солончаку на ночёвку. Зная о приближении полярной ночи, «оленовод» каждый день запасал мох, лишайники, веточки тальника.

* * *

Седьмого ноября на судне прошла демонстрация в честь 41-й годовщины Октябрьской революции. Капитан поднялся на верхнюю ступеньку трапа, а остальные ходили по палубе с красным знаменем и после слов «Да здравствует Великая Октябрьская революция!» дружно кричали: «Ур-р-ра! Уррр-аа-аа!»

По случаю праздника напекли пирогов с мясом и каждый получил по банке сгущённого молока. Корнею оно до того полюбилось, что свою банку высосал за один присест. Капитан достал гитару и спел несколько романсов: «Мой костёр в тумане светит», «Гори, гори, моя звезда», «Я встретил вас...». Механик поддерживал его густым басом. Берущие за душу слова растрогали Корнея. Вспомнились Дарья, семья, родной скит, монастырь.

Когда вышли на палубу, чтобы отсалютовать Октябрю из ракетницы, зимовщики обомлели: на небе вокруг настоящей луны красовались ещё четыре. Одна в зените, вторая пониже настоящей, остальные по бокам.

Всё более поздний восход и более ранний заход солнца откусывали день с двух сторон. Сумерки укорачивались, а ночи становились всё длиннее и непрогляднее. Рассветало лишь к одиннадцати, а часа через два вновь темнело.

Корней со страхом ожидал 22 ноября, в этот день, по прикидкам капитана, начнётся долгая полярная ночь. Вновь солнце покажется лишь 19 января. Впереди 58 суток тьмы! Наверное, поэтому в последние дни люди чаще обычного поглядывали на низко висящий расплывчатый диск, почти сливающийся с бледно-жёлтым небом.

21 ноября выглянула лишь горбушка. Двигаясь какое-то время вдоль зубчатого горизонта, она так и не решилась оторваться от него — исчезла, бросив прощальный луч на «Арктику». На том месте, где она скрылась, ещё долго пылала полоска лимонной

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

зари. Постепенно бледнея, она некоторое время смещалась вслед за невидимым солнцем и в конце концов погасла. В последующие дни «восходы», постепенно слабея, сошли на нет. Это не означает, что стало совершенно темно. Наступали просто медленно сгущающиеся сумерки. А ближе к полудню вообще становилось достаточно светло. При этом ничто не имело чётких контуров: всё как бы переходило из одного в другое.

Окончательно полярная ночь вступит в свои права лишь через дней десять-двенадцать. В полдень небосвод, усеянный жирной россыпью звёзд, останется на юге почти таким же чёрным, как и на севере. Но и в это время не стоит темень, о которой говорят «хоть глаз выколи». Выручает «ночное солнце» — необычайно яркая в чистой атмосфере Арктики луна.

По-настоящему темно становится, лишь когда небо затягивает войлок туч. В такие дни далеко от парохода не отходили. Внутри судна, где мрак был непроницаемым, в прямом смысле этого слова, приходилось передвигаться на ощупь или со свечой в руке. Тьма была до того густой, что, казалось, её можно щупать, мять, словно податливую глину. Только в кают-компании было светло от постоянно горевших керосиновых ламп. Так что для экипажа мир на время сузился до её размеров.

Морозы даже при сплошной облачности не спадали. Однако людей больше угнетал не мороз, а отсутствие солнца. Стужа лишь усугубляла это состояние. Угнетала и давящая тишина. На судне она ощущалась не так остро, но стоило выйти наружу, становилось жутковато — ни единого звука.

Из-за отсутствия смены дня и ночи у многих нарушился сон. А на часть зимовщиков, наоборот, навалилась сонливость. Нервозность во взаимоотношениях с каждым днём нарастала. Любое неверное слово, ненароком брошенный косой взгляд приводили к неоправданному взрыву эмоций.

Капитан с этим уже сталкивался и старался вовремя вмешаться, предупредить конфликт. Он знал, что не так страшны полярная ночь и метели, как полярные склоки. Чтобы у команды не было времени заниматься разборками или предаваться мелан-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

холии, старался каждого чем-нибудь занять. По его просьбе Николай Александрович два раза в неделю читал лекции о великих географических открытиях. Устраивал конкурсы на знание морей, гор, судоходных рек не только Советского Союза, но и мира.

Очень выручали грамотно подобранная библиотека и киноустановка. Человеку гораздо легче переносить вынужденное заточение и ограниченное пространство, узнавая из книг и фильмов о стойкости и благородстве других людей.

В железных коробках хранилось девять фильмов. Через месяц экипаж уже вслух предварял все реплики героев. Книг же было за сотню: читать не перечитать! Молчаливое общение с ними тоже отвлекало от ссор и разногласий, погружало в мир добра и справедливости.

Скрашивал зимовку и патефон с пластинками. Это чудо техники механик Фёдор оберегал и никому не позволял прикасаться. Заводил и ставил пластинки только он сам. Вскоре и слова песен «Землянка», «Синий платочек», «Песенка водовоза» и самой любимой — «Ландыши», все знали наизусть и распевали хором.

По воскресеньям и дням рождения механик ставил песню «Варяг». Как только опускал головку с иглой на пластинку, начинал звучать гимн мужеству русских моряков:

Наверх, вы товарищи! Все по местам
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Все испытывали необыкновенный душевный подъём.

Закончив «концерт», механик аккуратно раскладывал чёрные хрупкие диски по конвертам и убирал в шкаф. Была у него ещё замечательная привычка перед сном петь, подыгрывая себе на гитаре «Раскинулось море широко». Правда, будучи любителем приключенческой литературы, он иногда так зачитывался, что пропускал время отбоя. Тогда кто-нибудь начинал его теревить: — Фёдор, «колыбельную»!

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Среди зимовщиков активной всех библиотекой пользовался Корней. Не отставал от него лишь белобрысый и прыщеватый радист Василий. Внешне вроде хляк хляком, но чувствовались в нём некая внутренняя сила, крепкий стержень. Он был, пожалуй, единственным на судне, кто радовался зимовке: появилась уйма времени для чтения. Любовь к книгам быстро сблизила этих разных людей.

Живя в монастыре, Корней читал преимущественно географическую и духовную литературу, по большей части Жития святых. Тут же, благодаря подсказкам радиста, он познакомился с произведениями русских классиков: Карамзина, Чехова, Гоголя, Аксакова, Лескова, а главное, наконец, прочитал, вернее, проглотил и влюбился в «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Если бы не эти книги, он от многодневного сидения в ограниченном пространстве кают-компания сошёл бы с ума.

Дочитав очередную книгу, скитник спешил к Василию в радиорубку делиться впечатлениями. (В ней из-за рации тоже поддерживалась плюсовая температура.)

Они обсуждали прочитанное, дискутировали, пересказывая с одной темы на другую. Иногда к ним присоединялся Николай Александрович.

Когда Василий заявил, что Аляску открыл Беринг, тот возмутился:

— Командор ничего бы не открыл и не описал, если бы не его помощники Алексей Чириков и Иван Елагин. А Чириков и вовсе Русский Колумб! Именно он первым на «Святом Павле» обследовал северо-западное побережье Америки. Открыл острова Алеутской гряды, Кадьяк, Командоры. При этом, будучи очень скромным, ничего не называл своим именем.

А штурман Иван Елагин, пройдя сушей, описал и составил карту побережья Камчатки, Чукотки. Заложил в Авачинской бухте острог Петропавловск. К сожалению, в истории географических открытий немало подобной досадной несправедливости.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Когда читал материалы о жизни Чирикова, сердце сжималось. Некоторые выдержки из его отчёта помню дословно:

«С 14 сентября принуждён был приказать варить и давать людям кашу токмо один раз в неделю. Пришла на многих болезнь цинготная. И с 16 числа сего месяца по возврат наш в гавань умерли шесть человек. В то же время и я весьма от цинги изнемог и уже, по обычаю, был приготовлен к смерти. В управление судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот весьма ж болен, которому от меня только вспоможения было, что приказывал ему какой иметь курс». Каково?! Какая воля, какое упорство в выполнении поручения императора!

Прочитав по совету Корнея книгу Мельникова-Печёрского «На горах», Василий, обращаясь к Корнею, сказал:

— Спору нет, вера важна. Но в мире наплодилось столько религий, что и названий не упомнишь. Где та истина, что дана Богом? Даже в самой православии с десятков трактовок. Ваши, к примеру, не согласны с реформой Никона. Неужто различия столь велики, что надо было разойтись? Вы ведь тем самым ослабили, раскололи Россию. Был единый мощный кулак, а после раскола кулак утратил прежнюю силу. Ну вот скажите, в чём ваше главное несогласие?

— Большинство думает, что мы не сошлись в сложении перстов и прочих мелочах. Это не есть главное. Хотя как можно кукишем креститься? Взгляни на иконы — ни Христос, ни святые кукишем не крестятся. Для нас неприемлемо то, что Никон¹ свою волю поставил выше первоисточного православия. Прибегнув к подлогам, искажил в угоду западникам многие таинства и обряды. Ввёл в службы ересь католиков и протестантов, а в Святом Писании ясно сказано: «Одно слово аще прибавишь или убавишь, да будешь проклят». Такой грех, по словам святителя Иоанна Златоуста, не смывается даже смертью.

¹ Никон после проведения реформы так возгордился, что пытался поставить себя выше царя. Чем вызвал его гнев и завершил свою жизнь в подвале Белозерского монастыря, прикованный цепью.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

А самые еретические, неприемлемые изменения — объявление государя наместником Бога и введение обливательного крещения! Коль Господь крестился полным погружением, стало быть, и нам так надлежит. Поэтому не на нас, а на Никоне грех раскола. Сам посуди, ежели каждый патриарх во время своего служения будет вносить правки, будет новым апостолом, законодателем, что останется от православия? Мы же держимся первоисточного. Уверен, рано или поздно Божья правда, хранимая нами, восторжествует, и Россия вернётся к неправленому Писанию.

— Говорят, будто среди вас есть люди, которые лечат заговорами.

— То не заговоры, то молитвы, обращённые к Богу. Заговоры и ворожба — от лукавого.

— Хорошо. А как быть с пророками? Они же существуют.

— Да, есть такие. Но дар пророчества даётся только избранным. Тем, кто крепок в вере и особо Господу угодил. Самолично знаю одного.

* * *

«Арктику» довольно часто сотрясала пурга. Налетала она обычно с севера или северо-востока. Становясь с каждым часом всё яростней, взбучивала снег и несла его напористыми потоками через палубу, наметая на ней огромные сугробы. В такое время выходить на палубу было опасно. Плотные заряды снега тут же валили с ног.

Больше всех силу пурги чувствовал на себе Корней: хочешь — не хочешь, а хотя бы раз в день надо выходить и кормить запасёнными мхом и ягелем оленей. Когда ветер был особенно силён, он передвигался, крепко держась руками за леера и, наклоняясь всем телом вперёд, как бы ложился на упругие потоки снега. Порой порывы были столь мощными, что не давали и шагу сделать. Тогда он поворачивался к ветру спиной и приседал, дожидаясь, когда он ослабнет.

Наконец верховой ветер расшевелил сплошной «панцирь» туч, и в прорехах замерцали холодным блеском звёзды. Когда

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

небо совершенно очистилось, отчётливо проступили залитые призрачным лунным светом торосы и деревья по берегам. Они казались отлитыми из чёрнённого серебра. От деревьев тянулись пепельно-серые тени. Ничем не нарушаемая тишина и полная неподвижность панорамы создавали неземную картину.

С этой ночи метели прекратились, и Корней стал выбираться на лыжах в лес. В одну из таких вылазок вдруг стало заметно светлее. Удивлённый скитник завертел головой. На западном краю неба колыхалась, будто от ветра, прозрачная вуаль, меняющая цвет от нежно-зелёного до фиолетового. Сквозь неё застенчиво поглядывали звёзды. Наполняясь светом, вуаль на глазах превращалась в огромный многоцветный занавес, сотканный из множества вспыхивающих и быстро гаснущих лучей. На смену тут же выстреливали сотни новых. Казалось, небо охватил волшебный пожар.

Потрясённый скитник не сводил глаз с этого дива. Тем временем складки занавеса, бледнея и судорожно сжимаясь, погасли. На чёрном бархате небосвода вновь воцарилась луна, и опять ярко запульсировали россыпи созвездий, разделённых широкой ложной Млечного Пути. А очарованный скитник всё стоял, задрал голову, в надежде, что фантастическое представление возобновится. Но небо озаряли лишь бледные сполохи. Так Корней впервые увидел «улыбку неба» — северное сияние.

С этого дня подвижная, цветистая вуаль частенько украшать полярную ночь. При этом ни рисунок, ни цветовая палитра не повторялись. Но такой красоты, как в первый раз, он больше не видел.

Между Корнеем и механиком почти каждый день происходили пикировки, во время которых Фёдор пытался убедить скитника в ошибочности его взглядов. Очередную, в этот раз, затеял сам скитник:

— Фёдор, вот ты всё пытаешься убедить меня, что Бога нет. Но, если посмотреть на жизнь любого человека, пожалуй,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

у каждого бывало так, что в трудную минуту именно Господь приходил на помощь. К примеру, наш случай. Нам сказали, что на Север больше не будет судов. Мы поплыли на лодке. Лодку унесло паводком. Казалось бы, всё — путь закрыт! И тут Господь посылает вас.

— При чём тут Господь? Вам просто повезло! Ведь рейс не он запланировал, а пароходство. Неужели вам это не понятно? Советский народ давно построил новую справедливую жизнь, открывшую перед каждым безграничные возможности, а вы всё живёте старыми представлениями. Всё надеетесь на какого-то невидимого, прячущегося от людей бога. Глупо! Доказано — Бога нет.

— Кем доказано? Всё земное — Его творения.

— Глупости!

— Отрицать ты горазд, а вот придёт трудная минута, сам к нему обратишься...

Через дня два уже механик прицепился к скитнику:

— Корней Елисеевич, а вы читали моральный кодекс строителя коммунизма? — При этом Фёдор указал на красочный плакат, на котором были изображены люди, радостно идущие под красным знаменем. — Вы только послушайте: кто не работает, тот не ест; человек человеку — друг и брат, один за всех, все за одного.

— Феденька, успокойся. Читал. Ничего нового в вашем кодексе нет. Те же самые христианские заповеди, только изложены современным языком. Посему мне не понятно: Бога отрицаете, а сами призываете идти по пути, Им предначертанному.

Не зная, что противопоставить словам бородача, Фёдор выпалил:

— В вашей голове один церковный дурман. Вы своё твердите, как попугай, а других даже слышать не хотите.

— Эх, Федя, Федя! Жизнь началась, может, и новая, но основы-то у неё старые.

— Удивляюсь на вас. Вы такой начитанный человек, а не понимаете простых вещей. Если бы Бог существовал, его при нынешнем развитии техники хоть кто-то должен был увидеть. В телескопы смотрят — в него на Луне каждый камень можно

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

разглядеть, а вашего Бога даже следа не обнаружили. Люди на самолётах сколько лет летают — так и они не встречали.

— Бог бестелесен. Он существо духовное, и видеть Его мы не можем. Вот мысли наши существуют, но никто их ни потрогать, ни увидеть не может. Но ты же не скажешь, что их нет. Так же Бог — мы его не видим и потрогать не можем. Тем не менее Он есть. Разумность устройства мира и есть лучшее тому доказательство. Вон автомобили, во избежание столкновений, ездят под управлением специально обученных людей и все равно сталкиваются — сам видел. А как возможно, чтобы никем не управляемая планета соблюдала свое движение среди множества звезд без столкновений? В этом ясно видится премудрый и всесильный Управитель.

— Чудак вы! Не Бог управляет планетами, а сила притяжения. Она невидима, мы наблюдаем лишь ее проявления.

— Федя, ты же сам себе противоречишь: говоришь, Бога нет, потому как он не видим, а ведь сила притяжения тоже невидима. По твоему получается: её тоже нет. Я согласен, что сила притяжения существует, но и она сотворена и управляема Им. Не только мы, но и сама Земля Его творение, и она живая!

— Ну и сказанули! Земля — мертвая материя!

— Как может мёртвая материя родить живые цветы, деревья?

— Так они сами растут из семян... Если Бог столь всесилен, откуда в мире столько зла и несправедливости? Подлецы зачастую живут припеваючи, а добрые, честные бедствуют.

— Не забывай, супротив Бога действует Сатана. Это он побуждает человека к греховным деяниям. Господь попустиение ему даёт для испытания и выявления верных Ему людей. Тот, кто не поддастся на сатанинские заманки, тому будет дарована благодать в Царствие Божьем. Сатана же умело пользуется слабостью и ленью человека. Ведь идти вверх трудней, чем спускаться. Господь всегда подсказывает нам, где доброе деяние, где греховное. Выбирая греховное, мы сами за то в ответе.

— Интересно, каким это образом он подсказывает? — ухмыльнулся Фёдор

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Через совесть! Голос совести в нас — это и есть голос Бога. Вот, к примеру, представь. Мы, голодные, сидим за столом кают-компании. На столе рядом с тобой буханка хлеба. Ты её схватил и один ешь, никому не даёшь.

— Ну и пример вы привели! Я что, жлоб какой?

— Вот-вот, в тебе тут же заговорила совесть: так поступать нельзя! Совесть и есть проявление Бога в тебе.

— Так она, к сожалению, не у всех есть.

— Вот это я тебе и пытаюсь втолковать. У кого совесть есть, тот живёт с Богом, а у кого нет — те прислужники дьявола.

— Корней Елисеевич, вы, оказывается, отменный проповедник. Так мы все без партбилетов останемся, — вмешался капитан. И, уже строго глянув на механика, добавил: — Всё, закончили дискуссию.

Доев обед, Корней ушёл вместе с Василием в радиорубку.

Когда дверь за ними закрылась, капитан примиряюще похлопал механика по плечу:

— Фёдор, очень тебя прошу, не заводишь больше. Такие разговоры на судне ни к чему.

— А чего он своей бестолковщиной смущает людей.

— Не он ведь начинает. Ты сам его постоянно провоцируешь. Пойми, по-настоящему верующего человека никакими словами не переубедишь, — продолжал помягчевшим голосом капитан. — Вот, к примеру, моя бабушка — что бы я ни говорил ей, как бы ни убеждал, она вроде во всём соглашается, но всё равно каждое утро и вечер стоит у образов и молится. Я ей говорю, вон уже спутники весь космос облетели, однако и там его нет. На что она, едва повернувшись, ответила: «Он что, девка на выданье, перед твоими спутниками красоваться?!» — и продолжила молиться. Так что оставь деда в покое. Пусть верит на здоровье.

— Понял, товарищ капитан.

* * *

Сегодня, 19 января, должно было показаться солнце. Все ждали этого торжественного момента с особым нетерпением. Од-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

нако увидеть светило в этот день не удалось — помешала сплошная облачность. Тем не менее было довольно светло, как бы предрассветные сумерки. Только через двое суток небо очистилось от туч и на востоке запылала, всё более разгораясь, малиновая заря, а следом выплыло и пунцовое солнышко. На истосковавшуюся по нему землю брызнули, правда, ненадолго, лучи, залившие русло реки и лес розоватым светом. Лица зимовщиков озарились радостью. Все сняли шапки, и тишину разорвало дружное «Ура! Ура! Ура-а-а!».

Как меняется мир, когда на небе появляется этот небольшой светящийся шарик! У всех сразу хорошее настроение, улыбки на лицах. Люди как-то сразу стали приветливее, разговорчивее. В кают-компании зазвучал смех. Ещё бы! За два месяца все устали от тьмы. Степень радости зимовщиков может оценить лишь тот, кто изо дня в день, из недели в неделю не видел солнечного света.

Корней, зайдя за ящики с грузом, долго истово благодарил Создателя за возвращение солнца именно в день Крещения Господня.

Механик, отрастивший за время полярной ночи бороду, наточил на силке бритву и, намылив лицо, сбрил её.

— Ух ты! Тебя, Фёдор, не узнать. Помолодел лет на десять! — воскликнул капитан, когда тот вошёл в кают-компанию.

— А по-моему, борода ему очень даже шла. Солидности придавала, — откликнулся радист.

— То правда! Борода Божий дар. Летом от неё прохладно, зимой тепло, — поддержал его Корней. Вечером он, как всегда, заглянул к Василию в радиорубку. Обсудив плюсы и минусы полярного дня и ночи, Корней вдруг неожиданно произнёс:

— Вася, давно хотел спросить. А ты веришь в Бога?

— Не знаю. Вроде нет, а когда задумаюсь о своём удивительном спасении, начинаю сомневаться.

Корней вопросительно глянул на радиста.

— Вся моя семья погибла под Харьковом в первые дни войны, а меня кто-то отвёл от смерти.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Сказав это, Василий ушёл в себя. Корней, выждав паузу, осторожно поинтересовался:

— Как это произошло?

— Очень странная история. Мы обедали на веранде, когда громко постучали в ворота. Мать сказала «Василь, сбегай отвори». Открываю, а за воротами никого. Я вышел на улицу посмотреть — ни души! И в это время противно завывло... Очнулся в больнице весь в бинтах. Соседка, пришедшая навестить, расплакалась, прижала меня к себе: «Эх, сиротинка, вся семья разом... от дома одна воронка». Она же и отвела меня в детский дом, его как раз эвакуировали в Горький. Там, в речном, выучился на радиста.

— Да уж! Удивительная история! Тебя, думается, твой ангел хранитель спас.

— Похоже на то.

* * *

Через пару недель Корней, утомлённый стеснённой судна, решил съездить на подаренных Алдунканом оленях к якутам, живущим на левом берегу в километрах сорока вверх по течению. Когда осенью проплывали это место на пароходе, видели на бугре их балаган. Якуты ещё долго махали им.

Чтобы добраться без ночёвки, выехал пораньше. Застоявшиеся важенки, услышав команду «Га! Га!», легко сдёрнули приставшие к снегу нарты и помчали Корнея мимо крутых берегов. Хотя снег на реке не везде был плотным, олени бежали, почти не проваливаясь. Их выручали необыкновенно широкие копыта. Они у северных оленей почти вдвое шире, чем у других. Причём ещё широко раздвигаются.

Защищаясь от летящих из-под копыт комочков снега, Корней обмотал голову шарфом.

Световой день прибавил незначительно — через два часа небесный свод вновь стал темнеть. Чтобы он не рухнул на землю, кто-то невидимый принялся беспорядочно вбивать в него серебряные гвоздики, и, к радости скитника, по нему забегало беззвуч-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ное холодное пламя. Малиновые сполохи постепенно разгорались, и вскоре небо полыхало восхитительным небесным пожаром.

К наполовину занесённому балагану скитник подъехал, когда сияние разгорелось в полную силу. Судя по присыпанным порошей следам, хозяева ушли на лошадях вверх по ключу несколько дней назад. Дверь не заперта — люди в этих краях не знают воровства.

«Думаю, якуты не обидятся, если заночую у них», — рассудил Корней, стряхивая с капюшона бахрому наросшего инея.

Войдя в жилую часть балагана, Корней перекрестился: «Прости, Матерь Божья, за самочинство». Зажёг лампу, затопил печь, поставил на плиту набитый снегом чайник. Когда помещение прогрелось, снял меховую одежду и развесил её на жердях. Оглядевшись, увидел на бревенчатой стене рядом с висевшим на кольшке ружьём икону. Такую тёмную, что не различить, кто на ней изображён.

Ужинал прихваченными в дорогу лепёшками и олениной. Перед сном набил чрево печурки сырыми поленьями и улёгся на прогревшемся тёплом кане.

Утром, пока пил чай, размышлял: ждать хозяев здесь или поехать по их следам?

«Оставаться без нужды в чужом жилище неприлично, да и неизвестно, сколько просидишь, лучше поеду», — решил он, надевая малицу.

Выехал, чтобы видеть следы, сразу как рассвело. Вокруг стояла такая тишина, что было отчётливо слышно, как по шершавым стволам снуют крохотные поползни и скачут по веткам, стряхивая снег, вертлявые белки.

Часа через три на отлогом скате в наступивших сумерках разглядел балаган. Из него бил столб дыма с искрами. Подчиняясь ветру, он ломался над лесом и дальше тянулся горизонтально. На обмазанной глиной стене тускло желтело пятнышко окошка. Олени, почуяв жилой дух, оживились, прибавили шаг. Как ни странно, сколько ни ехали, балаган не приближался. Корней уже начал думать, не галлюцинация ли это? Однако нет — вон городьба из длинных жердей. Упёршись в неё, олени встали.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Скитник, не обращая внимания на собак, прошёл мимо хлева, из которого доносились перестук копыт и шумное дыхание скотины, к балагану. Отряхнувшись, отворил наклонную, обитую шкурой дверь и вошёл, впустив молочные клубы морозного воздуха. Сквозь них сначала различил лишь пламя очага и двух светильников, а когда глаза привыкли к полумраку, и людей вокруг очага.

Кто-то попыхивал трубкой, кто-то дремал. На плоском камне сипел, подставив огню прокопчённый бок, большой медный чайник. В воздухе стоял едкий, удушливый запах табачного дыма. На появление Корнея никто не обратил внимания.

— Здравствуйте! — громко произнёс Корней, несколько сбитый с толку столь странной реакцией.

Услышав незнакомый голос, якуты разом повернулись. Собразив наконец, что в балаган вошёл чужой, возбуждённо загалдели:

— Дорова! Дорова! Раздевайся, чай пей. Копсе говорить будем.

Подскочивший к Корнею парень помог стянуть заиндевевшую малицу. Гостя усадили рядом с худым стариком на низенькую табуретку, у которой ножки не по углам, а посреди сторон. Якут неторопливо мял руками шкуру для камуса. В это время у чайника забренчала крышка. Старик отодвинул его в сторону и бросил в кипяток щедрюю жменю чая.

Молодой, выждав немного, наполнил большущую кружку и подал её Корнею с куском сахара.

Чаепитие и чревоугодие — у северян любимое занятие, особенно после дальней дороги. Ещё бы! Что может быть приятней в мороз, чем оказаться у жаркого очага и, съев гору жирного мяса, отхлёбывать маленькими глоточками живительный напиток и чувствовать, как тепло растекается по всему телу! Рассказывать друг другу новости: кто, куда и зачем ездил, что видел, что слышал. Обсуждать, какая будет весна, какое ожидать половодье. После чего раскурить трубку ядрёной махры и, выпуская дым, наблюдать, как язычки пламени, бегаая по суставчатым головёш-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

кам, затаиваются, накапливая жар для нового всплеска. А когда веки начнут смыкаться, улечься на мягкие шкуры, расстеленные на тёплом кане, и забыться сном.

Неожиданно из тёмного угла, оттуда, где кан делает поворот, донёсся сдавленный стон.

— Младший. Голова болит. Старший привёз, — произнёс старик.

Стоны всё громче.

— Посмотрю? — спросил Корней.

Якут молча кивнул.

Сняв с крючка керосиновую лампу, скитник подошёл к стонущему. По огромному флюсу на левой щеке он сразу определил причину страданий — зуб! Корней попросил юношу приоткрыть, насколько возможно, рот. Распухшая бордовая десна вокруг верхнего клыка подтвердила догадку.

Отбывая срок в Алданлаге, он не раз помогал врачу удалять зубы у заключённых: крепко держал голову уже на всё согласного страдальца, а врач плоскогубцами дёргал.

У якутов плоскогубцев не было. Нашлись лишь щипцы для колки сахара-рафинада. Их кромки довольно острые, и, чтобы не перекусить зуб, Корней затупил их напильником. После этого попросил якутов крепче держать болящего, а сам стал, покачивая клык, осторожно тянуть его вниз. Тот, вопреки опасениям (у клыка длинный корень), вышел легко и целиком. Следом потянулась обильная струйка гноя. После этой операции парень успокоился.

Обрадованная родня принялась наперебой благодарить лучу¹. Для сна ему отвели самое лучшее место. Правда, не привыкший к дымному воздуху, Корней долго не мог заснуть.

Утром, выйдя из вонькой юрты, скитник с наслаждением вдохнул пахнущий свежим снегом воздух. После дыма и тяжёлых испарений от меховой одежды он казался особенно вкусным. Его тут же обступили приземистые лошадёнки с белыми от инея ресницами и сосульками, свисающими из ноздрей. Они

¹ Луча (*якут., эвенк.*) — русский.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

то и дело всхрапывали и мотали гривастыми головами. На шее жоака тренькало ботало.

Шерсть у них заметно гуще и длиннее, чем у лошадок, что он с Географом встречал на Лене летом. Оно и понятно — зима! Но даже густая зимняя шерсть не скрывала худобы животных — тяжело беднякам даётся корм из-под снега. Не увидев в руках человека ничего съедобного, они потеряли к нему интерес.

Якутские лошади — особая порода. Коротконогие, плотного сложения, неприхотливые к пище, хорошо приспособленные к суровым условиям Севера. У них дружелюбный характер, но, поскольку содержатся на вольном выпасе, диковаты, и первое время с ними непросто. Одичав, лягаются, могут даже укусить.

У лошадей якуты отличают семь степеней упитанности: высшая степень — когда на спине слой жира в два пальца. Её можно достичь только в летний период. Для этого табун надолго отпускают в луга, чтобы потом можно было сделать дальний переход с ездоком и тяжёлым выюком, доведя животное к исходу четырёх-пяти недель до истощения. Чтобы таких упитанных лошадей в первый день пути не загнать, их перед поездкой выдерживают пару дней без корма.

Перед тем как приторачивать груз, на спину кладут потник из мешковины, набитой сеном, а уже поверх — выюки-боковики, притянутые для надёжности подпругой. Если груза много — делают связку из трёх-четырёх лошадей, а люди едут на верховых. Главный недостаток якутских лошадок то, что они, в отличие от оленей, хуже переносят длительные переходы.

* * *

Погостив денёк, Корней отправился «домой». Погода по-прежнему баловала — ясно, безветренно. Неубывающий мороз выжимал из деревьев седую изморозь и с треском разрывал не только стволы, но и земную твердь. От этих «выстрелов» во все стороны разносился свистящий шелест.

Глава семейства, преисполненный благодарности за исцеление сына (тот уже полностью оправился, даже ел мясо), дал Корнею с полпуда конской колбасы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

По старому, прихваченному морозом следу олени бежали бойчее. Да и река теперь шла под уклон. Даже полозья «запели» веселей. Вдруг к их скрипу добавился собачий лай. Удивлённый скитник, выпростав лицо из мехового, с росомашьей оторочкой, капюшона, оглянулся — его нагоняла упряжка. На ней восседал, судя по комплекции и бороде во всё лицо, русский.

«А не тот ли это Юра, которого так хвалили якуты? — мелькнуло в голове. — Говорили, добрый, работный луча. Всегда поможет, табацёк даст, рыбку».

Действительно, это был Юра. Возвращаясь с объезда своих охотничьих угодий, он, наткнувшись на совсем свежий нартовый след, решил догнать и посмотреть, кто разъезжает по его участку. Зверобой тоже слышал об одноногом и подумал: «Наверное, это тот одноногий» и тоже не ошибся.

Обрадованный возможностью пообщаться с новым человеком, он уговорил Корнея завернуть к нему в гости.

Свежесрубленная, непривычно большая для этих мест изба с двухскатной, крытой тёсом крышей, стояла в среднем течении ключа, впадающего в Лену. У дровника гора напиленных кусков прозрачного льда для чая и готовки. На боковой стене, позолоченной солнцем, растянута на клинышках шкура медведя, мехом внутрь.

— Надьсь прям у берлоги взял — собаки выгнали, — пояснил Юра. — Ох и жирный оказался битюг. На голубике, видать, отъелся. Ноне она у нас знатно уродилась.

В голосе и движениях промысловика сквозили уверенность и северная медлительность. Он был широк в плечах и почти на полголовы выше Корнея. (Скитнику это было настолько непривычно, что он даже представился не по имени-отчеству, а просто по имени.)

На высоком крыльце с балясинами долго выколачивали снег, набившийся в одежду, орудуя обрезком оленьего рога.

— Довольно колотиться! Проходите, — поторопила приятным грудным голосом выглянувшая жена Юрия — Агриппина.

Войдя в дом, Корней, успевший привыкнуть к одеяниям из меха и ровдуги, с удовольствием отметил, что одета женщина в обычную

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

вязанную кофту и длинную тёмную юбку из шерсти. На груди в три ряда красные бусы. Голова туго повязана платком.

— Доброго здоровья! — с поклоном произнёс он.

— Спаси Христос! — ответила хозяйка, перекрестившись.

Избе было от силы года четыре. От чисто обтёсанных брёвен веяло смолистым духом с примесью висевших повсюду сухих пучков луговых трав. Всё без затей, удобно, прочно, дышит какой-то основательностью. Справа от двери громоздилась белая, как снежный сугроб, плечистая глинобитная печь с плитой. Из-за заслонки, прикрывавший сводчатое устье, сочился самый восхитительный на свете аромат — аромат свежеиспечённого хлеба! Пахло так аппетитно, что у Корнея рот мигом наполнился слюной. На скамье бочонки с водой и мочёной брусёной.

По бокам печи, над полусводом, два отверстия — глазницы. В них сушились варежки. В конце плиты вмазан котёл. На полу самовар. Одноколенная жестяная труба состыкована с печной. За печью, под потолком — полати: наилучшее место отогреться со стужи. В горнице, отгороженной лениво шевелящейся от тепла занавеской, квадратный стол, выскобленный до белизны. Рядом на стене неумоимо отчитывают время ходики с кукушкой. У стола табуретки. Тяжеловаты, зато не скрипят. Половые доски широченные, тоже скоблёные. На них шкура волка и самодельные в пёструю полоску дорожки.

Вдоль стен лавки из толстых и широких плах, чтобы спать удобно было. На одной лежат недовязанные чулки со спицами. У окна ловко прядёт шерсть грузная женщина — тётка Юры. Она, не прекращая что-то мурлыкать, приветливо кивнула гостю. Корней невольно засмотрелся, как струящаяся между её пальцев нить безостановочно наматывается на веретено. В корзине лежало уже несколько клубков. Тут же горизонтальный ткацкий станок и пяли, на которые натянута основа.

— Присаживайтесь, батюшко, в ногах правды нет, а я пока стол споровю, — пригласила Агриппина. — Чтой-то темненько стало. Солнце, што ль, уже садится? Пожалуй, ишо лампу запалю.

Она прям сияла от удовольствия, что к ним явился гость и будет перед кем проявить хлебосольство.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Хозяин тем временем принёс из клетки жирного мороженого чира. Отсёк голову, хвост. Немного погрел у печки, снял кожу с чешуёй и настругал полную миску тонких розовых завитков мякоти. Чтобы они не примерзали к миске, заранее подложил бумагу. Посыпав солью и приправой из макарши — травы с мучнистым корнем, опять вынес на мороз.

— Анадысь¹ якуты баяли, што одноногий русский у них гостит. Я не поверила. Оказывается, верно рекли, — произнесла Агрипина, выставя солёные грибы, варёную зайчатину, прозрачный топлёный медвежий жир. Под конец водрузила в центр стола два жбана. Один с брагой, второй с клюквенным морсом. Юра тем временем занёс подмороженную струганину.

Корней от браги отказался. Выпив морсу, с наслаждением отправлял струганину в рот щепотка за щепоткой.

— Объедение! — искренне восхищался скитник, ощущая нёбом и языком, как нежная мякоть тает во рту.

— Да уж! Вкусней чира рыбы нет, — согласился Юрий.

— Ешьте-ешьте, батюшко, рыбки, ноги будут прытки, — подбадривала довольная хозяйка. (Корней с удовлетворением отметил, что она брагу только пригубила. А вот тётушка выпила полную кружку.)

Когда всё было перепробовано и расхвалено, слово за слово пошёл разговор. Хозяева расспрашивали, как идёт зимовка на пароходе, достаточно ли продуктов, как вообще он решился без ноги в такую даль отправиться.

— Я веть поначалу не поверил, коды рекли, што вы на одной ноге по тайге ходите. Трудно, поди?

— Уже приноровился. Сидеть сиднем тяжелше.

— Эт верно, без хода — помрёшь. Вон матушка зело любила на печи лежать и в пятьдесят три ушла. А тётка хоть и наибольшая², а вон какая шевутная. Ничего с ней не деется. С утра до вечера

¹ Анадысь — на днях, недавно.

² Наибольшая — старшая.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

колготится. (Та, польщённая вниманием, заулыбалась.) Да и жёнушка хоть и тяжёлая, оборотов не сбавляет.

— Женский пол токо с виду сосуд слабый, немощный, а на деле всё сдюжит, — встряла тётка.

После недолгого молчания Корней заметил:

— Дом у вас, смотрю, совсем новый. Прежде не здесь жили?

— А то! Мы с Казачьего. Тама госпромхоз. Токмо в последние годы много народу навезли. Рыболовецкий совхоз создали. Шумно, тесно стало. А тута спокой. К охотоведу съезжу пушнину, мясо сдам, и воля вольная — хошь песни пой, хошь спать ложись. Сам себе голова, — разговорился Юра. — Строились с племяшом. Он в прошлом годе с матерью поменялся. Её к нам, сам в ихий дом в посёлок вернулся: время приспело семью создавать. Тута веть невесты не сыскать.

Пламя в керосиновой лампе задёргалось косым язычком, вымазывая чёрным боковину стекла. Агриппина подрезала обуглившуюся макушку фитиля, и огонёк выровнялся. Стекло, протерев тряпочкой от копоти, вставила обратно.

— Я чего ишо с Казачьего съехал? Директор госпромхоза — мой брат, — продолжал Юра. — Говорун знатный, а охотник никудышный. Ишо худо, што завидлив. А как получил назначение, так и вовсе загордел. Норки задрал, считает себя всех умнея, а ежели разобратся, от заду первый. Здесь, слава богу, меня недостаёт.

Юра выпил ещё, а Агриппина опять только пригубила для вида. Закусили попевшим хлебом, макая запашистые, хрустящие ковриги в медвежий жир.

Допив остатки хмельного, хозяин, заискивающе поглядел на жену:

— Груня, ишо бы малость. Случай уж больно хороший.

Та недовольно зыркнула:

— Доста!

— Так маненько! С осени гостей не было, а тут такой знатный. Будь ласка. — Юрий встал и, чмокнув супругу в щёку, ласково обнял.

— Но боле не проси, — согласилась покрасневшая хозяйка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корней, вспомнив про подаренную якутами конскую колбасу, принёс два лоснящихся от жира кольца.

Когда всё допили и доели, Агриппина придвинулась к мужу поближе и запела:

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль — омулёвая бочка...»

Корней слушал, но перед глазами вставал не Байкал, а Дарьюшка. Ему даже на миг показалось, что это она и поёт. В душе ожили воспоминания, таившиеся в самых сокровенных уголках сердца.

— Ой, дальше слова запомнявала. Ну да ладно, начну другую. Вот любимая Юры —

По диким степям Забайкалья...

— Поёте вы, Агриппина, очень душевно, и голос у вас красивый, — похвалил Корней.

— Признатца, с детства люблю петь.

— Песни только у вас почему-то грустные — прям душу рвут. Наши другие. В наших нет страдания, наши покой душе несут.

— Поёшь веть то, што сердце в сей миг просит. А вообще-то, песни у нас разные. И веселые, и грустные, и даже, озорные. Скока себя помню, в нашей семье всегда пели. Мама, царствие ей небесное, вельми голосистая была. Пела первым голосом, за-всегда вытягивала песню. Ей баили: «Ты уж тyani, Катерина. Ты уж вытянешь». У нас в деревне песню чувствовали. Сразу кучей не пели. Как хто-то один запел, так каждый пристраивался к его голосу, как к нотке. Так песня сама и росла. Хочешь повыситься, ежели голос позволяет, — так и повышай. И так же загляхали.

Недавно в посёлке хор организовали, так там неможно голос возвышать, себя придерживать надо. А скоко колен выводили! Мой-то... — Она похлопала мужа по плечу, — зело басит. Про нас так и рекли: «Слышь, Агриппина с Юрием прошли, прогудели».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— В нашем скиту тоже будь здоров поют. Особливо на праздники. А молодёжь вечерами на лавочках распевается.

— Я ишо што! — продолжала Агриппина. — Вот свекровь, царствие ей небесное, тоже песельница редкая была. Скоко давношных текстов помнила! Я и половину не ведаю. Она и гласовым пением по крюкам владела. Правда, больно властная была — ох, доставалось мне от яё.

— Да не токо тебе одной, — опять подала голос тётка.

— То правда! Сама толком пуговку пришить не умела, а гоняла, прости господи, по всем швам. Всё утро лежит на печи, нежится. Встаёт токо к готовому самовару. А ты ишо до свету поднимаеся, трясешь яё потихоньку, шёпотом просишь благословения:

— Мама, благословите по воду сходить.

— Господь благословит.

Она веть колодезную воду не пила, токо с речки. До неё с полверсты. А я в ту пору худючая, слабая была. Она меня всё поначалу донимала: «Девка, и как тибя ноги носят? Того гляди падёшь. И как ты детей маму сыну рожать будешь?!»

Я шибко стыдилась своей худобы. Это таперича в тело вошла.

Так вот, покуда зимой несёшь эти полверсты, так вода в вёдрах ледком схватывается. Первый раз пошла без топора. Раненько пошла, нихто не прошёл ишо. Так я кованым крючком коромысла исхитрилась раздолбить лёд. А ковшика нет — видать, утопили, — нечем воду черпать. Ет чё ж? В таку даль без воды пойду? Чё скажут-то? Так я в вёдра пригоршнями набрала. А вёдра большие... Смолчала, не сказала, как мне вода досталась, а то ить она пить не станет, выльеть. Така вот была, царствие ей небесное.

— Можа, она ишо пожила бы, да на ея мужа, отца Юры, одна баба наведмичила, — вступила тётка. — Однава оне поругались крепко, дак та, вредина, в отместку таку боль ему между лопаток посадила, што бедняга рёвом ревел. Кого токо ни звали на лечбу. Всё впустию. Так и помер. А сестрица без него следом ушла.

— Дядя Корней, вот вы обмолвились, што песни у вас другие. Спойте что-нибудь.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Коли интерес есть — слушайте.

И перебрав в памяти, спел любимую и близкую по духу «Колыбельную Иисусу Христу».

— Ваша правда! Красивая, приятная песня.

— Пока вы калякаете, я тесто поставлю, — подхватила тётка. — Утром расстегаев споровю.

Замесив опару, накрыла бадью полотенцем, сверху фуфайкой и, ласково приговаривая: «расти, млей нам на радость», придвинула её к теплому боку печи.

Тем временем захмелевший Юрий принялся требовать ещё браги, но тётка одёрнула:

— Пошто блажишь? От сердитых слов опара опадёт. Ложись ужо, постлано, — добавила она уже миролюбивей.

— Не бурчи, я так. Брага больно хороша, — вяло оправдывался Юра, выходя, покачиваясь, из-за стола.

Перед тем как лечь, он, убедившись, что углей в печке нет, закрыл заслонку в трубе.

Корнею постель приготовили на лавке, накрытой конской шкурой с густым зимним мехом. Рядом на табурете лежало мягонькое заячье одеяло. Когда задули лампы, он ещё долго чувял запах погасших фитилей.

* * *

Простившись со столь близкими по духу людьми, скитник погнал упряжку к Лене. На реке скорость заметно возросла.

К полудню его неожиданно зазнобило. Голова налилась тяжестью, во рту пересохло. Пришлось остановиться, чтобы заварить противонедужного чая. Выехав на береговую террасу, прижатую отрогом к реке, освободил от упряжи важенок. Те тут же принялись копытить ягель.

С трудом наломав сухих веток, развёл костёр и, подвесив котелок со снегом, уселся на меховой спальник поближе к огню. Корней всегда любил наблюдать за причудливой беготнёй язычков пламени, но сейчас ему почему-то в них чудились тревожные отблески. Озноб усиливался. Заварив трясущимися руками

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

травы, мешочек с ними всегда лежал в котомке, выпил сразу две кружки и забрался в спальник. Согревшись, задремал. Когда очнулся, солнце уже коснулось зубчатого горизонта.

Костёр опушился серым пеплом. Лишь по некоторым головёшкам пробегали последние огненные судороги. Выпростав из мешка руки, собрал в кучу оставшиеся угли, недогоревшие веточки и раздул огонь. Костерок встрепенулся. Языки пламени жадно зализали сучья. Подогрев остывший отвар, допил его и, хотя аппетита не было, заставил себя съесть гостинец Юриной тётки — расстегай. Сумерки сгущались.

«Пожалуй, не стоит по темноте ехать? В мешке тепло. Отлежусь, а утром тронусь» — оправдывал себя Корней, закупориваясь в меховом спальнике прямо в кухлянке.

Ночью на стан набрела стая полярных волков. Почувяв их, олени с хорканьем бросились по входному следу к реке, где их поджидала засада: опытные хищники атаковали с двух сторон. После короткой схватки одна важенька осталась на истоптанном снегу, вторая, не помня себя от ужаса, умчалась в горы. Она пережила подругу лишь на два дня.

Встав, Корней по окровавленному снегу и груде обглоданных костей на реке понял, что остался без оленей. Тут он впервые за много лет запаниковал: до судна около двадцати километров, до Юриной избы не меньше, а сам он так плох, что эти расстояния без лыж не одолеть.

Скитник тяжело вздохнул: он один, помочь некому, надо срочно что-то придумывать.

Вспомнился Робинзон Крузо — тот из любой ситуации находил выход. Неужто я хуже?!

«Святой Боже, святой правый, вразуми», — взмолился Корней, глядя почему-то на нарты. И тут его осенило: «Полозья! Сниму и пойду на них, как на лыжах!»

Размотав сыромятные скрутки, освободил их от стоек. Из упряжи сделал крепления и приладил их так, чтобы полозья надёжно держались на ногах. Подвигал взад-вперёд. Ура! Идти можно!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Приободрившись, он хотел было сразу отправиться в путь, но даже эта несложная работа так утомила, что пришлось какое-то время посидеть на раскученной нарте. Заодно подкрепился колбасой и оставшимся расстегаем.

Спустившись на реку, Корней побрёл, преследуя убегающую от него длинную тень, к пароходу. Пройдя километра три, стал чувствовать, что ноги становятся ватными. Каждый новый шаг требовал и физического, и волевого усилия. Сказывалась не столько прицепившаяся хворь, сколько трёхмесячное «заточение» на судне — мышцы заметно ослабли. Особенно трудно давались участки, покрытые торосами и зубастыми ропками. Солёный пот щипал глаза, тёк по спине. Чтобы хоть немного охладиться, распустил тесёмку на капюшоне кухлянки. С трудом переставляя ноги, он вынужден был всё чаще останавливаться.

На участках с пухлым, не прибитым ветрами снегом полозья вязли. Протез от беспрестанного выдёргивания «лыжин» слетел. Опять остановка. Зато пока делал новые дырки на кожаных ремнях, для более тугого обхвата культы немного отдохнул.

* * *

Медленно текло время, ещё медленнее сокращалось расстояние до парохода.

Солнце давно село. Небесный свод замахал разноцветными лентами северного сияния.

«Ишь, как расцветчивает! Мороз, похоже, будет крепчать», — расстраивался Корней.

Наконец на излучине показался знакомый речной знак: деревянная пирамидка с полосками белого и чёрного цвета. «Осталось километра три», — прикинул он, вытирая пот. Но сил идти не было совсем.

«Надо что-то поесть», — подумал скитник.

Поднимаясь на берег, наехал на спящую в снегу куропатку. Она выпорхнула из-под «лыж» с таким шумом, что Корней вздрогнул от неожиданности.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Через силу, кое-как наломав веток, запалил костёр. От языков пламени заплясала обступавшая Корнея тьма. Уже не верилось, что недалеко пароход, кают-компания, в которой тепло, светло и можно спать, не боясь замёрзнуть.

Пожевав колбасы, прилёг, не отвязывая «лыжин», желая лишь одного: лежать, лежать, впитывая живительное тепло костра. Волны дрёмы накатили и, качая, унесли за тысячу километров в скит. Услужливая память высвечивала одну за другой бессвязные картины из прошлого, не находившие своего завершения...

Костёр давно потух, а скитник, не чувствуя холода, спал. Мороз сковал не только отсыревшую от пота кухлянку, но и волю. «Замерзаю!» — донесло до него затуманенное сознание. Корнея будто подбросило. На самом же деле он даже не шевельнулся. Склеенные изморозью веки разомкнулись лишь после нескольких попыток.

Скитник не на шутку испугался. «Немедленно вставай», — приказал мозг, но тело не слушалось.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, усердно молю Тя, Владыко Пресвятый, оживи мои ноги, дай грешному рабу Твоему силы встать!» — шептал он, чуть шевеля губами.

Прилагая невероятные усилия, Корней принялся подтягивать на себя бесчувственные конечности с прикрученными к ним полосьями. Сгибая и разгибая ноги, он подтягивал их каждый раз всё ближе к животу. В конце концов ему удалось, ухватившись за стоящее рядом дерево, медленно подняться. В глазах сразу потемнело. Долго стоял, раскачиваясь.

На него в этот момент страшно было смотреть: глаза потухли, лицо неестественно белое, борода — сплошной ледяной ком.

Всё спуталось в голове. Корней никак не мог сообразить, куда идти. Ах да! Вон знакомая двугорбая гора... «Арктика» совсем близко! Без спальника и котомки как-нибудь дойду... Потом заберу...

Скитник брёл, еле двигая полосьями, ставшими почему-то невероятно тяжёлыми. Привычной боли в культе он уже не чувствовал. В голове крутился один и тот же сумбур: то ему виделся

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

крейсер «Варяг», идущий на дно, и он тонет вместе с командой, то вдруг поляна в ландышах, а посреди неё таймень, раздутый, как бочка.

Выглянувшая из-за гор щербатая луна вернула Корнея к действительности: «Кто это сбоку за мной волочится? Тьфу ты! Это ж моя тень!»

Луна, радуясь тому, что сумела хоть ненадолго осветить человеку дорогу, вновь скрылась за очередной тучей.

Прилечь теперь Корней себе не разрешал — боялся не встать. Когда силы совсем оставляли, чтобы не упасть, высматривал вертикально торчащую льдину. А найдя, приваливался к ней и жадно хватал ртом снег. Эти минуты отдыха казались ему минутами неизъяснимого блаженства!

После передышки самым трудным было заставить себя сделать первый шаг. Пройдя метров пятьдесят, вновь начинал высматривать, к чему бы прислониться. Перед глазами из ниоткуда стали возникать мерцающие цветные круги — красные, зелёные, жёлтые. Они сходились, наплывая один на другой, переплетались и бесследно исчезали, но вскоре опять выплывали. Где-то в стороне безостановочно играли гармошка и духовой оркестр.

В какой-то момент Корней обессилел до такой степени, что стал безразличен ко всему. Хотелось плюнуть на всё, лечь и не двигаться. Его уже не пугало то, что он не сможет встать. Но, представив, как волки и росوماхи будут рвать его тело на части, он содрогнулся и, мобилизовав остатки сил, сумел двинуться...

Остановившись очередной раз, обвёл взглядом берег, но, почему-то не узнал место: «Где я? Где пароход? Неужто прошёл и не заметил? Да нет, его не проскочишь».

Дальше брёл в почти бессознательном состоянии, неустанно шепча: «Господи, не оставь мя грешного, дай силы дойти».

Упершись в очередной поперечный торос, обходить не стал. Цепляясь за выступы, на карачках забрался на него. Отдышавшись, поднял голову и... увидел при дрожащем свете озябших звёзд долгожданный силуэт с трубой.

«Дошёл!» — почти равнодушно подумал он, теряя сознание.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Очнулся от ощущения смертельной опасности. Приоткрыв глаза, увидел перед собой чёрную когтистую лапу. Корней инстинктивно вскрикнул. Чернобурка, поняв, что человек жив, отпрянула и понуро затрусилась прочь.

«Встать, встать!» — приказывал себе скитник, вновь погружаясь в сонный дурман...

Пришёл в себя в кают-компании. Не зря Корней молил Господа о спасении. К зимовщикам приехал за спиртом Алдункан. Его собака заинтересовалась чернеющим на торосе пятном, а подбежав, призывно залаяла. Обнаружив Корнея, эвенк привёз его на пароход.

* * *

Конец марта отметился необычайно ранней для этих мест оттепелью. Несколько дней кряду дул сырой юго-восточный ветер, после чего установилась солнечная погода. На припёках оседали сугробы. Ночью подмораживало, и кристаллы снега спаивались в такой прочный наст, что по нему можно было до полудня ходить не проваливаясь.

После недельной аномалии зима вернулась с морозами и метелями ещё на месяц. Потеплело лишь на Страстную седмицу Великого поста. Пауки так обрадовались теплу, что забегали прямо по снегу. Чтобы не беспокоить товарищей, Корней на Пасху, мужественно терпя боль в обмороженной культе, молился всю ночь¹ на камбузе.

Световой день заметно удлинился, и, как только нога зажила, скитник стал выбираться на охоту. Первые две недели были пустыми, зато последующие удача не изменяла ему. В общей сложности удалось добыть с десятков глухарей и столько же зайцев и двух сожгоев. У тех на широких копытах были наморожены ледяные башмаки-наросты — похоже, прошли по незастывшей наледи.

Всё выше поднимающееся солнце трудилось во всю мощь. Снег тяжёлеет, становится зернистым. Вокруг стволов деревьев

¹ У старообрядцев Всенощная длится до девяти часов.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ширились воронки. На проталинах соблазнительно зазелели россыпи перезимовавшей клюквы. Загустели тальники. Задышала оживающая земля. Один за другим вспыхивали скромные цветы. По большей части ветреницы и камнеломки. В закрытых от ветров ложбинках на ветвях лиственниц проклюнулись зелёные точки, на глазах превращающиеся в мягкие щетинки.

21 мая всем запомнилось тем, что солнце не скрылось за горизонтом, а, чуть коснувшись его, отправилось на очередной круг. Корней поначалу радовался не заходящему светилу, но уже на трети сутки понял, что в этом природном явлении для человека нет ничего хорошего. Организм пошёл в разнос — перестал понимать, когда спать, когда бодрствовать.

23 мая во время обеда зимовщики услышали ровный гул. Самолёт? Все выбежали на палубу. Отнюдь! Оказывается, это Лена, расшевелив ледяные оковы, поползла белой змеёй к океану.

Мощные льдины, налезая друг на друга, лопались, крошились, словно перекалённое стекло, переворачивались, вставали торчком и, сияя свежими сколами, громоздились неприступными редутами. Правда, недолговечными: теснимые со всех сторон, они разрушались прямо на глазах. Тех, что попрочней, выпирало на берег, где они безжалостно срезали молодые деревца и кустарники. В воздухе запахло свежей водой.

Вышедший с машинного отделения якут Иван снял шапку и, что-то бормоча на своём языке, простоял, глядя на ледоход, часа два.

— Лена — женщина. Сегодня она рождает, — сказал он повернувшись к Корнею.

После восьмимесячной тишины, когда, чтобы уловить какой-либо звук, приходилось напрягаться, теперь над рекой стоял мощный гул, от которого вибрировал не только корпус «Арктики», но и земля. Капитан был спокоен — в затоне ледоход сухогрузу не опасен.

Прибывающая вода постепенно вымывала землю из-под деревьев, рушила берега, обнажая ледяные линзы. Вывороченные потоком деревья, размахивая узловатыми корнями и ветками,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

неслись по реке, то погружаясь в воду, то всплывая. Ударяясь о камни и друг об друга, они теряли ветки и кору.

Один исполин долго сопротивлялся. Уже, казалось бы, и почвы под ним почти не осталось, а он, опершись на толстые, мускулистые корни, из последних сил стоит, словно догадываясь, что, упав, создаст массу проблем. Но настырная река призвала в союзники ветер. Натиска двух стихий упрямец не выдержал, тяжело вздохнув, рухнул-таки. Могучий поток подхватил и понёс его. Где-то через километр разлапистую махину затянуло в протоку, и великан, наглухо перегородив её, стал собирать всё, что приносило течением. За несколько часов образовался многоярусный залом.

Вода с шумом рвалась в щели между стволов, но, не имея достаточного стока, ринулась в прибрежный лес...

Паводок пошёл на спад лишь на восьмой день. Отступая, Лена развешивала на кустах и деревьях лесной хлам. Настало лучшее время для ловли сига. Зимовщики каждый день разбредались с удочками по берегу. Примостился на коряге и Географ.

— Ключёт? — поинтересовался подошедший Корней.

— Не больно. Два только. Вода уходит. Сиг это чует и торопится в Лену — боится, что отрежет.

— И охота тебе грязь месить? Вот подсохнет земля, тогда и рыбалка в удовольствие.

— Так сиг ждать не будет, он только в половодье и ловится. К тому же сейчас ни комаров, ни мошкары. Как потеплеет, загрызут проклятые.

Сига Корней видел впервые: длинный, с острой тёмной мордочкой, а сам ослепительно-белый. До вечера Николай всё-таки поймал ещё трёх. Удачливей всех оказался моторист — принёс на камбуз двенадцать хвостов. Так что хватило и на наваристую уху, и на жарёху. Ели с удовольствием — оленина за зиму надоела.

Возвращаясь в исконное русло, река постепенно светлела и текла хоть и с напором, но без прежнего исступления. Струи ласково, словно прося прощения, поглаживали изувеченные

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ледоходом берега. О недавнем буйстве реки напоминали лишь завалы из ошкуренных стволов.

На проплешинах запылал нежно-сиреневым пламенем маральник. Пройдёт дней десять, и откроются навстречу солнцу красно-фиолетовые маки. Лес зазвенел, заиграл множеством птичьих голосов, да так дружно, что нельзя было разобрать певцов. Всё слилось в единый хор.

Механик с мотористом теперь целыми днями возились с двигателем. Что-то подтягивали, смазывали, чистили, подливали. Когда его запустили, железный корпус «Арктики» задрожал, как живой, а из трубы повалил чёрный дым, через минуту посветлевший. Люди приободрились: значит, скоро в путь! Однако капитан сниматься не спешил — знал, что море ещё во льдах — чего судну бока мять?

ЗДРАВСТВУЙ, СТУДЁНОЕ МОРЕ!

Третьего июня получили радиограмму о том, что устье Лены свободно. Прозвучала долгожданная команда: «Сниматься с якоря!» Махом убрали сходни, смотали носовой и кормовой швартовые. Включив лебёдку, с грохотом выбрали цепь. Якорь вынырнул из воды и замер у клюза. В машинном отделении прозвенел сигнальный звонок, следом прозвучала команда: «Самый малый назад!» Обрадованно заурчал дизель. «Лево руля!» Судно развернулось и, выйдя на фарватер, возобновило прерванный в сентябре путь мимо круч, ошестинившихся жизнерадостными лиственницами и угрюмыми елями.

Вскоре вошли в узкую каменную теснину — многокилометровую Ленскую трубу. Здесь река прорезает один из боковых отрогов Верхоянского хребта. Скорость течения возросла так, что фарватер запестрел воронками. Дремавшая всю зиму река спохватилась и, навёрстывая упущенное, зашпешила к океану. Вырвавшись на простор, она понесла свои холодные воды уже степенно и величаво.

Чем ближе к океану, тем ниже прижимались к земле всклокоченные тучи, худосочней становились растущие по берегам деревья. Да и те больше прятались в ложбинках и распадках.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Ещё не тундра, но уже и не тайга. Горы по большей части лысые, в густых мазках снежников. Берега в свежих обвалах. Над всем этим белёсое полярное небо и блёклый диск солнца. Уныло, голо. Лишь зигзаги острокрылых чаек оживляли панораму.

Перед устьем посреди реки возвышалась огромная, напоминающая сгорбленного медведя, гора — знаменитый остров Столб. После него, собственно, и начинается гигантская, шириной в триста километров, дельта Лены. Решительно раздвинув высокие берега, река рассыпается веером многочисленных проток, образующих более тысячи больших и малых островов, обрамлённых горами плавника с култышками сучьев.

Деревья на островах практически не выживают, а те, что выстояли, корявые и чахлые. С мелководий несея гомон гусей, уток, куликов, стерхов. Птиц местами до того много, что не видно воды. Над всем этим пернатым изобилием реют, высматривая добычу, белохвостые орланы.

Река, в обычном понимании, исчезла. Вода привольно текла по низменности, не придерживаясь чётких направлений.

Корней заволновался — как капитан разберётся в этом чудовищном лабиринте?

Но тот уверенно вёл судно в Быковскую протоку: по ней самый короткий и безопасный проход к океану. Чаек всё больше. Сначала они летали кругами над судном довольно высоко, но, постепенно привыкая, стали смелеть и даже садиться на леера и надстройки.

На одном из больших островов паслись невероятно мохнатые животные. Бурая шерсть у них свисала до самой земли.

— Овцебыки. Несколько лет назад завезли с Аляски, — прокомментировал капитан. Немного помолчав, добавил: — После этого острова начнутся раскаты.

Видя, что Корней не понял, пояснил:

— Так зовётся участок дельты перед открытым морем.

Упругие толчки волн просигналили — пароход вышел на глубину! Вокруг сталистая вода, густо испятнанная блинами ноздреватых льдин (ударяясь о нос, они крошились). Лоснящиеся спины

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

тюленей, изредка появлявшиеся на почтительном расстоянии, подтверждали — «Арктика» в море. В море Лаптевых. Глядя на удаляющееся пустынное побережье с пологими рыжеватыми холмами, Николай Александрович торжественно произнёс:

— Прощай Земля, здравствуй Океан!

Прозвучала команда: «Полный вперед», и судно, сопровождаемое крикливой стаей чаек, взяло курс на Тикси, где предстояло доукомплектовать экипаж, пополнить запасы мазута и пресной воды. За кормой потянулась пенная кильватерная дорожка. Корней перешёл на нос и, обдуваемый ветром, любовался высоко разлетающимися на обе стороны перламутровыми крыльями брызг. На некоторых льдинах нежилась похожие на тугие бочонки нерпы с белоснежными малышами — бельками. На их милых и выразительных мордашках, точно углём намалёваны, чёрные, напоминающие крупные спелые смородинки, глазки и носик. Один из бельков криком, похожим на жалобный детский плач, звал мать, видимо, нырнувшую за добычей.

Со стороны материка показалась армада чёрных туч. Их обманчивая неподвижность создавала иллюзию горного хребта.

— Смотрите, смотрите — горы! Какие высокие! — воскликнул Корней. Географ в ответ только улыбнулся. Когда сминаемые ветром «горные кряжи» порвало в клочья, смущённый скитник надолго замолчал.

Хотя ветер чуть дул, капитан приказал проверить и при необходимости подтянуть ремни и верёвки, удерживающие грузы на палубе. После полудня ветер совсем зачих, зато зародился и стал густеть туман. Солнце едва проступало бледным пятном. В этой мути сложно было различить, где кончается вода, где начинается небо. Казалось, корабль движется не по громадному океану, а по небольшому озеру.

Корней был разочарован. Он так ждал встречи с Океаном, и что? — унылое, безрадостное зрелище!

После мыса Муостах океан решил-таки показать свою мощь и крутой нрав. Поднявшийся ветер разметал туман. Вода потемнела, стала злой и беспокойной. Заострившиеся волны покры-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

лись белыми барашками. Порывы ветра всё чаще срывали с них пенные брызги. Шторм набирал силу. Судно плавно взмывало и опускалось на размашистых волнах. От носовых скул «Арктики» высоко разлеталась вода. Вокруг, скрежеща о борта, болтались, словно пьяные, льдины. Все с тревогой прислушивались к их ударам о корпус.

Судно качало так, что скрипели переборки. Передвигаться по палубе стало небезопасно.

— Не рыскать! Держать на волну! — приказал капитан.

(Когда судно идёт навстречу ветру, опасность лечь набок и перевернуться минимальна.)

Через полчаса волны достигли такой высоты, что стали окатывать судно целиком: многотонная масса обрушивалась на нос и валом прокатывалась по палубе, пытаясь сорвать грузы. Когда «Арктика» выныривала, нос на какое-то время зависал в воздухе, но спустя несколько секунд вновь проваливался, и судно накрывал очередной вал. Пару раз «Арктика» не успевала заполнить на гребень и, оказавшись внутри, как бы протыкала его насквозь.

Одна массивная льдина с такой силой саданула в левую скулу, что образовалась вмятина и в носовом отсеке трюма появилась течь. Рёв вокруг стоял такой, что невозможно было разговаривать.

Всякий раз, когда судно падало вниз, у Корнея замирало сердце. Вот теперь он почувствовал мощь Океана.

Поначалу, когда накатывалась очередная громадина, скитник невольно крестился: ему казалось, что она наверняка поглотит корабль и отправит их всех в морскую пучину, но, убедившись в живучести судна, успокоился. Страх постепенно сменялся ликованием и сумасшедшим восторгом. К сожалению, от качки начало тошнить, и ему, по настоянию боцмана, пришлось спуститься в кубрик — там пониже и не так качает. В нём всё было прикручено, приварено и никуда не перемещалось.

Скитник улёгся на койку и, чтобы ослабить неприятные ощущения, уткнулся лицом в подушку. Под вечер напор ветра ослабел, и противная качка поутихла. Море уже не кипело и не пенилось.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Волны стали ниже и округлее, однако стрелка барометра упорно ползла к отметке «Буря».

Она не обманула — сначала похолодало, и порывы ветра принялись швырять в «Арктику» снежные заряды. Надстройки, такелаж, труба, антенна, палуба быстро покрывались мокрым снегом, на глазах превращающимся в ледяную корку. К утру корабль стал похож на белое неповоротливое чудище. Сбивать лёд было опасно из-за риска повредить что-нибудь либо самому оказаться за бортом. Как только волны пошли на убыль, рукоятку реверса перевели на «полный вперед» и пошли лагом¹ к волне.

Вход в бухту порта Тикси оказался так плотно забит льдами, что «Арктике» было не протиснуться. (Судоходство в этих широтах зависит оттого, куда соизволит подуть ветер. Даже в летние месяцы сиверко за день может пригнать к берегу такие массы льда, что побережье на десятки километров станет недоступным. А задует южак — открывается.)

Встали на рейде в трёх километрах от порта. Посёлок: три ряда серых построек и несколько стрел кранов, как на ладони. За ними унылые рыжие холмы, разделённые низкими седловинами. Оттуда то и дело с рёвом выныривали и устремлялись в небо самолёты. Через несколько минут после взлёта раздавался сотрясающий всю округу «взрыв». Корней каждый раз произвольно вздрагивал. Ему было удивительно, почему после такого мощного взрыва самолёт не разваливается, а лишь начинает дымить, оставляет за собой белую полосу, но огня не появляется и самолёт продолжает лететь.

Видя недоумение товарища, Географ объяснил:

— Это не взрыв, это самолёт преодолевает звуковой барьер.

— Что за барьер?

— Просто так говорят. На самом деле это момент, когда самолёт начинает лететь быстрее звука. Их так и называют — сверхзвуковые.

¹ Лагом — параллельно (боком) к волне.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Потянулись часы ожидания южного ветра. Чтобы не терять время впустую, команда принялась избавляться от намёрзшего льда.

Безуспешно прождав двое суток, капитан после долгих переговоров по рации убедил портовое начальство выслать к ним ледокол. Тот доставил экипаж, продукты и заправил «Арктику» горючим. Повеселевший Пётр Порфирьевич подарил команде ледокола тушу оленя.

Пресную воду они успели закачать в танки до этого из голубоватых луж, образовавшихся на льдинах под лучами бессонного солнца. Теперь можно было идти на Яну.

Среди вновь прибывших помимо старых членов экипажа был один новичок — повариха Варя. Лицом она была похожа на татарку, а возможно, ею и была. Большие карие глаза, роскошные катановые волосы странным образом сочетались с напускной грубоватостью. Что бы она ни делала, всегда вполголоса напевала.

* * *

Погода баловала: ясно, безветренно. После завтрака все свободные от вахты высыпали на палубу посидеть на солнышке. Океанская гладь, усеянная «блинами» льдин и редкими айсбергами, возмущалась лишь расходящимися кругами от вынырывающих тюленей. Набрав воздух, они вновь исчезали под водой. Однажды прошли мимо скопления льдин, на которых грелись десятки нерп — аборигенов здешних мест. При приближении судна они встревоженно поднимали круглые усатые головы, а некоторые даже приподнимались на ластах и издавали звуки, похожие на мычание.

— Из морского зверья только нерпы здесь постоянно живут, — просвещал Корнея Николай. — Ещё с осени в молодом льду проделывают лунки-продухи и поддерживают их всю зиму открытыми. Под защитой таких снежных «домиков», оледеневших изнутри от испарений воды и дыхания, нерпы спят, приносят потомство. Белые медведи, обнаружив их укрытия, караулят, когда нерпа вынырнет, и нападают.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На третий день надвинулся рыхлой стеной туман. Льдины выплывали из него неожиданно и казались огромными.

Капитан приказал давать гудки, чтобы по характеру эхо не прозевать приближение айсберга. Задувший после полудня с материка ветер поднял волну и отчасти разметал молочную муть, но видимость улучшилась незначительно. Берега по-прежнему не просматривались. Кругом, насколько хватало глаз, лишь серые волны и выплывающие из тумана стаи льдин. Они появлялись всё чаще. Волны, придавленные ими, сглаживались. Пенные гребни и вовсе исчезли. На одной из льдин разглядели огромного тюленя, гладкого и блестящего. Он безбоязненно наблюдал за проплывающей мимо него машиной.

Льдин же с каждым часом становилось всё больше. Чтобы избежать опасных столкновений, сухогруз пошёл предельно осторожно на малом, оставляя за собой дорожку, быстро затягиваемую битым льдом. Но в конце концов «Арктика» всё же оказалась обложенной со всех сторон. На некоторых ледяных полях можно было разглядеть следы, очень похожие на человеческие. Это прошли белые медведи.

Капитан не стал таранить льдины, а, отходя немного назад, на самом малом ходу наезжал на них. Продавив несколько метров, давал задний ход. Этот манёвр терпеливо повторялся десятки раз. Он позволил без ненужных перегрузок вырваться на относительно чистую воду.

Корнею нравилось, стоя на носу, наблюдать, как молодые льдины раскалываются, а старые притапливаются под тяжестью судна, а затем с шумом всплывают в потоках воды, иногда перевернувшись, и вместо верхней снежной поверхности показывают ноздреватую нижнюю.

Ближе к вечеру вновь появились айсберги, возвышавшиеся над водой на метров десять — пятнадцать. Значит, под водой ещё метров тридцать. Изумрудные, а иногда нежно-голубые, они словно светятся изнутри. Солнечные лучи, отражаясь от граней, заставляли щуриться. В одном из них волны вымыли полупрозрачную полость, напоминающую зал со сквозными проходами.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Небольшие айсберги — посланцы берегового припая, а покрупнее — обломки сползших с гор ледников. Эти зачастую с множественным грязных вкраплений щебня, песка.

Один из айсбергов поразил команду. Проплывая мимо него, люди увидели сквозь голубоватый скол бесформенное волосатое чудовище. Судя по размерам — мамонтёнок либо носорог.

УСТЬ-ЯНСК

К Яне подошли 12 июня. Аккуратно маневрируя по чёрным, зигзагообразным разводьям, преодолели ледовые поля, собравшиеся у устья. Наконец, из-за излучины показались радиомачта и труба котельной — Усть-Янск. Порт активно строился. Причал заставлен контейнерами, дощаными ящиками. В самом посёлке, стоящем поодаль, много новых домов. Лежащие на палубе «Арктики» пачки с сосновым брусом предназначались для строительства новой больницы.

Капитан скомандовал: «Приготовиться к швартовке!», «Отдать носовой!», «Отдать кормовой!», «Стоп машина!» Судно по инерции приближается к обвешанному покрывками бревенчатому причалу и мягко, можно сказать нежно, прижимается к нему.

Радость от того, что так легко дошли до посёлка и удачно пришвартовались, вскоре была омрачена предупреждением о перемене ветра на северный. Чтобы успеть выйти в море, до того как льды запрут устье, к разгрузке подключилась вся команда. Благо круглые сутки светло. Переместив на пристань то, что находилось на палубе, открыли трюмы и стали на стропах поднимать ящики, мешки. Но, как ни торопились, завершить разгрузку не успели.

С гидропоста сообщили, что устье забило паковым льдом. «Арктике» ничего не оставалось, как ждать южного отжимного ветра. Хорошо хоть успели до хлынувшего ливня задраить трюмы и закрыть брезентом пиломатериалы для Русского Устья.

Пользуясь вынужденной стоянкой, принялись заклёпывать трещину на стыке стальных листов на носу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

С камбуза три раза в день призывно нёсся голос поварихи:

— Мальчики-и-и! Обе-е-да-ать!

Чуть позже:

— За добавкой по-о-дхо-оди!

Географ, даже если был сыт, шёл за добавкой, а подойдя, всё старался заглянуть в глаза поварихе, словно хотел прочесть в них то тайное, что манило его к ней. Ему казалось странным, что у неё, такой бойкой и расторопной, в глазах постоянная бездонная грусть.

Как-то, выждав момент, когда все разошлись, спросил:

— Варенька, что вас, такую молодую и красивую, так печалит?

— С чего вы взяли?

— Уж больно глазки у вас грустные.

— Одинокой берёзке есть о чём печалиться, — произнесла она тихо, продолжая мыть посуду.

Николай Александрович стал лихорадочно соображать, как продолжить разговор.

— Можно вам помочь?

— Я не против. У меня работы много.

Управившись с делами, они вышли на палубу.

— Варя, вы из местных или приезжая?

— Это как посмотреть. Родилась в Великом Устюге, но с трёх лет живу в Певеке. Родители по набору приехали. Так что считаю себя местной. А вы?

— А я самый что ни на есть здешний — усть-янский. И капитан наш отсюда. — Сделав паузу, с гордостью добавил: — Он мой ученик!

— Так вы учитель?

— Когда-то был. Преподавал географию. Потом всё по экспедициям.

— Отчего так?

— На уроке сказал, что Колчак внёс огромный вклад в исследование Арктики... Между прочим, в Певеке я не раз бывал. Большой поселок.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Может, и в нашу столовку заходили? — оживилась Варя. — Я там раздатчицей работала, а муж такелажником в порту. Когда он погиб, уехала на Большую землю. Помыкалась, помыкалась и обратно. Север он такой: берёт половинку твоего сердца и прячет в своих ледниках. И, где бы ты ни оказался, он всё равно тянет к себе.

— Вы правы, Северу вроде нечем человека привлечь, тем не менее как-то удерживает, не отпускает... Варя, а вы в курсе, что ваш Устюг подарил России удивительного подвижника Заполярья — купца-морехода Никиту Шалаурова? Это он первый описал побережье от Усть-Янска до Шелагского мыса, открыл уникальную Чаунскую губу. К сожалению, его судно раздавило льдами и все погибли. В 1792 году нашли зимовье, покрытое парусами, а в нём их останки.

— Я про эту историю кое-что слышала от чукчей. Они говорили, что люди отравились печенью белого медведя¹.

Так они стояли, рассказывая друг другу разные истории, став в эти минуты близкими, благодаря тому, что оба были влюблены в Север.

В последующие дни команда увлечённо наблюдала за развитием романа. Географ даже на берег сходил всего один раз. Родители умерли, а с сестрой, которая была на двенадцать лет младше, у них были весьма прохладные отношения из-за её мужа — его однокашника. Ради приличия всё же один раз проведаль. Отнёс племянникам кулёк разноцветных подушечек и три банки сгущённого молока.

* * *

Корней побродил вокруг посёлка. Кругом во все стороны простиралась кочкастая тундра, местами поросшая карликовыми

¹ Печень белого медведя не то чтобы ядовита, но есть её не желательно. Дело в том, что в ней содержится невероятно большое количество ретинола (витамина А). Так, в 100 граммах печени 400 тыс. мкг, что в пятьсот раз больше дневной нормы человека. Последствия от употребления зависят от количества съеденной печени и варьируют в широких пределах вплоть до потери зрения и даже смерти.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

берёзками и стелющимися ивами: взгляду не за что зацепиться. (Северные деревья спасаются от нестерпимых морозов и ветров под снегом, поэтому не поднимаются выше полуметра.)

Скитник всё больше разочаровывался в Севере и не понимал почему Николай так восторгается им. Поскольку Корней не участвовал в ремонтных работах, у него была уйма свободного времени. По совету Николая Александровича пошёл знакомиться со старожильцами, живущими в разбросанных по высокому берегу рубленых избах. Из-за ветров и дождей их стены имели почти графитовый цвет.

Брёвна для домов валили и сплавливали по реке за сотню километров отсюда весной, и если в этот период заболел или просто поленился, то строительного леса тебе не видать. Иногда, во время паводка, брёвна собирались и плыли по реке большим скопищем, который местные окрестили «божьим плотом». Поймать такой было большой удачей.

Дедовское наследство старожильцев состояло из старинных оборотов речи и кремневых ружей. Один из местных, малоречивый, на первый взгляд мрачноватый, чернобородый верзила, лет тридцати, работал кузнецом. Пряма-таки былинный богатырь.

Корней познакомился с ним прямо в прокопчённой кузне. Услышав дробный перепляс молотков, он заглянул в открытую дверь. Тут для него всё было интересно. На железном верстаке навалены разные инструменты. Земляной пол у наковальни усыпан бурой окалиной. По углам груды железа. А самое интересное — горн, в котором вяло тлели древесные угли. Но стоило чёрным мехам «задышать», как они оживали, вспыхивали летучими синеватыми язычками.

Не обращая на вошедшего внимания, перемазанный сажей кузнец положил клещами на жаркие угли заготовку и стал то и дело переворачивать её. Когда она раскалилась добела, перенёс на наковальню и принялся бить по ней молотом. От пышущего жаром металла во все стороны дождём летели искры.

Корней принялся: пахло смесью древесного угля и горелого железа.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Медленно остывающая заготовка под расчётливыми ударами меняло форму, словно воск. На глазах восхищённого скитника из бесформенного куска рождался топор.

Трофим к появлению седовласого зрителя отнёсся поначалу безучастно, но видя, с каким неподдельным интересом тот наблюдает за его работой, предложил:

- Што, отец, хошь постучать?
- А можно?
- Говори громше — глуховат я.
- Хочу!!!

Кузнец раскалил в горне до золотистого свечения полоску металла и, зажав её клещами, переместил на наковальню.

Повязав «ученику» запон, вручил ему большой молот, а сам взял маленький.

- Попробуйте нож выковать.

Корней поначалу бил осторожно, но прочувствовав податливость металла, осмелел. Заготовка постепенно приобретала нужную форму. Трофим точными, мелкими ударами молоточка подправлял. Получилось неплохо. Чтобы закалить полотно, кузнец вновь прогрел его в горне и опустил в горячее масло. Оно зашипело, пахнуло дымком.

Когда будущий нож полностью остыл, протянул Корнею:

- Таперича поостри на наждаке.

Проверив ногтём остроту лезвия, похвалил:

- На первину баско получилось.

(Позже Корней сделал из оленьего рога удобную ручку и сшил кожаный чехол. Этот нож прослужил ему верой и правдой до конца жизни.)

- Трофим, а можно я завтра ещё приду?

- Приходите, коли по душе.

Что удивительно, эти совершенно разные по возрасту и занятиям люди как-то сразу сблизились, видимо, сказалось родство душ. Уже на второй день кузнец пригласил Корнея к себе обедать. Войдя в избу, скитник был приятно изумлён: просторная, светлая горница обставлена красивой резной мебелью, в углу киот с тёмными квадра-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

тами образов. На окнах занавески с вышивкой: «Бог есть любовь». Одна стена сплошь заставлена книжными шкафами.

— Батюшки! Сколько книг! Ты, гляжу, завзятый книгочей!

— Да, люблю читать, — кивнул Трофим.

Он уже умылся и рабочую робу сменил на белую косоворотку, перехваченную пояском с кистями, и украшенную по подолу и воротнику вышитыми васильками.

— А это что за фолиант? — Корней указал на толстую старинную книгу. Польщённый парень просиял.

— Это моя гордость — рукописное Евангелие XVII века. Первоисточное, направлено. Полюбуйтесь. — Кузнец снял книгу с полки. — Корки деревянные, кожей обтянутые, в две застёжки. Стариной прям веет.

— Откуда у тебя такое богатство?

— От деда перешло, тоже ковалем был. Он сказывал, што до революции в нашем доме отбывал ссылку дюже авторитетный богослов. Дивно начитанный и неуступчивый власти. К нему из многих мест старообрядцы приезжали. Вот оне и привозили. Ишо много што по почте выписывал для работы... Я иной раз читаю. Интересно оне изъяснялись. Давношные времена завсегда манят.

— Так ты старославянский знаешь?

— Маненько. К буквам борзо приноровился, а со словами сложней — непонятных много. Однакось начнёшь вдумываться, и смысл проясняется. А вот эта книжица моим дедом писана. В ней поколенная роспись нашего рода. Таперича я пополняю.

— Похвально! В Святом Писании сказано: кто почитает своих предков, тот счастливый и долголетний на земле будет.

Тем временем хозяйка в цветастом сарафане достала из печи каравай с румяной, золотистой корочкой. От него шёл такой вкусный дух, что Корней невольно сглотнул слюну. Заметив это, Трофим спохватился:

— Што мы всё о книгах. Вареве стынет. Горячее-то вкусней.

На столе стояли чугунок с парящей кашей, варёная оленина, брюшки нельмы, берестяная плетёнка с хлебом и жбан с квасом. С краю, на подносе, тянул незатейливую песенку самовар.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Прочитав «Отче наш», приступили к трапезе.

— На мясо нажимайте. Без него на Севере никак! Моя тёща, подавая мясное, всякий раз припевает:

- Что варила, мила тёща?
- Милый зятюшка, грибки.
- С этой пищи, мила тёща,
Хрен не встанет на дыбки.

Корней аж поперхнулся от смеха:

— Весёлая у тебя тёща!

— А то! У ней оные куплеты на все случаи. Да вон она сама идёт.

В горницу вошла сгорбленная, сухонькая старушонка в чёрной юбке до щиколоток. Из-под неё виднелись замызганные чуни, на плечах старенький ватник, голова повязана коричневым шерстяным платком, седые прядки выбились на морщинистый лоб. В руках лукошко с десятком яиц.

— Отведайте, ишо тёплые.

И пропев:

- Не дари мне по весне
Нежные цветочки,
Подари ты лучше мне
Два яйца в мешочке —

вышла из горницы.

Корней смутился, а Трофим хохотнул:

— Я ж предупреждал. Прежде ишо боевей была, а как мужа схоронила, так притухла.

Дальше ели молча, сосредоточенно. За чаем первым заговорил Трофим:

— Слыхал, што вы на Чукотку путь держите. Вояж славный. У нас до войны командир по фамилии Травин останавливался. Запомнилось, что он отменно долгий был, будто лесина. Говорил,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

што к Чукотскому Носу идёт. Машина у него дивная на двух колёсах была. Мой тятя не поверил, што он с самого Мурманска. Так тот ему бумагу показал. Вся в печатях!

— Коли Господь не оставит меня в своей милости, тоже хочу дойти до Чукотского Носу. Оттуда, говорят, даже Аляску видно.

— И пошто вам ента Аляска?

— Да так... Взглянуть почему-то хочется.

— Ну помогай вам Бог! А у нас вам как, нравится?

— Здесь, конечно, раздолье, но глазу не за что зацепиться.

— Ну, вы, отец, и сказанули — не за што зацепиться! Эво! Вы токо гляньте! — Тимофей махнул рукой в сторону окна. — Красотиш-ша-то какая! Ажно душа отлетает! Где ишо стока цветов враз увидишь? А мхи? Вы видели, какие у нас мхи? Тута вся радуга: красные, жёлтые, фиолетовые. А по осени ягод скока! А кака тьма птиц на озёрах летом гомонится! А зимой, што думаете — мертво? Отнюдь! Где ишо увидишь на небе такое разноцветье? У нас весь год есть чем любоваться!

Рассказ Трофима про мурманчанина сильно зацепил Корнея. Он прикинул, где Мурманск, где Алдан. Получалось, что Мурманск раза в три дальше.

«Выходит, Травин герой, а я слабак — на пароходе-то всяк горазд, — думал он. — И печати тоже надо бы ставить».

Утром скитник зашёл в канцелярию порта и поставил на обратной стороне своей справки об освобождении первую печать.

ИНДИГИРКА. ЮКАГИРЫ. ШАМАН

В самую серёдку полярного дня¹ с гидропоста сообщили, что ледяные поля южаком отжало. Капитан немедля распорядился готовиться к выходу. Через полчаса прозвучала команда: «Отдать швартовы! Обе машины малый вперёд!»

¹ Продолжительность полярного дня колеблется в зависимости от широты местности, от одного дня до ста восьмидесяти.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Стоящий у тумбы машинного телеграфа моторист ответил по переговорной трубе: «Есть, обе машины малый вперёд!» Корпус корабля мелко задрожал, из трубы повалил дым.

Когда проходили устье, чуть было не угодили в намытую рекой мелкоту — в последний момент заметили характерную зыбь и успели отвернуть. Только вышли из Яны, как разрозненные льдины вновь стали смыкаться. Проход всё уже и уже. Прибавив ход, «Арктика» всё же успела выскочить на открытую воду.

В проливе Дмитрия Лаптева упёрлись в тяжёлые многолетние, уже отполированные волнами льды, опоясанные дроблёной мелочью. Сделав несколько попыток пробиться, капитан оставил это бессмысленное и опасное для судна занятие.

— Теперь мы не мореходы, а льдоходы, — шутил он.

На Корнея неожиданно тяжёлым бременем навалилось ощущение одиночества, его ненужности в этом чуждом мире. В голове вертелось: «И что я тут делаю? Что тут забыл? Ну, мечтал о море, рвался... так посмотрел уже. По-хорошему домой бы... На Алдане люди, которые ждут и любят меня».

И так ему стало тоскливо, что чуть не завыл по-волчьи. «Пожалуй, сойду в Русском Устье и на первом же пароходе поплыву обратно», — решил он и сразу повеселел. В то же время ему не давал покоя рассказ кузнеца Трофима о героическом командире Травине.

Он решил порасспросить Географа, знает ли тот о таком.

Корней вышел на палубу и сразу наткнулся на Николая, обнимавшего Варю. Засмутившись, хотел было пройти мимо, но тот сам остановил его:

— Что, Корней Елисеевич, тошно сидеть в каюте? Провериться решил?

— Да я вот всё о Травине думаю. Он, говорят, из Мурманска до Чукотского Носа дошёл.

— И не только! Травин на своём «железном коне» вдоль всей границы Советского Союза проехал.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ой, расскажите, расскажите! Как интересно! — вступила в разговор Варя.

* * *

«Арктика» потеряла в ледяной западне четыре дня. Лыдины, подчиняясь течению, беспрерывно елозили, скрежетали о борта. Пароход в ответ скрипел переборками, но до реальных повреждений не дошло — видимо, по-настоящему не зажимало. Все эти дни завеса тумана закрывала горизонт.

Наконец метеосводка пообещала ветер. Синоптики не ошиблись: раскачиваемые им ледяные поля потихоньку расходились. Образовавшиеся разводья мало-помалу расширялись. Найдя удобный проход, «Арктика» вырвалась из плена и пошла галсами, стараясь держаться в стороне от скопления льдин.

Механик на радостях завёл патефон, и над океаном понеслось «Раскинулось море широко...». Команда дружно подхватила.

Дальше шли без задержки. Впереди по курсу открытая водная гладь. Лишь слева, на севере, сверкают в лучах солнца грозные айсберги. Дизеля работают без натуги. Разрезаемая форштевнем вода жемчужными крыльями разлетается от носа.

Планировали через день зайти в Индигирку, выгрузить оставшиеся пиломатериалы, ГСМ и, обогнув Чукотку, идти в порт приписки Владивосток. Но Север в очередной раз доказал, что в этих краях бессмысленно строить планы. Сначала упёрлись в сплочённые, тяжёлые льды. Пришлось миль двадцать идти вдоль них, пока не обнаружили между нагромождениями льдин достаточно широкий проход. А ночью неудачно ударились правой скулой об одну из них. Заделанная в Усть-Янске щель между листами обшивки снова разошлась, и в носовой трюм потекла вода. Несмотря на работу дренажных насосов, она быстро прибывала. Пришлось глушить двигатель и подводить брезентовый пластырь.

В итоге к устью самой опасной и непредсказуемой на всём побережье Ледовитого океана реки подошли на малом ходу лишь на четвёртый день (на полном могло сорвать пластырь). На воде ты-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

сячи кайр. Они не боялись судна и взлетали, только когда до них оставалось с десятков метров. На обрывистых берегах птиц было ещё больше. Оттуда нёсся гвалт, как от мощного водопада.

Индибирка! Это завораживающее слово у Корнея рождало представление о чём-то первобытном, диком, стремительном, заставляющем трепетать сердце. Оно возникло ещё в монастыре, при первом знакомстве с картой. Рассматривая мощные хребты, окружающие реку, он понял, что Индибирка даже на необъятных просторах Сибири предел труднодоступности и безлюдности!

Ветвистая, правда, более скромная, чем у Лены, дельта открылась после острова Немочий. Берега, освещённые бессонным арктическим солнцем, по большей части плоские и завалены наносным лесом. Обрывы влажно поблёскивают ослепительно-белыми прожилками льда. На мелководе, возле удобных для гнездования мест, галдят, снуют многотысячные колонии ипаток, чистиков, бакланов. Красноклювые топорки безбоязненно ныряют прямо у борта судна. Чуть подальше от берега то здесь, то там покачиваются, как поплавки, круглые усатые головы нерп.

Обогнув бару¹, капитан повёл судно в западную, хотя и узковатую, зато самую глубокую протоку². Если в устье Индибирка степенна и нетороплива, то в верхнем и среднем течении, по рассказам Географа, это страшная в своём буйстве водная стихия. На протяжённых порогах стоит невообразимый, далеко слышимый рёв, а скорость течения такова, что поперёк русла вздымаются двухметровые гряды стоячих волн, отправивших на дно немало посудин. На излучинах река изобилует мощными водоворотами, затягивающими даже лодки³, а на прижимах разъярённая река разбивает о скалы даже крепкие суда.

¹ Бара — отмель в устье реки, образованная речными наносами.

² В устье Индибирки три главные протоки: Русская — западная, ближайшая к России, Средняя и Колымская — ближайшая к Колымской земле.

³ Зимой Индибирка почти пересыхает — вечная мерзлота скупо делится водой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Ура! Впереди замаячил взъерошенный дымок и показались береговые постройки — новенькие из золотистого тёса балки. «Арктика», извещая о своём приближении, несколько раз басовито прогудела. При подходе к причалу случилась ещё одна неприятность: массивный топляк угодил под лопасти винта и погнул их. Чтобы преодолеть течение, пришлось идти на максимальных оборотах.

После долгих манёвров прижались к подобию причала, обвешанного автомобильными покрывками, и бросили встречавшим бородачам чалки. Хотя по времени была ночь, непонятно откуда появились грузчики. Старший запустил лебёдку, и бригада приступила к работе.

Около пристани находился лишь вновь строящийся посёлок. Само старинное Русское Устье было выше по течению: морским судам туда не пройти. Сама разгрузка не должна была занять много времени, но все понимали, что тут придётся простоять не один день: предстояла сложная работа по замене винта и латанию образовавшейся в корпусе щели.

* * *

Корней все эти дни только и думал о бесстрашном командире Травине. Его пример так вдохновил, что, стыдясь своего малодушного желания вернуться домой, решил сойти в Русском Устье и идти к Чукотскому Носу своим ходом. Корней понимал, что влюблённый напарник вряд ли согласится поддержать его, но не предложить это Николаю он не мог.

Тот, действительно, долго извиняясь, отказался.

— Я догадываюсь, почему ты не хочешь оставить пароход. Виной тому — Варя. Верно?

— Корней Елисеевич, понимаете, влюбился, как мальчишка. Со мной такое впервые. Как увижу её, так словно рассудок теряю. Забываю обо всём. Запала в сердце так, что только о ней и думаю.

— Что тут извиняться? Это ж прекрасно, что ты нашёл своё счастье! Я рад за тебя. Варя действительно славная, добрая. Так же как и ты, влюблена в Север.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Спасибо, Корней Елисеевич, за поддеожку! Может, всё же с нами до Чукотки? Через три недели гарантированно будем в Анадыре.

— Нет. Хочу проверить себя. На пароходе дело нехитрое, а вот своим ходом, как командир Травин, попробуй-ка! Мне осталось пройти в разы меньше, чем ему. Неужто не осилю?

— Тогда давайте я вас хорошенько проинструктирую. Во-первых, не вздумайте выходить в тундру до морозов. Дело в том, что отсюда до самой Колымы сплошь озёра да болота. Суши практически нет. Иной раз не найдёшь места для палатки — до того топко. Само море у берега настолько мелкое, что олени, чтобы попить нужной для их здоровья солёной воды, вынуждены идти по няше¹ километр, а то и два. А вот за Колымой ехать можно будет в любое время года. Там местность гористая.

— Николай, а на чём лучше ехать?

— Предпочтительней на собачьей упряжке.

— А на оленях? Мне с ними привычней.

— С оленями, конечно, проще в смысле питания, но они бес-толковые — намаетесь. Собаки намного умней и проходят там, где не пройдёт ни олень, ни лошадь. Один недостаток — для них корм с собой надо везти. И немало. Килограмм мяса на собаку в день. Зайцы и куропатки хоть и повсеместны, но охота в дороге, сами знаете, дело случая.

Само Русское Устье вам понравится, — продолжал Географ, — там всё по-старобытному. Когда появились русские в этих местах — неизвестно. Скорей всего, в пору никоновских гонений. Что поразительно, находясь несколько веков в плотном окружении иноязычных народов, устьикинцы проявили поразительную национальную устойчивость. Ведь в других местах новопоселенцы уже во втором поколении ассимилировали с иноросами².

Потому устьикинцы из современного мало что знают. Понятия не имеют о существовании коров, свиней и много чего другого.

¹ Няша — ил.

² Иноросы — инородцы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Выше по течению, юкагиры¹ стоят. Они у нас в экспедиции проводниками всегда работали. Грузы на оленях и собаках возили. Добрый, прямодушный народ. Им чужда мелочность, лесть. Смысл жизни у них простой: «Немножко ходи, немножко работай, устал — немножко поешь. Немножко отдохай, снова работай».

— Они какой веры?

— Молодые не верят ни в Бога, ни в чёрта. А те, кто постарше, в большинстве крещёные и внешние требования православия исполняют добросовестно: в главные праздники не работают, в дорогу берут образок, утром и вечером крестятся, но при этом больше своё язычество блюдут. Двоеверие в порядке вещей, ибо в душе они так и остаются язычниками. И неудивительно. Здесь и сам невольно начинаешь обожествлять ветер, горы, огонь, реки.

Кстати, насчёт собачьей упряжки, скорее всего, с ними и можно будет договориться. Они отзывчивые. Главное, с уважением к ним.

Ещё раз повторю, трогаться можно, только когда мороз скуёт озёра и речки. Пока раздобудьте упряжку, приноровитесь к собакам и готовьте для них корм.

— Понятно... Николай, мне очень жалко расставаться с тобой, но поверь, я искренне рад, что ты нашёл своё счастье.

— Бог даст, ещё свидимся... Обратно в скит как возвращаться планируете?

— Хочу капитана попросить, чтобы меня с Уэлена или Святого Лаврентия в следующую навигацию забрал. Они туда всегда заходят. Если уж разминёмся, к кому-нибудь ещё напрашусь.

¹ Юкагиры (одулы) — древнейший и самый загадочный народ Северо-Восточной Сибири. Изначально они населяли огромную территорию между Леной и Колымой с запада на восток и между Восточно-Сибирским морем и Алданом с севера на юг. Распри и войны с эвенками, коряками, эпидемии выкосили их племена, сократив численность до нескольких сот человек. С середины XX века она стала расти и в 2010 году достигла 1600 человек. Сейчас большая часть юкагиров проживает в бассейне Колымы. Вера юкагиров, наряду с православием, включает культ Матери-Земли и особое почитание Хозяина огня. Традиционные занятия: рыболовство, оленеводство, охота, ездовое собаководство.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Хороший вариант. Думаю, не откажет. На всякий случай с ним тоже поговорю. Советую пока сходить в посёлок и разузнать поточнее, где юкагиры стоят.

Пётр Порфирьевич Корнею действительно не отказал. Более того, подарил ручной компас:

— В тундре ориентиров нет, и когда небо скрыто облаками, даже такому бывалому человеку, как вы, немудрено сбиться с пути, — пояснил он.

В дополнение к подарку распорядился выдать дюжину банок сгущёнки, бутылку спирта и десять пачек махорки.

Скитник, никогда не державший дьявольское зелье в руках, пытался отказаться, но боцман убедил:

— Бери, бери, пригодится! У инородцев табак — самый ходовой товар — дороже золота. Курят все поголовно, даже женщины.

Скитник, перекрестившись: «Господи, прости мя, грешного», скрепя сердце принял сей дар, впоследствии многократно его выручавший. Узнав, что у капитана тоже есть печать, отметил и у него.

Вещей, с учётом меховой одежды, спальника, ружья и разной мелочи, набралось изрядно. «Сегодня налегке схожу. Разузнаю, что да как, а завтра уже с грузом», — решил он.

Поскольку в новом посёлке коренные не жили, скитник направился к двум приземистым, с маленькими подслеповатыми окошками, избам — по северным понятиям, станок. Из-за плоских крыш¹ они выглядели недостроенными и напоминали ящики. Переходя ручеёк, Корней поскользнулся на мокром, обомшелом бревне и угодил ногами в болотную жижу.

Взойдя на яр, у одной из изб разглядел прислонённые к стене ажурные нарты, длинную поленницу свежесколотых дров, развешанные на жердях сети. Поодаль щипало траву несколько оленей. На шее быка звякало жестяное ботало.

— Жилая! — смекнул скитник и постучал в дверь.

¹ На безлесом Крайнем Севере плоские, с небольшим уклоном, крыши популярны. Засыпанные землёй, они хорошо держат тепло. Когда крыша задержится, она выдерживает практически любой ливень.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Кого Бог дарует? — услышал он за спиной.

Обернувшись, увидел выходящего из дровника с охапкой поленьев мосластого старика с крючковатым носом и венчиком белёсых волос вокруг загорелой лысины. Вроде старый, а глаза блестят молодо.

— С «Арктики» я.

— Заходи, заходи, мил человек.

Толкнув дверь, он пропустил гостя в избу. Пройдя следом, свалил у печки охапку плавника, напиленного на одинаковую длину. Отряхнувшись от налипших опилок, протянул руку:

— Нил Прокопыч.

— Корней, — поклонился скитник.

— Седай, — махнул тот рукой на чурбан. — Сичас чай откушаем... Токмо самовар взбодрю. — И принялся, сидя на корточках, щепить смолистое полено.

Раскочегарив самовар, подсел к гостю:

— Меня не накурите?¹

Корней, помянув добрым словом предусмотрительность капитана, протянул деду пачку махорки. От такой щедрости тот аж зацокал языком.

Свернув сигарку, раскурил от уголька и, пару раз с наслаждением затянувшись, наконец поинтересовался:

— Просто зашёл али по нужде?

Узнав, что Корней приплыл с Алдана и намерен идти до Чукотского Носа самостоятельно, встал и возбуждённо заходил по комнате.

— Эва! Фу-ты ну-ты — лапки гнуты! Ты што, рехнулся? Смерти захотел?! Тама одна мокредь! Озёра без счёту да ржавцы болотные, — зашумел он. — Туды токо ветер залетает да перелётные птицы. Одумайси!

— Да я не сейчас, а как лёд встанет.

— По снегу ишо можно, днесь никак. Одежа-то на зиму имеется? Али так собрался?

¹ Смысл этого выражения — угостите табачком.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Для дороги всё есть, на судне пока.

— Тогда ладно, а то испужался — не одетый в тундру... Да чуни-то сымай, посуши.

Корней замаялся.

— Сымай сымай, не тушуйся.

Корней снял один.

— А второй чё? Мокрый веть.

— Несъёмный он, — задрал штанину Корней.

У Прокопыча округлились глаза:

— Фу-ты ну-ты — лапки гнуты! Так ты ишо и без ног?

— Без одной!

Старик взирал теперь на гостя с восхищением — одноногий, сивый, а такое замыслил!

— Осилишь ли? Не всякий здоровый такой путь одолеет.

— Так я хочу на упряжке. Говорят, на собачьей лучше всего.

— То правда — собаки не подведут, — согласился дед, докурив до ногтей сигарку.

— Не подскажите, где раздобыть их?

У наших не взять — сами ездют. А вот у юкагиров может статься — оне ездют и на оленях, и на собаках... Погодь маненько, травки к цаю нащиплю — самовар поспел.

Встав, он вышел почему-то в другую дверь.

— Нил Прокопыч, зачем вам два выхода из дома? — полюбопытствовал скитник, когда тот вернулся с душистым букетиком.

— Неужто не в разум?

— Что-то не соображу.

— Тута зимой как задует — наметает то с одной, то с другой стороны. Вот и ходишь, где снега помене. Оттого и внутрь оне отворяются. Иначе вдругоряд и вовсе не выйти.

С улицы послышалось гортанное пение.

— Похоже, как раз те, кто тебе нужен, пожаловали. Вельми любят оне голосить. Пойду встречу.

Действительно, к избе подъезжал на упитанном ороне пустобородый тёмнолицый юкагир. На вид чуть больше сорока. Длинные чёрные волосы заплетены в косу, украшенную железной

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

пряжкой. Он ехал на полуостров Лопатка — место летнего выпаса его оленьего стада. Сыновья уже с месяц как там. Благодаря ветрам на побережье меньше комаров, а пастбища богаче.

На станок, дав крюк в пару десятков километров (по северным понятиям, это не расстояние), Егоркан завернул к Прокопычу попить чай и обменяться последними новостями.

Спрыгнув с оленя, он опустил книзу голенища лёгких непромокаемых сапог из рыбьей кожи — чтобы проветрились, и стал ловко выдавливать из покрытой бугорками шкуры животного беловатых личинок оводов. Бык при этом, вытянув губы, спокойно щипал траву. Набрав пригоршню, юкагир отправил лакомство в рот. Прожевав, поинтересовался:

— Сусед, как еда?¹

— Лонись² было шибче. Ноне на горло токо... Заходи в избу цай пить, дальний гость у меня, познакомлю.

После чаепития они раскурили трубки.

— Ну как табацёк? — спросил Прокопыч, выпуская дым через нос.

— Хороший, продирает, — одобрил оленевод.

Курил он интересно — врасяг, с большими перерывами. Трубка почти затухала, но в последний момент он успевал затянуться в полную грудь и вновь нагнать жару.

— Егоный подарок, — кивнул Прокопыч на скитника. — Корнеем кличут. Представляешь, хотит без ноги дойти до Чукотского Носу. Собачью упряжку ищет.

Егоркан вытаращил глаза:

— Как без ноги?!

— Корней, будь ласка, покажь.

Скитник неохотно приподнял штанину.

Потрясённый юкагир с жаром затряс ему руку.

— К моему отцу иди. Он поможет. Собаки у отца хорошие, работающие.

¹ Еда — так местное население называет рыбу.

² Лонись — прошлый год.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Так они ж, поди, ему самому нужны.

— Он уже не ездит — старьй. Дома сидит, оленя из кости режет. Мамонтову кость привезёшь или камень, от которого сладко во рту, братом станешь.

— Где ж я ту кость возьму?

— По берегу смотри.

— Ну, хорошо, найду я её, а как всё это понесу? У меня ведь ещё и своего груза полно, — заволновался Корней.

Нил Прокопыч, сделав очередную затяжку, успокоил:

— Лодку дам. Вода щас кроткая, до стойбища за три дни всяко догребёшь. Ночевать в станках можно.

— Нил Прокопыч, вы просто ангел-спаситель. Буду каждодневно молить Господа о вашем здравии.

— Енто лишнее. Матушка, царствие ей небесное, всё говаривала: «Каково тут житьё, таково на том свете вытьё. Потому помогай людям даже себе в ущерб».

— Оно так... А как я лодку верну?

— Попроси, когда кто вниз пойдёт, штоб на бечеву взяли. Она лёгкая, не в тягость будет. Ежели меня не застанут, на берегу пусть оставят. Токмо накажи к кустам привязать — штоб не унесло, коли вода вздымется.

— Сказать скажу, только послушают ли?

— Не сумлевайся. Одулы, прости господи, всё ни как не привыкну к новому, — юкагиры, народ отзывчивый — доставят, ежели с уважением попросишь. Оне дуже приветистые. Всегда пригласят цаю откусать, а ежели хто в юрту войдёт и цаю не попьёт, обижаются. Когда у нас голодно, привезут без зову оленины и всего, што у самих есть. У них закон: людям помогать. Оне говорят, не поможешь, солнце печаль пошлёт. Ну и мы им цаёк, табацёк, сахар припасём. Сами не покурим — им оставим.

Отобрав в груди выловленного Прокопычем плавника подходящую лесину, Корней вытесал весло с лопастями на концах и, воодушевлённый, вернулся на пароход.

Варя по распоряжению капитана приготовила фирменную солянку, налила каждому по стопке спирта. Пётр Порфирьевич

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

поблагодарил Корнея за помощь в зимовке и вручил бумагу, в которой было сказано, что благодаря охотничьей сноровке и находчивости Кузовкина Корнея Елисеевича экипаж сухогруза «Арктика» во время вынужденной зимовки на реке Лена с сентября 1958 года по июнь 1959 года был обеспечен мясом. Сошёл с сухогруза в Русском Устье 2 июля 1959 года.

Механик завёл патефон, а когда все пластинки прозвучали, подсел к Корнею и спел ему любимого всеми «Варяга».

Скитник растрогался до такой степени, что, поклонившись, только и сумел произнести:

— Благодарствую, братцы!

К утру всё окрест окутал туман. Солнце пробилось сквозь него к часам одиннадцати. Василий на пару с Николаем помогли Корнею донести груз до лодки Прокопыча. Проводить нового знакомого спустился на берег по деревянным ступенькам и сам хозяин.

Над рекой, нервно взмахивая крыльями, метались с пронзительными криками чайки. Камнем падая на воду, острыми когтями выхватывали трепещущую рыбу.

Лёгонькая, «спитая» из бересты и просмоленная живицей лодочка с закруглённым дном, лежала на траве, привязанная к кустам. Вокруг пучками росли перья терпкого полярного лука. Корней нарвал его в дорогу. Уложив походный скарб, крепко обнял каждого и, перекрестившись сел в вёрткую посудинку. Географ оттолкнул её от берега, и Корней, поочерёдно окуная в воду лопасти весла, погрёб вверх по протоке, держась в стороне от стремнины.

Полуночное солнце уже почти прилипло к горизонту, а места, пригодного для ночёвки, всё не просматривалось — берега низкие, топкие. Да и спать на открытом воздухе при незаходящем солнце не хотелось. Надо было доплыть до какой-нибудь зимушки — в ней, по крайней мере, можно завесить окошко.

Наконец правый берег стал «расти», и среди криволеся показалась типичная для этих мест плосковерхая избушка. На берегу

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

лежала традиционная устьикинская ветка — лодка из трёх досок: одна плашмя, две боковые вертикально. Поодаль — банька с полосой жирной копоти над дверью.

Причалив, Корней прошёл мимо треног с сброшенными через них сетями и постучал в раму оконца, затянутого налимьей кожей¹, щедро пропитанной (для большей прозрачности) жиром, с небольшой дырочкой в центре.

Кто-то припал к ней глазом:

— Кого Гошподь дарует? — прошепелявил голос.

— Странник, плыву к юкагирам. Переночевать бы.

Дверь распахнулась, и показалась патлатая, похоже, никогда не знавшая гребня голова. На загорелом морщинистом лице с воинственно торчащей вперёд острой бородкой впалые, выцветшие глаза. Одет этот сухонький старичок в полотняную, всю в заплатках, серую рубаху с замусоленным пояском, вытертую местами до кожи меховую жилетку и солдатское галифе.

— Давненько гоштей не було. Шюдни будет ш кем калякать, — прошамкал он беззубо. — Пошто штоишь, как иштукан, комарьё напушкаешь? Заходи живеи!

Чтобы не удариться о дверной косяк, Корнею пришлось пригнуться. Когда выпрямился, упёрся головой в продымлённые потолочные плахи. Так и стоял, склонив голову. Разглядев освещённый лампадкой образ, трижды перекрестился.

Аким сразу просветлел лицом:

— Эво! Двойной праздник: не прошто гошть, а брат по вере. Откель тебя занешло в нашу землицу?

— Издалека я. С Алдан-реки.

— Шлыхал таку, вельми далече. Нешто там тоже наши живут?

— А то! У нас большая община. За две сотни народу. Ещё монастырь по соседству.

¹ Зимой в оконный проём вставляют ещё и кусок льда толщиной сантиметров пятнадцать. Щели замазывают смоченным водой снегом. Поскольку за ночь он покрывается инеем, его каждое утро соскребают специальным скребком. За зиму вставку изо льда раза два меняют. Зато окно с «впянной» льдиной не имеет щелей.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Эво! А я вот шам шибе. В шамом-то Уштъе оне вроде как вмеште, а мне не нать ихой шуеты.

Займка представляла собой полуизбу-полубалаган. Стены из вертикально стоящих бревен, щели между ними затёрты глиной. Одна из них увешана гроздьями юколы.

Плоская крыша покрыта дерном. Слева от входа печурка с железной трубой, выведенной наружу через дыру в потолке. У двери рукомойник с мерно капающей водой. В дальнем углу громадный, в железных обручах сундук. На нём свёрнутая в рулон постель.

Строевого леса тут нет. А из местной кривой, полопавшейся от мороза лиственницы, дом не срубишь. Посему основной строительный материал в этих краях, как уже поминалось, плавник. При сплаве деревья трутся друг о друга, теряют кору на камнях, полируются песком. В конце концов выбеленные, ошкуренные стволы выбрасывает на берег. Особенно много их в устьях тундровых рек.

Из такого вот плавника и была сложена эта неказистая изба. Как и всякое северное жильё, она имела мрачноватый вид, но зато как приятно сидеть в ней в непогоду и пить под потрескивание дров в печи чай, заваренный на травах!

Привыкнув к избыному полумраку, Корней увидел на столе лестовку, потрёпанные книги. Одна из них толстенная, двухцветная, с красными заглавными буквами. Похоже, ещё старого издания. На стене полки с посудой, берестяными туесами, жестяными банками. Ничего лишнего.

— Шадись, ш дороги пошамай, — пригласил Аким, подвинув к нему чурбан, а сам принялся добывать огонь, с поразительной скоростью вращая палочку, вставленную в чёрное углубление в дощечке. Вскоре из неё повалил дымок, и заалела искра. Поднеся к ней прядку мха, раздул пламя. Завитком бересты запалил дрова. Сняв с плиты два кольца, поставил в образовавшееся отверстие чугунок.

— Так мигом шогреетшя.

На закопчённой стене над сундуком висели лук и колчан со стрелами. Перехватив удивленный взгляд гостя, Аким пояснил:

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Ш молодости ш ым промысляю — ружьишко ешть, но ш луком птицу бить шподручней — не штрашитшя. Штреляй, шкока надобно. И на огневой припаш рашходу нет.

Произнеся это, он положил натруженные, с вязью выпуклых вен, руки на колени и умолк, приковав неподвижный взгляд к колеблющемуся свету лампадки. Очнувшись, продолжил:

— Было время рышогонил, теперича робить не могу, глаза просят, а делать шил нет.

Помолчав, зачем-то добавил:

— Не разумею тех, хто бьет дичь без меры. Ведь иные зверушки нам пример...

И опять ушёл в себя.

Корней уже заметил, что он временами как бы выпадает — говорит, говорит и вдруг замкнётся, чему-то улыбаясь. Судя по всему, жизнь в одиночестве сильно повлияла на его характер.

— Рушкое Уштъе, — «проснулся» Аким, — ояви¹ Великого Новгорода. Мы штариные люди. Наши водоходы здешя ишо до инородцов пошелилишь, не говоря о якутах, — произнёс он, тщательно подбирая слова. — Штарики шказывали, што предки наши приплыли на кочах по Голыженшккой протоке — от удущья шпашались. Болезнь така на матёрой жемле злобилась. И укоренилишь на Индигирке. Так Уштъе и родилоць. Шамо перво в ентом мешти дошель ништо ни бул, ни людей, никаго. Бул токо дух на небесах. Он думает, этот дух: должна ведь быть жемля. Пошмотрел вниз, а тама моро — и узрел: штой-то чернеет в одном мешти.

Старик обмакнул юколу в соль, глотнул чаю, прикурил от горячей головёшки потухшую самокрутку и с хитрым прищуром посмотрел на гостя:

— Разумеешь моё извитие шловеш, да²?

— Со слуха не всегда.

Удовлетворённый Аким хлопнул себя по колену и радостно захихикал — словно сухой горох по полу рассыпал:

¹ Ояви — вид перерождения.

² Да — частица «да» обязательна в якутском вопросительном предложении. Она прижилась и у части живущих в Якутии русских.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Таков наш штаробытный говор, да. Я тут, как говаривал один прибылой, пошледний могыкан.

Произнеся это, он озорно глянул на гостя, как будто хотел сказать: не ожидал, что в этой дичи встретишь столь сведущего человека.

Из дальнейшего рассказа Корней узнал, что окрест Русского Устья, в котором, по словам Акима, «домов тьма толпится», разбросано несколько десятков заимок. До самой «далечайшей» километров пятьдесят. Все они относятся к «штолице». Их обитатели числятся в артели и навещают её лишь для того, чтобы сдать, как он выразился, «еству» и закупить, что надобно для жизни или «выхлопотать бумаги». Сам Аким последние годы не покидает свой участок. Соль да муку сосед привозит.

— Не тоскливо одному?

— Пошто тошка? Тошка — шмерть. Мы баем: «При худе худо, а без худа—гаже того». Мне ништо не нать. Я от люда отвычный. Шам шибе голова. Вшю жезнь бобылём. Тута лепота: птицы гомонят, рыба плещет, ветер ш окиян-моря комарьё уношит. Веду жизнь шпокойну. Токо бы дал Гошподь каку едушку для брюха, а то чего ишо... Миня не тошка, колотьё одолевать штало. Ноне вить шамая еда пошла. А я, вишь, шиднем шижу, а то, думашь, баял бы тут ш тобой. Допрежь всякий день рыбалить ходил.

Когда легли, было уже два часа ночи. Солнце виновато поглядывало с линии горизонта — знает, что мешает спать, но светит — иначе коротким северным летом не успеют вызреть ягоды, а птицы и звери вывести и вскормить потомство.

На следующий день, к тому времени, когда светило достигло высшей точки, Корней уже подгребал к Русскому Устью. С воды насчитал более тридцати «дымов». Все окнами на юг — к солнцу.

Русскоустыинцы ещё до войны объединились в артель и выбрали председателем Григория Щелканова. Хозяйство ему до-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

сталось немалое: если брать по побережью, промысловые участки тянутся на две недели в каждую сторону. И хотя председатель являл собой образец классического деспота и был скор на зуботычину (неслучайно односельцы за глаза называли его Кувалдой), он был для всех непререкаемым авторитетом.

Особенно Щелканов не терпел, если человек в путину праздничал. Матерно отчитывал, а вдругорядь пускал в ход кулак. Что интересно, его строжливость не воспринималась самодурством. Все понимали — за дело. Зато и на похвалу был щедр.

Корней, вытянув лодчонку на берег, поднялся на крыльцо крайней избы. Постучал — тишина. Приоткрыл дверь с нарисованным на притолоке восьмиконечным крестом.

— Есть кто?

Из-за дощаной перегородки вышла статная, красивая бабёнка средних лет в чёрной кофте и цветистом сарафане до пят, с каймой понизу. Роскошная тёмно-русая коса, брошена через плечо на высокую грудь. На голове туго повязанный чёрный вдовый платок.

— А ты-ы хто тако-ов? — спросила она певучим голосом, скользнув по Корнею внимательным взглядом, и, не дожидаясь ответа, заключила: — Вижу, чужий. У передовщика¹ в сборне был?

Растерявшийся Корней молчал.

— Глухой, што ль?

— Нет.

— Дак был в сборне али как?

— Нет.

— Дак воперво сходи, доложись, опосля в избы стучись. Такой порядок.

— А где сборня?

— Тамотка, — неопределенно махнула она рукой. — За угором... Эх, вижу не доходишь. Погоди, провожу. Токо сапожки одену.

¹ Передовщик — руководитель, председатель артели.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Шли промеж домов по щелястому дощаному тротуару, уложенному ломаной лентой на обожжённые дочерна брёвнышки. Избы стояли негусто: дабы не допустить распространения пожара — бича деревянных селений. Вокруг ни души. Лишь возле свежего сруба, с золотистыми щепками на земле, двое отроков распускают в четыре руки продольной пилой бревно, а на верхнем венце ловко тюкает сивобородый дед. Топор в его руке вертится, как игрушка: только щепки во все стороны летят.

— Не туды идёшь, нам сюды, — одёрнула женщина, повернувшись к нему. — Как величают-то?

— Корней.

— Красивое имя. Меня Василиса. Вон и сборня, — показала она на дом с красным флагом над крышей. — А хоромина рядом — фактория Госторга.

Открыв дверь, громко доложила:

— Григорий Евграфович, чужий у нас объявился. Вот привела. Думала, тот одноногий, што на Чукотку идёт, ан нет, зело борз.

К ним повернулся крупный, стриженный в кружок здоровяк лет пятидесяти. В одежде старого покроя: короткий кафтан из домотканого сукна, поддёвка, холщёвая, до бороды застёгнутая рубаха, перетянута пояском. На ногах бродни — мягкие сапоги. Лицо жёсткое, с твёрдым, выдвинутым вперёд подбородком и светлыми, почти прозрачными глазами. Они смотрели в упор.

— Будем знакомы — Григорий Евграфович Щелканов, председатель. Вас как зовут? — прогудел он, приветствуя лёгким кивком головы, не сводя с Корнея цепкого, оценивающего взгляда:

— Корней Елисеевич.

— Фамилия?

— Кузовкин.

— Чем подтвердите?

Корней достал из кожаного чехольчика, висевшего на шее, справку капитана «Арктики» и подал Щелканову. Тот внимательно прочитал:

— Вот те на! Ты, Василиса, обмишурилась! Как раз тот — одноногий... Неужто с самого Алдану идёшь?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— «Идёшь» громко сказано. Где пароходом, где на лодке, где ногами.

— Всё равно — герой! А на кой тебе та Чукотка?

— Не всё делается для чего-то. Решил на старости исполнить — таки мечту детства — побывать на берегу Студёного океана и с Чукотского Носу на Аляску глянуть.

— Как мыслишь дале двигаться? На своих двоих — далече. Да и хлябь тама одна. Сухопутья нет.

— Думаю у юкагиров упряжку раздобыть. А тронусь, как мороз ударит.

— Корней Елисеевич, судя по одеже, вы из наших.

— Вы не ошиблись.

— Так, може, не зря Господь сюда направил? Оставайся, нам мужские руки ох как потребны. Особенно в промысловую пору. Невесту враз съедем. — Щелканов подмигнул Василесе. — Одна головня — и та гаснет, а две положи рядком — закурятся и огонь дадут.

У той от смущения запламенели щёки.

— Спаси Христос! Но у меня есть жена. Село ваше мне глянулось, однако жить здесь не смогу. Тундра не по мне. Я люблю горы, лес.

— Край наш для пришлых, можа, и печальный, но для нас родимый и любительный. Ты в горах родился, потому оне тебе по нраву. А нам сендуха¹ любя... Кстати, собак можно и у нас сыскать.

— Спаси Христос! Я уже с Егорканом сговорился.

— То другое дело — уговор нарушать негоже. Тем паче с Егоркой не раз чаёвничал. — И вдруг мечтательно добавил: — Эх, мил человек, ежели честно — завидую тебе. Махануть бы с тобой — вельми любопытственно постоять на самом краешке страны! Да как артель бросишь?! Махом развал пойдёт.

— Оно так. Руки работают, пока голова на месте, — согласился Корней.

¹ Сендуха — тундра.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Слухай, мне первостатейная мысль пришла. Давай встречу с народом проведём. Расскажешь, как люди в иных краях живут, какие в вашем скиту порядки. Може, и нам што полезно пере-нять.

— С радостью, да будет ли людям интересно?

— Нам всё интересно. Мы ж токо свою Индигирку знаем. Мало хто даже у соседей в Усть-Янске али на Колыме бывал... Василиса, подь обойди дворы, скажи, штоб в сборню шли, да поживей. А я покуда гостя попотчую. — И, повернувшись к Корнею, пояснил: — Домой ходить некогда, потому прямо тута харчуюсь. Седай, чем богаты, тем и рады.

Выложив из корзинки на стол варёную рыбу, картошку, ломти хлеба, продолжил:

— Жалко, што нонче в домах мало хто. Одне бабы, старики да мелкота. Мужики все в летниках на неводьбе — така пора. Еда пошла. Токо в сентябре, кады сядет иней, до семьи возвратятся. Сам знаешь, как летом поработаешь, так и позимуешь. Мы же рыбу не токмо себе заготавливаем, больше сдаём — с того основной доход.

— А как сохраняете? Лето ведь.

— В артельном леднике морозим. Он у нас огромный. По две баржи за сезон отгружаем. За рыбу получаем всё, что потребно. Токо спиртного не берём. От него одно лихо. До сухого закона кажный год мужиков по пьяни теряли. Таперича того нету. Таперича порядок!

— Говорят, юкагиры сильно пьют.

— То правда. Те меры не знают. Особливо опосля охоты и забоя оленей. Как расчёт получают, так сразу в кооперацию спирт набирать. Им почему-то непременно надобно упиться в стельку. Об ентом моменте оне весь сезон мечтают. Страсть к спирту так велика, што после стакана могут отдать весь запас мехов, а за второй даже верхнюю одёжу. Напьются — дуреют, вдругорядь за ножи хватаются. Оттого мало хто своей смертью уходит. А твёрёзые — милейшие люди.

Однава всю дорогу от фактории бражничал. В чуме со сродниками оставшееся допил и эдак разошёлся, што сына за добавкой

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

отправил. Того так раскиселило, што по дороге с нарты вывалился. Два дня оттаивали, штобы в домовину уложить.

— Жуть! А с табакурами у вас как?

— Вот с ентим никак не слажу. Ноне не все отеческие заповеди блюдут.

— Из живности кого-то держите?

— Живность у нас в одном виде — ездовые собаки. При наших расстояниях без них никак. С ими, конечно, и хлопот изрядно: ествы на зиму будь здоров требуется. Зато оне с весны до осени сами с матушки-сендухи кормятся.

Первым в сборню пришёл, вернее, вбежал, председатель сельсовета Павел Деев. Весь его облик: аккуратный европейский костюм, гладко выбритые щеки, трогательная чеховская бородка, очки, за стеклами которых щурились добрейшие глаза и необычайно длинная шея, никак не вписывался в представление Корнея о северянах.

— Пал Денисыч, покуда едим, обскажи гостю о нашем поселе, — попросил председатель. — Ты лучше меня то сделаешь. — И, обращаясь к Корнею, добавил: — Он у нас вельми начитанный. Попервости, как приехал к нам, мои его не приняли. Даже дразнилку сочинили: «Расея — долгошея, по три пуговики на шее», а ноне любим всеми.

Польщённый Павел с воодушевлением принялся знакомить Корнея с нынешней и минувшей жизнью стародавнего села, обосновавшегося за полярным кругом.

— По книге учёта у нас на сегодня проживает 245 человек. Имена все исконно русские: Серафима, Рустина, Анисья, Север, Ермолай, есть даже Веденей. По фамилиям лидируют Чихачевы, за ними ноздря в ноздю Киселевы, Шкулёвы. В школе тридцать четыре ученика.

В основном досельные, но есть и прибылые. Григорий Евграфович — досельный — из первопоселенцев, а я прибылой, то бишь приезжий. Оказался здесь по распределению. Село, скажу вам, удивительное. Может, единственное в своём роде. К примеру, не-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

которые досельные до сих пор пищу (они говорят — еству) готовят в печи, зажженной огнём не от спички, а от искры огнива.

Когда я приехал из Ленинграда, диковинность местных обычаев так поразила, что стал выяснять по всем каналам, как и когда появились здесь русские, как вообще шло заселение побережья Ледовитого океана.

По некоторым летописным источникам новгородцы, влекомые рассказами о богатых соболях, чернобурках и песцах восточных землях, уже в начале XI века ходили через три моря — Белое, Баренцево и Карское. Самые отчаянные, обогнув Ямал, достигали устья Оби. И если бы не монголо-татарское нашествие, освоение неизмеримых пространств Сибири началось бы за 300 лет до Ермака. А так лишь в 1572 году в устье реки Таз, впадающей в Обскую губу промышленники из поморов основали первый в Заполярной Сибири город Мангазея с острогом и церковью. Он быстро превратился в крупный торговый центр. Благодаря большим запасам «мягкой рухляди» через него в год вывозилось по тридцать тысяч одних только соболей. Но по мере истощения пушных богатств, а особенно после пожара 1642 года, уничтожившего все деревянные постройки, Мангазея начала хиреть. А тут ещё вышел запрет на заход английских и голландских судов. Те, не платя в казну таможенных сборов, бесстыдно мешками вывозили пушнину.

Уже тогда поморы огибали Таймыр и заходили в наши края. Этот маршрут считался русскими мореходами вполне обычным задолго до официальных царских экспедиций. Остатки судов того периода обнаружили на острове Фаддея, что восточней Таймыра. Несколько позже, на берегу залива Симса, наткнулись на избушку из плавника с нарами. В ней бочонок с порохом, разорванный ствол пищали, оловянная посуда, колчан со стрелами. Найденные там монеты датируются 1615—1620 годами. За Колымой, возле устья Пегтымель, была найдена хижина с останками людей, укрытых парусом. Судя по найденным там предметам, эти люди потерпели кораблекрушение во времена правления Петра Первого. Всё это подтверждает то, что русские давно ходили за

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Таймыр. Попытки мореплавателей других народов достичь устья Лены, а тем более Индигирки, терпели неудачу.

Слушал Корней и думал: «Как они схожи с Николаем Александровичем. Тот, понятно, местный, а этот пришлый, а какое знание Севера, какая трогательная любовь к нему!»

Павел тем временем продолжал:

— Посуху освоение севера Восточной Сибири началось с середины XVII века. Невероятная выносливость и отвага казачьих землепроходцев дала возможность России за каких-то пятьдесят лет прирасти сравнительно бескровно огромными территориями. При этом русские люди явили человечеству пример мирного сожительства с представителями коренных народов¹, стараясь поддерживать с ними добрые, уважительные, можно сказать, соседские отношения. Несмотря на тяжелейшие условия своего похода, казаки, присоединяя Отечеству новые земли, считали, что лучше погибнуть от холода и голода, чем отступить.

Представьте, Корней Елисеевич, население страны в то время не превышало семи миллионов человек. Разве смогли бы русские, не имея контактов с местными, при столь скромных человеческих ресурсах не только присоединить эти земли, но и наладить в девственной, непроходимой окраине торговлю, сбор налогов, правосудие, почту, пограничную службу? И всё это на уму непостижимых пространствах. Какой силой духа, какой выносливостью надо было для этого обладать!

— Павел, а я думаю, не будь у землепроходцев уверенности в том, что Господь с ними, что Он поможет в трудный час, никто б не решился на такие деяния.

— Согласен! Ведь во все эти походы и провожали со словами: «Бог вам в помощь! С вами крестная сила!» Представители церкви, двигаясь в сибирскую глушь вместе с казаками, вели просветительскую работу с инородцами: проповедовали право-

¹ Побуждение местных народов к платежу ясака (налога) Белому царю не везде происходило добровольно. Случалось и упорное сопротивление, в том числе военное, но не было истребления людей и отрицания местных нравов и верований.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

славие, неся им Слово Божие. И к середине XIX века завершили христианизацию народов северо-востока России. Священнослужители выступали не только проводниками православия, но и русской культуры. Кроме совершения служб и треб они ещё обучали местное население грамоте.

Судя по рассказам стариков и документам, которые я сумел найти, русских поселений в этих краях прежде было изрядно.

Тут Павел, поперхнувшись, закашлялся.

— Глотни, — протянул Корней кружку с морсом.

— Благодарствую! Вы с таким вниманием слушаете, что увлёкся.

Попив немного, хотел было продолжить, но, поймав выразительные взгляды Щелканова, спохватился:

— Вы давайте ешьте, я вам, если интересно, позже доскажу.

Пока Павел рассказывал о землепроходцах, народ в сборне всё прибывал. И неудивительно. При столь однообразной и бедной на события жизни естественен интерес людей к новому человеку, свежим новостям. Живут ведь изолированно. Редко кто бывал даже у соседей, а Иркутск, Москва звучат для них, как названия планет Марс, Венера.

Вскоре набралось человек сорок. Все в одеждах из своедельщины. Старики с окладистыми бородами, в полотняных рубахах. Женщины в сарафанах и кофтах с длинными рукавами. Головы плотно обтянуты платками. Только девицы без платков. Ничего типично северного, кроме торбасов — мягких сапожек из оленьего камуса. Речь настоящая, русская, с певучим старинным выговором.

— Все налицо? Никого боле не будет? — спросил председатель.

— Да вроде некому.

— Тогда начнём. Днесь у нас интересный гость, наш одноверец — Корней Елисеевич. Он с Алдана идёт на Чукотку. В дороге уже много чего повидал. Давайте послушаем его.

Корней рассказал про скит, про монастырь, про то, как нашли одновецев в Маньчжурии и все, что видел при сплаве по Алдану,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Лене. Про зимовку на пароходе, про встречи с эвенками, якутами и русскими промысловиками. Завершая, похвалил устьикинцев:

— Приятно видеть такой чисто русский уголок. Всё коренное. Всё ласкает взор и слух. Особая улада от того, что сохранили речь в чистоте.

— Да уж, стараемся. Что родители нам передали, то поднесь исповедуем. Неотеческого нам не надобно. Токмо своё. И службу ведём по-старому. Никонову ересь не приемлем. Даже одёжа старозаветная, лишь обутку чужу носим, — откликнулась старушка с первого ряда.

— Я вот смотрю, у вас девчата и ребята подрастают. Хорошо бы нам контакты наладить, дабы избежать родственных браков.

— Оно так. С этим завсегда проблема, — согласился Щелканов. — Да больно далеко вы.

— Это только кажется. На пароходе по реке за месяц можно добраться. Дорогу от Алдана к нам я вам в деталях нарисую.

— Конечно, таким путешественникам не то што сто вёрст, а и тыща не крюк. А нам боязно. Почитай всю жизнь тут сидим.

— Бояться не надо. Хвалитесь, что ваши предки эвон откуда на деревянных кочах с Белого моря приплыли, а вы чего: сел на железный пароход, и через пару недель на Алдане.

— Пожалуй, ты прав. Надобно спытать. — После этих слов народ одобрительно загудел. — Женихи да невесты завсегда нужны. А то у соседей в Усть-Янске одноверцев наперечёт. Семей пять-шесть. Народ там не держится — иха река, не в пример нашей, безрыбная. В общем договорились. Рисуи карту, следующим летом явимся.

А то, што предки наши с Белого моря, подтверждают не токмо предания, но и песни. До сей поры не забываем, поём. Вот послухай. Василиса, давай што из старого.

Та встала, поправила платок на голове и, прикрыв глаза, запела:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Широко лежишь ты, море Белое.
Море Белое, всё студёное
Море милое, всё солёное
Море синее да зелёное...
По нему кораблик бежит, да бежит.
Куда он спешит да спешит?
Сине море всколыхнулося, да вскипело...
Ох, да куда девало ты мово молодца,
Мово сокола перелетного?!

Слушая, Корней невольно подумал: «Пожалуй, только студёное северное море может вызывать такое беспокойство и печаль».

После чая с традиционной рыбной кулебякой и блинами с икрой, принесёнными кем-то из женщин, председатель предложил:

— Пойдём нашу церкву покажем. Ей почитай двести годов!

— Так вы священство приемлете? Мы-то беспоповцы. У нас всё наставник справляет.

— Да и мы, считай, что беспоповцы. Священник последний раз перед войной был. Теперь сам службу веду. Ишо за школой смотрю, шгоб грамота не падала. Слава Иисусу, председатель сельсовета толковый. Хоть и еретик некрещёный, а во всём помогает.

Потемневший от времени сруб с приделом понизу опоясывал какой-то ярко-оранжевый лишайник. Корней уже примечал его и на других здешних постройках. На покосившейся стене выцветшая табличка. На ней буквами с завитушками красиво выведено: «Памятник архитектуры XVIII века. Самая северная православная церковь в мире. Товарищ, помни об этом и береги ее».

На могильных холмиках покосившиеся кресты. На часовне колокол. Внутри несколько образов и оплывшая свеча. На отшибе два брошенных дома, зависших задами над рекой.

— Индигирка в последние годы берега сильно ест. Порой два метра за лето. Людей отселили... Путина закончится, разберём — брёвна крепкие, ишо послужат.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Слушая Щелканова, Корней, помимо воли, украдкой поглядывал на Василису. До чего красивая женщина! Но едва она поворачивалась в его сторону, он, боясь выдать своё восхищение, отводил глаза.

* * *

Ночевать Деев повёл гостя к себе. Василиса, проходя мимо Корнея, придержала шаг и бросила на него короткий, но такой красноречивый взгляд, что того пронзило острое мужское волнение. Кляня себя за слабость, он прибавил шаг.

Павел жил в небольшом, недавно построенном доме. Ситцевая занавеска делила его на две части: кухоньку с железной печкой и аскетически обставленную комнату. Столик, кровать и этажерка с книгами, старинные, с сильно выцветшим циферблатом ходики. Раскочегарив самовар, Деев опять принялся увлечённо рассказывать о жизни артели.

— Хозяйство у нас крепкое. Лучшее в улусе! Всё благодаря Щелканову. А до него тут, мне рассказывали, поруха великая была... Очень толковый руководитель. Всё сам умеет делать. Даже инородческими языками владеет. Нравом хоть и негладкий, но справедливый. Из тех, кто встаёт под комель, а напарника ставит под вершину. Людей видит насквозь. Как наши говорят, по глазам «читает». Порядок установил железный. Вроде и голос не повышает, а как глянет да пару слов скажет, так мороз по коже. А как иначе? Мой отец говорил: «Не встречал людей, кто с пользой вершит власть, мягких и добрых».

Зато живём в достатке. При нём все промыслы в гору пошли. Зимой рыбу трудно промыслить, так на песца стали налегать — за него хорошо платят. Теперь ловушки по лицу тундры почти до Колымы стоят. Старательный охотник имеет до трёхсот пастей¹. В устьях речек повсеместно устроены охотничьи станки. В них запас дров, продуктов.

¹ Пасть — устройство для добычи пушных зверей. Состоит из двух стенок, пола, сторожевого механизма и давящего элемента (бревна).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На таких хозяйственниках всё и держится! Ой! Самовар-то кипит! Погодьте, чай заварю... Грузинский, высший сорт!

Павел наполнил кружки и, водрузив на стол банку варенья из морошки, продолжил:

— Сейчас все мужики на рыбалке и гусевании. В былые годы, говорят, гусей в период линьки брали сотнями, загоняя, как рыбу, в сети. Теперь хорошо, если с десятков в день добудут.

— Стало быть, без меры брали.

— И я им о том же — не жадничайте!

— Ну и как?

— Смеются — мол, нюни енто бабские.

— Чего ж Щелканов власть не употребит?

— Так с него самого план по гусям требуют. Ещё каждый год повышают. Хорошо, хоть рыбы не убывает. Ведь на Севере слова «рыба» и «еда» — синонимы. Если человек говорит «без еды сижу» — значит, без рыбы, а «без рыбы» — значит, без еды. Тут и сиг, чир, муксун и здоровущие нельмы. Не говоря уж про такой «мусор», как налим, щука — их берут лишь собакам.

Прежде здешний рацион состоял из рыбы и птицы процентов на девяносто. Остальное приходилось на мясо, чай, соль и муку. Про зерно говорили: «Оно, слышал, на икру похоже, токо твёрдое». Да и сейчас рыба — основной продукт. Едим сами, а зимой кормим ещё и наш «транспорт» — ездовых собак. Рыбная кухня насчитывает несколько десятков блюд, но основное всё же щерба.

— Что за рыба такая? Не слышал.

— Щерба не рыба, — улыбнулся Павел. — Здесь так уху называют. Поскольку с солью здесь непросто, засол рыбы практикуется редко. В основном едят в сыром виде. Говорят, это лучшее средство от цинги. На зиму запасают юколу.

— Кстати, как её готовят? — заинтересовался Корней.

— Очень просто. Сперва пластают вдоль хребта надвое (перед этим убирают внутренности, голову и хвост). Затем делают частые надрезы — чтобы быстрее сохла, и развешивают на сквозняке под навесом. Юкола бывает двух видов: белая — вяленая на солнце

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

и коричневая — её после вяления ещё коптят в дыму очага или в специально устроенной коптильне. Если строганину делают мужики, то юколу только женщины. Каждая нарезает на свой манер. Так что любой местный знает, чью юколу ест. А едят ее вместо хлеба, со всем — и с картошкой, и с чаем, и с ягодой. Поскольку она твёрдая, её перед употреблением желательно смочить либо погреть над огнём.

Корней Елисеевич, я вот всё говорю, говорю, а ведь вы сами много чего повидали, рассказали б.

— Так я ж в сборне два часа вещал. Что ещё добавить? За всю дорогу ни одного злонамеренного человека не встретил. На Севере их, похоже, нет.

— Попадаются иногда. Только те, что с гнильцой, не задерживаются. Как-то затесался к нам один хмырь. По документам умершего жил. Врал, что дом с семьёй сгорел и он с горя на край света подался. С виду приличный, приняли в артель. Занимался, как все, промысловой охотой, рыбачил. А на поверку оказался обычным вором! Про таких говорят: «Речист, да на руку нечист». Повадился подворовывать из домов. Мы ж их не запираем. Выследили, отмутузили как следует и вытурили. А в целом здесь глубоко укоренился дух товарищества и взаимопомощи, презрение к малодушию и трусости.

— Человек не орех, сразу не раскусишь. Время надо.

— То правда.

— Павел, давеча Щелканов не дал тебе досказать про ваше Устье, а мне это очень интересно.

— Из того, что знаю, вроде всё рассказал. Во всей этой эпопее освоения Севера меня поражает то, что казаки сумели, невзирая на тяжелейшие условия, не только выжить, но и пустить корни.

— Я тоже об этом думаю и на себя примеряю — а смог бы я? Казалось бы, человеку подобное не под силу, а нет — они как-то сдюжили!

— А для меня ещё удивительно то, что жители Русского Устья не только сохранили исконно русский язык, бытовой уклад трёхсотлетней давности в почти неизменном виде, но и не

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ассимилировали с местными. Здесь, можно сказать, заповедник русской старины. Правда, у некоторых инородческие черты всё-таки заметны. А куда деваться? Поначалу ведь им приходилось брать в жены местных. Вот своих дочерей они уже выдавали за парней-инородцев лишь при условии, что жених принимал крещение и переезжал в дом невесты.

Отключился Корней, как только голова коснулась набитой гусиным пухом подушки. Среди ночи приснилась Василиса. Она под села к нему, прижалась грудью и, жарко дыша, стала гладить по голове. От этих ласк в нём разгорелось такое сильное мужское желание, что он напрягся от нахлынувшего жара и застонал. Задыхаясь и дрожа всем телом, потянул было руку к упругим женским округлостям, и в тот же миг его прожгло: «В аду гореть! Прощения не будет!» Сердце бешено заколотилось. Корней вскочил и, крестясь, вознёс молитву ангелу-хранителю за то, что уберёт от греха мысленного прелюбодеяния.

Проснувшись, скитник хотел было сразу отправиться в путь, но Щелканов попросил выступить и в школе. Корней не мог отказать. Школа была прямо перед домом Деева. Оттуда доносился звонкий «щебет» детских голосов. Когда зашли в класс, он сразу стих. Детей было так много, что нескольким мальчикам пришлось сесть на пол. Ребяшня смотрела на гостя так, словно к ним явился инопланетянин.

Рассказ о великих путешественниках, открывавших эти земли, звучал в абсолютной тишине, но как только он закончил, ребяшня засыпала Корнея вопросами.

В обед на застолье у председателя хозяйка угощала необыкновенно вкусными пирогами, начинёнными мелко нарезанными рыбьими брюшками, красной икрой и толчёной макаршой. Чай подали не с хлебом, а с подогретой для мягкости юколой. Следом банька-парушка, которую выправили специально для него. Ей Корней был особенно рад — за год истосковался по пробирающему до костей жару. Парились веником из полярной берёзы долго

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

и обстоятельно. Ну а после бани опять чай, кружка за кружкой, разговоры до полуночи.

— Елисеич, ты баил, што в вашей общине верховодит баба. Неужто мужики слушаются? — удивлялся Щелканов.

— Ещё как! Ведь там, где иной мужик растеряется, она завсегда верное решение находит.

Корней долго не мог заснуть. Ворочался, вздыхал, кряхтел. Василиса никак не шла из головы.

— Што, тоже сон не идёт? — спросил, подняв голову, Щелканов.

— Ни в одном глазу.

— У меня тоже.

Председатель сунул ноги в обрезанные катанки и подсел к Корнею. Проговорив ещё с часок, созрели для сна.

Утро выдалось на редкость тихим и ясным. От воды поднимался лёгкий парок, подкрашиваемый низким солнцем в розовый цвет. Григорий Евграфович, хлебнув только чаю, убежал с ранья в сборню.

Корней, поблагодарив хозяйку, отправился к лодке. Шёл и поглядывал по сторонам в тайной надежде увидеть Василису. Сейчас он думал не о физической близости. Ему хотелось напоследок ещё разок глянуть на изумительно красивую женщину...

Она стояла в платье из зелёного шёлка, с повязанным на талии пояском, у спуска к реке. На голове поверх чёрного платка шаль, спускающаяся на покатые плечи и грудь. Лицо залито румянцем.

Увидев её, Корней даже не удивился. Но как себя повести?

Цветущая, улыбающаяся женщина зазывно смотрела ему прямо в глаза. Рассудок настаивал на обычном для малознакомых людей вежливым поклоне, однако мужское начало бешено сопротивлялось. С трудом подавив похоть, он произнёс:

— Прощай, Василиса!

Женщина растерялась, но, совладав с собой, произнесла:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Тут вот рубаха моего покойного мужа. Твоя совсем сноси-лась.

Протягивая, она поскользнулась на мокрой траве. Чтобы не дать упасть, Корней подхватил её. От податливой упругости женского тела его будто электрическим током прожгло. Кровь ударила в голову. Да и у Василисы полыхнули глаза. Ему нестерпимо захотелось прижать её покрепче. Огромным усилием воли поборов это желание, он, почти задыхаясь, выдавил:

— Спаси Христос! Добрая ты!

Стремительно сбежав на берег, сел в лодку и погрёб с неистовой силой прочь, страшась даже обернуться. Лопастя весла упруго толкали лодку вперёд, а нос красиво разваливал речную гладь на жемчужные ладошки.

Припекало. На смену комарам с мошкой, не любящим солнца, появились оводы и слепни. Они с гулом кружили над человеком, но почему-то не садились на него.

«Хорошо бы найти хоть один бивень», — мечтал Корней, стараясь плыть ближе к берегу.

За день, борясь со встречным течением, он одолел километров двадцать. Заночевать, как и советовал Щелканов, остановился в станке артели. Изба большая, внутри нары на восемь человек. Чуть в стороне на стойках, обшитых жостью (чтобы грызуны не забирались), продуктовый лабаз с крышей.

Не успели бока железной печурки порозоветь, как послышались шаги и в дверном проёме выросли два коренастых бородача. На головах ситцевые платки, завязанные сзади. Сурово глядя на чужака, они чуть ли не хором воскликнули: «Хто таков?» Узнав, что Корней идёт с Алдана, был у Щелканова и плывёт к юкагирам, помягчели, в глазах загорелся интерес.

— Что ж, давай знакомиться — Чихачёвы мы. Наша фамилия на Индигирке уже триста лет с гаком, — важно представился Ипполит-старший (как ни странно, младшего тоже звали Ипполитом). — Мыс Семёна Дежнёва, знаешь?

Корней кивнул.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— То-то! Наш пращур Федор Чихачёв пришёл сюды с ым в 1638 году и был оставлен с двумя служивыми с наиважнейшим делом — для охраны провианта на обратный путь посуху. Допрежь наше село на ентом самом месте и стояло. Дымов, говорят, изрядно было. Штоб не путаться, таперича Старым Устьем зовём. От него токо церква осталась. Построена бог знает когда, но ништо её не берёт. Токмо без креста. Прежде крепко рубили. Вторая в Новом Устье — ты, пожалуй, видал её. Та позднешняя.

— Да, заходили с председателем. Хотелось бы и на вашу глянуть.

— Так пошли, покуда не разоблачились.

Деревянная, небольших размеров шатровая церковь с обветшалой луковичной главкой, крытой почерневшими плашками, стояла в глубине поляны. У двери братья, отряхнув с курток и штанов налипшую рыбью чешую, трижды двуперстно перекрестились с поклонами. Внутри голо. На месте иконостаса лишь лик Христа Спасителя. Корнею показалось, что взирает Он с укором.

Братья зажгли прихваченную с собой свечку и, размашисто осеня себя крестным знамением, забубнили молитвы. Корней же, пал на колени и долго отбивал земные поклоны.

— Вера в людях ослабла, — вздохнул Исполит-старший, когда вышли. — Большевики постарались. В тридцать втором годе прибыл к нам уполномоченный с наганом. Сам не помню, малой был, мать баила. Собрал народ и объявил, што Бога нет и церковь закрывается. Люди зароптали, но открыто выступить побоялись. Токо Шкулевы попытались: «Мы православные! С крестом родились, с крестом и помрем». Уполномоченный давай кричать: «Я вас, подкулачников, голоса лишу!» Он-то имел в виду, што права голосовать лишит, а бабы-дуры с перепугу решили, што он — бес такой, и вправду языки повырвет, немыми сделает.

Выбежала жена старшего — Шкулева Соломонида и бросилась перед ним на колени: «Господин начальник, не губи православных христиан, не отымай голоса. Какие оне люди будут без языка — енвалиды». После этого тот бес влез на крышу храма,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

запел «Интернационал» и спилил крест. Мы так мним, што с тех пор в наказание нам за малодушие Индигирка и начала берег ломать. Кажный год метр, а то и два отымаёт. Видел, поди — две избы в Новом Устье почти порешило.

— Видел, видел. Зады прям над водой висят.

Наскоро перекусив, старший, глядя на младшего, произнёс:

— Айда рыбу в ледник снесём.

Тот сразу встал и направился к двери.

Скитник тоже поднялся:

— Я с вами, подсоблю.

На берегу сохла развешанная братьями на жердях сеть с обрывками водорослей. Увесистые диски грузил были «нарезаны» из бивня мамонта. Над лодкой, укрытой брезентом, на шесте болталась мёртвая чайка.

— Страцаем подружек, — упреждая вопрос, пояснил старший Ипполит. Повಾದились, вредины, рыбу таскать. Даже из сетей достают.

Центральный отсек лодки доверху был заполнен текучим серебром. В основном чиры — все как на подбор, аж жиром сочатся. Отъелись на комариках! Между ними проглядывали пятнистые бока щук. Их складывали в отдельный мешок — для собак. К леднику вёл дощаный тротуар.

Отворив подвешенную на кожаных петлях дверь с табличкой «Ледник артели Русское Устье», Ипполит зажгёт керосиновую лампу. Вниз вело несколько ступенек, упиравшихся во вторую дверь. Толкнув её, вошли в холод.

Ледник представлял собой пещеру, вырубленную в ледяной толще. Стены, пол, потолочные своды, подпоры — абсолютно всё из цельного льда цвета морской волны. Он до того прозрачный, что сквозь полутораметровые подпоры хорошо виден свет лампы.

— Чудно! Вроде под землёй, а земли нет — один лёд. Как так?

— Сами дивимся. Начальник с экспедиции говорил, што тута промёрзшее до дна древнее озеро. Прежде ледник помене

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

был, а как артель создали, так расширили. Ноне у каждого свой угол — для учёта.

Русаков¹ и сорную рыбу выкладывали отдельно. Управились в три ходки.

Выходя, старший, указывая на оббитую жестью дверь, пояснил:

— Защищаем от росوماхи. Никак не изловим. Редкая хитрюга! С ей даже волки остерегаются связываться. По весне мои малые рыбалить отправились. Гляжу, бегут с рёвом обратно: говорят, токо стали лунки рубить — медвежонок подбежал. Котомку с провизией схватил в зубы и тикать. Я не поверил — какой ишо медвежонок? — снег кругом! Взял ружьё и борзо туды. Гляжу, а следы и впрямь росомашьи. Пошёл по ним. На снегу кружка, ложки, миска: котомку распотрошила, еству схавала и ушла.

В займку Ипполиты прихватили двух средних муксунов с предыдущего улова: попотчевать гостя местным деликатесом — «расколоткой». Для этого рыбу хорошенько отбили деревянным молотком. Тушка от ударов расслоилась на мелкие кусочки.

— Спробуй!.. Ну как?

— Вкус и впрямь необычный. От струганины отличается.

— Ты вдогонку бруснички в рот положи — ишо вкусней станет.

После ужина братья достали замусоленные карты.

— Сидай, подуримся.

— Неможно. Бесовская игра.

— Экий ты! Чем ишо время занять?

— Кто чем, а я помолюсь.

— Ну как хошь. А за крепость тебе поклон. Большинство-то обезверились, редко стали к Богу обращаться.

Утром Ипполиты растолковали скитнику, на что ориентироваться, чтобы не проскочить юкагирское стойбище.

— Оно недалече, но с реки не у зришь. Как доплывёшь до лысой горки, смотри, где лодки стоят. Там и чалься.

¹ Русаки — белая промысловая рыба с нежным, жирным мясом.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Спаси Христос! Будьте здоровы, Богом хранимы, — поблагодарил Корней братьев.

Не отмахал вёслом и километра, как прямо на его глазах от высокого берега отошла и с глухим шумом осела в воду огромная глыба земли. Лодчонку едва не захлестнуло поднятой волной. На свежем обнажении желтело что-то узкое.

— Может, мамонтова кость?

Подплыв, скитник разглядел частично обнажившийся бивень! Чтобы вырубить его, пришлось часа полтора кромсать мёрзлую глину топором. Прикинул вес — пуда два потянет¹.

— Слава Господу Милосердному! Теперь будет чем расположить отца Егоркана! — радовался скитник, поглаживая красиво выгнутый бивень.

По берегам зачастили листовницы. Зеленоватые островки чередовались с сетчатым кружевом высохших стволов.

Ближе к обеду показалась и стала расти приметная горка. Из-за неё доносилась ленивая перебранка собак. Прислушавшись, Корней различил и голоса детей. Вскоре в небольшом заливчике показались и лодки. Отвесный, словно обрубленный, берег лишь возле них имел пологий спуск к воде. В зазор между ними Корней и втиснулся.

Поднявшись на крутой яр, увидел стоящие в беспорядки чумы, собачьи будки-гнезда, деревянные корыта для их кормёжки и лабазы, под которыми лежали приставные лестницы. Вокруг дымокуров бегала ребятня в лёгких куртках и кожаных штанах. У тех, кто помладше — сзади клапан-разрез. За ними носилось с десяток псов. Увидев чужака, они взяли его в кольцо и, подняв острые морды, призывно залаяли.

Из ближних чумов тут же выглянули взрослые. Смуглые и черноволосые, с редкой растительностью на губах и подбородках, они отличались от якутов и эвенков продолговатыми лицами и довольно светлыми глазами.

¹ Встречаются бивни весом более восьми пудов.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Доброго здоровья! Подскажите, как пройти к Омолою.

— Дорова! Прямо иди, его чум последний.

Жилище отца Егоркана ничем не отличалось от других. Лишь над входом висела шкурка чернозобой, с рыжей головой, гагары. Возле будок-гнезд лежали остроухие псы. Они встретили Корнея оценивающим взглядом. Сделав свои выводы, рычать не стали. Только вожак взбрыхнул, предупреждая хозяина о пришельце.

Заглянув в жилище, скитник поморщился: в нос ударил тяжёлый дух «кислой» рыбы и крепкого табака. Сквозь незаметные глазу дырочки в оленьих шкурах к чисто выметенному земляному полу тянулись золотыми нитями лучики солнца.

— Есть кто? Можно войти?

С чурки, стоящей у очага, обложенного хорошо подогнанными друг к другу камнями, поднялся, опираясь на палку, худющий юкагир в потёртой, коротко остриженной заячьей дошке, засаленных штанах из оленьей замши и лёгких торбасах. Смуглое лицо испещрено морщинами, словно печёное яблоко. Не вынимая изо рта трубку с мундштуком, похожим на хобот мамонта, он закивал головой:

— Можно, можно!

— Мне к Омолою. Это вы?

— Конечно! Я один Омолой.

— Привет вам от сына.

— Где видел?

— У Нила Прокопыча. Егоркан говорил мне, что вам бивни нужны. Пока к вам добирался, один нашёл. В лодке лежит.

Юкагир просиял:

— Бивень очень надо. Выставка скоро. — И, крикнув кому-то невидимому что-то по-юкагирски, указал гостю на лежащее за очагом бревно, покрытое белой оленьей шкурой.

Прежде чем сесть, Корней с интересом рассмотрел стоящие на полке среди деревянной посуды изящные фигурки из мамонтовой кости, отражающие основные занятия юкагиrow: охоту, рыбалку, оленеводство.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Невестка, жена Егоркана, приветливая, румянощёкая Фрося, одетая в цветистое платье-капот, прежде чем готовить угощение, помыла руки, прыскавая водой изо рта. Тонко нарезанное вяленое гусиное мясо, лепёшки из рыбьей муки и чашки с чаем из листьев брусники и плодов шиповника подала на низеньком столике, накрытом старой, основательно затёртой клеёнкой, и ушла за занавеску. Омолой к тому времени докурил трубку, и они принялись за еду.

Корней с удивлением отметил, что у старика все зубы на месте, только стёртые и жёлтые от никотина. За долгую жизнь, наверное, гору оленьих костей обглодал, вот и сточились.

Наевшись, хозяин вынул из-за голенища торбасов трубку. Прочистил, продул мундштук и, зачерпнув из кисета крупно нарезанной махры, раскурил. Дождавшись, когда допьёт чай гость, произнёс:

— Много ходи, много смотри. Говори, что видел.

Корней в очередной раз поразился скорости северного телеграфа. Слушая гостя, Омолой протянул кисет:

— Кури — табак много.

— Я не курю.

— Зачем себя не люби?

— Вера такая. Нам невозможно.

— Много беда за веру. Один сам церковь не иди, второй иди, его ругают. Зачем так?.. У нас нет церковь ... Большой камень на горе иди, молись, никто не ругай. Один учёный говори: Бога нет. Ты умный. Скажи, может так быть?

— Учёный неправ. Бог есть!

— И я так думай. Кто-то править надо. У нас свой бог. Хойл зовут. Вот он. — Омолой показал на деревянную куклу, стоящую на ящике, покрытом красной тканью. — С собой всегда бери, всегда молись. Он даст рыбу, даст зверя.

— Омолой, а шкурка гагары над входом для чего?

— Гагара сильная! Её предки достали нам землю со дна моря. Гагара чум береги, нас береги.

— А в наших краях эвенки для охраны жилища череп медведя у входа ставят.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Медведя худо убивать — беда будет. Когда на него охотимся, говорим: зайца убивать идём. Один убил медведя, хвалился: «Я убил медведя! Я убил медведя!» Когда умер, пришёл другой медведь раскопал и ел его.

Беспокойно забренчал крышкой закоптелый чайник, подвешенный на железном крюке.

— Давай ещё пить.

— С удовольствием. Чай люблю.

Пили вприкуску со сладковатыми кусочками корня сараны.

Корней решил, что самое время перейти к делу:

— Омолой, Егоркан говорил, у вас собачья упряжка есть. Не могли бы вы её мне уступить? До Чукотки хочу добраться.

Заметив в глазах Омолоя удивление, пояснил:

— Не сейчас — зимой, когда тундра замёрзнет.

— Зимой можно, летом никак — вода... Собакам зимой каждый день мясо надо. Где возьмёшь?

— Добуду, с малых лет охочусь.

— Хорошо. Три дня смотреть буду: хорошо собака смотри — дам; плохо — не дам... Нарта старая, ремонт надо.

— Отремонтирую, это тоже умею.

— Твоя молодец! У тайги учился. Моих внуков интернат учит. Она нарты делать не учит, оленя смотреть не учит, рыбу ловить не учит. Как жить будут? Юкагиру школа — тундра. Хорошо летом у меня живут. Мало-мало учу.

Дверь приоткрылась. Вошедший подросток попросил разрешения взять из сундука летнюю кухлянку.

— Внук, — пояснил Омолой. — Праздник Длинных дней скоро. Будем петь, гулять. Вместе пойдём. Понравится. Я загадки буду говорить.

— А мне можете сейчас загадать?

Юкагир, сделав пару глубоких затяжек, наконец кивнул:

— Слушай: неизвестный человек на голове что-то носит? Кто это? Что носит?

— Думаю, охотник, носит шапку.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Нет! Неизвестный человек — олень. Рога носит. А вот лёгкая: у неизвестного человека шесть ног. Когда поест, умирает. Кто это?

— Не комар ли?

— Да! Откуда знал?

— Считать умею, — улыбнулся Корней.

* * *

У Омолоя было восемь собак. Они то и дело кучковались вокруг вожака. Как будто совещались, часто оглядываясь через плечо. Передовик выделялся мощной, хорошо развитой грудью, густой, серой шерстью, мускулистыми лапами и пушистым, как у лисы, хвостом. Проницательный и умный взгляд говорил о независимом характере.

Старик подвёл его к Корнею и, теребя загривок, что-то прошептал. Пёс, обнюхивая незнакомца, обошёл его. После чего сел рядом, время от времени заглядывая в лицо. Остальные, повторив всё в точности, расположились поодаль, виляя хвостами.

Борой не случайно был вожаком. Он превосходил других не только физическими данными, но и сообразительностью. Когда Корней сказал ему: «Будем знакомы!» — и протянул руку, тот сразу подал лапу.

— Кто же левую подает? Надо правую.

Борой тут же сменил лапу.

Омолой надел собакам шлейки и пристегнул одну пару за другой к общему ремню — потягу, идущему от нарты посреди всего цуга. Благодаря тому, что лямки у шлеек широкие, нагрузка на грудь и спину собак распределяется равномерно. Когда все были запряжены, велел скитнику:

— Едь до реки!

Усевшись на нарту, Корней привычно скомандовал «Га!», но лайки не реагировали.

— Э-э-э! — Омолой, хлопнул себя руками по бокам. — Забыл, мои понимают другое: «Подь!» — поехали, «бо!» — стоять.

— А поворачивать как?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Налево — «норах-норах!», направо — «тах-тах!» Громко не кричи — духи сердятся, дороги не будет.

Услышав из уст Корнея команду «подь», собаки тут же рванули вперёд.

Сделав круг, довольный скитник подогнал упряжку к юкагиру.

— Ещё много езд, собак смотри. Это не олени, их понимать надо. Я в чум пойду, устал.

Хотя Корнею прежде управлять собачьей упряжкой не доводилось, опыт езды на оленьих помог довольно быстро освоиться. Юкагирские нарты по конструкции мало чем отличались от эвенкийских. Тормозом тоже служит остол.

Праздник Длинных Дней проходил на большой поляне. Погода не подвела. Тихо. Редкие перистые облака застыли на небосводе. То и дело подъезжали упряжки кочевников из соседних стойбищ. Народу собралось так много, что местные собаки, запутавшись, где свои, где чужие, не знали, на кого и лаять.

Женщины в одеждах, отороченных полосками разноцветного меха, украшенных бисером и разноцветными бусинами. На головах металлические подвески, на груди богатые монисты. Мужчины в летних парках, подпоясанных красиво расшитыми кожаными ремнями с серебряными пряжками. На ногах торбаса с узорами из кусочков белого и коричневого камуса.

Перед тем как ступить на поляну, каждый исполнял обряд очищения — проходил под берёзовой аркой между двух костров. Начался праздник с кормления огня. Ветки для костра были составлены шатром: ни одна из них не должна лежать крест-накрест. Старейшина под низкие, мощные звуки бубна, несколько раз просил, обращаясь к солнцу, мира и добра для жителей и гостей стойбища:

— Солнце-мать, худое в сторону отведи, хорошее к нам повороти. Худое отведи, хорошее к нам повороти.

При этом бросал Сыну Солнца — костру, небольшими щепотками, сахар, чай, табак, кусочки мяса, рыбы.

— Почему жалеет, так мало даёт? — удивлялся Корней.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Много нельзя: малое в верхнем мире будет большим, а большое маленьким, — пояснил Омолой.

Когда кормление закончилось, музыканты заиграли на инструментах, похожих на балалайку, и пищалках из перьев птиц. Люди, встав в тесный круг, запели песни, в которых слышалось что-то потустороннее.

Затем на середину поляны вышли девушка с парнем. Они принялись танцевать, подражая характерным движениям журавлей. Время от времени пары менялись, исполняя то танец ворона, то оленя, то волка. Красивые движения молодых, гибких тел, сопровождаемые звуками, имитирующими голоса птиц, зверей, завораживали. Корнею особенно понравился танец-песня о чайке, застигнутой бурей.

После этого юноши, раздевшись по пояс, стали соревноваться в борьбе, в прыжках на дальность, поднятии тяжестей. На реке готовились к гонкам на лодках, а на край поляны уже съезжались собачьи упряжки. Хотя Омолой и вывел своих лаек, участвовать в гонках не стал.

Через несколько дней после праздника старик решил, как он выразился, «освежить в чуме воздух». Корней ожидал, что для этого широко откроют вход и задерут края шкур-покрышек. Оказалось, речь шла о перестановке чума на новое место. Человек шесть освободили нижний ярус шкур, вынесли всю утварь и, приподняв чум за оголившиеся жерди, переместили метров на пятнадцать. На самом деле делается это не для проветривания. От тепла, идущего от очага, вечная мерзлота под чумом постепенно подтаивает, и если затянуть с переносом, земля расквасится¹.

Последними перенесли дрова. С ними в этих краях сложно: растут преимущественно тальники и худосочные лиственницы. Вдоль речушек неширокие полосы ольхи. Поэтому летом очаг-костёр, даже если холодно, разжигают только для приготовления пищи,

¹ Сейчас, чтобы избежать таяния земли, пол в чуме застилают досками, уложенными на лаги.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

а зимой верхнюю одежду снимают только перед тем, как забраться в полог. «Дрова» — ветки кустарника, нарубленные короткими «полешками», расходуют крайне бережно. После того как вода закипит, подкладывают их лишь для поддержания жара. Зимой родственные семьи часто объединяются и живут в одном чуме.

Загодя готовясь к долгой зиме, Фрося с детьми чуть ли не каждый день уходили в тундру рвать траву и собирать хворост. Траву после высушивания набивали в плоские полотняные маты. Зимой ими обвешивают меховой полог с боков. Человек способен перенести многие неудобства, но от мороза нет иного спасения, как теплое жилище.

Кочевая жизнь, почти натуральное хозяйство приучили юкагиров практически всё делать своими руками — из ивовой коры плести канаты, из тальника прочные корзины, из стволиков лиственницы клеить охотничьи луки. Омолой оказался не только искусным резчиком, но и умелым кузнецом. Он выковал Корнею из железного прутка новый курок к одностволке.

Худая, неразговорчивая жена старика и улыбчивая, ухватистая невестка с утра до вечера в домашних хлопотах: готовят еду, моют посуду, подметают гусиным крылом пол. В промежутках между этими делами катают из оленьих сухожилий нитки, выделывают шкуры, чинят одежду, шьют к зиме меховые кухлянки и торбаса (их в лучшем случае хватает на два сезона), заготавливают «дрова».

В один из солнечных дней женщины вынесли меховой полог и принялись тщательно исследовать каждый шов. Обнаружив прохудившийся участок, латали его нитями из сухожилий оленя. Завершили ремонт только на второй день. (Зимой эту работу делать невозможно: шкуры на морозе твердеют, а в чуме темновато.)

* * *

Исколесив вдоль и поперёк ровную, испятнанную блюдцами озёр тундру, Корней узнал, что болотины на ней разные. Одни затянуты густым травянистым покровом, не пропускающим солнечное тепло: вечная мерзлота под ним почти не тает. Если

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и провалишься, то не выше колена. А вот на кочкастых болотах обычно зыбуны и коварные промоины. Ежели неудачно ступишь, окажешься по пояс в ржавой жиже. Самые опасные болотины с мёртвым лесом. На них невнимательный путник рискует переломать о поваленные стволы и переплетения корней ноги.

Однако большую часть тундры занимали всё же не болота, а озёрца, соединённые протоками и речушками. Их разделяют лишь узкие перемычки суши, всё остальное — вода и болотины. И чем ближе к морю, тем гуще сеть озёр, что делает побережье в летнее время практически непроходимым. Зато какое раздолье для водоплавающих!

Стаями, парами и в одиночку носятся они над водой, заполняя воздух многоголосым гомоном. По берегам шныряют юркие длинноногие кулички. На плоских травянистых островках безбоязненно откармливаются сотни линяющих гусей. Завидев упряжку, они либо убежали, беспорядочно молотя крыльями с ещё не отросшими маховыми перьями, либо затаивались в траве.

На юг от стойбища начинался малорослый хребет — Кондаковские горы с прерывистой цепью останцев по гребню. Даже такие невысокие, они для Корнея, не любившего открытые пространства, были самым приятным зрелищем.

Поскольку ему надо было не только ежедневно кормить собак, но и заготавливать для перехода к Чукотскому Носу съестные припасы для себя и для них, он почти каждый день выезжал в горы на охоту.

Поначалу даже не столько для добычи мяса, сколько отвести душу в дальних, порой длящихся по несколько дней, поездках. Была чудесная пора, когда горы и предгорья особенно красивы: сиреневым пламенем горели ирисы, желтым — полярные маки, бледно-розовым — островки княженики. Всё это на фоне ярко-зеленых кустиков полярных берёзок и белёсых ковров ягеля.

Чтобы добраться до хребта, следовало проехать по заболоченной тундре, петляя между озёр, километров пятнадцать. На ней росли хилые, почти сплошь суховершинные лиственницы, покрытые чёрными струпами лишайников. Стоят бедняги, на-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

кренившись в разные стороны, едва удерживаемые тонким слоем почвы. Корней долго не мог определить кратко и образно, какое ощущение вызывает у него этот унылый пейзаж, пока не подобрал точное обобщающее слово — дряхлость.

Поскольку болотистая марь была скудна на живность, он пересекал её без остановки. А вот у текущей вдоль подножия горного массива речушки частенько задерживался — она обычно баловала хорошим уловом.

В самые первые выезды эта речушка с торфяными, в прослойках льда, берегами не привлекла внимания Корнея. Но однажды, зачерпывая в котелок воду для чая, он заметил в ней стремительные тени: неужто рыбы? Дабы рассеять сомнения, вынул из котомки леску, намотанную на дощечку. Едва крючок с шерстяной обманкой коснулся воды, жилка натянулась и у поверхности шумно заметалась серебристый хариус с радужным веером на спине. Еще заброс — и опять хариус. Третий трофей оказался поувесистей — пятнистый ленок. В отличие от хариуса он не метался из стороны в сторону, а вертелся, подняв сноп брызг, волчком. Правда, недолго. Хлебнув воздуха, сник.

Корней рыбачил до тех пор, пока не прекратился этот сумасшедший клёв. Ленка тут же распластал и съел. Хариусами накормил собак. Если поклёвок не было, он, не задерживаясь, ехал дальше.

В горах была уже не чисто тундра, а тундра вперемешку с куртинками лиственниц, елей, мазков кедрового стланика с жировавшими в них стайками куропаток. Но и здесь большую часть склонов всё же покрывали заросли полярной березки. Местами она росла столь густо, что напоминала перекрученные рулоны колючей проволоки. Такие участки Корней объезжал — собакам через них не продрасться. Вдоль ключей тянулись ленты ивняка. На старых гарях паслись дикие северные олени. По скалистым гребням бродили сторожкие крутороги — горные бараны.

Отовсюду нёсся писк леммингов. Завидев упряжку, они тут же исчезали. Песцовые норы встречались реже. Около них валялись заячьи кости, отгрызенные крылья гусей, куропаток. Некоторые

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

норы разрыты, как будто лопатой, а земля разбросана по сторонам — это поработал в надежде добыть песка бурый медведь.

Судя по обилию лепёх и «колбасок» с зернышками голубики, их тут немало. Но сам Патапыч осторожен: заблаговременно избегает встреч. На некоторых буграх торчат белыми столбиками полярные совы с крупными, уже почти оперившимися птенцами: караулят леммингов.

Корней тормознул упряжку возле лужка с морошкой, чтобы набрать уже налившейся соком северной малины. Собаки, к его удивлению, тоже сразу набросились на неё.

Полярное лето короткое и ягоды изо всех сил торопятся созреть. На припёках уже поспевают сизая голубика. Её в этом году так много, что веточки пригнуло к самой земле, а за проехавшей упряжкой остаётся синеватая полоса. Кое-где уже подпалило боковинки брусники. Между карликовыми березками красуются шляпки грибов, пахнущих сырыми мхами и землёй. Если повезёт, можно встретить даже семейку крепеньких боровичков.

А вот цветов уже почти нет. Лишь в ложбинах доцветают золотистый рододендрон и неприхотливая ромашка.

После полудня Корней отыскивал родничок и разводил костерок. Напившись пахнущего дымком чая, любил беззаботно развалиться на высохшем до хруста ягеле и, отключившись от всего, наблюдать за плывущими по небу облаками.

Возвращаясь в стойбище, не забывал привезти вязанку хвороста или пару сухостоин. Обеспечив в итоге семью старика дровами на всю зиму.

Скитник теперь хорошо знал всех собак не только в «лицо», но и различал по голосу.

В поездках он забирался каждый раз всё дальше и дальше, ночуя там, где застанет ночь. В одну из них он, перевалив водораздел, оказался на южных склонах хребта. Деревья тут были заметно крупнее и выше.

У одной лиственницы странно крутил головой крупный олень. Приглядевшись, скитник понял, что это он очищает уже окостеневшие рога от ненужной теперь шерстистой шкурки.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

«Готовится к турнирным боям», — подумал Корней.

На выходе из распадка что-то белело. Проехав ещё немного, разглядел две палатки. Юагиры охотно выменивают их у геологов за песцовые шкурки. Разумно — палатки для летних перекочёвок намного удобней громоздких чумов с длинными жердями и тяжёлыми покрывками. Конечно, полотняные жилища хуже держат тепло, но летом это роли не играет — главное, чтобы защищали от кровососов, ветра и дождя.

Юагир, увидев приближающуюся упряжку, поднялся и, разгоняя веткой комаров, пошёл навстречу. Корней сразу узнал его: на празднике Длинных Дней он стал победителем среди борцов. Поприветствовав знакомого, Айил пригласил пить чай в большом марлевом пологе. Рядом из-под камней доносилось весёлое журчание ручейка.

Корней заметил, что юагир чем-то опечален. После чаепития и обмена новостями не удержался, спросил:

— Айил, тебя не узнать. На празднике был такой весёлый, а сейчас грустный — что-то случилось?

— Ты насквозь видишь... Отец плохой. Есть не может — рвёт даже от воды.

— А где он?

— У брата в стойбище, вон за той гривой.

— Поехали, посмотрю. Может, сумею помочь.

Через пять минут упряжки мчали их по пологому травянистому склону. На чисто выметенном голубом небосводе бледнела, выцветшая под лучами солнца луна. Собаки на ходу норовили метить торчащие камни. Гребень гривы венчал жертвенный шест, увешанный разноцветными полосками материи. Вокруг выбеленные солнцем черепа и рога оленей.

— Это подарки Хойлу. Он защищает нас от шайтанов, — пояснил Айил. Сейчас их нет: свет не любят.

— А мы от нечисти крестным знаменем обороняемся.

В стойбище было так тихо, что оно казалось вымершим. Даже собаки лаяли вполголоса. Возле чума стояло несколько нарт.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Внутри довольно много народу. В центре разгорается костёр. Родственники и соседи сидели вдоль наклонных стен, прислонившись к отполированным спинами жердям. В пятне света, падающего сквозь дымовое отверстие, лежал на шкурах исхудавший отец Айила.

Люди, вполголоса переговариваясь, наблюдали за приготовлениями к камланию почитаемого во всей округе шамана. На нём ритуальная куртка, выкрашенная ольховой корой в коричневый цвет. Она увешана металлическими пластинками, трубочками, серебряными монетами, костями животных, копытами, полосками кожи. На груди и спине медные диски, символизирующие солнце и луну. На голове — меховая шапка с рогами. Из-под неё торчат чёрные волосы.

Обойдя три раза очаг, «врачеватель» добавил в огонь сухих веток и, дождавшись, когда кожа на бубне натянется и станет глухо рокотать даже от лёгкого постукивания, стал хриплым голосом бормотать заклинания (сначала тихо, потом всё громче и громче), щедро «угощая» Огонь кусочками сала и лепёшек, чтобы тот не позволил злым духам переступить порог жилища. Трещит костёр, освещает смуглые напряжённые лица сидящих в чуме людей.

В руках шамана «окно» к духам — бубен. Его верхняя часть открывает дорогу к добрым небесным духам, а нижняя — к злым, подземным.

Лицо колдуна внезапно исказила страшная гримаса, а сам он, словно вихрь, звеня металлическими подвесками и костями, закружил вокруг очага, ударяя по туго натянутой коже нижней части бубна колотушкой. Мощные, низкие вибрации, сопровождаемые завыванием шамана, заполнили чум. Они прерывались криками птиц, рёвом медведя.

Подчиняющиеся особому ритму удары участились, завывание шамана всё громче и громче. Не сводя с бубна лихорадочно горящих глаз, он погружался в мир подземных духов.

Перенеся через некоторое время удары на верхнюю часть, шаман, конвульсивно дёргаясь и обливаясь потом, принялся диковато и повелительно, глядя из-под насупленных бровей,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

выкрикивать хриплым голосом новые заклинания. Бубен глухо рокочет, подавляя волю окружающих всё сильнее и сильнее. Люди замерли в оцепенении.

Корней, решив, что ему не стоит наблюдать, а тем более участвовать в этом бесовском шабаше, осторожно вышел. Прочитав очистительную молитву, стал ждать окончания камлания.

Тем временем в чуме «контакт» с духами был установлен: шаман заговорил утробным, потусторонним голосом, от которого у всех по спинам забегали мурашки.

— Вижу тени предков... Слышу голос... С моря придёт большой луча... Он победит болезнь.

Тут шаман остановился напротив Айила и, прищурился раскосые глаза, уставился на него повелительным взглядом, выкрикивая что-то по-юкагирски.

Айил поднялся и вышел из чума. Подойдя к Корнею, сказал:

— Шаман просит тебя вернуться. Говорит, что только ты можешь убить болезнь.

Корней был в смятении — что делать? Он больного даже не осмотрел.

— Скажи, чтобы вынесли отца на свет.

Пока Айил ходил, скитник молился, призывая в помощь все небесные силы.

Люди, высыпав из чума, с надеждой глядели на рослого бородача.

— Айил, как отца зовут?

— Ермолай.

«Стало быть, крещёный», — приободрился скитник.

Больному на вид было лет пятьдесят. Худой, широкие смуглые скулы сильно выступали над ввалившимися щеками, а живот неестественно раздут. Внутренний голос подсказывал Корнею, что у юкагира, скорее всего, проблема с кишечником. Не зная пока, что предпринять, он, прощупав живот, начал массировать его круговыми движениями по часовой стрелке, читая одновременно молитву. Через некоторое время юкагир застонал и стал громко и часто пукать. Обрадованный Корней согнул ему ноги

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

в коленях и прижал к животу. Выделение газов усилилось. Вскоре стоны прекратились, и человек попросил пить.

Счастливым Айил бросился обнимать скитника.

Раздались восторженные возгласы. Юкагиры с восхищением смотрели то на белого шамана, то на преобразившегося больного. Некоторые вслед за Корнеем невольно осеяли себя крестным знаменем.

Шаман вновь забил в бубен и победно заголосил, прославляя верхних духов за то, что прислали бородатого лучу.

Корней отправил Айила нарвать зонтиков дикого укропа, а сам продолжил массаж. Когда отвар был готов, напоил им больного.

На обратном пути Айил попросил:

— Корней, про шамана никому не говорите. Начальство ругает, бубны ломает.

* * *

Погода последние дни плаксивая: серые низкие тучи, мелкий, нудный дождь. Вечера холодные, ветреные. Чтобы не мёрзнуть, Корней даже стал надевать парку.

Сегодня прояснилось, и скитник выехал размять застоявшихся собак. Добыв трёх зайцев и с десятков куропаток, направил упряжку к роднику — подошло время для чаёвки. На скате, заросшем рододендронам, неожиданно вырос чёрным столбиком зверь. Разглядев собак, он развернулся и, высоко вскидывая зад, побежал по склону вверх.

Росомаха!¹

Скитник повернул собак к тому месту, где только что стояла росомаха. В примятой траве лежала загрызенная оленуха. Детёныш, видимо, прятаящийся где-то в кустах, пользуясь бегством росомахи, уже покинул убежище и, припав к животу матери, ста-

¹ В этих размерам с собаку самых крупных представителей кунных заключена такая сила и неукротимая отвага, что они способны в одиночку противостоять стае волков. А про взаимоотношение росомах с охотниками ходят удивительные, порой невероятные, легенды.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

рательно сосал молоко. Когда показались собаки, он ещё плотней притиснулся к ней, не переставая жадно сосать.

Корней отъехал, чтобы дать малышу насытиться. Потом, осторожно накрыл его курткой и, уложив на нарты, повернул к стойбищу.

Неожиданно стало быстро темнеть. Скитник обернулся. Со стороны перевала приближалась чёрная туча. Её мрачное нутро прорезала огненная трещина, следом раздался такой грохот, что показалось, будто небо раскололось на части. Земля под ногами вздрогнула, окрестности на миг залило белым светом. После непродолжительной паузы ослепительные стрелы из чрева тучи и раскаты грома последовали один за другим. (Корнею сразу вспомнилась отцовская загадка: «Сначала блеск, за блеском — треск».) Порывы ветра принесли первые редкие, но крупные капли. Резко похолодало. К ним с шумом приближалась подгоняемая ветром стена дождя. От холодных струй не было спасения.

К счастью, гроза ушла так же быстро, как и пришла. Хорошенько пролив округу, она обняла небо сочной радугой. День был на исходе. Осатаневшая после дождя мошка немедля набросилась на собак и путника.

Корней, чтобы избавиться от кровососов, поднялся на продуваемый гребень. Сложил костерок. Мокрые ветки кедрового стланика никак не разгорались. Наконец одну из них охватил одинокий язычок пламени, и вот уже затрепетали сквозь дым новые язычки. Переходя от крутившегося по воле ветра дыма с места на место, Корней пытался хоть немного обсохнуть и согреться.

Собак накормил зайцем. Сам воспользовался банкой стужёнки, которую всегда возил на всякий случай с собой. Пробив в крышке две дырочки, с наслаждением высосал половину. Остатки вылил в миску. Добавив тёплой воды, размешал и дал оленёнку. Тот так проголодался, что вылакал всё без остановки. Лайки с нездоровым интересом поглядывали на малыша, но, видя, как заботится о нём хозяин, только облизывались.

Выплыла щербатая луна. Теперь на небе было два светила: неполная луна и неправдоподобно огромное, тревожно-красного

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

цвета солнце, катившееся всю ночь вдоль горизонта. Костёр догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между углей и снова прятались в мерцающих жаром убежищах.

Спал на нарте вместе с оленёнком: земля после грозы была очень сырой.

Вернувшись в стойбище, Корней отправился к соседу Омолоя с малышом на руках. Тот, обрадованный неожиданным пополнением, тут же подложил его недавно отелившейся важенке.

* * *

Полярный день закончился. Наконец-то глаза получили возможность хоть немного отдохнуть от постоянного солнечного света. Корней радовался возвращению ночи, словно подарку, хотя точно знал, что в полярную ночь будет считать дни до появления солнца. Странное существо человек — никак не угодишь.

Днём по-прежнему припекает. Затаившаяся под тонким слоем земли вечная мерзлота за куцую ночь не успеваает остудить воздух и к полудню, над тундрой начинают колыхаться струи марева. Пока мало что говорит о приближении осени. Лишь заросли карликовой ивы густо затянуло паутиной, да иногда по земле пробегали прерывистые тени, отбрасываемые готовящимися к отлёту стаями гусей и других крылатых кочевников.

Корнея в последнее время тревожило то, что в ногах не стало прежней силы.

«Надо побольше ходить ногами, а не ездить всё время на упряжке, — решил он. — Может, тогда удастся подойти и к круторогам поближе, а повезёт, ещё и побаловать юкагиров бараниной».

Их следы и помёт скитнику частенько попадались на вьющихся по каменным склонам, тропах, но осторожные животные, заслышав приближение собак, успевали скрыться.

Утром лайки не поняли, почему хозяин их привязывает. Минут через десять они с удивлением наблюдали, как он, закинув за спину котомку и повесив на плечо ружьё, уходит всё дальше и дальше. Когда сообразили, что хозяин и не думает их брать, в отчаянии завыли.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Погода была как по заказу. На небосводе ни облачка, а последних комаров ветер загнал в траву. Оживляя пустоту, над горами парили, обозревая свои владения, орлы. Где-то вдалеке истошно лаял песец. В широких ложбинах усеянных алой клюквой, отъедались гуси. При приближении человека они, недовольно галдя, отлетали. Места их старых кормёжек устланы выпавшими во время линьки перьями. На буграх, усыпанных сизой голубикой и пучочками тёмно-красной брусники, скитник останавливался полакомиться.

Хотя Корней то и дело поднимал с лёжки зайцев, он не обращал на них внимания. Выстрелишь — бараны насторожатся и не подпустят.

К полудню добрался до скалистой гряды с крутыми травянистыми склонами. Именно такие места обожают крутороги. Пройдя немного, скитник замер — на крутизне, утыканной щербатыми останцами, паслось сразу три табунка. Одна семейка совсем близко. Корней затаился за валуном. Животные, пощипывая на ходу растущую пучками траву, медленно двигались вдоль склона в его сторону.

Не дойдя до гребня метров сорок, крупный баран с белым брюшком остановился и начал разгребать ногой камни. «Похоже, к лёжке готовится», — обрадовался Корней. Действительно, очистив площадку, круторог улёгся. Остальные устроились рядом. Лишь молодняк возможность отдохнуть не прельстила. Они вприпрыжку подбежали к полуразрушенной скале и стали взбираться на неё. Самый проворный, опередив всех, занял вершину. Стоя на завоёванном «пьедестале», он всем своим видом показывал, насколько горд этой победой. Как только кто-нибудь из братишек делал попытку встать рядом, следовал толчок рожками, и жалобно блеющий малыш вновь оказывался у подножия.

Но не только Корней внимательно наблюдал за ними. Один из орлов не замедлил спикировать на храбреца. Шустрый «герой», услышав приближающийся свист, в последний миг успел перемахнуть на соседний выступ, и стервятник лишь чиркнул по нему крылом. Барашек удивлённо обернулся и только тогда понял, что едва не стал добычей громадной птицы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корнею после этого совершенно расхотелось разрушать покой этого семейства. Спускаясь, он заметил ещё одну группу круторогов. Следуя за вожаком, они шли по противоположному склону горы. Голову барана украшали такие большие рога, что было непонятно, как ему удаётся удерживать её. Когда он достиг гребня отрога, на него выметнулась «чёрная махина» и ударом лапы свалила барана. Табунок в панике разбежался, а находчивый миша склонился над добычей.

Скитника восхитили сообразительность и ловкость косолапого. Тот нашёл, пожалуй, единственно возможный способ для успешной охоты в этих безлесых горах: устроил засаду на тропе прямо перед высшей точкой гребня. И был вознаграждён за много-часовое ожидание.

Корнею ничего не оставалось, как настрелять куропаток и зайцев. Что он и сделал. На обратном пути услышал мелкий перестук. Обернувшись, увидел два серых кудрявых комочка. Он не сразу понял, что за ним бегут ягнята. Догнав, они с громким меканьем стали тыкаться в ноги: видимо, приняли его за мать. Не найдя сосков, разочарованно отошли. Похоже, в последний раз мать кормила именно на этом месте, и они терпеливо поджидали её.

БУРАН. ПРОМЫСЛОВИК

Дни становились всё короче, а тени всё длиннее. В лучах солнца больше света, чем тепла. Осень подкрадывалась исподволь. Ещё не ударили настоящие морозы, а утренники уже начали выбеливать траву, обрамлять берега тонким прозрачным ледком. Покраснели крохотные листочки полярной ивы. Примерили рыжий наряд берёзки. Янтарём налилась хвоя лиственниц. Порывы ветра срывали её и золотили Индигирку. Пропали комары, два месяца не дававшие покоя. И наконец самый верный признак осени — начали хоркать, готовясь к битвам за важенок, быки.

Дней через десять в воздухе запахло снегом. И точно — в одну из ночей тундра преобразилась до неузнаваемости. Стала белой,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

мягкой. Так в одночасье пришла, чтобы властвовать долгих восемь месяцев, зима.

К этому времени Корней заготовил столько пластин юколы и вяленого мяса, что Омолой, уезжая на выставку в Анадырь, пошутил: «Как повезёшь? Две упряжки надо».

Ещё до снега возвратился с сыновьями Егоркан. Он был доволен кочёвкой: все новорожденные олешки выжили и подросли, стадо набрало вес.

Корней планировал выехать сразу, как только лёд скуёт озёра и реки, но Егоркан отговорил:

— Нехорошо уезжать без отца. Обидится.

Омолой вернулся счастливый. Его работы отметили грамотой и отправили в Москву на ВДНХ и даже вручили крайне полезный приз — новенький, сияющий латунным бочонком примус.

В утро отъезда старый юкагир первым делом попросил Корнея положить нарты на бок. Когда он исполнил эту странную просьбу, принёс ведро с водой и, окуная в неё кусок оленьей шерсти, промазал полозья. После того как вода заледенела, прошёлся ещё раз. Когда нарты загрузили, обошёл, придирчиво проверяя, надёжно ли уложены мешки.

Груза, и вправду, набралось изрядно. В основном корм для собак. В отдельном тюке палатка, меховой спальник. Боеприпасы и всякая необходимая в дороге мелочь в тулуне — хорошо прокопчённом кожаном мешке, подаренном Егорканом. Ружьё и топор засунуты под обвязку.

Закончив осмотр, Омолой произнёс, довольно улыбаясь:

— Молодец! Хорошо делал!

Затем подошёл к Борою и, наклонившись, поцеловал его в прохладный нос. Лицо юкагира было спокойно, но глаза на мокром месте.

Пообнимавшись до хруста костей со стариком и Егорканом, Корней сел на передок нарты и скомандовал: «Подь, подь!»

Засидевшиеся собаки взяли с места охотно и, подбадривая друг друга лаем, помчались навстречу разгорающемуся дню и сыплющимся с неба кристалликам изморози. Нарта на «ледяном

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ходу» легко катилась по искрящемуся от солнца белому покрову, оставляя за собой клубы снежной пыли.

Корней то и дело оглядывался. Две тёмные фигурки рядом с конусом чума махали рукой, пока упряжка не скрылась из виду. Прожив с юкагирами больше трёх месяцев, скитник полюбил этих добрых, с открытой душой людей.

Полулёжа в тёплой кухлянке с непродуваемой камлейкой по верху, Корней держал курс строго на восток, временами проверяя себя по компасу, подаренному капитаном «Арктики». Вокруг безмолвие, над головой чистое небо, впереди восемь полных сил собак. Из-под их лап в Корнея летят комочки снега. Ресницы, брови и борода путника от дыхания быстро покрылись инеем, и он всё больше становился похожим на Деда Мороза.

Бодро бежит упряжка по белой равнине с редкими невысокими холмами. На подъёмах Корней ободряюще гикает и, отталкиваясь ногой, помогает собакам. Ветра успели не только уплотнить снег, но и образовать на продуваемых участках жёсткие островерхие гребни — заструги, резко бьющие по полозьям. От этих многочисленных ударов Корнею казалось, что позвоночник вот-вот рассыпется, а голова оторвётся. Поэтому, завидев очередные заструги, старался притормозить лаек, «бороня» снег остолом.

Зато на ровных участках можно было расслабиться и получать удовольствие от езды. В такие минуты Корнею представлялось, что, кроме него и упряжки, в мире ничего не существует, а он невесомо летит между небом и тундрой.

Выехав на обширную, без застругов марь, скитник от радости даже запел. Собаки откликнулись на хорошее настроение хозяина веселым повизгиванием и прибавкой скорости. Плавное покачивание нарты, ровное шуршание полозьев, поскрипывание кожаных креплений убаюкивали, и Корней время от времени задрёмывал. Выныривая из забытья, сверял направление движения по компасу и всякий раз убеждался в том, что Борой чётко держит заданный курс.

За день успели пройти километров тридцать. Мало, но в начале пути всегда так. В последующие дни суточный ход возрос.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

В первый же вечер Господь одарил его красочным, почти на всё небо, северным сиянием.

Для ночёвок Корней старался выбирать гривки с ёжиками ивняка: в них всегда можно было наломать веток для костерка. Если ветер был сильным, не ленился, строил укрытие: нарезал кирпичи из слежавшегося снега и складывал из них невысокую полусферу. Для низа шли крупные, для верха — поменьше. Второй и последующие ряды укладывал с лёгким наклоном внутрь. У основания вырезал небольшой проход, чтобы можно было заползти (очутившись внутри, засыпал его снегом).

Все «строительство» занимало около часа. Конечно, палатку поставить быстрее, но крепить растяжки почти невозможно, да и скаты при сильном ветре хлопают так, что не поспишь. К тому же в снежной хижине теплей, чем в палатке. Если поблизости имелся глубокий сугроб, Корней просто выкапывал в нём пещеру. Нарты ставил так, чтобы утром даже без компаса можно было определить направление, по которому ехали.

Шарф, защищающий лицо, к концу дня от выделяемой при дыхании влаги оледеневал и примерзал к бороде и усам. Вечером, чтобы его снять, приходилось какое-то время посидеть у костра. Помучившись пару раз, скитник свёл почти на нет усы, а бороду, — гордость каждого старовера, не стал трогать — стягивая горловину, прятал её под камлейку.

По утрам, размяв спрессованный снег, умывался, разводил костерок, растапливал в котелке снег и завтракал. Набор продуктов всегда один и тот же: юкола или вяленое мясо и пара кружек чая. Обед нег. Вечером ужин из пары полярных куропаток либо зайчатины и кипятка.

На четвёртый день наехал на свежий нартовый след. По цепочке прорубей понял, что где-то поблизости рыбаки. Остановившись на больших водоёмах, они пробивают в пока ещё нетолстом льду пешнями проруби. Расстояние между ними рассчитывается так, чтобы из одной лунки в другую можно было на шесте протянуть сеть. Труд тяжёлый: всё делается голыми руками на морозе.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корней направил собак по следам рыбаков. Солнце светило так, что длинные тени от них бежали сбоку и чуть впереди. Казалось, будто собаки азартно гонятся за ними, но никак не могут настичь. Задул боковой ветер. Несмотря на сгущающуюся низовую позёмку, лайки, не сбавляя темпа, продолжали бег.

К рыболовецкому стану подъехал к вечеру. Прижавшееся к ровной линии горизонта солнце золотило снег, палатку, ездовые и грузовые нарты, стоящие на льду большого озера. В этот вечер Корней был избавлен от необходимости устраивать ночлег и разводить костёр. Юкагиры пригласили его к себе. Для приготовления пищи они пользовались примусом: быстро и дров не надо, а литра керосина хватает дней на пять.

Ужинали успевшей хорошо промёрзнуть пудовой нельмой. Бригадир ловко рассёк охотничьим ножом широкую спину бело-рыбицы. Снял кожу и, срезав полупрозрачные от жира брюшки, стал стругать мясистую спину, как полено. Когда таз до верха наполнился тонкими, полупрозрачными стружками, посыпал их сушёной черемшой. Перемешав, положил в рот щепотку аппетитных кудряшек. Остальные дружно последовали его примеру. Жевать не было нужды — нежные завитки сами таяли во рту.

Скитник покидал рыбацкий стан с некоторой грустью — дальше на сотни километров безлюдная равнина. Её унылую монотонность будут нарушать лишь редкие холмы и мерзлотные провалы. Разве что повезёт, и случайно встретишь северных бродяг — эвен¹. Хотя до океана было недалеко, рыбаки отговорили выезжать на побережье — там из-за крутых мысов собакам будет сложно.

* * *

В один из вечеров Корней заметил, что лайки занервничали. Сначала, разом вскочив, уставились, медленно двигая ушами,

¹ Эвены — родственник эвенкам народ. Численность более 20 тысяч человек. Живут преимущественно на севере Якутии и на побережье Охотского моря. Если эвенки — таёжный народ, занимающийся в основном охотой, а оленеводство у них транспортное, то эвены — преимущественно тундровый. Для них оленеводство — это пища, дом и транспорт.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

в темнеющий ивняк. Потом сбились в кучу у ног хозяина. Во тьме блеснули чьи-то глаза, и раздался нагоняющий ужас на всё живое волчий вой. Судя по голосам, их было трое. Корней выстрелил, целясь на звук. Вой прекратился, собаки успокоились.

Под утро посыпал снег, засвистел ветер.

— Ну что, Борой? Поедем или переждём? — спросил Корней, поглаживая лобастую голову вожака. Пёс неторопливо встал, потянулся и уверенно направился к нарте.

За время летних поездок скитник хорошо изучил характер этого с виду мрачноватого пса. Он уже в летах и не первый год ходит передовым. Отмахал по тундре и горам не одну тысячу километров. Потому так суров и недоверчив, решительно «воспитывает» тех, кто хитрит или ленится в упряжке. Манера атаковать у него волчья — молниеносный выпад без предупреждающего рыка. Сбив недобросовестного грудью, треплет, кусая в самые чувствительные места.

И не следует вмешиваться. К чему это приводит, Корней однажды изведal. Больше недели заживала ладонь, прокушенная острыми клыками.

«В наши разборки не лезь!» — так надо было понимать этот урок.

Теперь, если вожак начинал расправу с нарушителем даже во время движения, скитник не реагировал. В этой упряжке не забалуешь. Когда Борой в хорошем настроении, его светло-карие глаза как будто искрятся, но когда что-то не по нраву, они белеют и становятся пугающе злобными.

Случалось, на него почему-то вдруг находила задумчивость. В такие моменты он сворачивался в клубок и, положив голову на вытянутые перед собой передние лапы, смотрел в одну точку.

Впрочем, в упряжке что ни пёс, то свой норов. Кто-то работающий, добродушный, а есть забияки или плутоватые хитрецы. Особенно выделялась остромордая рыжая Пурга — подруга Бороя. Она так и норовила ослабить лямку, стянуть пайку у зазевавшегося растяпы. Но вожак всегда настороже: невзирая на интимные отношения, даже ей устраивал трёпку. Но, если кому из собак явно нездоровилось, он само благородство.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Как-то в пути мохнатый улыбчивый Черныш зашатался и завалился набок. Корней потрогал нос: горячий, сухой. Дышит тяжело и часто. Борой подошёл к заболевшему и не возвращался в голову упряжи до тех пор, пока хозяин не переложил больного пса на нарты. К утру тому полегчало, но Корней ещё день не ставил его в упряжь.

Походная жизнь постепенно входила в свою колею. Лайки втянулись в работу. Лапы огрубели и уже не кровоточили. Каждое утро, с хрустом отогнув оледеневшую от дыхания горловину спальника, Корней выбирался, ёжась от холода, наружу. Натягивал опушённые инеем унты, разминал застывшую малицу. Кормил собак, разжигал костерок из хвороста, заготовленного заранее. Пока таял снег в котелке, собирал ветки в запас. (В тундре не везде можно найти топливо для костра.) После завтрака грузил вещи на нарты, заворачивал их в широкий брезент и туго стягивал сыромятным ремнём, чтобы ничего не выпало по дороге.

Солнышко выкатывается всё позже, а на покой уходит всё раньше. День стал совсем коротеньким. Как-то после полудня перед изумлённым взором скитника над белой равниной явно прорисовалось темное, местами скрытое льдами море, высокие скалы. Картина была настолько чёткой, что можно было различить отдельные льдины. Корней растерялся — неужели отклонился с восточного направления? Сверился с компасом — странно, едут правильно. Минут через десять море, медленно бледнея, исчезло.

— Диво дивное! — перекрестился скитник. — Так вот каков он — мираж! (Корней читал про это явление, но видел впервые.)

К утру боковой северный ветер переменился на встречный. Собакам приходилось прилагать дополнительное усилие, чтобы преодолевать его сопротивление. Ещё очень сильно мешали вихрастые шлейфы позёмки. Пар от горячего дыхания густо опушил инеем их морды и грудь. Устав от борьбы с ветром, на ночлег встали раньше обычного.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

После кормёжки лайки начали было рыть лунки, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, но спрессованный снег не поддавался. В отчаянии они жалобно заскулили. Выручая своих верных помощников, Корней здоровой ногой пробивал и крошил прочную корку. Борой, раскидав лапами открывшийся снег, подтолкнул в обрзовавшуюся лунку Пургу. Та, сделав в ней несколько поворотов, свернулась пушистым клубком, укрыв голову хвостом.

Раздробив плотный снег для остальных собак, Корней приступил к строительству из снежных кирпичей убежища для себя. При этом его не покидало необъяснимое состояние тревоги. Порой он физически ощущал на себе чей-то тяжёлый взгляд. Быстро темнело. На небе высыпали первые звёзды. На востоке задрожал робкий проблеск северного сияния, но ревнивые тучи сразу скрыли его.

Проснулся скитник, как обычно, в семь. Наверху гудело, а в его снежном домике тихо, не шелохнёт.

Тундру, отмалчивавшуюся полмесяца, как говорится, прорвало. Она сообщила Корнею на своем свистящем языке пренеприятнейшее известие: «Сиди отдыхай, а я решу, сколько дней». И действительно, прошли сутки, вторые, а ветер продолжал неумоимо крутить снежные вихри, стращать воем. Его напор временами был столь силен, что казалось, вот-вот сомнёт убежище. В отсыревшем меховом спальнике скитник мёрз: в нём тепло, пока он сухой. Недаром меховой полог северяне выбивают ежедневно. Вынужденная праздность нагоняла тоску.

Больше всего тяготило медленное течение времени, особенно в светлое время суток, Корней, дабы «ускорить» его, старался бродить по закоулкам памяти или «смотреть» сны, обычно весьма далекие от его сурового арктического бытия. Это состояние больше напоминало не сон, а дрему с промежутками бодрствования. При этом в голове то и дело всплывали слова отца: «Дни длинны, а годы коротки».

На третью ночь заторможенный мозг получил тревожный сигнал. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение. Прислушался: не ходит ли кто около хижины? Ого! Вроде кто-то дышит! Еще не

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

совсем проснувшись, Корней поднял голову. В вентиляционное отверстие на него смотрели черные бусины на белом фоне. Подумав, что ему это мерещится, скитник на всякий случай громко крикнул: «Дух нечистый, сгинь!» Видение исчезло. Сон тем не менее пропал.

Выбравшись наружу, Корней обомлел: мешки с провизией на нарте разорваны, и большая часть юколы исчезла. Он гляделся. К побережью уходила цепочка слегка припорошенных вмятин.

Так скитник впервые «встретился» с белым медведем. Занесённые снегом собаки то ли не учуяли зверя, то ли побоялись выдать себя. После бурана тундра стала похожа на гигантскую, гладко натянутую простыню — снег всё выровнял и выбелил. Ни единый след, ни единое пятнышко не нарушали унылого белого однообразия. Даже ивняк замело с верхом.

Бежать собакам по ровной, плотной пеленове¹ было легко и приятно. Воздух не шелохнёт. Тихо. Лишь иногда истошно вскрикивает, пугая собак, невидимая полярная сова. Звуки от скольжения полозьев и прерывистого дыхания лаек в тишине казались громом, разносящимся по всей тундре.

Корней быстро усвоил, что на Севере надо использовать не только каждый погожий день, но и каждый погожий час. За два безветренных дня (в эту пору понятие «день» здесь довольно условное — едва успеет наступить рассвет, как навстречу спешат сумерки) ему удалось одолеть по необозримой равнине изрядное расстояние. На ходу даже посчастливилось подстрелить пару беляков. До этого встречались лишь их следы. На третий день небо затянуло мутной дымкой, сквозь которую на горизонте неуверенно проступал тусклый солнечный диск.

Лицо вновь обожгло ледяное дыхание северного ветра. Набирая силу, он с посвистом и завыванием погнал по тундре вихляющие космы. Их дикая пляска напомнила Корнею шамана, кружившего вокруг костра в чуме юкагиров. Лицо больно кололи острые и жёсткие, как песок, крупинки снега.

¹ Пеленова — свежий снег.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Усиливающиеся порывы следовали один за другим. Снежные «ручьи» на глазах сливались в мощные курящиеся потоки — надвигалась очередная пурга. Видимость уменьшилась до нескольких метров.

Из-за ветра мороз стал казаться нестерпимым. Снежная пыль проникала в каждую щёлочку, залепляла глаза. Пришлось до предела затянуть капюшон камлейки.

Жалея собак, скитник то и дело спрыгивал с нарт и шёл рядом, держась за дугу барана. Порывы ветра тем временем слились в беспрестанный шквал. Снег кипящей лавиной нёсся на высоте человеческого роста. Ветер трепал, рвал камлейку, сбивал дыхание, леденил лицо. Собаки, чтобы противостоять его напору, вытягивали головы вперёд, иногда тыкаясь мордами в снег. В густых зарядах Корней не всегда различал их напряжённые спины. Хотя лайки необычайно выносливы, было заметно, что им очень тяжело.

Первоначальный ужас перед стихией у Корнея сменился боевым настроением. Пурга так раззадорила его, что он упрямо продолжал гнать упряжку. Заразившись одержимостью хозяина, собаки тянули изо всех сил.

Потрясённый мощью бури, Корней прокричал:

— Давай, давай! Посмотрим, кто кого!

В этом вопле слышался не страх, а восторг перед буйством стихии. Чем опасней была обстановка, тем энергичнее и собраннее становился он. Однако напор пурги всё нарастал и в конце концов принудил остановиться.

Натягивать палатку или строить «берлогу» было невозможно. Воткнув остол поглубже, Корней достал застывший коробом спальный мешок. С трудом, не снимая камлейки, втиснувшись в него, ужом зарылся в снег за нартами. Не распряжённые, облепленные намёрзшим снегом собаки, барахтаясь, закопались там же, где стояли.

Над путешественником быстро вырос сугроб. Из-за нехватки кислорода в замёрзшем мешке сон был тяжёлым, мышцы ног то и дело стягивала болезненная судорога.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

К счастью, низовые метели непродолжительны. Где-то часа через три в сплошной рёв начал влетаться свист — явный признак ослабления ветра. Когда он совсем захирел и стал слышен лишь шорох позёмки, скитник пробил наметённый над ним полуметровый сугроб.

На юго-западе гас, зажигая звёзды, багровый закат. Можно откапывать нарты, кормить собак и трогаться в путь. Корней напрасно надеялся, что не придётся возиться с упряжью: один из псов сжевал кусок потяга — кожаного ремня, к которому попарно прикрепляются персональные лямки. Пришлось повозиться с починкой.

И снова бескрайняя тундра, освещаемая неживым светом луны. Отдохнувшие лайки, несмотря на урезанную пайку, бежали бодро. Корнею оставалось, балансируя телом, не допускать опрокидывания нарты на сугробах и поворотах. Собакам было трудно лишь, когда выезжали на рыхлый снег. На таких участках они не бежали, а, утопая по брюхо, барахтались, часто перебирая лапами.

Гуляющие всю зиму, по тундре ветра спрессовывают снег застывшими волнами-гребнями: переменится ветер — вместо старых заструг намечает новые, уже в другом направлении. И так за зиму много раз. Эта пурга намела высокие, далеко отстоящие друг от друга гребни, и лайки с радостным визгом ныряли то вниз, то пушистыми шарами взлетали с разгона наверх. Полозья нарт оставляли на плотном снегу лишь едва заметные бороздки.

Оглядываясь, Корней видел, что за ними тянется белёсая полоса: капельки влаги от дыхания разгорячённых собак тут же застывали, образуя длинную молочную ленту. Она «ломалась» и рассеивалась, как только начинал тянуть ветерок.

Застывшее пространство над тундрой оживлял зловецим: «Ка-ааа!», лишь низко летящий ворон с побелевшими от мороза бакенбардами. Он тоже оставлял за собой едва заметный след парка. На укрытой снегом земле бодрствовали одни песцы да лемминги — серые, короткохвостые грызуны, размером с детскую варешку, с тёмно-коричневой полоской на спине. Разыскивая стебельки и корешки, они без усталости прокладывают внутри снеж-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ного покрова ходы, а невидимый на снегу белый песец охотится за невидимыми под снегом грызунами.

А вон и полярные куропатки в ложбинке закопошились — тоже проголодались за время ненастья. Заметив упряжку, они беспокойно завертели маленькими на непомерно массивном туловище головками. Взмах крыльев — и стайка унеслась белым облачком. Вдогонку им с бугорка ринулась привидением полярная сова.

На востоке показалось несколько обособленных холмов. Между ними проступал какой-то тёмный квадрат — неужели избушка?

Точно, избушка! Взъерошенный столб дыма извещал — жилая. Какая удача! Корней от радости завопил во всё горло псалом «Живый в помощи».

Появление упряжки местными собаками было встречено яростным лаем. Правда, хвосты при этом дружелюбно виляли. Шумели больше для порядка. Корнеевские вяло отбрехивались.

Скитник затормозил метрах в десяти от ладно срубленного зимовья. Как только ремни на натуженных плечах лаек ослабли, они уставились на хозяина — мол, быстрее снимай шлейки! Корней встал с нарт, с трудом разгибая ноги и спину — от долгой езды мышцы одеревенели.

На поднявшийся гвалт вышел с карабином в руках крижистый детина с пушистым, дважды обёрнутым вокруг шеи шарфом из лисьих хвостов. Щуря глаза, он с подозрением разглядывал неуклюжую фигуру в камлейке. Придя к выводу, что путник не из варнаков, протянул руку:

— Олег.

— Корней, — ответил скитник, чуть шевеля стянутыми стужей губами.

— А по батюшке? Я ведь, поди, в сыновья вам гожусь.

— Корней Елисеевич.

— Давненько у меня гостей не было. Токмо охотовед иной раз навещает... Отряхайтесь и заходите. — Промысловик подал висевший у входа обрезок оленьего рога.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Прежде чем выбивать снег, Корней освободил нетерпеливо повизгивающих псов от шлеек. Те сразу свернулись в клубки, уткнув носы в брюхо. Лишь Борой встал перед хозяином и принялся легонько стучать лапой по ногам: «Поесть бы!»

Зимой у собак почти нет возможности подкрепиться подножным кормом. Поэтому еда для них становится вопросом жизни и смерти. Трогательно видеть радость и благодарность этих четвероногих тружеников, когда они получают свою долю. Особенно сердечна бывает утренняя встреча: от предчувствия скорой кормёжки собаки прыгают, ластятся, пытаются лизнуть хозяина в лицо. И тут важно каждой уделить внимание: что-то сказать, погладить. Обласканный пёс прямо-таки ликует от счастья. Другие тем временем ревниво скулят. Некоторые даже порываются наброситься на того, кого сейчас приласкал хозяин. Потому нельзя никого пропустить. Не уделишь внимания, и собака потухла: весь день будет работать без настроения.

Вряд ли найдётся животное, способное так открыто и бурно проявлять свои чувства. Особенно выразительны их глаза. Они очень точно передают все их эмоции. Вот и сейчас Корней прочёл во взгляде вожака явный укор: «Почему уходишь, не покормив?»

Перед тем как зайти в тепло, скитник снял камлейку, следом малицу и повесил их в сенях. Переступив порог, первым делом поискал глазами образа. Не найдя, перекрестился в угол и подошёл к печке (железной бочке, обложенной камнями), чтобы в тепле снять примёрзший к бороде шарф.

— Отогревайтесь, а я дров подложу, чай, поди, остыл.

В зимушке было довольно сумрачно, хотя над столом горела керосиновая лампа. От колеблющегося язычка пламени по стенам метались неясные тени. На одной из них висело с десяток заячьих и несколько песцовых шкур. Недавно снятые — мехом внутрь, высохшие и отмятые — мехом наружу.

Олег тем временем налил в кружку чаю:

— Седайте к столу. Попейте горяченького. Согреетесь, а там уж и поедим... Днесь даже хлеб есть, — с гордостью прибавил Олег. — В пургу делать нечего, напёк впрок.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Зачем впрок? Зачерствеет ведь.

— Так на морозе держу.

За столом Корней наконец разглядел хозяина: прокалённое морозами лицо, опущенные книзу усы, тёмно-карие, почти чёрные глаза под нависшими бровями, волевой подбородок. Несмотря на внешне суровый вид, промысловик на самом деле оказался приятным в общении человеком.

Съев пару куропаток с хрустящим хлебом, Корней, не вдаваясь в подробности, поведал свою историю. Даже в сжатом пересказе она удивила и взволновала Олега.

— Корней Елисеевич, вы самородок! Эдакий путь не всякому здоровому под силу, а вы одолели.

— Какой одолел! Пока меньше половины. Самое трудное впереди... Олег, эта избушка, как я понимаю, промысловая. А живёшь-то где?

— В Улово. Это недалеко. В хорошую погоду три дня на собаках.

— Семейный?

— А то! Трое пацанов, погодки. Старший уже школьник.

— Стало быть, забот хватает.

— Да уж! Крутиться приходится. Посему и участок дальний взял — тута побогаче со зверьём.

— Ну и как?

— По мясу недурственно. Олень есть. Куропатки без счёта. Токо успевай с силков снимать. Хоть и мелочь, а за каждую пол-рубля. А вот с пушниной досель худо. Лишь тушкан¹ с добром. А кака с него выгода? Пшик один! Разве што жилетку шить али рукавицы. Песец есть, но на приваду, зараза, не идёт. Дошлый!² Иные, что ишо вытворяют: у пасти в насмешку кучку начеканят — знаем, мол, твой подвох. Беда в том, что нынче лемминга тьма. Песцам раздолье — харчуются, не сходя с места, на приманку не зарятся. Чего ради мёрзлятину грызть, кады повсюду тёпленькое

¹ Тушкан — заяц.

² Дошлый — бывалый, опытный.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

мясо шныряет? Помене станет, глядишь, и охота выправится. А пока пластаешься в пургу и мраз, иначе снимешь с круга два-три хвоста. Другой раз и вовсе порожним вертаешься.

С улицы донёлся требовательный лай. Это Борой напоминал, что давно пора задать корм.

— Собаки «остыли», кормить надо... Олег, тут такое дело. Меня на днях белый медведь грабанул. Половину юколы съел. Можешь выручить?

— Юколы у меня нет. Я своих тушками песцов и ушканов кормлю. Могу нарубить. Устроит?

— Так мясо ещё лучше.

— А насчёт ушкуя¹ не обознались? Он ведь токо по льдам да по взморью шастает. Может, то бурый был?.. Хотя нет. Их тут мало, да и спят сейчас.

— Не ошибся, морду видел. Белая, нос и глазки чёрные. Сперва подумал — приснилось. Когда встал, следы увидел — в самом деле приходил.

— Странно. Далече ведь от моря. Впрочем, звери, как и люди, повадками разные. Этот, видать, из бродяг. Кстати, лет пять назад, сам километрах в десяти от берега встречал. В том годе море сплошь перекрыло и из-за отсутствия разводьев оне повыходили на материк. А вот на островах их завсегда много — рожают там. Как-то даже ночевал в ихней берлоге. Гляжу, на склоне лаз чернеет. По следам понял — медведица с малышом вышли. Очень захотелось мне глянуть, как внутри устроено. Пополз. Сначала длинный коридор, в конце жилия камера, как яйцо. Свод и стены в бороздках от когтей. Время было позднее, я в ней и улёгся.

— Не боялся? Могли ж вернуться.

— Нее-е! Оне, коли вышли — не вертаются.

Когда Корней с Олегом появились на крыльце, Борой от радости запрыгнул на хозяина.

— Уймись! Опрокинешь! — добродушно отбивался тот и, повернувшись к Олегу, добавил: — Повезло с вожакom. Сильный, толковый.

¹ Ушкой — так на Севере называют белого медведя.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Пока хозяин раздавал мясо, Борой стоял в сторонке. Подошёл, лишь когда все получили свою порцию.

Корней заметил, что наблюдавший за ними промысловик погрустнел:

— Олег, что-то не так?

— Просто вспомнил. Был и у меня такой же первостатейный пёс. Умный, деликатный. Он даже моё настроение чувствовал. Ежели видел, што я чем-то озабочен, не докучал. И кличка у него была соответствующая — Чуткий. Однажды отправился на лыжах проверять ближний путик. Его, штобы у ловушек не следил, оставил. Пока освежал пасти, стемнело. Заночевал у костра. Где-то к полудню вернулся. Чуткий лежит, даже голову не поднимает. Мясо не тронуто. Попервости думал, занемог. Стал жалеючи гладить, так он уши прижал и не смотрит. Токо к вечеру встал. Потёрся о мои ноги и съел мясо. Чё творилось в его башке в эти два дня? Видимо, решил, што я его бросил. Така вот тонкая натура.

— А сейчас он где?

Олег замялся:

— В зимушке расскажу.

Когда Корней зашёл, Олег сидел на чурке и задумчиво глядел на метавшееся в открытой печи пламя.

— Так что же приключилось с твоим Чутким?

— Нелепая и страшная история... Зима в тот год была пустая. Живность словно вымерла. Ни зайца, ни песца, ни куропатки. А я продуктов завёз в обрез — на дичь рассчитывал. Под конец сезона совсем туго стало, а выходить обидно — как раз песец пошёл. Я-то ещё ничего — на кашах, а Чуткий совсем оголодал. Миску досуха вылизет и грызёт её. Мясо ему надо.

Ну, думаю, так дело не пойдёт. Отправились в посёлок за припасом. Тогда участок поближе был. И надо ж такому случиться, вроде и машин-то у нас раз-два и обчёлся, а на него нашлась. Ладно б насмерть. Зад покалечило. Ноги отнялись. Пришлось оставить дома. Хожу по путикам и всё думаю — как там Чуткий? Через две недели прихожу, а он уж помер. Думаю, с тоски — ре-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

шил, што я его бросил. Сейчас у меня восемь собак — участок большой, без упряжки никак, но ровни Чуткому нет.

— Что поделаешь? У каждого своя судьба.

После недолгого молчания Олег произнёс:

— Корней Елисеевич, я завтра уеду восточный путик проверять. Вы можете остаться, отдохнуть сколь хотите, а ежели торопитесь, со мной езжайте, еду в вашу сторону.

— А от чего мне отдыхать? Собаки ж везут. Поеду с вами.

— Тогда ложимся. Выехать надобно поранее.

Задув лампу, Олег продолжил:

— С этого путика я всегда в деревню к дяде заезжаю. У него замечательная мыльня по-чёрному. Попаримся... Прежде-то мы в той деревне жили. Но шесть лет оттоле в новый посёлок всех свезли. А дядя с женой упёрлись — не поехали. Жена его, царство ей небесное, с год как померла.

— Олег, я ради бани хоть куда!

— Вот и славно! Попаримся от души!

Только начали путаться, заволакиваться дрёмой мысли, как закрипели половицы. Открыв глаза, Корней разглядел в полумраке Олега в одной исподней рубахе.

— Не спится?

— Колени разболелись, похоже, застудил опять. И так ногу положу, и эдак — всё одно крутит. Помотаюсь, медвежьим жиром натру, отпускает.

— Что ж сразу, до сна, не натрёшь?

— Так оне токо сейчас заболели. Пожалуй, чайку попить надо. Глядишь, сон и придёт.

— Хорошая идея. Чего бестолку колготиться?

Олег запалил лампу-висячку, раскопегарил печурку.

Просидели за чаем и разговорами часа два.

Утром загрузились, подпёрли дверь поленом и с гиканьем погнали собак на восток. Насыпавший за ночь пухлявый снег не успел слежаться и молочно клубился им вслед.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Всего у Олега «по лицу тундры» стояло около пятисот ловушек. Из них триста на восточном путике. Большинство вдоль береговой линии — там песцов поболее. Проверяя пасти и капканы, промысловик освобождал заваленные, обновлял, где требовалось, приваду, регулировал чуткость сторожка.

Дважды выезжали на припай. Олег рассчитывал воспользоваться привычкой песцов ходить по пятам белых медведей, подъедая остатки их пиршеств, и подстрелить хоть парочку¹. Однако при первом выезде почти сразу упёрлись в такие чудовищные нагромождения льда, что собаки при всём старании не смогли одолеть их. Второй был успешней. Почти сразу вышли на следы медведя и семьи песцов, следовавших за ним. Проехав с километр, услышали быстро приближающийся треск. Вскоре он сделался столь сильным, что стал напоминать раскаты грома. Лёд пошёл трещинами. В одном месте снег потемнел от выступившей воды. Пришлось спешно возвращаться на берег.

Тем не менее Олег был доволен результатом. Снял семь песцов, две огнёвки, одну чернобурку и, редкая удача, росомаху. Один песец, правда, оказался наполовину съеден братьями.

— Олег, а ты не задумывался о том, что звери, попадая в железный капкан, ещё долго бьются, страдают от боли? Это ж такая долгая, мучительная смерть.

— Вы, может, удивитесь, но я промысел пушнины вообще не одобряю. Когда охота для пропитания — оно понятно. А вот для красования — осуждаю. Но мне троих пацанов обусть, одеть, накормить надо. Другой работы здесь нет. А чтобы облегчить зверушкам страдания, стараюсь больше пасти ставить. Летом материал для них ещё заготовлю. Думаю, через два года от капканов совсем откажусь, полностью на пасти перейду. В ней зверь сразу погибает.

На четвёртый день свернули в «деревню» к дяде. Тучи, скрывавшие небесный купол, рассосались, и взору путников откры-

¹ Белые медведи питаются тюленьями и нерпами. При этом мясо почти не едят. А вот их белый жир обожают — съедают подчистую. Песцы это знают и следуют за ними по пятам, подъедая мясо и требуху.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лась захватывающая дух игра радужных лент северного сияния. Тьма ослабла, и тундра сразу словно вздохнула. Даже собаки побежали веселей.

Пересекли наброды диких оленей. Олег оживился.

Спрыгнув с нарты, снял рукавицу и стал рукой щупать стенки лунок. (У свежих следов стенки незастывшие и легко осыпаются.) Прощупав для верности несколько лунок, промысловик разочарованно бросил:

— Вчерашние. Поехали!

Часа через три их стали нагонять шквалы ветра. Напор с каждой минутой усиливался. По тундре поползли снежные змейки. Ветер крутил подол кухлянки, заметая под неё снег. Олег остановил подъехавшего Корнея:

— Окапываемся! Белый шторм идёт!

— Зачем? Ветер попутный, надо пользоваться!

— Собак потерять хочешь? Живо нарты разворачиваем! Опосля объясню.

Как только поставили нарты поперёк ветра, Олег, указывая рукой назад, прокричал:

— Смотрите!

В метрах двухстах бурлила движущаяся на них белая стена.

Через минуту пространство заполнила густая, клубящаяся масса. Она не давала дышать, залепляла глаза. Разговаривать невозможно. Путники едва успели упасть за нарты между с зарывшимися в снег лайками. Потянулись тягостные часы ожидания.

Олег время от времени высовывал руку из выросшего над ними сугроба: определял силу ветра. Он знал, что такие ураганы обычно скоротечны.

Когда ветер ослаб до позёмки, выбрались из сугроба, откопали нарты и собак.

— Корней Елисеевич, вы не сердчайте, што я так раскомандовался. Белый шторм в тундре с попутным ветром опасен. Вроде всё хорошо: сани и собаки, подгоняемые ветром, несутся так, што кажется, не едешь, а летишь. Человек радуется и готов благодарить всех святых за сей подарок. И удивляется, не понимая, от

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

чего падает замертво одна собака, вторая... А дело в том, што ветер заворачивает у собак шерсть и забивает снежную пыль прямо к коже. Подтаивая, она превращается во всё более утолщающуюся ледяную корку. Ежели во время не остановиться, погибнут все.

— Странно! У нас олени при попутном ходят, и ничего.

— Олени иное дело. У них мех такой плотный, што волосу не шевельнуться. Им такая метель нестрашна.

Выбеленная и выровненная тундра, казалось, не имела ориентиров, но Олег вёл упряжку так уверенно, словно впереди ему светил маяк. Вскоре на покато́м склоне показались торчащие из снега трубы, а кое-где и крыши. Корней в очередной раз изумился умению промысловика ориентироваться в зимнем однообразии тундры. Сам он видел только ровное белое поле, тёмное небо и звёзды.

— Олег, а как ты нашёл дорогу? Ведь вокруг глазу не за что зацепиться.

— Я могу лица людей забыть, но ни одной ложбинки, ни одной гривки окрест не спутаю.

— Так и гривок не видать.

— Ну...тогда не знаю, как то объяснить... Нюх, наверное.

Дом его дяди стоял у подножья холма и был занесён с крышей (торчала лишь труба с вяло струящимся дымком). Избы на взгорке были занесены лишь наполовину. Снег из-за переменчивых ветров и неровностей рельефа ложится везде по-разному. В одном месте наметёт метра четыре, в другом — едва припоросит.

— Эх! Такая деревня была, а теперь сирота, — с нескрываемой болью произнёс промысловик.

Подъехав, Олег спустился по полузасыпанной снежной траншее к двери. Для порядка постучал.

Через какое-то время гнусавый старческий голос поинтересовался:

— Олечка, ты, што ль?

— Я, я... с товарищем.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Господи! Кака радость! Заходите, отворено.

— Погоди, снег выбьем.

Переступив вслед за Олегом высокий порог, Корней попал в мрак сеней.

— Осторожней, тута ишо приступок, — предупредил хозяин и распахнул дверь в свет и тепло.

В комнате вяло отбивали время ходики, над столом горела керосиновая лампа. Её колеблющееся пламя играло на бревенчатых стенах и заваленных снегом оконных стёклах. В печи потрескивали поленья.

Корней быстрым взглядом окинул внутренность жилища. Всё убранство: кровать, покрытая лоскутным одеялом, стол, широкая лавка и застеленный домотканой дерюгой сундук, на котором возлежал, свесив пушистый хвост, рыжий котиче. Под потолком, возле печи, висят мешочки с крупами, мукой, сахаром.

В углу икона с потемневшим, чуть различимым в свете лампы ликом Христа. Корней перекрестился и поклонился хозяину — старику с лопатой седой бороды и ясными в лучиках морщин глазами.

— Мил человек, енто лишнее. Токо Богу да родителям кланяются, боле никому.. Скидайте свои шкуры, а я покамест похлёбку согрею и самовар вздую, — произнёс он, ласково глядя на приехавших.

— Тебя нынче с верхом замело. Даже не припомню такого, — заметил Олег.

— Снег ишо ничё, ветер хужее. Ноне он крепко поярился. Бывалочи и раньше так задувало, што к соседям по натянутой верёвке добираешься. Идешь, крепко держась за ея — иначе сне сёт. Помнишь, поди, как батя твой сгинул. Нашли, токмо кады снег стаял. — И, повернувшись к Корнею, добавил: — Вчерась така круговерть и случилась. Нельзя было чё-либо разглядеть. Ревело, не приведи господь. Насилу откопался.

— Мы тоже в ту заваруху угодили.

— Тяжело, поди, всякий раз откапываться! — посочувствовал Корней.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Да я без спешки. Запыхаюсь, передохну. Хотя, признатца, с каждым годом всё тяжелше лопатой махать. Поизносилси.

Путники, сев на скамью, прижались спиной к печи, с наслаждением ощущая, как по телу растекается тепло.

Согревшись, Олег занёс с улицы спальный мешок и четырёх белоснежных песцов. Мешок вывернул и повесил для просушки. Песцов связал попарно и перекинул через жердь размораживаться.

— Оттают, обдеру. Чего время попусту терять. Корней Елисеевич, вы бы свой спальник тоже занесли.

Свернувшийся клубком на сундуке рыжий кот, чуть приоткрыв глаза, не поворачивая головы, которая, казалось, росла прямо из туловища, внимательно наблюдал за действиями пришельцев. Убедившись, что их появление ему ничем не угрожает, намусолил лапу и принялся старательно елозить ею по круглой морде. Завершив туалет, сладко зевнул и вновь растянулся во всю длину. Басовито мурлыча, он, похоже, вспоминал что-то приятное из своей кошачьей жизни.

— Нече разлёживаться! Поди в сени! Мыша лови. — Дед приоткрыл дверь.

Кот оставил призыв хозяина без внимания. Даже не шевельнулся.

— Редкий лежебока, но люблю. По первости, когда все разъехались, особливо как старуха померла, жуть брала. Шутка ли — один на сотню километров. Так я с им наладился балакать... Эх, было время! Тута ведь до семидесяти дворов доходило. Тапереча токо мы с Матвеем.

— Да уж! Заглыхает наш край, — согласился Олег.

— Поуезжали — обчества, вишь, им не хватат! Фельдшера, магазин подавай, — бурчал дед. — А мне без обчества куды как душевно. Ни под кого подлаживаться не надь. Делай што хошь. Воля! Олежек заедет, побалакаем и доста.

— А не трудно? Всё же одному приходится делать.

— Спаси Христос! Силёнка пока есть. Всяко, конешно, случается. Седмицу оттоле жаром мучилси. Как приступит жар,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

выйду на мороз без верху, в рубахе и катанках — и облегчение. А оздоравлился струганиной из нельмы. Поел и оздоровился... Така в той стружке сила.

Говорил дед, чуть запинаясь и несколько лениво — как будто с трудом подбирая слова. Это придавало его речи особый колорит.

Кот поднял голову лишь, когда люди сели за стол. Выжидательно уставившись зеленоватыми глазами-плошками на хозяина, стал требовательно мякать.

— Не наглей. У тебя ишо не всё съедено! — беззлобно огрызнулся Арсений и, обращаясь к Корнею, продолжил: — Правда, порой начнёт мерещиться всяка нелепица. Прошлогодь по осени возвращаюсь с рыбалки в сумерках, коды уже всё в один цвет, а на меня глазищи из-под куста пялятся. Ну, думаю, леший по мою душу явился. Вот нет же шерсти на мне, а туточки, не поверишь, будто вздыбилась по всей спине! Не пойму, то ли в башке смущение, то ли впрямь леший. Заговор вспомнил: «Недобрый глаз, не гляди на меня. Сгинь, нечистая сила!» Глаз в тот же миг ворохнулся так, што ажно куст затрясся. Однакась не спужался. И вдруг слышу: «Мяуу! Мяуу!» А то мой Матвей... Это ишо ништо. Ко мне анчутки в избу повадились. Токо уснёшь, так начинают, окаянные, скидывать всё со стола, так што всё ходуном ходит.

Я уже по всем углам пучки можжевельника развесил, на подоконниках челюсти щук разложил, крестики деревянные кругом поставил, над входом медвежью лапу пристроил. Токмо без толку. Всё одно колотятся... Эх! Старость не радость! Правда, хужее, што и она проходит.

— Дядя, грех вам жалобиться. Вы ишо вон какой шустрый.

— Олежек, я, може, и шустрый, однакась годы своё берут. Прежде я куда как проворней был. Щас как? Чуток поработаю — и устал. Полежать тянет.

— Сколько ж вам лет?

— В точности не скажу. Думаю, к восьмидесяти близко. Долго живу, а помирать всё одно не хочется.

— Как я понял, вы в этой деревне и родились?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— А то! Я самый што ни есть корневой. А вот предки с аянского тракту. Оне грузы и экспедиции сопровождали. Хаживали ажно до Якуцка. Однава на саму Камчатку. Дед баил, што горы тама диковинные, не в пример нашим — велики гораздо и подобны сенному стогу. Из них днём дым валит, а ночью искры и зарево. Оттого великий шум и гром происходит. Кто на них всходил — назад не вертался.

Коды Аянский тракт закрыли¹, оне сюды подались... Эх, кака деревня была! И свадьбы гуляли, и пели, и работали, и строились. Всё было. Жили, може, и трудно, зато весело. Таперича што? Одна поруха.

Пока Корней беседовал с дедом, Олег не сидел сложа руки: сноровисто обдирал отмякших песцов, соскабливал с мездры жир, натягивал шкурки на пяло и вешал для просушки.

С утра занялись баней. Прокопали к ней траншею, затопили. Баня была по-чёрному: потолок и стены до половины в саже. Набили чаны снегом. Чтобы брёвна прогрелись до нутра, топили весь день. Зато напарили кости и надышались здоровым дегтярным духом до упаду.

Плеснут кипятку на раскалённые каменья и давай махаться, дико вопя от жара, веничком из полярной берёзы с кедровым стлаником до тех пор, пока жар не пробьёт до костей, и бегом на снег остужаться. Так раз пять. После сидели в избе за столом в одних исподних рубахах. Исходя пóтом, пили бруснично-клюквенный отвар кружка за кружкой и разговаривали. Когда весь пот вышел, переоблачились в выданные дедом чистые рубахи и портки.

— Корней Елисеевич, а не пожить ли вам здесь недельку-другую? Мяса для собак заготовите. Зверья ноне тута наплодилось — народу-то нет. Да и дяде весельше будет.

¹ Аянский тракт был основан в 1845 году в связи с переводом порта и флотилии из Охотска в более удобный, с точки зрения проезда, Аян. Его значение росло до продажи Аляски. После этого тракт стал хиреть. А в конце 20-х годов XX века пришёл в полный упадок. В настоящее время предпринимаются попытки реанимирования.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— А што, Корней, стоящая мысль! Всамдель поживи. Тебе и собакам роздых будет.

На следующий день Олег уехал, а скитник остался. Арсений был крайне доволен таким оборотом. Он давно мечтал раскатать ближнюю избу на взгорке на дрова, но одному не справиться.

Разобрали до брёвнышка за два дня. Ещё пять ушло на то, чтобы распилить на чурки и наколупать полный дровяник поленьев. Старик был счастлив — дров теперь, по его прикидкам, хватит, как минимум, года на три!

Завершив дровяную эпопею, скитник занялся заготовкой мяса. Дни стояли ясные, безветренные, и снежный покров в округе оказался густо расписан замысловатыми узорами заячьих следов и аккуратными стёжками куропаток. Корней с утра до вечера ставил петли и силки. Добычу замораживал, а часть тушек коптил в дымоходе.

Вечерами, как выражался дед, «калякали у самовара». Говорил в основном Арсений, а Корней слушал. В одну из чаёвок дед рассказал ему ранее уже слышанную в Усть-Янске историю про человека, проезжавшего здесь на велосипеде на Чукотку. Ещё о родне, особенно о своих детях. С гордостью сообщил, что сын работает штурманом в Дальневосточном пароходстве. Ходит на Камчатку, Курилы, Чукотку. Бывает и в Певеке. А дочь вышла замуж за военного лётчика и служит с ним под Минском.

— Чего ж они вас к себе не возьмут?

— Наперебой звали, как Аннушка померла. Отказалси. Пошто мне энти города? Тута я в своём дому. Олежек, дай бог ему здоровья, не забывает — навещает. По осени себе на станок продукты завозит и мне заодно. Много ли одному надобно? Рыба, считай, у порога. Ягоды и дичи в сендухе сколь хошь. Чего не жить?

Незаметно пролетели три недели. Появление лимонной полоски на восточной кромке небосвода говорило о том, что светило приближается к линии горизонта.

Куропаток и зайцев в копилке Корнея с каждым днём прибывало. Мясо нарублено на порции и уложено в мешки. Можно продолжать путь, тем более что полярная ночь наконец сдалась.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Но человек предполагает, а Бог располагает. Небеса решили по-своему. Налетела и три дня свирепствовала пурга. На третий круговорот угомонилась. Вечером Арсений подсел к Корнею:

— Послухай, Елисеевич, опосля таких затяжных метелей долго не дует. Снег плотный, хорошо держит. Самое время ехать.

— Вы правы. Завтра же начну петли снимать.

* * *

Когда всё было готово к отъезду, нагрянул Олег. Он был в прекрасном настроении — песец пошёл!

И опять разговоры, жаркая баня. Возвращаясь в избу, старик, запнувшись о порог, упал. Когда стали поднимать, простонал:

— Нога, нога...

Глянув на неестественно изогнутую голень, Корней понял — перелом! Задрав штанину, увидел на месте изгиба проступающую синеву.

— Олег, дело серьёзное. В больницу везти надо. Но прежде голень плашками давай закрепим.

Отобрав прямослойное полено, он расколол его на четыре пластины и, обложив ими ногу деда, туго обмотал чистыми онучами¹.

— Эка бяда, эка бяда! — причитал расстроенный Арсений. — Стока забот вам.

Закутав старика в тулуп, уложили его на нарты.

— Елисеевич, и просить-то неловко, но сделайте милость, поживите пока, а то дядя переживать будет за кота, да и изба застынет.

— Не волнуйтесь, поживу.

* * *

Олег привёз Арсения через девять дней. Старик исхудал и как-то сник. Острые плечи торчали, как у вешалки. Передвигался осторожно, опираясь на костыли.

¹ Онучи — портянки.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Истомившийся Корней решил выезжать прямо с рассветом. Расставались, как родные.

— Не знаю, как тебя и благодарить, Корней! Так выручил! — Голос старика дрожал, глаза заблестели от навернувшихся слёз. — Поаккуратней в дороге будь. У меня сны вещие. Што увижу, так опосля и случается. Ноне человека под снегом зрел. Ты уж поопасливее будь.

— Арсений, вам бы к детям перебраться. Или вон к племяннику.

— Давно уговариваю. Не идёт, — откликнулся Олег.

— Ладно-ладно, через годик подумаю. Зря, што ль, дрова готовил? Но по лету токо здесь... Прощевай, Корней Елисеевич! Славный ты человек. Енто на память. — Арсений протянул дорожный топорик. — Досельный¹, ишо от деда. Гвозди рубит, што ветки. В лавке такой не купишь.

— Да вы что! Это ж родовая память!

— Пошто он мне таперича? Дрова колупать большой есть. Бери, не то обижусь. — Лицо Арсения выражало столь искреннее огорчение, что растроганный Корней, приняв дар, обнял старика.

Тот напоследок опять напомнил:

— Не забудь. Ехай сперва прямо на восток, а как перевалишь в бассейн Колымы, держись Мороки. По ней путь, може, и длиньше, зато не заплутаешь.

— Как хорошо, што вас в нашу дичь занесло, — тряс руку скитника Олег.

Отдохнувшие, откормленные собаки взяли борзо. Заехав на рёлку², Корней притормозил. Дед с племянником всё стояли рядом с торчащей из снега чуть курящейся трубой. На скитника нахлынуло такое чувство родственности к этим людям, что чуть было не повернул обратно.

¹ Досельный — старый, старинный.

² Рёлка — продолговатое возвышенное сухое место, гряда (обычно на болоте или в сыром лесу).

ОБВАЛ. ЭВЕНЫ. РАСПУТИЦА

И снова впереди бесконечная, однообразно-белая пустыня, исполосованная рядами застрогов. Горизонт — идеальная прямая. Всё оцепенело от навалившейся стужи. Разве что даст стрекоча потревоженный заяц, либо выпорхнет из-под снега белокрылым облачком стая куропаток. Да изредка донесётся истошное тьяканье то ли песка, то ли лисицы. Гон, похоже, ещё не закончился.

Два дня Корней ехал при ясной, безветренной погоде. Девственная целина сверкала, слепя глаза мириадами густо рассыпанных бриллиантов. Но стоило обернуться, как число блёсток резко сокращалось. На третий мороз ослабел.

Тундра мало-помалу пробуждалась. На снегу с каждым днём всё больше следов, в небе всё больше птиц. Вон свежая поковка песка. Капельки крови и комочек внутренностей лемминга свидетельствовали об удачной охоте. На зорьке хрипло скрипели, призывая курочек к любовным играм, петушки куропаток.

Когда путник переваливал в бассейн Колымы, небо затянули низкие серые тучи, повалил снег. Правда, самого водораздела он не заметил — определил по изменению направления русел. Снег здесь лежал пухлым ковром. Видимо, не было сильных ветров. Это заметно снижало скорость: собаки то и дело проваливались по брюхо. Теперь главная задача Корнея заключалась в том, чтобы не дать нартам завалиться в этой пышной перине набок.

В серой мути непрекращающегося снегопада тени и ориентиры исчезли. Всё слилось в мутное полотно. Неровности рельефа различались лишь в непосредственной близости. Боясь проскочить устье Мороки — там находилось стойбище эвенов, Корней вёл упряжку по вихлястому руслу. Бесконечные, плотно прижатые друг к другу извилины речки до того утомили его, что когда впереди замаячила очередная, решил сразу пересечь узкий перешеек. Русло, как он и предполагал, действительно оказалось прямо за ним. Довольный экономией времени и сил скитник погнал упряжку к речке и тут же почувствовал, что куда-то летит. Через несколько секунд он уже не мог пошевелиться — был завален горой снега. Благодаря

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

тому, что он к лицу прилегал не плотно (выручили усы и борода), Корней хоть и с трудом, но мог дышать.

От тепла выдыхаемого воздуха снежинки постепенно подтаивали, и перед ртом вскоре образовалась небольшая полость. Ощущение удушья чуть ослабло. Попробовал пошевелить пальцами — двигаются. «Без паники! Спокойствие, главное — спокойствие, — уговаривал себя скитник. — Главное, руки, ноги целы. С Божьей помощью выберусь».

Сверху донеслись слабые звуки. Прислушавшись, разобрал поскуливание собаки. Вот кто-то зацарапал капюшон кухлянки, и раздался радостный лай.

«Борой!» — сообразил Корней. Вскоре скитник ощутил приток свежего воздуха, а перед лицом замельтешили когтистые лапы. В образовавшуюся дыру протиснулась острая морда, и шершавый язык лизнул ему лоб. Обрадованный Корней ласково забормотал: «Борой! Борой! Умница! Какой ты молодец!»

Прошло не меньше получаса до того момента, когда пёс, раздирая лапы до крови, расширил и углубил раскоп до такой степени, что пленник, помогая себе руками, смог из него выбраться.

Счастливый Борой, отдавая хозяина горячим дыханием, то тёрся головой о его плечо, то, повизгивая, лизал руки.

«Как остальные собаки? Живы ли? Ни одной не видно! Все под снегом! — проносилось в голове Корнея. — Хотя нет! Вон Пурга лежит, свернувшись калачиком. По нервно дёргающемуся хвосту было понятно, что она напугана».

Когда скитник выбирался из снежной западни, протез слетел с культи и ему пришлось изрядно повозиться, чтобы откопать его. Зато согрелся. Пристегнув протез, огляделся. С высокого яра к руслу бугристым языком тянулась гора снега. Слева и справа нависали остатки мощного снежного козырька, едва различимые при рассеянном свете. Разгорячённые бегом лайки не заметили опасности, а веса упряжки хватило, чтобы снег под ними рухнул.

— А ведь Арсений предупреждал, что ехать надо только по руслу. Верно говорят: «Дурная голова рукам и ногам покоя не даёт», — корил себя вслух Корней.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Больше всего снега было над нартами. Дальше слой уменьшался. А бежавших первыми Борою и Пургу только чуть присыпало. Пурга лежала, на снегу там же. Корней потянул за центральный ремень и, разгребая снег, постепенно освободил остальных лаек. Двух ближних к нартам откапывать пришлось долго. Но те уже не подавали признаков жизни — похоже, задохнулись. Одна, к счастью, через некоторое время зашевелилась. Придя в себя, пошатываясь, встала и почти сразу опять легла. О погибшем псе скитник, конечно, сожалел, но не особо расстраивался — это был Яшка, самый задиристый и хитрый.

Откапывая собак, Корней взмок так, что пот тёк ручьём. Переодеться бы и немного подкрепиться, но нарты завалены — следовало освободить хотя бы передок.

Преодолевая усталость, Корней принялся разгребать снег в том месте, куда уходил потяг. Работая без остановки, словно заведённый, он устал до такой степени, что мышцы отказывались подчиняться. Казалось, что не осталось сил даже пошевелиться, но кто знает, где он — этот предел сил человека?! И есть ли он?

Чуть передохнув, продолжил раскопки. Когда добрался до мешка с мясом, руки так дрожали, что он едва смог настрогать немного. Мороженая зайчатина оживила его. Теперь надо попытаться выдернуть сани. Запрягшись вместе с лайками, потянул. Они вышли из снега на удивление легко.

Корней распаковал мешок с мясом для собак и каждой выдал по двойной порции, а своему спасителю Борою — тройную. Пока лайки грызли мёрзлые куски, вожак то и дело поднимал голову и шумно втягивал воздух, словно к чему-то принюхивался.

— Дым чуешь? Так давай вези...

Как только Корней забрался на нарты, Борою, на ходу выцеживая нужные струйки, повёл упряжку к источнику дыма. В какой-то момент нарта пошла слишком легко. Собаки воспряли и побежали резвее. Вожака же это насторожило. Оглянувшись, он увидел, что хозяина нет. Надо возвращаться! Поскольку сразу

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

развернуть упряжку невозможно, умный пёс стал, не снижая скорости, плавно заворачивать стаю...

Скитник ощутил толчки в лицо чего-то холодного и мокрого. Пахнуло псиной. Открыл глаза — перед ним морда Бороя. Затуманенное сознание постепенно прояснялось. В конце концов до него дошло, что он, уснув, вывалился из саней и Борой требует забраться на них. Скитник с трудом исполнил просьбу верного друга...

Упряжка подъехала к рогатым чумам, обступавшим несколько больших, судя по желтизне бревенчатых стен, недавно построенных домов. Из одного из них выбежали дети, но, увидев заросшего, неподвижно лежащего на нартах человека, с визгом бросились обратно. Это было стойбище ламутов¹.

Вид огромного человека, неподвижно лежащего на нартах, напугал и женщину, шедшую к проруби за водой. Причитая: «Эрэ! Эрэ!»², она бросилась к своему чуму. Услышав её крик, муж выскочил с карабином.

Поняв, что человек на нартах жив, он позвал сыновей. Втроём они занесли закоченевшего Корнея в чум. С трудом стащили с него стоящие колом меха. Когда снимали торбаса, поразились — одноногий! Пожилой эвен, принялся, растирать тело собачьей шкурой, особенно старательно белые пальцы на руках и ноге, приговаривая: «Небо-отец, тепло дай, согрей человека... Небо-отец, тепло дай, согрей человека...»

Наконец пальцы незнакомца стали розоветь. Это пошла, распирая капилляры, кровь. От острой пульсирующей боли человек очнулся и застонал.

— Терпи! От твоей боли мне больно, — уговаривал склонившийся над ним скуластый эвен. — Не откроем крови дорогу, пальцы пропадут.

¹ Ламуты — дореволюционное название эвенов — этнической общности, возникшей в результате активного взаимодействия тунгусов (эвенков) с юкагирскими племенами и отчасти коряков. Населяют северную часть побережья Охотского моря, бассейн реки Колымы и частично Индигирки. Ведут кочевой образ жизни. У них, как и у эвенков, почитается культ медведя и солнца.

² Эрэ (эвенк.) — беда.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Закончив растирание, он смазал обмороженные пальцы гусиным жиром и повелительно произнёс что-то на своём языке.

Молодая плосколицая женщина, порывшись в тюках, принесла старенькую парку, меховые штаны и рубаху. Хозяин помог Корнею одеться. Подавая кружку парящего чая, заправленного медвежьим жиром, он произнёс:

— Пей, ходи в полог, много спи.

Заползая в квадратную меховую конуру, скитник поморщился от ударившего в нос кислого запаха оленьих шкур и человеческого пота. Приглядевшись, различил в тусклом свете жирника женщину. Она лежала у дальней стенки и кормила грудью малыша. Рядом посапывал, зарывшись в пыжиковые шкурки, ещё один ребёнок лет пяти.

Смущённый Корней замешкался было, но эвен указал на место у входа:

— Тут ложись.

Боль потихоньку отступала. Продолжали гореть лишь пальцы. Мысленно благодаря Святителя Николая и эвенов за чудо спасения, Корней не заметил, как уснул.

Поразительна отзывчивость людей Севера, их простосердечность и радушие. Увидев попавшего в беду человека, северянин не станет допытываться, кто ты, что случилось, а просто примет, оденет, накормит. И будет терпеливо ждать, когда тот сам обо всём расскажет.

Проспал скитник изрядно. Когда открыл глаза, в пологе никого не было. Попытался выползти из него, но пальцы пронзила острая боль. Услышав его возню, сын хозяина приоткрыл полог и помог гостю выбраться.

Семья обедала, сидя вокруг длинного низкого столика. Ему подали кружку чая, но он не смог взять её распухшими, в водянистых пузырях, пальцами. Хозяйка тут же отлила немного в китайскую пиалу и стала поить незнакомца. Потом покормила кусочками варёной оленины.

— Как мои собаки? — забеспокоился Корней.

— Собаки хорошо. Еды давали.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

С улицы донёлся радостный лай. Это, расслышав голос хозяина, дал о себе знать его спаситель Борой.

Корней хотел было выйти к нему, но эвен остановил:

— Нельзя ходи — мороз. Руке худо будет.

— Борой, дружочек, потерпи. Мне пока нельзя! — крикнул он.

Пёс в ответ пару раз пролаял, словно понял.

К вечеру пальцы ещё больше вздулись, появились новые волдыри. Боль то разгоралась, то утихала. Корней, глядя на свои руки, с тревогой думал о том, что, если начнётся гангрена — Чу-котки не видать.

Хозяйка за день сшила ему мягонькие заячьи рукавицы, и теперь Корней мог ненадолго выходить из чума.

Когда он появлялся, собаки, прыгая на него от радости, чуть не валили хозяина. Чтобы ненароком не потревожить пальцы, он поднимал руки вверх.

На пятый день с лица сошла короста, начала спадать опухоль на пальцах. Через несколько дней облезла и обмороженная кожа, обнажив нежную новую.

Воодушевлённый скитник уже намеревался продолжить путь, но Афанасий — хозяин чума, был твёрд:

— Рано. Кожа пока совсем тонкий.

В стойбище с каждым днём становилось многолюдней. Дело в том, что здесь располагался заготпункт потребкооперации и сюда для сдачи добытой за зиму пушнины и празднования завершения промыслового сезона один за другим подъезжали охотники с окрестных стойбищ и селений. Вокруг уже вырос временный городок из нескольких десятков чумов и палаток.

В обмен на мягкую рухлядь промысловики приобретали сухари, плиточный чай, сахар, соль, табак, винтовки, патроны, посуду, мануфактуру. Председатель кочевого совета коренастый молодой эвен приглашал каждого промысловика в рубленое строение с кумачовым знаменем над крыльцом. Усаживал за стол и проводил беседу:

— Советская власть дала нам электричество. Электричество лучше солнца. Оно и в полярную ночь светит. Сейчас весь со-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ветский народ много работает, чтобы выполнить семилетку за пять лет. Мы тоже должны ударно охотиться. Больше сдавать пушнины, мяса и становиться передовиками. В соседнем улусе семилетку уже почти выполнили. Разве мы хуже?

Охотники слушали и обещали не подвести. Самые активные и сознательные брали обязательство в следующий сезон добыть пушнины в два раза больше.

В назначенный день все собрались на поляне праздновать окончание промыслового сезона. Пришли даже мамы с грудничками, спокойно посапывающими в меховых мешках за их спинами. Народу было так много, что несколько чумов пришлось перенести в сторону.

Открывая митинг, председатель подвёл итоги и вручил передовикам грамоты, а самым лучшим — ещё и премии. После чего объявил:

— В нашем стойбище находится гость из далёкого советского Алдана. Он идёт на самый край нашей большой страны — Чукотку. Дадим ему слово для приветствия.

— Дорогие друзья, я тоже охотник и хорошо знаю, какой это тяжёлый труд. Поздравляю вас с успешным окончанием промыслового сезона. Желаю всем здоровья и удачной охоты. Особую благодарность выражаю семье Афанасия Петровича, вылечившей и приютившей меня.

— Помогать друг другу — главный закон эвенов, — с гордостью произнёс председатель. — Товарищи, завтра, после обеда, в помещении кочевого совета Корней Елисеевич подробно расскажет о своём путешествии. Приходите послушать.

Когда закончилась официальная часть, запалили костёр и, проведя под мощный рокот бубна неизменный обряд «кормления огня», мужчины принялись соревноваться в прыжках через нарты, гонках на упряжках. Пока выявляли победителей, женщины уже сварили в котлах мясо.

Темнело. Электрик запустил движок. На столбе зажглась лампочка. В это же время на небе заиграли сполохи северного сияния.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Верхние люди тоже с нами празднуют. Тоже костры запали, — радовались эвены.

Приехавшие из соседних стойбищ отправились в Кочевой совет, где были накрыты столы, а местные разбрелись по своим чумам продолжать праздновать в кругу семьи.

Корней, подойдя с хозяевами к их жилищу, зашёл в чум не сразу. Задрав голову, долго любовался выстреливающими из бездонных глубин вселенной цветными пучками. Они образовывали то лениво колышущиеся, как будто от лёгкого дуновения ветра, гигантские зеленоватые волны, то, взлетая в высь, сиреневые холмы. Корней никак не мог насладиться этой непредсказуемой, никогда не повторяющейся игрой света. Больше всего его поражало то, что узоры и краски сияния никогда не повторялись.

В эту ночь небо «горело» почти всё тёмное время суток. Окончательно оно погасло лишь, когда на востоке зажглась багряная заря. На следующий день клуб был полон. Слушали Корнея внимательно, задавали вопрос за вопросом.

По окончании встречи местные охотники вызвались починить его нарты. Сам он обмороженными руками сделать это не мог. За полдня умельцы не только заменили повреждённые копылья, подтянули ослабшие вязи, но и оббили полозья железом. Упряжь тоже привели в порядок: поменяли порванные постромки. (На малолюдных территориях люди умеют всё делать сами. Иначе пропадёшь.)

Пальцы практически зажили, и Корней уже подумывал, что пора двигаться дальше, но, выйдя вечером легко одетым по нужде, залюбовался северным сиянием. Оно в эту ночь было невероятно красивым. Небо полыхало всеми оттенками малинового цвета. Такого прежде он не видел. (Как оказалось, оно было последним в этом году.)

Опомнился, когда основательно продрог. На следующий день начался кашель. Ночью почти не спал. Бросало то в жар, то в холод. Потел так, что бельё хоть выжимай. Ему нестерпимо захотелось оказаться дома, в своей постели. Но он говорил сам себе:

— Чего расквасился? Головой думать надо, а не стоять столько времени полуодетым на морозе.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Скитник попросил хозяйку заваривать имевшиеся у него травы, но их хватило всего на два дня. После этого она принялась лечить его по-своему: запаривала собранный из-под снега ягель и обкладывала им спину. Кроме того, поила чаем, приправленным медвежьим жиром. Дня через три немочь отступила. Скитник пошёл на поправку.

Световой день всё прибывал. На иссиня-белом снегу появились маленькие дырочки. Это лемминги, прокапывая ходы, делали отдушины. Иногда и сами выбирались принимать солнечные ванны.

В воздухе завитал запах весны, пока ещё едва уловимый. Сегодня прилетела её первая вестница — жизнерадостная пуночка. Весёлое щебетание крохотной пичуги для Корнея было самой приятной музыкой. Вместе с тем он заволновался — добраться до реки Колыма, чтобы успеть по льду перейти на другой берег, нужно было до паводка. Дальше начинаются горы, и можно будет ехать и летом.

Однако скитник был ещё настолько слаб, что, даже от кормления собак, уставал так, словно переколот горю дров. Силы, к сожалению, возвращались медленно — сказывался возраст. Стартовал лишь через неделю.

Пакуя мешки со снаряжением, обнаружил, что компаса нет. Похоже, выпал, когда выбирался из снежного завала. Чувствительная потеря! Теперь «внутренний компас» придётся сверять по солнцу и Полярной звезде.

Найти её несложно: достаточно отыскать ковш Большой Медведицы и провести линию по наружной боковине ковша вверх — упрётся прямо в неё.

* * *

И вот Корней вновь в пути. Кристаллы снега под лучами солнца плавилась. Ночью резко холодало, и верхний слой снежного покрова становился до того прочным, что выдерживал вес не только собак, но и нарты: полозья лишь местами продавливали

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

его. Корней то и дело видел зайцев, весело бегавших по крепкому насту.

К полудню наст мягчел, и собаки проваливались, раздирая лапы об его острые кромки. Приходилось останавливаться на несколько часов, дожидаясь, когда немного подморозит. В итоге за день он одолевал в общей сложности меньше тридцати километров.

Из-за слепящих лучей солнца и блеска наста в глазах появилась болезненная резь — казалось, будто песок попал. Когда Корней закрывал глаза, в них вместо черноты начинал полыхать ярко-красный свет. Скитник знал, что это верный признак снежной слепоты и, если глазам не дать отдохнуть в абсолютной темноте, начнутся мучительные боли с последующей потерей зрения.

Как ни хотелось, а пришлось встать на днёвку. Завязав глаза шарфом, забрался в спальный мешок. К утру резь и сполохи пропали. Чтобы избежать их повторения, Корней выкроил из куска шкуры полоску с узкой щелью для глаз. Приделав к концам вязки, надел «солнцезащитные очки». Они ограничивали обзор, зато глазам было комфортно.

Как и предсказывали эвены, весна стартовала резко, словно по команде. Тёплый юго-восточный ветер каждый день заметно съедал снежный покров. Отяжелевшие сугробы на глазах оседали. Во второй половине дня снег немилосердно лип к полозьям, а у собак набивался между пальцев. Смерзаясь в ледяные комочками, они до крови натирали им лапы. На следах появились алые капельки. Половина собак захромала. Жалея их, скитник то и дело останавливал упряжку и осторожно выковыривал намёрзшие ледышки.

В последующие дни снег к полудню до такой степени насыщался влагой, что превращался в кашу. Полозья оставляли за собой быстро наполняющиеся водой траншейки. Нарты заваливались в этой хляби то на правый, то на левый бок, а порой почти «тонули». Требовалось немало усилий, чтобы вытащить их. Остановки участились. К вечеру лайки так изматывались, что, тяжело дыша, начинали с мольбой оглядываться на хозяина: когда же остановка?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Дневной ход сократился до десяти километров. Промучившись так пару дней, Корней изменил распорядок: днём спал, а ближе к ночи, когда подмораживало, трогался в путь.

На нарты садился редко — жалел собак. А чтобы меньше проваливаться самому, соорудил из ивняка и верёвок снегоступы. Растревоженная култыга каждый шаг напоминала о себе острой болью, но скитник, стиснув зубы, терпел. Ведь лайки были не просто его тягловой силой и надёжными помощниками, они стали друзьями.

Чтобы собаки меньше вязли и не резали лапы об острые кромки наста, Корней пошёл на крайнюю меру — отрезал подол малицы и сшил на лапы мешочки с завязками.

Ложась спать, он всякий раз просил Господа о даровании мороза. Даже во сне мечтал о нём. И Бог смилостивился — холода вернулись! Да ещё какие — сразу минус двадцать. Началась весенняя карусель. Вчера оттепель, сегодня мороз. На следующий день снова оттепель. А то вдруг заметёт на сутки. Потом вновь припекает солнце.

В один из таких дней Корней наблюдал необычное явление: ближе к полудню на небе ясно обозначились три солнечных диска в ореоле сияющих радуг над всеми тремя. Сами «солнышки» были очень странными: светили каким-то неживым светом.

День удлинялся. Вечерняя заря плавно перетекала в утреннюю. Небо вечерами расцветивалось мягкими и нежными, словно в противовес суровому пейзажу, красками. Захочешь нарисовать более красивую картину заката, как ни старайся, какие краски ни используй, не получится. Зачастили миражи: в дрожащих струях воздуха вырастали и через какое-то время таяли то айсберги, то горы, то скалистые острова. Они были настолько реальны, что даже собаки порой обманывались.

Впереди открылось большое озеро. Изъеденный солнцем ноздреватый лёд сплошь залит талой водой. По нему ехать было гораздо легче, однако собаки поначалу упрямылись — не желали заходить в воду. Но когда поняли, что по льду нарты едут сами, принялись, не дожидаясь команды, сворачивать к каждому попутному озерку.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Как-то утром Корнея разбудил свистящий шелест множества крыльев. Высунув голову из палатки, он обомлел — небо было черно от утиных стай. Они летели так густо, что казалось, касаются друг друга крыльями. Стрелять можно было не целясь, но зачем? Мяса ещё достаточно.

На широких заберегах речушек и озёр уже гогочут гуси. У них самый продолжительный период гнездования. Это вынуждает их селиться на первых же проталинах. На глади мелководья можно заметить неподвижные ряды спинных плавников. Это рыбы греются в потеплевшей воде. Хотя повсюду ещё снег и лёд, все спешат — полярное лето короткое, надо успеть отложить яйца, вывести, выкормить и поднять на крыло потомство.

В последние дни весна набрала, благодаря начавшемуся полярному дню, сумасшедшую скорость. Ровная, как стол, тундра от быстрого таяния снега превратилась в «море». Ехать стало невозможно. Куда ни глянь, кругом вода, из которой кое-где торчат кусты, кочки, тонкие стволы лиственниц. Лишь на озёрах лёд всё ещё стоит. На островках, опушённых голым ивняком, как на библейских ковчегах, спасается от потопа самое разное зверьё. Забыв вражду и распри, стоят бок о бок линияющие песцы, лисицы и зайцы. Особенно много леммингов — вода затопила их подземные убежища. Над всем этим барражируют величественные беркуты, мелькают стремительные сапсаны. Стервятникам сейчас раздолье.

Корнею с собаками тоже пришлось спасаться на одном из островов. Выбрал тот, на котором гуще заросли — пища для костра.

Присмотрев местечко посуше, Корней первым делом накормил собак. Те, проглотив свою долю, повалились кто на бок, кто на спину и, подставив стёртые лапы солнцу, наслаждались неожиданным отдыхом. Сам же скитник сел перекусить на пяточке с ягелем. Проснувшиеся комары вились столбами, но вели себя на удивление миролюбиво — видимо, ещё не проголодались.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Мшистые участки были усыпаны красными, похожими на переспевшую вишню, ягодами клюквы. Прележав зиму под снегом, они были особенно сладкими. Корней по нескольку раз на дню собирал её и пригоршнями бросал в рот.

По мере приближения уже незаходящего солнца к линии горизонта, всё видимое пространство вокруг острова охватывала невероятная разноголосица устраивающихся на ночёвку стай пернатых: уток, гусей, стерхов, лебедей. Их было столько, что у Корней мелькнула мысль: «не меньше, чем комаров». От гогота, свиста, плеска шум стоял невероятный — птицы бурно радовались возвращению в родные края. Оригинальнее всех выражали эмоции длинноногие кулички: они то замирали, то взмывали, то кувыркались, стараясь обратить на себя внимание курочек. А стерхи, собравшись в небольшую стайку, подолгу парили на большой высоте. Бекасы, издавая характерный жужжащий звук, взмывали вверх, словно пытаясь присоединиться к стерхам. К ночи птицы успокаивались, и в тундре воцарялась тишина, нарушаемая лишь нежным воркованием токующих самцов белых сов.

Поскольку непонятно было, как долго придётся отсиживаться в плену разлива, дрова Корней расходовал экономно: костёр разжигал только для того, чтобы вскипятить чай.

Ночью по скатам палатки забарабанил дождь. То усиливаясь, то ослабевая, он продолжился и днём. Всё вокруг пропиталось влагой. Без солнца заметно похолодало.

Сырость больше всего досаждала собакам. Корней всё же выручали палатка и спальник. Промокшие лайки, чтобы согреться, носились по острову, попутно гоняя куропаток и гусей. После чего, сытые, сворачивались под кустами.

Когда вода сошла, Корней, подгоняемый серой тучей монотонно зудящих комаров, погнал упряжку на восток.

Отдохнувшие и отъевшиеся собаки шутя тянули нарты по влажной тундре, покрытой пружинистыми мхами и кустами полярной берёзы. Портил настроение лишь гнус. Его стало так много, что он порой залеплял глаза и нос. Пытаясь избавиться от кровососов, собаки на ходу то и дело совали морды в мох.

КОЛЫМА. АНЮЙСКИЙ ХРЕБЕТ. КОЧЕВНИКИ

Солнце уже не заходит — начался «круговой день». Обогнув овал очередного озера, упряжка выехала на холмистую гряду, сплошь заросшую кустиками голубики, цветущей мелкими цветочками. С неё открылась широкая коричневая лента Колымы. Река ещё не вошла в берега, и подтопленные кусты тальника под напором течения без устали кому-то кланялись. Обнажившиеся участки берега усеяны корягами, обломками веток и прочим древесным хламом. Местами белели вымытые кости, по всей видимости, доледникового зверья.

Среди непривычных глазу высоких тополей скитник разглядел рыболовецкий стан.

Артельщики были поражены: из тундры к ним ещё никто не приходил. Всегда по реке. Узнав, что Корней идёт с Алдана на Чукотку, удивились ещё больше. На просьбу переправить его на правый берег старший поставил условие:

— Эва, брат! Так не пойдёт. Прежде расскажи, где был, что видел, а вот с утраца переправим и тебя и твоих собак.

Слушая до полуночи истории Корнея, рыбаки ели уху, пили самогон.

Спать скитник устроился прямо на продуваемом яру: в землянке было душно, накурено и пахло перегаром. Правда, тут мешали уснуть жалобно плачущие вопли гагар.

Переправлялись на карбасе. Сделанный из лиственничных досок внахлест, сшитых тонкими, распаренными в кипятке ольховыми корнями, он выглядел неуклюжим и некрасивым. Зато был ёмок, прочен, прекрасно держал волну. В нём уместились все собаки, нарта, поклажа, два гребца и третий — рулевой. Корней расположился на высоко приподнятом носу.

— Афоня, бери левой, вишь, дикий идёт! — крикнул один из гребцов.

Им навстречу, с противоположного берега, плыли, шумно отфыркиваясь, хорошо заметные из-за ветвистых рогов олени.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

(Спасаясь от гнуса, они каждую весну перебираются на морское побережье.)

Приблизившись к беспомощным в воде животным, рыбак вонзил копьё рогачу под лопатку. Когда переваливал его в баркас, тот судорожно забил ногами. Уворачиваясь, рыбак потерял равновесие и свалился в воду. Плавать он, как большинство северян, не умел и, если б не брошенная веревка, утонул бы. Пока спасали рыбака, олень ушёл на дно.

Возмущённый Корней не сдержался:

— Грех убивать беззащитных!

— Испокон веку так промышляем.

— Вам что, есть нечего?

— На рыбу уж глядеть тошно. Мы ж одного, а их вона скоко. Наплодятся ишо, — пробурчал рыбак, выжимая мокрый свитер.

Тундра за Колымой порадовала: озёр здесь на самом деле было намного меньше. Теперь нет нужды петлять между ними в поисках прохода. Лайки повеселели. Услышав команду «Подь, подь!», тут же устремлялись вперёд, едва не наступая передним на пятки.

Заросли приземистой, чуть выше колена, полярной берёзы пронизаны «каналами» заячьих троп. (Чтобы спастись от нестерпимых морозов и ветров, деревца на Севере не вырастают выше уровня снежного покрова.) Косых здесь так много, что бурые шарики их помёта покрывали тропы местами сплошь. Собаки на них буксовали, зато нарты катились, как по маслу. Самих зайцев не видно — заслышав лай, они заранее разбегались. А вот сохатый, с ещё неокостеневшей «короной» на голове, не испугался: когда упряжка проезжала мимо, он даже не шелохнулся, только голоау повернул им вслед.

Подъехав к Малому Анюю, сбегаящему с чуть виднеющихся вдали гор, Корней направил собак к тропе, набитой за многие годы кочевниками. Русло реки, усеянное гладкими окатышами, сильно петляло, но благодаря тропе не было необходимости повторять её извивы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На исходе третьего дня сквозь сизую дымку проступила, ломая ровную линию горизонта, цепь белоснежных зубцов Анюйского хребта. Корней ликовал: наконец-то его любимые горы! Вечером он, как обычно, достал отцову иконку и поблагодарил Святителя Николая за постоянную помощь в дороге.

Горы, с каждым часом приближаясь, росли. Уже различимы языки осыпей, щербатые рёбра боковых отрогов. В долинах, защищённых горами от холодных ветров, росли берёза, осина, тополь.

Впереди что-то забелело. «Неужто чум?» — обрадовался Корней, поворачивая упряжку.

Точно! Чум! Возле него несколько вытоптаных до земли кругов с прокопчёнными камнями в центре. Жители этого стойбища позавчера ушли по Малому Анюю к перевалу, за которым на межгорном плато простираются богатые ягелем пастбища. А одна семья задержалась: ни сегодня-завтра жена молодого юкагира должна была родить.

Их олени толпились у дымокуров, заваленных горой мха и влажных гнилушек. Возле важенок бродили оленята. Одни смешно копытили ягель. Другие, припав к вымени, сосали жирное молоко. Оленухи ревностно охраняли своих детёнышей от агрессивных быков: с яростью бросались на них, если те пытались приблизиться.

Одна важенка родила прямо на глазах Корнея. Первыми показались ножки. Через минут пять мамаша, съев послед, уже старательно вылизывала чёрный комочек. Новорождённый, смешно качаясь, попытался встать, но тут же упал, ткнувшись мордочкой в траву. Он снова и снова повторял попытки. В конце концов всё же встал на коленях, но полностью подняться у него не получалось — заваливался. Понадобилось ещё некоторое время, чтобы встать и, бекая, ткнуться в живот матери. Найдя вымя, принялся, аппетитно чмокая, сосать. Мать, зажмурив глаза, замерла.

Пастбища, окружавшие стойбище, за зиму были до предела истощены: торчали лишь одиночные клочки мха да куртинки полярной ивы с обкусанными макушками. Так вот почему олени такие худые!

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Ночью у молодой женщины начались роды. Но что-то пошло не так. Корнея разбудил перепуганный муж:

— Жене совсем худо! Не знаю, что делать.

Скитник приложил ухо к животу роженицы. Сердцебиение не прослушивалось. Ничего не оставалось, кроме как выдавить младенца. К счастью, тот через несколько секунд закричал. У малыша оказалось двойное обвитие шеи пуповиной. Пытаясь выйти на свет, он душил сам себя.

* * *

Диск незаходящего двадцать четвёртые сутки солнца осторожно, словно боясь уколоться об острые зубцы гор, проплыв вдоль линии горизонта, медленно поднимался — начинался новый день. С малышом было всё в порядке, и Корней продолжил путь к перевалу. Лесистые долины по мере подъёма сменились болотистыми, поросшими брусникой и клюквой низинками.

На второй день речная долина, входя в горы, стала сужаться. Там, где скальные берега сходились почти вплотную, река гремела с грозным перестуком угловатыми камнями — вода ещё не успела их обтесать. По берегам влажно поблёскивали толстые, намороженные за долгую зиму наледи. От них веяло холодом. На смену ивам, тополям и берёзам пришли лиственницы и куртинки ползучего стланика. Болота окончательно исчезли.

Если уклон русла был особенно резким, разогнавшаяся вода образовывала крутые, стоячие волны: вода несётся, а волна стоит на месте. Весьма странная, можно сказать, противоестественная картина. На поворотах речка что есть силы с яростным рёвом била то в одну гранитную стену, то, круто изогнувшись, в другую.

Чем выше в горы, тем угрюмей ущелье. Вот уже и деревца исчезли. Кругом только чахлые пучки травы, мхи да лишайники. Лишь в одном тесном кармане промелькнула изувеченная ветрами и стужей лиственница, подёрнутая зеленью только что вылупившихся хвоинок. Отчего казалось, будто она окутана зелёным дымом. А вот снежников и наледей всё больше.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Неожиданно сзади раздались глухие удары. Корней обернулся: с гольца, оставляя пыльный шлейф, катилось несколько крупных камней. Подпрыгивая, они пронеслись через тропу, где только что проехала упряжка. Скитник невольно поёжился...

Там, где в Малый Анюй впадает крупный приток Пагынден, Корней остановил упряжку и, рассматривая вязь горных хребтов, долго размышлял, куда идти. То ли на северо-восток по тесной, зато не такой крутой долине Пагындена, то ли чётко на восток по руслу Анюя. Поскольку его исток вёл к высоченному, сияющему снежными шапками хребту, Корней остановил выбор на Пагындене. То, что выбор был правильным, вскоре подтвердил и помёт перегоняемых кочевниками оленей.

Проехав километра три от развилки, он услышал впереди ровный гул. Так мог шуметь только водопад. А вот и он в облаке радужной пыли! Русло разрывал десятиметровый уступ. Река, падая в водобойный котёл, щедро орошала береговые скалы.

Корней тормознул упряжку, чтобы глянуть на красоту жемчужной ленты. Сквозь поредевшую в какой-то момент влажную завесу он разглядел прижавшегося к скале горного барана с круто закрученными рогами. Похоже, круторог тоже засмотрелся на водопад. Заметив собак, развернулся и, с необычайной ловкостью прыгая с уступа на уступ, скрылся в скалах.

После падуна тропа пошла круто вверх. Здесь хребта скалился причудливыми останцами, покрытыми накипью чешуйчатых лишайников салатного, жёлтого и черного цветов. Пучки травы и кустики камнеломки, хоть как-то облегчавшие скольжение нарт, исчезли.

Крутизна мельчила шаг собак, отнимала много сил. Ещё и остатки наледей замедляли ход. А скатившиеся на тропу камни и вовсе заставляли останавливаться, чтобы расчистить проезд. Корней в который раз радовался тому, что полозья подбиты железом, иначе они были бы уже измочалены о камни.

Вдобавок совершенно некстати посыпал холодный дождь, переходящий по мере подъёма в снег. Несмотря на это, мокрые,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

взъерошенные лайки, вывалив дымящиеся паром языки, добросовестно тянули нарты. Стараясь помочь им, Корней всё чаще слезал с нарт и шёл рядом.

Внезапно неутомимая Зайка на ходу повалилась. Корней подбежал поднять её, но собака была мертва. Смерть лайки сильно расстроила его. Псы тоже приуныли. Зайка была из тех, кто ни на минуту не позволял себе перевести дух. Тянула и тянула. Судя по тугому брюху, она была беременна.

Заложив тело камнями, Корней поднял немного передохнувших собак.

На склонах зачернели зевы пещер. Одна из них выходила прямо к тропе. Чтобы дать лайкам возможность поесть и обсохнуть, скитник завернул в неё.

В просторном гроте было сухо и безветренно. Волнистые налёты на стенах покрывала пушистая изморозь. С низкого свода свисали ребристые сосульки рыжеватого цвета. В углу таращился тёмными провалами глазниц череп оленя. Судя по консервным банкам, обрывкам веревок и разбросанным костям, люди останавливаются здесь часто.

Корней раздал собакам корм и участливо потрепал каждую. Те в ответ довольно жмурились и, глядя на него с безмерной благодарностью, норовили лизнуть руки. Внимание и ласка хозяина — для собаки лучшая награда за её нелегкий труд.

Не стала есть одна Пурга: всё пыталась освободиться от шлейки. Ей это никак не удавалось и она, жалобно скуля, просила Корнея помочь. Высвободив собаку, скитник постелил ей брезент — знал, что вот-вот ощенится. Действительно, через час возле неё лежали два щенка. Один из них мёртвый.

Скитника прибавка обрадовала: в пути уже потерял двоих. Ещё он надеялся, что щенок от Бороя со временем может стать вожакom.

У Пурги сразу пробудился волчий аппетит. Съев ползайца, она взглядом поблагодарила хозяина. Тот переложил щенка с мамышей на нарты и, переждав мокрый снег, вывел упряжку на тропу, где они сразу «потонули» в сплошном молоке. По всей видимости,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

горы накрыло влажное нутро облака. Лайки, с трудом различая тропу, понуро потащились к перевалу. Всегда активный Борой — и тот сник: видимо, надсадился, работая за двоих. Уловив слабинку жожака, остальные тоже стали халтурить. И тут, неожиданно для Корнея, инициативу на себя взяла миниатюрная трудолюбивая, но малосильная, с остренькой мордочкой и умными глазками, рыжая Белка. В какой-то переломный момент её как будто кто подстегнул. Она стала работать с упоением и время от времени подзадоривала других лаем. Пристыженные её бойцовским поведением собаки оживились, потянули резвей.

Корней, дабы поддержать этот запал, невзирая на постреливающую культу, опять слез с нарт. Тем более что тропу некстати перегородила мощная наледь. Вот когда пригодился топорик, подаренный Арсением. Чтобы не соскользнуть в пропасть, Корней принялся подрубить им лёд. Выровняв проезд, осторожно тронулись. Однако полозья, подбитые железом, всё равно скользили. Не спасал даже остол. Пришлось, чтобы нарту не стянуло, прорубить канавку вдоль всей наледи.

Наконец тропа стала выполаживаться — верный признак близости перевала. Тут ни тумана, ни снега — всё сдуло. Да и сейчас отдельные порывы ветра были такой силы, что Корнею приходилось идти боком. Тут уже явственно ощущалась нехватка кислорода: сердце зачастило.

Вот и водораздельная седловина, усыпанная мелким щебнем. Кругом бесформенные угловатые глыбы. На них даже лишайника нет. Благодаря необычайной прозрачности воздуха местность просматривалась до самого горизонта.

Во все стороны разбегались могучие, в мазках снега и языках осыпей, хребты. Между ними бесчисленные цирки, ущелья, террасы. Чем дальше скитник обращал взор, тем таинственней и привлекательней представлялись ему размытые дымкой зубчатые гребни. Самые высокие находились на юго-востоке, где брал начало Малый Анной.

Над всем этим величественным хаосом торжественно плыли облака, вслед за ними прыгали по скатам гор их тусклые тени.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Эта бескрайняя горная панорама привела Корнея в такой восторг, что он пал на колени и принялся страстно благодарить Господа за то, что даровал силы взобраться и лицезреть эту красоту. Чтобы дать выход переполнявшему его ликование, он зашел: «Дивны дела Твои, Господи, все премудрости сотворил еси...»

Внизу простиралась котловина, обрамленная отвесными кряжами. По их склонам сбежали белыми нитями ручьи. Струи падали неровно, рассыпаясь на лету. Посреди голубело озеро с широкой полосой зелени по берегам. Из него вытекала речушка, устремлявшаяся к единственному в цепи гор разрыву. На её берегу Корней разглядел с десятков нарт, людей и стадо оленей.

Тем временем заснеженные пики, обогранные лучами низкого солнца, запылали, словно костры.

Чтобы иметь возможность ещё раз насладиться столь милой его сердцу панорамой, Корней решил тут и заночевать.

Выбрав безветренный уголок, закутал в оленью шкуру Пургу с малышом. Сам, забравшись в спальник, лёг рядом.

Только стал задремывать, как раздался тоскливый вой. Встревенный скитник высунулся из мешка. Голосил, задрав морду к небу, Черныш. К нему присоединились ещё двое. И вот уже все собаки, усевшись в круг, воют что есть мочи. Похоже, им здесь что-то очень не нравится. Смолкли собаки все разом. Ни одна псина после этого не издала ни единого звука, но спали они беспокойно. То и дело вздрагивали, перебирали во сне лапами. Видимо, убегали из этих гор. «В тундре лучше: там нет крутых подъёмов; по траве и мхам приятно ступать, всегда есть вода, жирные лемминги, а тут одни камни, все лапы на них изранили, — должно быть, так думали они. — Хозяину хорошо, а нам нарты надо тянуть. Бросить бы все. Да как бросишь — он без нас пропадёт».

Когда Корней проснулся, солнце стояло достаточно высоко. Над головой чисто выметенный небосвод, а вот котловина под ним сплошь залита туманом. Полюбовавшись ещё раз на панораму гор, Корней направил упряжку к тропе. Спуск оказался столь крутым, что, дабы нарты не наезжали на собак, приходилось изо всех сил тормозить остолом. Тем временем солнце и оживший ветерок

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

взрыхлили, расшевелили муть, и бугристая белая лава тумана стала вслед за речушкой вытекать в разрыв между гор.

Внизу было заметно теплее. Ветки берёзок подёрнуты зеленью недавно распутившихся листочков. Собаки, учуяв запах дыма, заторопились. Полозья теперь не скрежетали, а тоненько пели.

Стан кочевников располагался на берегу, прямо напротив говорливого переката. Ниже речушка успокаивалась и мирно плескалась у ног пасущегося стада. Олени линяли, и зимняя шерсть отваливалась буквально клочьями. Поскольку летняя ещё не успела отрасти, на боках проглядывала голая кожа.

Это были те самые эвены, по следам которых шёл Корней. Их стоянка была вынужденной: один из быков сломал при спуске ногу, и кочевникам пришлось его зарезать. Появление Корнея они восприняли спокойно:

— Дорова, приехал! Это про тебя говорят, что на одной ноге на Чукотку идёшь? — спросил пожилой эвенк по имени Игнат.

— Да.

— Ты молодец. Горы не ходи, с нами ходи. Встанем на кочевье, отдохнёшь и к океану по Раучуванке выйдешь. Там Певек. Там пароходы... Горы не ходи. Там собак кончаешь.

Корнею сразу вспомнилось, с каким трудом лайки поднялись на перевал. Да и сам культую уже до крови натёр. Оценив ситуацию, он согласился.

При этом в который раз был поражён осведомлённостью кочевников о происходящем в их пустынном, оторванном от остального мира крае. Как? По каким таинственным каналам они получают информацию, для него было загадкой.

Впрочем, он и за собой начал замечать, что в этих бескрайних пространствах стал «слышать» на расстоянии. Поднимается на увал и знает, что сейчас встретит росомаху. Дорогу, даже если по ней ни разу не ходил, тоже откуда-то знает.

Перевалив невысокую горную цепь, караван, подгоняемый гортанными криками кочевников, въехал в громадный цирк. Судя по отполированным склонам и нескольким моренам, здесь прополз не один ледник. Неспеша, почаяёвничав, продолжили путь.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Аргиш больше не останавливался до тех пор, пока не вышел на обширный луг с тучной травой и белёсыми полями кудрявого ягеля. Его тут было до того много, что в воздухе витал грибной дух. Среди ветвистых кустиков ягеля белели цветы костяники. Пройдёт время, и на их месте вызреют красные, с чуть заметной кислинкой, ягоды.

Эвены распрягли оленей. С верховых сняли сёдла и отогнали к основному стаду. Где они сразу набросились на молодую сочную траву: ягель, по всей видимости, за зиму опостылел. Сами кочевники, на ходу жуя вяленую оленину, принялись обустроить стан.

Если животные приближались к стоянке, люди отгоняли их. В период роста рогов олени из-за нехватки солей готовы съесть всё, что может восполнить их недостаток: угольки от костра, продукты и даже одежду.

Скитник, освободив собак, помог ставить чум. Потом, сев на нарту, с интересом наблюдал за оленятами. Одни азартно гонялись друг за другом, другие отважно поднимались на задние ножки — словно собирались атаковать, и тут же разбегались в разные стороны. Два взрослых быка паслись в стороне от всех. Корней насторожил их понурый, истощённый вид. Подойдя поближе, разглядел в их жидких испражнениях белых червячков.

— Игнат, вон тех хворых надо срочно изолировать, иначе заразят всё стадо. Помёт собрать и закопать. Я пока приготовлю настой сабельника с багульником для лечения.

Багульник искать не было нужды — он рос тут же в низинках, а вот на поиски сабельника ушло много времени. Приготовив наконец отвар, Корней принялся поить им больных животных. Те пили с жадностью — видимо, организм требовал именно этого отвара. Уже на третий день эти олени ничем не отличались от остальных.

Установились тёплые, а временами, благодаря незаходящему солнцу, даже жаркие дни. Правда, по утрам чуть выше нуля, но к обеду припекает так, что можно загорать. А вот «ночью» воз-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

дух быстро остужает вечная мерзлота, прикрытая лишь тонким слоем оттаявшей земли.

Казалось бы, наслаждайся, радуйся теплу, да вот беда: стоило ослабнуть ветру, начинали свирепствовать беспощадные кровопийцы: днём — пауты, слепни, с вечера до утра — комары и мошка. Особенно страдали олени. Когда им становилось совсем невмоготу, они заходили в воду.

Корней в свободное время рыбалил. В первый же день намотал на крючок ворсистую нитку с шерстяного носка. Волоски разлохматил так, чтобы топорщились во все стороны. С такой простецкой, зато «долгоиграющей» наживкой и удил. Хариуса в речке оказалось так много, что стоило наживке коснуться воды, как радужная рыба бьётся на крючке. Клевало, правда, только в определённые часы. Особенно хорошо утром и ближе к вечеру. Часть улова отдавал жене бригадира, остальное, распластав, развешивал на ветру вялиться.

ОКЕАН. ОДИНОКИЙ СТАРИК

Отъевшиеся на леммингах и хариусах собаки посвежели и начали выяснять в драках, кто сильнее и ловчей. Эти разборки порой принимали столь серьёзный оборот, что Корнею приходилось вмешиваться и властным окриком разгонять забияк. Те тут же принимались наперегонки выражать хозяину любовь. Получив свою порцию ласки, успокаивались.

Щенок Пурги — Шустрый подрастал: округлился, покрылся густой сероватой шерсткой. Одно ухо стояло стоймя, как и положено лайке, а вот второе подкачало — лежало на темени, как увядший листок. Видя, как ластятся к хозяину собаки, он, весело повизгивая и помахивая хвостиком, тоже путался у него в ногах.

Прошло две недели. Культя зажила. Юкола навялена. Можно трогаться в путь.

Провожать лучу подошли все кочевники.

— С Раучуванки не уходи, она, правда, извивается, как утиные кишки, но терпи, — напутствовал Игнат. — По ней до самого моря

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

тропа. На каменной гряде и в устье есть избушки. Переночевать можно. По побережью тоже тропа. Она и выведет к Чаунской губе.

Борой уверенно вёл упряжку, держась тропы, петляющей среди нескончаемых озёр и болотин. Корнею ничего не оставалось, как предаваться беззаботному созерцанию.

Занятая заботой о потомстве, шумливая водоплавающая братия притихла. Тишину нарушал лишь писк комаров. Из травы то и дело с шумом выскакивали утки с утятами. А по воде улепётывала, невероятно быстро работая перепончатыми лапами, одна мать. Мальшняя же мгновенно исчезала. Вроде только что были — и вдруг нет!

Если бы Корней мог взглянуть на водоём сверху, то увидел бы, что утята затаились жёлто-серыми комочками под водой, держась клювиками за стебли. Над водной рябью торчали лишь ноздри.

У одного берега осока была срезана. «Неужто ондатра и сюда добралась?» — изумился скитник. На открытой воде, если приглядеться, можно увидеть неподвижных, обомшелых старых щук, греющихся на солнце.

На быстрынах речка приободрялась и с шипением бежала по россыпям камней. На пологих участках стихала и разливалась вольными плёсами. Время в дороге скитник не терял — продовольственные запасы пополняли гуси, утки. Иногда удавалось подстрелить и зайца. Вечером вся дневная добыча доставались лайкам. Юколу скитник берёг.

На третий день лесотундра вспучилась невысоким кряжем, увенчанным по гребню каменными зубцами. Его склоны оживляли изумрудные лиственницы.

Речка, прорезая каменный барьер, напористо мчалась по базальтовым уступам на ровную, как стол, равнину постоянно меняя цвет. До кряжа она была прозрачной, как стекло. По уступам скакала уже перламутровой лентой. Ещё дальше становилась тёмно-зелёной. А совсем успокоившись, лениво текла среди покатых берегов, почти чёрной, за счёт глубины.

«Игнат говорил, что где-то на гряде должно быть зимовьё», — вспомнил Корней. Обшарив берег, обнаружил лишь чёрный прямоугольник. Скитник с болью взирал на уголья.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

«Зачем спалили? Кому мешало?» — недоумевал он. — Прежде в избушке можно было укрыться от непогоды, обсушиться, поесть, а теперь одни головёшки и перекорёженная жаром железная печурка. Ни обогреться, ни переночевать».

За речкой по тундре двигалась кольшущаяся масса. Пригляделся — да это ж сокжои! Ветвистая лавина катилась к океану на продуваемое взморье, где намного меньше кровососов.

Олени на ходу щипали траву. Следом, в некотором отдалении, трусила стая полярных волков. Серые «пастухи», сопровождали стадо, куда бы копытные ни устремлялись. Стоило какому-нибудь оленю отстать, как волки тут как тут: окружат и зарежут. Попировав, вновь пускаются вдогонку: мешкать нельзя — стадо уйдёт.

Как-то спасавшийся от приближающейся упряжки рыжеватый шарик — лемминг, не останавливаясь, прыгнул в воду и поплыл через речку, быстро-быстро перебирая лапками. Неожиданно ему навстречу высунулась зубастая пасть, и лемминг в тот же миг исчез в ней.

Влажная, испятнанная водоёмами кочкарная равнина, медленно понижаясь, выманивала Раучуванку к океану. Чем ближе к нему, тем круче и протяжённей становились извивы её русла, а по обе стороны множились озёра разной величины и формы. Течение почти замерло. Если бы не тропа, набитая кочующими взад-вперёд оленогонами, найти проход в этой мешанине озёр было бы сложно. Но даже на тропе такая сырость, что под полосьями порой проступает вода.

Часть озёр уже задернилось травой, в которой таились, карауля жертву, полчища разномастных кровососов. Стоило кому-нибудь появиться, как они тут же набрасывались всей армадой.

Как ни странно, ближе к морю заболоченность стала уменьшаться. Появились плоские холмы, покрытые разнотравьем. В куртинках тальника кормилось множество куропаток.

Спускаясь в очередное удолье¹, вспугнули семью журавлей. Голенастые птицы побежали, часто взмахивая сильными крыльями,

¹ Удолье — низина.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

а взлетев, потянули над тундрой, оглашая воздух печальными трубными криками. Чем выше поднимались они, тем размереннее становились взмахи, а полёт приобретал величавость и мощь. Корней, любуясь птицами, провожал их взглядом, пока они не скрылись.

Наконец ветер принёс долгожданный йодистый запах океана! Вон и сам он! Маслянистая вода отсвечивает тусклым свинцом. Холодный, влажный сиверко доносит мерный рокот прибора.

Перевалив намытые штормами галечные гряды, упряжка оказалась на берегу подковообразной бухты, заваленной обломками льдин. Неутомимые волны с шипением лизали их.

Слева громоздились скалы. Где-то за ними должно быть устье Раучуванки. Справа, метрах в двухстах чернел вклинившийся в море мыс, облепленный бесчисленными птичьими гнёздами. Прибойная волна с яростью набрасывалась на него и разлеталась веером солёных брызг, а море уже подгоняло следующую. Шла извечная борьба двух непримиримых стихий: воды и земной тверди. Судя по тому, что подножье мыса завалено камнями разных размеров, море в этой схватке побеждает. Пройдут столетия, и эти обломки тоже измельчатся в песок.

Над бухтой деловито носились красноносые, с виду неуклюжие тупики, острокрылые чайки, черноголовые кайры. Вся эта пернатая рать гнездилась на уступах и расселинах мыса.

Корней, возбуждённый их радостным галдежом, раскинул руки и, подражая берущей разбег чайке, побежал по влажному песку. Ему нестерпимо захотелось окунуться в солёный океан и сродниться с ним.

Раздевшись, отстегнул протез и на четвереньках «зашёл» в ледяную воду. Удивительно! Она держала его! Ласково обняв, покачивала на руках-волнах. «Океан принял меня!» — возликовал переполненный эмоциями скитник. Выйдя из солоноватой купели, достал из мешка с зимней одеждой меховую рукавицу и докрасна растёр ею тело. Одевшись, направился к устью Раучуванки: зимушка должна быть где-то там.

Обходя скалистый гребень, услышал басовитое мычание вперемешку с повизгиванием и храпом. Поднявшись на каменную

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

гряды, увидел лежбище, устланное телами огромных лоснящихся зверей. Они напоминали гигантских слизняков, тесно лежащих в самых немислимых позах. По длинным и острым клыкам-бивням, свисающим с круглых голов, украшенных щетиной жёстких усов, Корней догадался — моржи. Самцы лежали отдельно от самок. Среди них выделялся исполин шоколадного цвета. Его морщинистая шея, загривок и грудь сплошь в бугристых наростах, а клыки такие большие и тяжёлые, что он не мог долго держать голову навесу — то и дело упирался ими в песок. Из его розовой, широко раскрытой пасти временами нёсся раскатистый рёв.

Между моржих ползали светло-серые новорождённые малыши и коричневые годовалые моржата. Если на пути моржат попадалось какое-то препятствие, кто-нибудь из взрослых непременно помогал преодолеть его. Звуки, издаваемые молодняком, напоминали визг свиней и беканье оленят.

Животные, учуяв человека, беспокойно водили усами мордами из стороны в сторону. Чтобы не тревожить их, Корней спустился и дальше старался идти так, чтобы его не было видно моржам.

Избушка стояла на открытом всем ветрам бугре, в метрах сорока от речки, но для ночёвки она уже не была пригодна — в ней обвалился потолок. Горы наносного плавника подтверждали: люди здесь последние годы не появлялись.

Расстроенный скитник вернулся к упряжке. Накормив собак, поставил палатку. После чая отправился на мыс. Когда поднимался, мимо него промчался песец, преследуемый кайрами. Видимо, пытался полакомиться их птенцами.

Колония полярных чаек при появлении Корнея устроила невообразимый галдёж. В их криках помимо готовности защищать гнездо слышалось и предупреждение потомству.

Время от времени какая-нибудь мамаша подлетала и, издав истеричный вопль, возвращалась к гнезду, чтобы согнать кровососов, уже облепивших выводок. Мошка старались сесть на самое уязвимое место — нежную кожицу, обрамляющую глаза.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Птенцов гусей и журавлей спасал плотный пух, покрывающий глазницы. А вот птенцам других пернатых комары и мошка досаждали сильно. Рождаясь голыми и слепыми, они были совершенно беззащитны перед этими вездесущими вампирами. Крохотная мошка умудрялась проникать даже к птенцам, спрятавшимся под мамашами.

Полярные чайки обзаводятся потомством раньше других. Их птенцы уже обросли густым пухом и достигли размеров матери, только были ещё неуклюжи. Получив порцию пищи, жадно заглатывали её и, чтобы освободить кишечник для следующей кормёжки, пятясь задом к краю гнезда, выстреливали струйку помёта.

Побережье с мыса просматривалось далеко. В соседней бухте разглядел тушу выброшенного на берег моржа. Вокруг неё деловито копошились то ли песцы, то ли лисы. Дальше по побережью одна бухта сменялась другой, и все они были разделены отвесными утёсами.

«По берегу ехать не стоит. Лучше по тундре, в некотором удалении», — решил Корней.

В море появился и быстро пополз к побережью бугристый вал тумана. Скитник заторопился вниз. В окружавшем его молоке всё приобрело необычные формы и размеры. Одиночные камни представлялись скалами, валяющийся на берегу изогнутый сук — бивнем мамонта. Птицы угомонились и затаились в гнёздах. Тишину нарушало лишь глухое ворчание льда, выталкиваемого приливом.

Утро. Море по-прежнему в тумане. Сквозь него едва проступают лишь ближние недотаявшие льдины. А метрах в двухстах от берега тумана нет. Временами он пытается выползти в тундру, но тут же пугливо отступает. Выехав из «молока», Корней погнал собак по мшистой тропе к Чаунской губе.

Вдруг собаки напряглись и сбавили скорость. В чём дело? Ах, вон что — на тропе появились отпечатки громадных лап и парящие лепёшки медвежьего помёта. Вскоре стали видны и сами мед-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

веди. Они шли к морю. Заслышав лай собак, идущий последним оглянулся. Решив, что упряжка не представляет для них угрозы, продолжил путь. А скитник наконец-то смог разглядеть их.

— Почему этих громил называют медведями? — недоумевал он. — Голова и шея гораздо длиннее, плечи покатые, шерсть почти белая, туловище вытянутое. Мало что общего с бурым.

Ближе к вечеру впереди замаячили кресты. Корней обрадовался: «Похоже, погост. Судя по узким шалашикам сверху, старообрядческий».

Проехав ещё немного, увидел на пригорке приземистую избу. Рядом беленькая щелястая будочка на четырёх стойках и радиомачта — метеостанция. На лесенке, засунув голову в эту будочку, стоял человек. Услышав собак, он выглянул. Увидев подъезжающую упряжку, спрыгнул и радостно замахал руками.

Человек оказался молодым парнем в очках, с нежным пушком на верхней губе. Было заметно, что он очень истосковался по людям.

— Меня Яшей зовут. Я тут один. Напарника санрейсом эвакуировали — аппендицит лопнул, — торопливо, словно боясь, что Корней не дослушает и уедет, докладывал он. — Ничего — справляюсь. Нас вообще-то четверо должно работать, но людей пока нет. Зато за совмещение доплату получаю. Мне здесь нравится. Дом, хоть и старьё, тёплый, дров немного надо. Охочусь, рыбачу понемногу, — тараторил он. — Как здорово, что вы пришли именно сегодня. У меня такая вкусная уха получилась! Пойдёмте, пойдёмте, попробуйте!

Он схватил Корней за рукав и потянул в дом.

Свет из окна освещал сколоченный из толстых плах стол и стоящую на нём радиостанцию: серый металлический ящик с ручками и стрелками приборов. Такой же был в радиорубке у Василия на «Арктике». С его помощью специальным ключом передают на большие расстояния особые сигналы, которые на другом конце преобразуют в слова.

— Вы раздевайтесь, мойте руки. Вон там, за занавеской. А мне сводку срочно отстучать надо.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

У печки ещё один стол и полка. На ней чисто вымытые алюминиевые миски, эмалированные кружки, пачки галет, чая, мешочек с комковым сахаром. На стене барометр, часы. Рядом портреты бородатых, уже знакомых Корнею по пароходу, людей и вырезанная, видимо, из журнала, белокурая красавица. На другой стене, над кроватями, полки с книгами. Среди них бросились в глаза четыре старинные в кожаных, тиснённых позолотой, переплётах. Корней обомлел:

— Яша, откуда это у тебя?

— На чердаке нашёл, там много всяких. Эти больно красивые.

Скитник осторожно взял в руки ту, что с медными застёжками. Это был сборник духовных стихов на старославянском, с крюковой нотацией для правильного запева. Полистав, прочёл вслух стих о горе Афон.

— Вы старославянский знаете?! — удивился Яша.

— С малых лет обучен.

Между страниц выглядывала закладка — пожелтевший газетный листок. Это был Манифест Николая II о веротерпимости и Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, узаконивший в правах старообрядчество.

— Ой! Вы же голодны. Зазвал на уху, а сам только языком молочу.

Когда сели за стол, Корней поинтересовался:

— Яша, тут рядом погост. Деревня ж должна быть.

— Так за ручьём. Неужели не видели? Только она нежилая. Все ещё до войны на Аляску сбежали. Там только один-единственный старик живёт, да и тот с прибабахом. Вредный, нелюдимый... Приходил недавно. Попросил, если дыма из трубы два дня не будет, прийти похоронить. Домовину, говорит, приготовил.

— Мне бы с ним встретиться. Как его найти?

— Да вы ешьте, ешьте! Поедим, покажу...

Выйдя, свернули за угол дома. Внизу вытянулись вдоль берега два ряда тёмно-серых двускатных крыш с крытыми дворами и поветями.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Видите, справа дымок вьётся? Это из его трубы. Только сомневаюсь, что он откроет. Через забор разговаривает. Даже во двор не пускает.

— Меня, думаю, пустит.

Переночевав у Яши, Корней поехал к старику. Накрапывал мелкий дождь. Брошенные дома уныло чернели сырыми стенами и закрытыми ставнями. Тесовые крыши уже позеленели от мха. Немым укором торчала часовенка. На заросшей улице натоптана тропка в сторону моря — единственный намёк на присутствие человека. Она-то и привела к избе старика. Изба была внушительных размеров. На фасаде четыре наглухо закрытых ставнями окна, обрамлённых резными наличниками со следами голубой краски.

Корней постучал кованым кольцом в массивные шатровые ворота с калиткой. Тишина. Ещё раз, посильней. Послышались шаги. Что-то скрипнуло. Раздался кашель, затем простуженный голос просипел:

— Кого Господь дарует?

— Брат по вере с Алдана.

Громыхнул засов, калитка, скрипя петлями, приоткрылась. В щели показалось благообразное, морщинистое лицо. Окладистая, на всю грудь борода была так густа и бела, что напоминала ком снега.

Рослый, сухопарый дед, по годам явно старше Корнея, вперил взгляд в гостя.

— Пошто пожаловал?

— Да вот с Алдана на Чукотку иду. Узнал, что тут одноверцы проживают, зашёл. Корней снял шапку и поклонился в пояс.

— Коли свой и с добром, заходи... Поясок, вижу, на месте. Не обманул. Как тебя, раб Божий, величать?

— Корней.

— Евсей, — представился дед, оправляя низко подпоясанную косоворотку.

В крытом наглухо дворе царила идеальная чистота. В сенях от кадушки вкусно пахло солёными грибами.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Зайдя в дом, Корней перекрестился на божницу с образами, подсвеченными колеблющимся язычком пламени лампадки, и с интересом оглядел жилище. Большое снаружи, внутри оно оказалось совсем маленьким. Хозяин, заметив его удивление, пояснил:

— Пошто отапливать всю хоромину? Вот и перегородил. Много ли мне одному надобно?

Добрую половину отгороженной горницы занимала белёная печь, вернее, печище, остальное — лежанка, стол, лавка и несколько приставленных друг к другу сундуков. Освещалась она помимо света из бокового окна светильником, представляющим собой подвешенную у дальней стенки узкую металлическую ёмкость, заполненную жиром. Роль фитиля исполнял кусок пеньковой верёвки.

Под потолком на крючьях мешочки продуктами. В Божьем углу кроме писанного на доске лика Христа образа святых Николы-Угодника, Архангела Гавриила и Георгия Победоносца. На полке книги. На стене несколько чёрно-белых открыток с изображением царской семьи.

— Седай, похарчуется. Сёдня веть великий праздник — Святая Троица. Пирожки с брусёной да клюквой вместе с хлебами вчерась напёк... Спробуй. Я покуда огонь для печи добуду.

Евсей положил на оббитый жостью пол дощечку с обугленным углублением. К нему сбоку шла прорезь. Уперев в лунку длинную круглую палочку, он быстро-быстро закрутил её ладонями. Через полминуты появился дымок и заалела искра. Дед подложил мох и стал дуть, пока он не загорелся. Запалив смолистую щепу, растопил уже запроваленную дровами печь. Всё это заняло пару минут. Уж на что Корней бывалый таёжник, но и он не смог скрыть восхищения.

— Ловко у вас получается.

— Я навичный.

— С кресалом-то проще и быстрее.

— Согласен. Однакось с него огонь не такой живой. С моего печка жарче горит, и угли опосля дольше тлеют. А хлеб неделями не черствеет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Когда косматые языки пламени объяли поленья, Корнею почудилось, что они торопливо и горячо рассказывают ему про те времена, когда через здешнее безлюдье шли к окраинным землям бесстрашные служивые и промышленные. И так хорошо стало ему от того, что он спустя столетия повторяет их путь.

— В каких землях твой Алдан? — любопытствовал Евсей.

— Про реку Лена слышали?

— Слышал. Большая, говорят.

— Наш Алдан её самый крупный приток.

— И сколь до селя будет вёрст?

— Пожалуй тысячи две.

— Ого, далече! И за какой такой надобностью стока сюды рысогонил?

— С детства мечтал на океан глянуть, а как про Русскую Аляску в книгах прочитал, так и на Чукотку потянуло. С неё, говорят, ту Аляску видно.

— И што все по енттой Аляске с ума сходят? Мёдом она мазана, што ль? Вон и наше поселье, как к колхозам принуждать стали, всё туды ушло.

— Моя дочь единственная тоже там с недавних пор.

— Как же её с Алдана ажно на Аляску угораздило?

— Пути Господни неисповедимы. В Маньчжурию с мужем уехала. Когда китайцы нашего брата выселять стали, так тоже всей общиной туда перебрались.

— А я за свой век ни разу родной угол не оставил.

— Село-то, похоже, богатое было. Избы вона какие большие да крепкие.

— То правда. Оно веть одно из самых стародавних. Как вышел указ батюшки-царя отпустить вины тем, хто радение проявит в освоении незнакомых восточных рек и новых землиц богатых мягкой рухлядью, так наши сюды и подались. Прежде-то да, жизня тут кипела... Кажись совсем недавно, а сколь уж годов минуло! Матушка верно рекла: «в детстве время тягушно идёт, ровно в гору подымается, а стоит сороковик перевалить, так года, будто с горы на санках, мчатся».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Согласен... Евсей, все ушли, а вы что ж остались?

— Вишь ли, матушка ни в какую. Мне, говорит, через день-два помирать. Здесь родилась, здесь и в землю лягу. Парализованная — не бросишь. А сыны собрались. Да така беда случилась, что и не помыслишь... Оба в мыльне в самый раз за день до отплытия на ту Аляску угорели. Напоследок попариться пошли, да не доглядели — угли не все стлели, а оне выюшку закрыли... Ожениться даже не успели... А моя ишо до того утопла. С матушкой ребят ростили. Уж она горевала, так горевала... думал, умом тронется. Ан нет, крепка оказалась. Я с ей почитай годов семь маялся. Никак Господь не прибирал. Меня, видать, испытывал. Ох и намучились, што она, што я. Царствие ей небесное, — перекрестился Евсей. — Рядом с тятей и сынами схоронил.

— В Святом Писании сказано: кто почитает своих предков, тот счастливый и долголетний на земле будет.

— Хорошо бы, коли так. Мне веть ишо вон тот скрытень надбно учёным людям пристроить. — Евсей махнул рукой на сундук из потемневших досок. — Тама вся гистория. Наказные грамоты от якутского воеводы, отписки сотника, скаски, челобитные, старые карты... Отцы радели, собирали. Вот послухай. — Евсей открыл сундук, порылся там и достал пожелтевший листок. — Енто прошение от 1827 года:

«В нонешном годе в районе нашего поселья имело место частое появление лихого люда, что наводит на население панику. Посему честь имею почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство по приговору схода разрешить нам приобрести из казённого склада четыре нарезных штуцера с 200 патронами для самообороны по цене, означенной в циркуляре».

— Занимательный документ. Выходит, немирно тут было, коли сами себя защищали.

— Што ты хошь, повсюду варнаки шныряют, а до уезда 300 вёрст. Не во всякий год пристав добирался... А вот ишо любопытная бумага в защиту чукчей:

«Бунтовщиками называть непримирённый народ полагаю несправедливым. С оных чукчей, естли впредь с ними дело иметь

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и приводить их в верное подданство, надобно не живым манером, а великою терпеливостью обращаться. Не требовать от них никаких аманатов, ясаку, а ласкать и показывать дружество в дарах и пище...»

— Известное дело, по-доброму завсегда легче договориться, — согласился скитник.

Евсей, обрадованный появлением собеседника поделился своими не дающими ему покоя думами.

— Меня, Корней, што удручает? Вот помру, это богатство сгинет... А вон в том скрытне ишо матушкино хозяйство: самопрялка, нитки, челноки для холста, гребни, напёрстки, навой¹. Она хоть и не ходила, а рукодельничала до последнего дня. Без дела не могла... Ни в разум кому всё енто передать.

— Неужто совсем некому?

— В том-то и беда, што некому. На мне ить родова кончается. — Евсей поник седой головой, но через некоторое время снова заговорил. — Тако всегда: одним пирожки и пышки, а другим синяки и шишки. Видать, грехи за родом большие. Никак не искупим.

— Все мы грешники... Евсей, а может, вам всё это в музей передать?

— Сказать по правде, была тут икспедиция с Якуцка. С виду доже книжные, а сами всё коряков промеж собой матерно хаяли — оне по Камчатке до того ходили. Просили энти документы, однакось я не решился. Счас корю — пошто не сговорился... Скока лет, скока событий усяких за таки века тута скоплено. Тута не токо отписки и челобитные, есть даже книги ясачного сбора. Большая польза учёным была бы... Вот ишо интересный документ. — Евсей подал свиток Манифеста Екатерины Великой от 1763 года.

Корней осторожно развернул бумагу.

«Монаршим нашим словом обнадёживаем, что все наши подвластные ясачные содержаны будут в желаемом спокойствии, почему Мы всем нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброт-

¹ Навой — катушка для навития нитей основы.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ство, не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительства, но ниже малейших убытков...

Сей наш манифест опубликовать во всенародное известие.

Божиею Милостью Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская».

— Какое радение императрицы о благе Отечества! — только и промолвил Корней, возвращая Манифест.

— Я чего тревожусь? Здоровья не стало. Помру, и всё это богатство сгинет... Ноги совсем остудились. Никак не согреваются. Чёзонки даже на ночь не снимаю. Похоже, на погост пора. Смертную одёжу загодя приготовил. В домовину сложил, штоб не искали. Токо хто схоронит?

— Погодная станция рядом. Там люди.

— Ладно бы хоть щепотники, а то ить непутящие нехристи и мнят из себя умников. Рыло скоблят. Не поймёшь мужик аль баба! Стыдобища! Закопать-то закопают — надысь обещали, дак без отпевания. Господь ить не примет.

— Причастить, исповедовать и я могу.

Евсей просиял:

— Уж сделай милость. Так вон пошто Господь тебя ко мне направил! Таперича и помирать не страшно.

— А насчёт бумаг попросите Яшу радировать властям, что вы готовы передать всё это в музей. У него каждый день связь с Большой землёй. Думаю, прилетят.

— Я ить и сам вдругорядь так мыслил. Смуцало, што безбожники оне, но я ить не им буду передавать, а книжным людям.

Повеселевший дед встал, подошёл к табуретке, на которой стояло что-то квадратное, укрытое тканью. Сняв её, взял старенькую хромку¹. Перебирая кнопочки узловатыми пальцами, проиграл одну мелодию, другую и наконец запел:

— Ох ты, гармошка-разливуха,

Ох, не пройдёшь ты тихо-глухо...

¹ Хромка — популярная русская двухрядная гармошка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Тепло и приятно сделалась Корнею от переливов гармонии и озорных слов. Он почувствовал себя дома, во Впадине.

Отставив двухрядку, Евсей замолчал, задумчиво процеживая пятернёй бороду.

Корней смотрел на него, и чувство уважения к этому одинокому старику с каждой минутой росло. Живя в глухомани, переживает не за своё здоровье и пропитание, а за сохранность документов истории государства Российского. Ему захотелось обнять стойкого одноверца, не бросившего свой родной обезлюдивший угол. Расчувствовавшись, набрался смелости и впервые прочитал ему своё стихотворение:

Когда вера процветала
И любовь жила в сердцах,
Всюду истина блистала,
Был в народе Божий страх.
Ныне люди токо знают
Посмеяться старине,
Звёзды на небе считают,
Царство видят на луне...

— Складно у тебя выходит. Всё верно, вера ослабла, оттого и беды, — откликнулся Евсей. Глянув в оконце, удивился: — Дождь-то разошёлся. А то думаю, што так вдруг стемнело.

Пересев к печке, он нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил в дополнение к жирнику сначала одну, потом, для лучшего света, вторую и воткнул их в банку с песком. Радужный венчик заплясал вокруг каждого язычка пламени.

— Коли на Чукотский Нос собрался, тебе к Чаунской губе, выходит, надобно. Документы какие есть?

— Есть, справка.

— Енто хорошо. Тама с энтим строго. Варнаков беглых ловят. Ежели хто поспособствует поимке, тому премия — ружьё с огнеприпасами. А у тебя лопотьё истрёпано и вид озверелый. Сразу

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

приметят... Слухай, оставайся-ка у меня. С пропитанием тута лепо, сами себе хозяйвы. Не хошь со мной, заселяй любую избу.

— Спаси Христос! Хорошо у вас, но я на Чукотку хочю.

— Тогда по Змейке ехай. В её устье посёлок стоит. Там Никиту спроси — односелец наш. Он с моими робятами дружил. Хоть и отщепенец — в жёны взял не из наших, но угодительный. По старой памяти мне пособляет. Речешь, што от меня. С виду он не очень, но в делах толковый. Енто он муку да крупы мне каждый год везёт... Он подсобит до Певека добраться.

— Спаси Христос! Не устаю благодарить Вышняго: всегда приветистых, с открытой душой людей шлёт.

— Дык гнилые тута не задерживаются. Север не приемлет.

Сделав паузу, Евсей добавил: — Хороших Господь тебе пошто шлёт? Сам душой чист и в вере стоек, вот и благоволит... Слухай, чтой-то опять исть захотелось. Вдвоём завсегда весельше. Давай маненько утробу побалуем.

Дед, кряхтя, поднялся, расправил спину и, прихрамывая, зашаркал к двери. Принеся с ледника чира, настрогал полную чашу розово-жёлтых завитков и слегка посолил.

— Ох и вкуса! Царь-рыба! Отъелся на комариках.

— Да уж! Ум съешь! — подтвердил Корней.

После рыбы долго пили, шумно прихлёбывая из чашек с полуйстёртыми иероглифами чай с протёртой голубикой. И до того им было хорошо, что казалось, в избе посветлело.

Сон после такого ужина был особенно крепким.

Наутро истопили баню. Помылись и, став перед образами, по очереди причастились. После чего Корней исповедовал старика...

Погостевав ещё пару дней, Корней с чувством исполненного долга продолжил путь.

* * *

Змейка, меланхолично петляя между моховых болот, то и дело рассыпалась на прозрачные озерца. Вокруг кипела жизнь. Вон из травы выскочил с истошным криком линялый гусь. Прыгая по

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

воде, он ошалело махал куцыми крыльями. За ним с тьяваньем неслась лиса. Сгоряча забежала было в воду, но тут же возвратилась, а увидев собак, юркнула за кочки.

Чтобы не мокнуть и не вязнуть в топях, Корней старался вести упряжку по гривкам. Иногда всё же приходилось съезжать в низины — другого пути просто не было. Травянистый покров колыхался, прогибался со всеми растущими на её поверхности растениями, но это не останавливало путника — знал, что неопасно — ниже вечный лёд.

Под вечер второго дня Корней достиг гривы, тянущейся вдоль побережья. Начинаясь она с изъеденного прибором мыса. Оставив собак внизу, полез на него по ступеням охристого плиточника, чтобы оглядеться. Наверху на сравнительно ровной площадке лежал поваленный, по всей видимости, ветром, почерневший от времени крест. Его венчал широкий шатёр, отчасти повреждённый при падении. Крест лежал, словно упавший навзничь и раскинувший руки человек.

На поперечинах, покрытых резьбой и вырезанными буквами, с трудом разобрал несколько слов и понял, что это охранная молитва путешественников.

Оставить лежать крест скитник не мог. Поднять, поднатужившись, он ещё сумеет, но как сделать, чтобы он вновь не упал? Оглядев площадку, обратил внимание на большую глыбу. Прекрасная опора! Подтянув крест, поднял и упёр об неё. После чего обложил основание камнями.

— Ура! Стоит!

Для верности натаскал ещё камней. Только после этого осмотрелся. За широкой полосой открытой воды сплошные поля льда. Похоже, это и есть Чаунская губа. На некоторых льдинах тёмные точки. Видимо, тюлени. Возле устья Змейки угадывались квадратики домов. До них оставалось километров пятнадцать. Это обрадовало Корнея — наконец-то можно будет ехать посуху. «Переночую-ка здесь», — решил скитник, уставший от возни с крестом.

Из-за угловатых, ещё не приглаженных дождями и ветром камней выбежал заяц. Пощипывая на ходу траву, он прибли-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

зился к неподвижно стоящему человеку почти вплотную. Корней свистнул — косо́й на мгновение оцепенел, а потом подпрыгнул и, развернувшись прямо в воздухе, дал стрекоча.

На небе ни облачка, тем не менее Корней не поленился, поставил палатку — Заполярье приучило не доверять погоде. И не ошибся: на бледной лазури появились веретенообразные облака. И, хотя вокруг продолжали царить покой и тишина, он знал, что означает их появление. Вряд ли на Севере существует более верный признак резкой смены погоды, чем они.

По морю уже ходила беспокойная зыбь. Волнение с каждой минутой нарастало. И вот льдины, взлетая на гребни волн, сталкиваются, с треском ломают друг друга; погружаются в пучину и вновь выныривают. Рокот прибоя не давал спать всю ночь.

Задолго до рассвета полил холодный дождь. Когда он ослабел до мороси, Корней свернул лагерь и погнал упряжку к посёлку. Оббитые металлической лентой полозья скользили по мокрой траве, как по маслу. На берегу, среди обломков льда, заметил непонятные предметы разного цвета. Подъехав ближе, понял, что это токи тканей, частично присыпанные песком. Похоже, во время шторма с палубы судна смыло плохо закреплённый груз.

Впереди показался человек. Увидев упряжку, он повернулся и быстро скрылся за бугром.

«Видать, пришёл за «морским подношением» и испугался», — подумал скитник.

ДОНОС. СТАРАТЕЛИ. КАМЕННЫЕ ЮКАГИРЫ

Первый человек, которого Корней встретил в посёлке, как ни странно, оказался соседом Никиты. Он и объяснил, как пройти к его дому. Человек этот не понравился Корнею. Что-то в нём было неприятное. Постное лицо, невыразительные рыбы глаза, подобострастная улыбка отталкивали.

Никита, невысокий, щуплый, востроносый, с рыжей, всклокоченной бородёнкой мужичок, узнав, от кого гость, на скорую

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

руку собрал на стол и усадил Корнея отведать жареной рыбки, на ходу поясняя:

— Жена в Певеке. Уехала к внукам. В сентябре ей уж не отлучиться — в школе учительствует. Вы уж не обессудьте, сам домовничаю.

Услышав, что Корней идёт на Чукотку, поинтересовался:

— А документы имеются?

— Есть справка с печатями с тех мест, где проходил.

— Слава богу. Милиция во всю шмонает — наемни трое зеков сбежало. А у вас вид больно истрёпанный. Вы как меня нашли?

— Твой сосед растолковал.

— Понятно. Будем ждать гостей, — усмехнулся Никита.

— Каких гостей?

— Да он наверняка особистов приведёт. Осип только с виду добряк, на самом деле поганец редкий. У него вместо совести дырка от баранки.

И точно, вскоре в дверь постучали. Пришёл Осип вроде как за жменькой соли, а сам всё Корнея спрашивает: какими судьбами, куда путь держит. Следом подоспел и особист. Глянув на скитника коротким, запоминающим взглядом, задал несколько вопросов. А внимательно изучив справку, попросил задрать обе штанины. Убедившись, что Корней действительно одноногий и уже столько прошёл, чтобы сгладить неловкость, предложил:

— Корней Елисеевич, через три дня мы с начальником на катере в Певек идём. Можем взять. А там отправим ближайшим судном до Уэлена.

— Благодарю, товарищ лейтенант. Я подумаю.

Корней, утомлённый дорогой, поначалу загорелся было возможностью так быстро попасть на Чукотку, но уже на следующий день засомневался: «Что же получается? В самом конце пути на поблажку соблазнился. Нет уж! Буду добираться своим ходом», — решил он и сразу почувствовал облегчение.

— Корней Елисеевич, вы всё же известите особистов, что не поедете, а то некрасиво получится. Они в гостевом доме живут, — посоветовал Никита.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Ты прав. Схожу... Как думаешь, за сколько можно на собаках добраться до Чукотского Носа?

— Троп по побережью почти нет. Мы ж летом по воде, а зимой — где по снегу, где по льду. Так что месяца два, а то и три уйдёт — реки могут задержать. Ведь сейчас в горах самый разгар таяния, а ежели ещё и дожди зарядят, их вброд не одолеть.

— Выходит, до прихода «Арктики» не успею.

— А когда «Арктика» там будет?

— Капитан говорил, в середине июля.

— Нее-еет, за такой срок никак. Ежели только с особистами до Певека.

— Хочу всё же своим ходом... Раз не успеваю, торопиться смысла нет. В горы уйду. Порыбачу, поохочусь, собак откормлю. А зимой по снегу двинусь.

— Зачем куда-то идти? У меня живите. У нас рыбалка тоже хорошая.

— Спаси Христос, Никита! В посёлке мне худо — людей много. Я горы, волю люблю.

— Ну, тогда вам к каменным юагирам¹. У меня там есть надёжный человек. Иваном зовут. Он нарты у меня всегда берёт. Говорит, мои самые прочные и лёгкие. Иван обрадуется. Ему помощники нужны. Стадо большое, а дети разъехались.

— А что? Отличная идея! Я ведь оленей с детства обучен смотреть.

Лейтенант встретил Корнея радушно:

— Пойдёмте, я вас к начальнику отведу. Он хотел познакомиться.

— Товарищ капитан, разрешите?

— Заходи, заходи, — произнёс грузный офицер, с до блеска выбритой головой.

— Вот он, наш одноногий герой. Вчера о нём докладывал.

¹ Каменные юагиры — юагиры, живущие в горах. Они невысокого роста, смуглые. Волосы прямые чёрные, глаза карие. Занимаются оленеводством и охотой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Капитан, с любопытством глянув на обтрёпанного, обросшего человека, вдруг переменялся в лице:

— Не может быть! Дядя Корней, неужто вы?

А когда тот в ответ растерянно улыбнулся — сомнений не осталось. Офицер выскочил из-за стола и бросился обнимать странника:

— Какими судьбами? Почему вдруг одноногий? Меня-то узнаёте?

— Почто ж не узнать вас — Игорь. А ноги из-за гангрены лишился.

— Дядя Корней, расскажите поподробней, как вы здесь оказались, а вы, товарищ лейтенант, организуйте чайку и что-нибудь перекусить на двоих.

— Слушаюсь!

Когда лейтенант вышел, Игорь негромко пояснил:

— Дядя Корней, я теперь по документам Шорников Игорь Петрович, сын умершего дорожного рабочего. Про скит и монастырь ни слова.

— Понял. Мы ж помалкивать с малых лет приучены.

За чаем просидели часа два. Игорь внимательно слушал, расспрашивал. Удивлялся удачным стечениям обстоятельств в критических ситуациях.

— Товарищ капитан, я ведь по делу. Лейтенант обмолвился, что можно с вами до Певека, а там на пароход. Благодарствую, но хочу сам пройти, по-честному. Как Травин — своим ходом.

— Слышал про такого. Геройский мужик! Ну что ж, отговаривать не буду, воля ваша. Давайте хотя бы письмо дам, чтобы оградить от лишних проверок.

— А на Чукотке оно будет действовать?

— Не беспокойтесь, Шорникова и там знают.

— Может, и печать на мою справку о том, что был здесь, поставите?

— Поставлю, ведь на самом деле был... Корней Елисеевич, обратно-то как думаете?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Уговор у меня с капитаном «Арктики». Он каждый год на северном завозе. Буду ждать его в июле в Уэлене либо Лаврентии.

— А успеете ко времени добраться туда?

— Так я и не мыслю этим летом. На следующее рассчитываю. До морозов с юкагирами покочую. Во мне ведь течёт кровь кочевников. А как снег ляжет, так двинусь.

— А жить-то целый год на что будете?

— Да много ли мне надо! Охота, рыбалка кормят.

— Это понятно, но на всякий случай давайте я вам немного денег дам. И не вздумайте отказываться. Могут пригодиться.

* * *

— Ну что, поговорили? — поднялся навстречу Корнею Никита.

— Поговорили. Очень даже хорошо поговорили. Бумагу дали. — Он протянул листок Никите.

На бланке с круглой печатью было написано:

«Товарищ Кузовкин Корней Елисеевич совершает рекордный одиночный переход с реки Алдан до Чукотского Носа. Просьба органам власти оказывать ему максимальное содействие.

Старший уполномоченный Певекского района капитан И.П. Шорников».

Никита ахнул:

— Ничего себе! Сам Шорников подписал!

Вернув Корнею бумагу, он повернулся в сторону соседского дома и скрутил фигу:

— Накося, получи ружьишко! За это не грех выпить. — И довольный Никита выбежал в сени...

На следующий день, когда Корней собирался к юкагирам, Никита критически оглядел его.

— Одежа ещё ничего, а вот торбаса совсем худые. У меня кирзухи есть. Геологи новые получили, списанными со мной рассчитались. Хоть и ношенные, но ишо крепкие. Пойдемте, померим.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Сапоги оказались в пору, правда, для протеза верх голенища пришлось разрезать — не налезал.

— На зиму советую стельки из бересты сделать. Их никакой мороз не прошибает.

* * *

Чем ближе горы, тем меньше озёр. Лиственницы и берёзки в этих местах уже довольно высокие и прямоствольные.

Легче всего ехалось по заросшим травой галечным берегам речушек, сбегавших с гор. На одном из обрывистых берегов глинистый отвал резко выделялся. Уже подъезжая, Корней разглядел шерсть какого-то животного.

«Медведь, что ли? Да нет, шерсть больно длинная. Может, мамонт? Говорят, их тут много было».

Достав топорик, он надсёк шкуру. Промороженное мясо выглядело свежим, только пахло землёй.

Вырубив несколько кусков мякоти с непривычно толстыми волокнами мышц, бросил их собакам. Те, понюхав, съели и, повизгивая, усталились на аппетитно краснеющий бок. Пришлось вырубить ещё по порции.

На второй день собаки неожиданно прибавили прыти. «Неспроста», — подумал скитник и принял себя. Как оказалось, не зря — ветерок донёс запах дыма. У весело звеневшей речушки скитник разглядел двух бородатых мужиков. Более рослый, стоя по колено в воде, сноровисто покачивал лоток: промывал песок с галькой. Второй, поменьше ростом крепыш лет пятидесяти, возился у костра. Оба в линялых брезентовых куртках, засаленных штанах.

— Доброго здравия! Бог в помощь! — поприветствовал Корней, слезая с нарты.

Крепыш, оглядывая неожиданного гостя, молча кивнул, указывая рукой место напротив себя. Скитника это не удивило. Он уже заметил, что на Севере люди немногословны. Чтобы расшевелить молчуна, Корней посочувствовал: — Тяжело, похоже, рыжуха даётся... Есть ли резон так надрываться?

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Можга, и нет, да азарт не отпускает, — прогундосил старатель. — Каждый раз думаешь — брошу ко всем чертям, и тут же — а вдруг завтра самородок с кулак али ещё хлеще — золоторудное гнездо? Так и золотаришь с надеждой.

Старательский сезон на Севере скоротечен — три месяца. За это время лоточник в среднем намывает килограмма два. Работа каторжная: впроголодь, в ледяной воде, в тучах беспощадного гнуса, с ночёвками в тесной, холодной палатке. И не столь уж велик заработок. Но старатели — особая порода людей, поскольку всегда надеются на чудо.

Вода в чёрном от копоти чайнике забурлила, зафыркала на пламя струёй кипятка. Старатель не спеша сдвинул его в сторону от огня и, открыв крышку, сыпанул жменью сбора из листочков брусники и клюквы.

— Петро, антракт! Чай поспел.

Подойдя к костру, коренастый бородач стянул распухшими руками бродни и пристроил застывшие в ледяной воде ноги поближе к огню.

— Откель, дед, тропу тянешь? — поинтересовался он.

— Про реку Алдан слышал?

— Угу!

— Оттуда и тяну.

— Издалека, однако! А в тутошних местах чё потерял? Алдан-то пофартовой будет и старательский сезон подлиньше.

— Не старатель я. На Студёное море захотелось посмотреть.

— Хм! Чудак, чё на него смотреть? Вода как вода. Ничего особенного. Разве что солёная да холодная.

Так потихоньку разговорились.

— Мужики, где-то тут юагиры стоят. Не подскажете? Мне к ним надо.

— Так их в округе много. Кто тебе нужён?

— Иван.

— Повезло тебе, дед. Он совсем рядом, на этом же ключе, километра два вверх.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Въехав на взгорок, Корней обнаружил лишь закопчённые валуны да камни по кругу — прежде они висели на ремнях поверх шкур и удерживали их при ветре. На одном из валунов лежал свежий, дочиستا очищенный от мяса и жёлтый от жира череп оленя. Он был направлен носом к восходу — знак того, что душе оленя люди желают добра и света.

Примятая нартами трава указывала, в каком направлении откочевала семья. Поскольку полуночное солнце давно катилось вдоль горизонта, скитник тут и встал на ночёвку. Поспав при незаходящем светиле около пяти часов, Корней двинулся дальше по следам кочевников.

Конусообразный, с рогатый макушкой, чум стоял на мыске у слияния двух ручьёв. Тут же грузовые нарты с нюками (оленьими шкурами) и жердями для чума.

Навстречу выбежали, захлёбываясь лаем, небольшие остро-мордые собачки. Все чёрно-белой масти.

Загорелый сухощавый юкагир, узнав, что гость от Никиты, принял его радушно.

— Так вы тот одноногий, что идёт на Чукотку?

Корней засмеялся:

— Похоже, мне можно не представляться. У вас новости бегут впереди упряжки... Думал нынче выехать на Чукотский Нос, но не успеваю к пароходу. Поэтому решил до зимы в ваших горах пожить.

— Ты настоящий юкагир, — обрадовался Иван. — Оставайтесь у меня. Оленей будем вместе пасти, вкусно кушать.

— Я и сам хотел попроситься к вам до снега. Никита сказал, что вам помощники нужны.

— Ой! Хорошо! Очень хорошо! Жена, слышишь? К нам помощник сам пришёл, искать не надо.

— Стало быть, я вовремя.

— Очень вовремя! Спасибо Никите, хороший человек. Всегда помогает.

Стадо большое — помощь очень надо. Сыновья есть, а стадо пасти некому. Один уехал на край земли учиться железные нарты

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

делать. Зачем юкагиру железные? Деревянные легче. Другого в какой-то лагерь для умных на всё лето взяли. Вот скажи, чему юкагира там научат? Оленей пасти? Чум ставить? Маут бросать? Это что, хорошо? Нет, брат, юкагиру у тундры учиться надо. — Иван, всё более горячась, продолжал: — Тундра нас кормит, одевает. Бумага не кормит... Младший говорит «земля шар, как яйцо куропатки». Вот чему их учат! Я ему — ты что, слепой? Тундра, сколько едешь, ровная. Как вода на шаре будет? Выльется!

Жена Ивана, Валентина, тем временем поставила перед ними доску с горой варёной и подвяленной на солнце оленины и две кружки дымящегося бульона с мелко нарубленным диким луком.

Юкагир принялся с удовольствием, аппетитно причмокивая, есть. Корней присоединился. Ел и всё поглядывал на три винчестера, висящих на сучках стойки.

— Иван, зачем тебе столько ружей?

— Эээ! От отца остались. Раньше сюда всё с Аляски везли. Продадут винчестер, а патронов одна коробка. Говорили, следующим летом ещё везём. Привозили другой калибр. Ошибка, говорили. Отец новый винчестер брал. Старый не бросал. Красивый, жалко. Другой год так же. Отец плюнул — на лук перешёл. Сам из креня¹ делал.

— Мой дядя тоже с луком охотился. С ним сподручней и шума нет.

— Долго сидим. Оленей смотреть пора, — встрепенулся Иван.

— Так пошли.

Походка у оленевода была стремительная, как у всех кочевников. Корней с трудом поспевал за ним. К счастью, стадо паслось недалеко. Измученные паутами олени, чтобы избавиться от них, то и дело катались по траве. Когда Иван оживил дымокуры, животные сразу потянулись под их защиту.

¹ Крень — обращённая к югу смолистая часть ствола лиственницы. Благодаря её крепости и гибкости у таких луков резкий бой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Иван, периодически обходя стадо, время от времени негромко посвистывал и покрикивал.

— Пусть волки знают, что не спим.

С десятков животных, следуя за рогачом, отделились от стада. На крики Ивана не реагировали. Тогда он спустил с привязи своих оленогонных собак. Как только те стали приближаться к беглецам, олени послушно повернули обратно.

Около трёх часов ночи юкагир вдруг выбрался из-под марлевого полога. Привычные глаза юкагира заметили на косогоре лохматого зверя, похожего на медвежонка, — росомаха! Двигаясь челноком, подобно легавой в поиске, она приближалась какими-то неловкими боковыми прыжками к ничего не подозревающей оленухе. Лайки частыми махами понеслись наперерез, оглашая окрестность напористым лаем. Однако незваная гостья и не думала отступать.

Бросившийся на неё передний пёс тут же с визгом отскочил и начал ожесточённо тереться мордой о траву, а росомаха, пролаяв, как лис, только поглубже, неторопливыми прыжками ушла вверх по косогору в чахлый ельник.

Иван стрельнул вдогонку и, сердито выкрикивая что-то на гортанном наречии, совмещающем юкагирские слова с русскими, погрозил кулаком:

— Я тебя не трогал! Зачем моих оленей трогать хочешь? Ещё придёшь — шапкой станешь.

Тундра в этих местах была богата не только ягелем и грибами (олени их очень любят), но и ягодами. Особенно много тесно прижавшихся друг к другу кустиков шикши. Её листья напоминают хвоинки, а чёрные ягоды хорошо утоляют жажду. Кроме того, их используют для окрашивания домотканого полотна и кожи в красивый вишнёво-красный цвет. Это скромное растение помогает и при многих болезнях.

Голубика пока не поспела, а у брусники боковинки ягод лишь едва подпало, большинство вообще зелёные. Созрела лишь янтарная морошка, и Корней, собирая лекарственные травы, то и дело присаживался полакомиться ею.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

В один из дней, когда была его очередь присматривать за стадом, он, обнаружив рядом с ручьём желтовато-оранжевую от обилия морошки прогалину, принялся обирать кустик за кустиком. Чтобы в полной мере насладиться этой сочной кисло-сладкой ягодой, бросал её в рот пригоршнями. Особенно много её было на бугре. Направившись туда, Корней свалился в скрытую травой траншею. В её конце что-то темнело. Подойдя ближе, обнаружил обомшелый дверной проём в полуземлянку. Дверь уже иструхлявилась и лежала на земле. Перешагнув через неё, Корней заглянул внутрь. Когда глаза привыкли к полумраку, разглядел нары, столик между ними.

На одной из полок лежали шомпол, мерки для пороха, колуп для литья пуль, точильный брусок. На другой — мешочек с огневым припасом, стопка одежды, правда, уже изрядно погрызенная мышами, табак в свинцовой упаковке, красочные консервы с нерусскими надписями. На столике железная банка. Она оказалась наполовину заполненной рыжухой. Рядом закрытая крышкой кастрюля. Приподняв её, увидел, поблёскивающую на дне ртуть¹.

«Всё ясно — старатели жили! — сообразил Корней, — Что же тут произошло? Даже рыжуха на месте».

Выйдя, осмотрелся. От зимушки к ключу уходила едва различимая тропка.

На берегу чернели, затянутые понизу травой, зевы штолен. Возле одной валялись ржавое ведро, кирка с обомшелой ручкой. Чуть в стороне ручной бур с иностранным клеймом и останки человека. Похоже, именно здесь старатели работали в последний раз. На обгрызенном мышами черепе темнел узкий пролом.

Подойдя к штольне, Корней встал на четвереньки и полез вглубь. Свод и стены в толстой бахrome инея. Через метра два упёрся в завал, из которого торчали сапоги. Всё стало понятно: один из старателей убил напарника, полез в штольню, где его самого завалило землёй.

¹ Ртуть используется для извлечения из промытой породы мелких частиц золота.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Скитник вырубил киркой яму глубиной по колено (глубже не давала мерзлота) и перенёс в неё останки убитого золотоискателя. На могиле сложил пирамидку из камней. После чего ещё раз заглянул в землянку. Любопытно было узнать, что же в чужеземных консервных банках. Они были двух видов. Одни высокие, другие плоские. В высоких оказалось любимое им сгущённое молоко, в плоских — тушёнка. Корней сложил часть банок в полупустую котомку и, пересыпав рыжуху в кожаный мешочек, заторопился к стаду.

Его рассказ встревожил Ивана:

— Знаю тот бугор, но туда не ходил. Верно старики говорят: «Землю копать худо. Земля сердится, беду шлёт».

СТРАННОЕ МЕСТО. ШАЙТАН

Утренники становились всё более морозными. Даже к полудню ледок таял не на всех лужах. Начали гоняться за важенками молодые бычки — самый верный признак осени. Всё чаще раздавались яростное хорканье и стук рогов матёрых быков. (У северных оленей рога имеют так много отростков, что серьёзно поранить друг друга они не могут.)

— Иван, Никита говорил, что в этих горах есть горячие ключи.

— Есть, но там живёт шайтан. Кто туда ходил, совсем больной становится.

— И где они?

— Вон за тем хребтом, — махнул юкагир в сторону юга.

— Хочу до перекочёвки туда съездить. Ты не против?

— Езжай, раз не боишься. Недолго только.

* * *

Пересекая увалы и ручьи с ржавой солоноватой водой, Корней гнал упряжку на юг. Ехал с тайной надеждой: а вдруг именно там таится искомое Беловодье — Царство Божие, где с незапамятных времен царит истина и живут в затворничестве святые? А страшилки рассказывают, дабы праздный люд не тревожил.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

На второй день перевалил вытянутый с востока на запад столбобразный хребет, надёжно защищающий эти места от ледяных ветров Арктики. Если северные склоны покрыты травой и низкими кустами, а по водоразделу до сих пор местами снег, то южные, напротив, покрыты лесом, состоящим из берёз и лиственниц с полями кедрового стланика. На одном выделялись несколько бурых пятен. Корней никак не мог понять — что это? И только когда одно «пятно» вдруг вытянулось вверх, сообразил — медведи. Пасутся на достигших молочной спелости орешках стланика. Медленно перемещаясь, они то и дело исчезали в зелёных складках местности.

Сверху было видно, что котловина усеяна парящими озёрами, по большей части овальной или круглой формы, с чётко выраженными закраинами, отчего те напоминали парящие котлы. При спуске по мелкощебнистой осыпи нарта зацепила валун. Тот сдвинулся и, потеряв опору, покатился вниз. Медведи, привлечённые шумом, подняли головы. Постояли с минуту, подслеповато оглядываясь, и, не обнаружив причин для беспокойства, вернулись к прерванному занятию.

Съехав на дно котловины, Корней, перемещаясь от одного озера к другому, понял, что они совершенно разные. В одних белёсая вода лишь едва пузырится, в других почти кипит, из-за бьющих снизу горячих ключей. В третьих вообще не вода, а сероватая жижа с медленно надувающимися и смачно лопающимися пузырями. Но все они одинаково неприятно пахли тухлыми яйцами. По их берегам трава не росла, зато метрах в двух-трёх начинались тучные пастбища. Среди травы тянулись к солнцу полярные маки, белели островки ромашек, нежно синели куртинки скромных незабудок. Над всем этим благолепием порхали бабочки. Видеть такой цветущий оазис в зоне вечной мерзлоты было удивительно. Мелькнула мысль:

— Неужто и впрямь Беловодье?

На чистом угоре торчали глыбы в рост человека. На них проступали какие-то буквы. Правда, разобрать, что написано, Корней не сумел.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

«Выходит, здесь жили люди!» — подумал он. Собаки тем временем завертели головами, принюхиваясь. Вскоре ветерок донёс запах дыма и до Корнея.

«Похоже, и сейчас живут?» — сообразил скитник и направил упряжку на запах.

На краю леса разглядел шалаш, покрытый корой. Под навесом у костерка сидел громила в выцветшем, истрёпанном рубище. Главной достопримечательностью незнакомца была голова — чёрный волосяной шар, из одной точки которого временами валил дым, окутывая острый, как у птицы, нос. Из-под нависших век поблёскивали пуговицы глаз. Не обращая внимания на приближающуюся упряжку, человек разговаривал сам с собой, мешая русские и якутские слова. Затем, устремив диковатый взор на скитника, стал что-то горячо говорить ему.

Корней старательно вслушивался, но кроме того, что этот крайне возбуждённый человек считает себя Создателем и зовут его Ахмедом, ничего не разобрал. По мере «разговора» якутские слова у него исчезали, и язык все более приближался к русскому.

«Совсем одичал мужик», — подумал скитник.

Сосланный на Колыму лет тридцать назад за разбойные дела, Ахмед бежал и давно жил отшельником, кормясь охотой и рыбалкой. Знал, что была война с немцами, но не знал, чем кончилась.

— Мы победили, — успокоил его Корней.

— России опять будет худо. Но через страдания я приведу её к славе, — многозначительно произнёс он и сыпанул в медный кофейник с арабской вязью, неизвестно как попавший к нему, щедрую пригоршню чего-то сушённого. Залив всё это кипятком, поставил сосуд на угли и замер, дожидаясь кипения. Готовый отвар перелил в почерневшую литровую кружку.

— Хлебни! — просипел он, протягивая её гостю.

— А что это?

— Ты пей!

Пахло от варева не очень приятно, но отказываться было неудобно. Скитник поморщился и сделал вид, что несколько раз глотнул.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Тут такое благодатное место. Кроме вас ещё кто живёт?

— Зачем? Мне никто не нужен.

— Так вы местный?

— Ты что! Я родом с самых высоких и красивых гор! Здешние — мелочь против наших, — возмутился он.

— И давно вы оттуда?

— Тебе какое дело? — Ахмед сверкнул глазами. — Живу, где хочу, ибо я есть Создатель этого Мира. Уразумел? — При этом кадык на его шее нервно задвигался вверх-вниз.

Корнея передёрнуло от такого богохульства.

— Не веришь? Смотри!

Ахмед взял из костра красный уголёк размером с яйцо куропатки. Подержал его с минуту в кулаке и, бросив обратно, показал раскрытую ладонь. На ней не было ни ожога, ни даже красноты.

Потрясённый скитник подумал: «Колдун, что ли? Иван, похоже, не зря предостерегал»

Ахмед тем временем добавил в костёр сучьев потолще и, похлебав отвара, опять сунул ему в руку кружку:

— Пей!

Корней отрицательно покачал головой.

В угрюмом немигающем взгляде отшельника разгоралась злоба. Голова его затряслась, а глаза побелели. Он придвинулся к скитнику вплотную и, больно сжав локоть, прошипел:

— Пей! Пей, кому говорю!

— Не могу. Тошнит.

Ахмед все сильнее стискивал локоть:

— Пей! Пей, червь! Раздавлю!

Вдруг его лицо перекосилось, щека задёргалась в нервном тике. От него сходила такая ненависть, что скитник оторопел.

— Пей! Пей! — повторял Ахмед.

— Хорошо, хорошо, выпью, — выдавил Корней, освобождая руку. — Только собак разниму — слышишь, дерутся.

Быстро подойдя к упряжке, он запрыгнул на нарты и погнал лаек прочь. Судя по злобным выкрикам, Ахмед бросился за ним, но разве утонишься за натренированными псами...

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Заночевал на берегу парящего озера. Среди ночи разбудил душераздирающий крик. Он становился всё громче и пронзительней, пока не превратился в вопль невыносимой боли. Неизбывная тоска звучали в нём. Скитник подумал, что так стенать может только проклятая навек душа. Вопль несся с той стороны, где было логово Ахмеда.

Утром Корней даже сам себе не мог объяснить, слышал ли он эти крики на самом деле или это была слуховая галлюцинация под воздействием паров ахмедовского отвара. Внутри всё мелко дрожало. Отпустило только после купания в тёплом озере. Когда одевался, на локте обнаружил багровый синяк — метку Ахмеда.

«По всей видимости, именно из-за этого сумасшедшего юкагиры считают это место нечистым», — решил Корней и погнал упряжку к горам. Через пару километров выехал на голое место. Земля чёрная, словно выжженная: ни травинки, ни кустика. Корнеем вновь овладело непонятное беспокойство: казалось, кто-то гонит его отсюда. Неожиданно раздалось лёгкое потрескивание, и он увидел несколько светящихся шаров, плывущих к нему. Приблизившись, они закружили над головой. Собаки заскулили, прижались к земле. Покружив с минуту, шары уплыли прочь. Всё это время Корней стоял, как вкопанный:

«Место-то и впрямь бесовское!» — подумал он, не в силах даже поднять руку и осенить себя крестом...

Когда вернулся к Ивану, тот первым делом спросил:

— Шайтана видел?

— Видел. Ты был прав, место действительно дурное. Ходить туда не следует, — ответил Корней, высыпая в таз собранные по дороге крепенькие белые грибы.

* * *

С утра стали собираться на перекочёвку. Уложили в мешки пожитки, сняли с чума брезент, разобрали остов и, погрузив всё на грузовые нарты, крепко стянули ремнями. Осталось запрячь оленей, свистом подозвать собак.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

На новом месте стадо первым делом набросилось на нетронутый травостой, а Валентина, что-то напевая, развела костёр и повесила над ним полный чайник. Иван же, пока жена не подала чай, сидел на нарте, задумчиво попыхивая трубкой.

Корней, глядя на их несуетное поведение, невольно подумал: «Кочевники, наверное, самые счастливые. Их образ жизни не вызывает ни к чему. О будущем не беспокоятся и наслаждаются настоящим. Живут, сохраняя простоту нравов и беспредельное гостеприимство.

Через несколько дней Валентина со вздохом произнесла:

— Мука и соль кончаются. Надо в посёлок.

— Почему мало брала?

— Нас теперь трое.

— Давайте я съезжу? А то собаки совсем разленились, — предложил Корней. — Да и Шустрого тренировать пора. Большой уже.

— Хорошо придумал, — обрадовался Иван.

Выехал скитник налегке, взял лишь с пуд оленины и пару банок заморской тушёнки для Никиты. Шустрого запряг в паре с отцом. Кто-кто, а Борой спуска сыну не даст.

Осип, увидев у дома Никиты нарты Корнея, не преминул зайти.

— Рад видеть героя в наших краях. На Чукотку передумали ехать? — произнёс он, не сводя глаз с банок с иностранными надписями. — Что это у вас такое красивое?

— Тушёнка, — буркнул Корней, запоздало сообразив, что глупо поступил, оставив банки на виду.

— Вижу, у вас всё хорошо, я пошёл. Дела.

Когда Осип закрыл за собой дверь, Корней убрал тушёнку в тумбочку. Уже через полчаса появился лейтенант.

— Товарищ Кузовкин, поступило заявление о вашей связи с иностранцами. Прошу объяснить, откуда у вас несоветские консервы?

— Могу и объяснить, и показать. — Корней, едва сдерживая вскипевшее в нём возмущение, выставил банки на стол. — Как

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

я уже говорил вашему начальнику, на Чукотку я пойду зимой. А сейчас в горах помогаю юкагиру Ивану пасти оленей. Там наткнулся на брошенную землянку старателей. Эти консервы оттуда. Кроме этих банок в землянке было с полкилограмма золотого песка. Его тоже взял.

— Понятно. Теперь всё это поподробней изложите на бумаге.

Внимательно прочитав объяснительную, лейтенант предупредил:

— Завтра едем на место. Никуда не отлучайтесь.

— Товарищ лейтенант, это довольно далеко. Два дня в одну сторону.

— Далеко не далеко, а я должен всё проверить. Сейчас пройдёте со мной, сдадите золото по акту.

На обратном пути Корней зашёл в сельпо и закупил всё, что наказала Валентина.

Выехали на двух упряжках. Лейтенант сфотографировал землянку, банки на полке, осмотрел заброшенный прииск, обвалившийся шурф. Переночевав у Ивана, уехал в посёлок с чувством облегчения — радовался, что не обманулся в Корнее.

Иван прокомментировал случившееся одной фразой:

— Худой человек. Не повезло Никите с соседом.

Как известно, за грязные деяния рано или поздно приходится платить. Господь не забыл предъявить счет и Осипу. Осенью у него отнялись ноги.

ЧУКОТСКИЙ ХРЕБЕТ

Зима как началась с метелей, так и мела, с редкими перерывами, почти до Рождества. О том, чтобы отправиться в путь, не могло быть и речи.

Что интересно, мело только днём. К ночи ветер стихал, чтобы с утра задуть вновь, поднимая метровую позёмку. Тяжелей всего

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

приходилось оленям — в метель копытить ягель сложно: расчищенную лунку сразу заметает.

Полярная ночь подходила к концу. Небо всё реже озарялось холодными сполохами северного сияния. Горизонт с каждым днём обозначался всё чётче, а полуденные сумерки длились всё дольше и дольше.

14 января восточный край небосвода заалел ярче обычного. Солнце медленно выползло из-за горизонта, и по тундре заскользили его первые в этом году лучики. Воздух, наполненный мельчайшими кристалликами изморози, порозовел. Корнея в очередной раз изумило то, насколько приветистой делается мир даже при таком скупом солнечном свете.

Хотя Корней давно был готов ехать, отправился в путь лишь в середине февраля, когда день заметно прибавился. Торопиться не было смысла — ему желательно быть на Чукотке к июню.

Снег прибило до того плотно, что ходить по нему можно было не проваливаясь. Одолевая на упряжке по сорок — сорок пять километров, он через неделю уперся в северную оконечность Чукотского хребта. Угрюмые чёрные скалы резко контрастировали с ослепительной белизной заснеженных террас.

Теперь предстояло самое трудное — перевалить хребет. Дальше до самого Чукотского Носа горы к побережью не подступают.

Хребты, как известно, проще всего переваливать по долинам речушек. Судя по карте, для подъёма на водораздел лучше всего подходила речка Ичувеем, а для спуска — безымянная речушка, впадающая в залив Нольде.

Вопреки ожиданиям больше всего сил отнял не сам подъём на перевал, а глубокий рыхлый снег в теснине Ичувеем. Собаки вязли в нём по самое брюхо. По мере подъёма мороз крепчал. Кристаллики льда, образующиеся при выдохе, шуршали так, будто это ветер несёт сухую позёмку. Порой раздавались «выстрелы» лопающихся от стужи камней.

Чтобы согреться, Корней то и дело останавливал упряжку и принимался скакать на здоровой ноге, одновременно энергично

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

колотя руками по бёдрам. С покрытых куржаком собак в это время валил пар.

Упряжка несколько раз пересекала хорошо набитые тропы горных баранов. Однажды Корней успел даже заметить их вдалеке.

Ночью его разбудил утробный гул и подрагивание земли. Утром, выйдя из палатки, увидел, что склон соседнего отрога оголился, а на дне ущелья бугристая гора снега — сошла лавина.

Выход на самую перевальную седловину оказался очень крутым. Собаки, высунув языки, дыша так, что мохнатые бока ходили ходуном, буквально пластались на оледеневшем фирне. В некоторых местах они даже буксовали, но Корней, подталкивая сани плечом, помогал одолеть такие участки — если остановишься, покатишься назад. Цепляясь за оледеневший снег когтями, псы всё же выползли на водораздел. Зато спуск не потребовал усилий. Наоборот, даже пришлось притормаживать остолом, чтобы не наехать на лаек.

На побережье, густо исчириканные аккуратными стёжками песцов, съехали при свете полыхающего заката. За недолгое время между сумерками и ночью, когда жизнь на время как бы замирает, сноровистый Корней успел поставить палатку и выдать собакам двойную порцию мяса. Бросал его каждой отдельно. Некоторые ловили мёрзлые куски прямо на лету.

Ветер стих, и воздух стал необыкновенно отзывчив на любой, даже слабый, звук. Когда совсем стемнело, выкатилась и забалансировала на скалистом гребне, словно белый валун, луна. Небесный свод мерцал бесстрастным блеском звёзд и размахивал разноцветными, в основном зелёными, лентами северного сияния, оживляя застывшую тундру.

Пять суток не тревожили взморье ни ветер, ни снегопады. Все эти дни продолжал стоять такой мороз, что собаки при остановках поджимали то одну, то другую лапу к брюху. Время от времени по их телам пробегала дрожь. Матовое, в морозной дымке, солнце, словно спасаясь от ледящей стужи, торопилось спрятаться за горы, приглашая на смену ночное «солнце».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Из-за небывалых морозов куропатки сутками отсиживались под снегом. Однажды собаки почти наехали на них¹. Снег вспучился белыми снопами прямо перед их носом. Лайки от неожиданности шарахнулись в сторону, чуть не перевернув нарты. Лишь Борой попытался ухватить пастью ближнюю куропатку за хвост, но та оказалась проворней.

Скитник гнал упряжку строго на восток. Слева простиралась гладь Чукотского моря, покрытая местами неровными грядами торосов. Справа, на некотором удалении, тянулись безлесые хребты.

Дни, похожие один на другой, пролетали незаметно. Позади сотни километров. Солнце уже светит почти двенадцать часов, но весны не чувствуется. Закрывавшая небо сплошная облачность делала одинаково серым и небо, и снег, и лёд. Не видно ни линии горизонта, ни границы между морем и сушей. Из-за отсутствия теней всё сливалось в одноцветное полотно.

Но вот упряжку начали догонять, загибая пушистые хвосты лаек, порывы ветра. Вершины гор красиво закурились вихлястыми шлейфами. Сила ветра с каждым часом нарастала, и вскоре снег понёсся широкой лавиной, захватывая всё видимое пространство. Чтобы переждать непогоду, скитник съехал в ложбинку. Здесь из пухлой перины торчали кончики тальника — какая-никакая пища для костра. Пока, проваливаясь по пояс в намёты, наломал охапку, совсем стемнело. Костёр из замороженных веток в вырытой для него яме разгорался с трудом.

Собаки, съев свои пайки, сразу зарылись в снег.

Скаты палатки Корней постарался натянуть как можно туже. А чтобы снизу не поддувало, нагрёб к бортам снег. Тем временем вода в котелке закипела. Бросив в него пару щепоток чая, он забрался в палатку. Теперь можно и самому поесть.

Ветер, исполняя дикие, нагоняющие тоску песни, неистовствовал всю ночь. Когда рассвело, Корней высунул голову из убе-

¹ В сильные морозы куропатки покидают снежные убежища, чтобы подкормиться, всего на час, а то и меньше.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

жища. Над морем, метрах в трёхстах от него, бесшумно крутился высокий конусообразный смерч. В своём бешеном вращении он, вздымая снег, то приближался к стану, то отползал в море. Вот смерч опять двинулся к берегу. Он уже совсем близко. Корней ощутил дрожь земли. Ещё немного — и плотный снежный вихрь сомнёт, разорвёт в клочья палатку. Но метрах в двадцати смерч, словно споткнувшись, повернул обратно. Ура! Пронесло!

После полудня наступил полный штиль. Даже ко всему привычный Корней подивился столь резкой смене погоды. Тихо. Доносилась лишь перестрелка ледовых полей. Из образовавшихся трещин поднимался туман, похожий на клочья ваты. Облачный покров истончился. Время от времени проглядывало солнце, правда, совсем тусклое и расплывчатое. Собаки зашевелились. Выбравшись из-под снега, с нетерпением ожидали, когда хозяин распакует мешок с мясом — проголодались!

Накормив псов, Корней привычно свернул стан и продолжил путь. В тишине то и дело доносился чуть слышный протяжный гул от сходящих лавин — похоже, буря намела в горах много снега.

Когда выехали на выметенное ветром озеро, лапы собак на гладком льду стали скользить и разъезжаться. Продвижение замедлилось. Хорошо, хоть ветра не было — иначе нарты понесло бы вместе с собаками. Но вот и этот участок позади.

Морозы не спадали. Более того, сегодня минус сорок один. Тусклый диск солнца не грел. Всё живое попряталось в норы, зарылось в сугробы. Каждую ночь на небе развёртывалось веером северное сияние, освещавшее местность волшебным светом.

Заготовленное в дороге мясо заканчивалось. Порции пришлось урезать. Лайки не наедались и не так резво тащили даже полегчавшие нарты.

Неписанный закон тундры гласит: когда кончаются продукты, дичь не попадает под выстрел, а рыба на крючок. Недельный переход от мыса Якана до мыса Шмидта остался в памяти скитника как самый голодный: на всём его протяжении не встретились даже следы песцов. Всё было словно «выкошено» то ли эпидемией, то

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

ли неблагоприятными природными условиями. Угнетало и серое, забитое низкими свинцовыми тучами небо.

Порции мяса для собак пришлось ещё наполовину сократить. Лайки жалобным поскуливанием и умоляющим взглядом просили добавки, справедливо полагая: коли работаем, хозяин должен кормить. Увидев свежий заячий след, собаки бросились было по нему — до того голодные были, но, пробежав метров пятьдесят, встали — выдохлись.

Чтобы лайкам было легче тащить нарты, скитник съехал на ровный лёд пролива Лонга. На это была ещё одна причина: он надеялся подкараулить у лунок-отдушин нерпу. Однако чуткие животные на выстрел не подпускали.

В общем, ситуация была критическая: продукты на исходе, ослабевшие лайки еле плелись и не реагировали на подбадривающие крики хозяина. Одна из них после отдыха отказалась вставать. Пришлось уложить её на нарты. А вот сын Бороя радовал — работал неутомимо. Раздавая остатки мяса, Корней несвесело пошутил:

— Догулялись кулики, нет ни хлеба, ни муки...

Неожиданно, когда ехали вдоль вала береговых торосов, лайки напряглись и встали. Устремивший взгляд на невысокую гривку Борой чуть слышно заскулил. Корней понял: что-то учуял.

И в самом деле, вскоре из-за неё показался белый медведь. Он брёл к морю неспешным шагом, низко опустив голову и слегка покачивая ею из стороны в сторону. Вот это удача! Корней движением руки приказал собакам: «Сидеть!» Но те и без команды давно застыли. Скитник прикинул, если затаиться за валом пакового льда, зверь пройдёт на расстоянии не более сорока метров. Тут уж сложно промахнуться.

Медведь всё ближе. Замелькали чёрные «ладони» и «пятки», на лапах. Уже хорошо видны даже движения его лопаток и слышен хруст сминаемого снега. Когда одна из лап проваливалась слишком глубоко, медведь недовольно урчал.

Зверь уже почти на одной линии. Вдруг он, приподнял аккуратный чёрный нос и шумно втянул воздух. Уловив посторонние

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

запахи, вздыбил на загривке шерсть. В этот момент в промороженном воздухе сухо щёлкнул выстрел...

От бьющего через край ликования скитник огласил тундру победным рёвом. И всё же, прежде чем подойти, сделал ещё один выстрел. Теперь можно спокойно разделявать добычу. Корней поразило то, что под густой шерстью абсолютно чёрная кожа, а подошвы лап покрыты мехом!

При свеживании нож звякнул о металл. У лопатки под слоем подкожного жира скитник обнаружил свинцовую пулю: кто-то уже стрелял в мишу.

Перед тем как раздать мясо нетерпеливо крутящимся вокруг собакам, Корней тщательно осмотрел мышечные ткани. Убедившись, что тоненьких белых червячков¹ между волокон нет, выдал всем двойные порции.

Насытившись, счастливые псы подбегали к хозяину и, прыгая вокруг, норовили лизнуть. Оставшуюся гору мяса скитник разрезал на стандартные порции размером с кулак и, подождав когда они промёрзнут, складывал в мешки.

Печень, от греха подальше, Корней закопал в снег. Шкуру растянул на плоском валуне мехом вниз. И только после этого отправился собирать плавник для костра. Ему повезло — между двух глыб обнаружил несколько стволов, когда-то выброшенных морем. Теперь не придётся трястись над каждой веточкой.

Трое суток человек и лайки восстанавливали силы на мясном изобилии. Поначалу истощённые собаки не грызлись: озабочены были лишь желанием набить брюхо. Но когда отъелись, миру пришёл конец. Стали задирались, отнимать друг у друга мясо, да так яростно, что клочки шерсти летели. Чего-чего, а подраться собаки любят — был бы повод. А если его нет, сами создадут.

¹ Беловатые червячки — личинки глистов, вызывающие поражение мышечной ткани и кишечника. Поскольку они со временем покрываются известковыми капсулами, для их уничтожения мясо надо варить не менее пяти часов.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Подростий Шустрый не пропускал ни одной потасовки. Бой реагировал снисходительно. Корней толковал это на свой лад: готовит себе смену.

Погода все эти дни стояла пасмурная и безветренная. Из низких серых туч временами летели крупные хлопья снега. Медленно кружась, они освежали истоптанный собаками покров.

Единственное, что в эти блаженные дни досаждало Корнею — оседавший на внутренних стенках палатки иней. Отваливаясь кусками на спальный мешок или за шиворот, он потихоньку таял. От этого всё отсыревало и не грело.

Чтобы ускорить медленный, из-за безделья, ход времени, он то чистил ружьё, то ремонтировал прохудившуюся одежду, то подправлял собачью упряжь, то соскребал ножом, выкованным в Усть-Янске, жир с медвежьей шкуры. Когда все дела были переделаны, так наточил обломком камня топор и нож, что к их лезвиям стало опасно прикасаться.

Отъевшиеся на медвежатине лайки уже ни минуты не могли стоять спокойно. Когда хозяин выходил из палатки, они, глядя на него с беспредельной преданностью, наперегонки, захлёбываясь радостным лаем, бросались на грудь, чуть не валя с ног. Корней понял: пора в путь.

Утренний ветер разогнал тучи, но поднял низовую метель. Над головой светит солнце, а внизу настоящий ад из секущей снежной крупки. Ветер всё крепчал. С моря нёсся громоподобный гул. Это лопались зашевелившиеся ледяные поля. Но отсиживаться уже не было не вмоготу.

Палатка за долгую стоянку оледенела. Чтобы сложить её, пришлось долго отбивать с парусины корку льда снаружи и вытряхивать иней изнутри. Но даже после этого она легла на нарты большим неряшливым комом. Скитник расставался с обжитым станом с некоторой грустью — больно хорошо они пожили тут.

Собаки, закрутив колечками хвосты, бодро тянули заметно потяжелевшие нарты. Равнинные участки между долинами речек преодолевались легко и быстро. А вот сами русла, особенно

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ближе к устью, с большим трудом из-за нагромождений льда, образовавшихся при осеннем торошении.

Нарты то и дело заваливались набок. Корнею приходилось прилагать немало сил, чтобы поставить их на полозья. Порой он вынужден был буквально прорубать проход топором. К счастью, ширина таких участков не превышала двадцати-тридцати метров. Если она была больше, Корней выезжал на относительно гладкий паковый лёд.

Правда, тут его подстерегала иная опасность — присыпанные снегом трещины. В один из таких выездов ещё раз видел белого медведя¹. Он, вынырнув из полыньи, выбросил на лёд нерпу. Поев, принялся кататься по снегу. Сгребая его передними лапами, старательно тёр морду — вытирал кровь.

Первое предупреждение о том, как коварен лёд, Корней получил, когда неожиданно исчез Борой. Остальные собаки тут же остановились. Провалившийся в трещину бедолага повис на постромках. Вытащить его из полуметровой трещины не составило труда.

В один из дней, задолго до рассвета, Корнея разбудили нарастающий рёв ветра и оглушительные хлопки парусины. Когда рассвело, он выглянул. Из-за метели мало что было видно. Ветер, срывая с сугробов снежную пыль, беспрестанно засыпал палатку. Собаки и нарты уже были укрыты наметами. Да и сама палатка наполовину под снегом.

Прорыв траншею, Корней ползком (ветер не позволял встать) добрался до нарт. Разгрёб снег в том месте, где лежали мешки с мясом. Собаки, разбуженные его вознёй, высунули из сугробов головы и, не покидая пригретых мест, нетерпеливо повизгивали. Пришлось самому подползать к каждой с порцией мяса.

На севере так: время на дорогу из-за изменчивой погоды трудно рассчитать. Но, как известно, ранний гость до обеда: к полудню метель выдохлась, и упряжка поползла дальше. От того,

¹ У белых медведей в берлогу ложатся только беременные медведицы.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

что всё вокруг выбелено и выровнено, Корней не всегда понимал, едет он по берегу или по морю. Только по нагромождениям плавника и торчащим кое-где из снега камням можно было догадаться, что они на берегу.

Звери и птицы — тоже практически невидимки. Огромная полярная сова, песец, куропатка и зайцы, пока они неподвижны, похожи на комья снега. И только если внимательно присмотреться, глаза, нос, а у зайцев ещё и чёрные кончики ушей выдают их.

Ночи всё короче. Стоит такая тишина, что у Корнея мелькнула мысль: «Как бы буря по новой не разыгралась». Однако, напротив, небо вызвездило.

На следующий день, после полудня, непонятно почему, на десятки метров вдруг с шелестом осел снежный покров. Просел столь заметно, что скитнику на миг показалось, будто земля ушла из-под ног. Не очень приятное ощущение.

ФАКТОРИЯ

Наткнувшись через пару дней на вынырнувший сбоку нартовый след, чуть припорошённый позёмкой, скитник долго раздумывал: ехать по нему или нет? Смущала привычка юкагиров в каждую поездку прокладывать новую колею. Так что она могла увести за сотню километров в сторону или в любой момент потеряться на спрессованном ветром снегу. В данном случае след вёл на восток, и Корней решил рискнуть.

Собирая новые, он вскоре превратился в торную дорогу, или, как тут говорят — в тракт. Отшлифованная полозьями, она поблёскивала на солнце. На ровных участках выпирала «коробом», а в ложбинках, наоборот, западала «корытом». Собаки, смекнув, что люди близко, заметно оживились.

Через километров десять впереди в морозной дымке проступило тёмное пятно. Над ним кучерявился дымок. Чуть в стороне стадо оленей.

Странно! Для чума пятно маловато. Что же это? Пятно всё ближе. Уже очевидно, что это не чум и не зимовьё. Лежащие

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

возле необычного сооружения лохматые собаки подняли головы и внимательно наблюдали за приближающейся упряжкой. Только подъехав совсем близко, Корней сообразил, что это покрытая оленьими шкурами большая кибитка, установленная прямо на грузовые нарты. Собаки, рассудив, что чужаки переступили границу их владений, залились дружным лаем.

Из «домика» высунулась голова молодого юкагира.

Скитник поздоровался, с удивлением оглядывая столь своеобразное жилище — такого он ещё не встречал. Хозяин, видя изумление путника, пояснил:

— Надоело жерди возить, собирать, разбирать чум. Нас двое. Места хватает. Не верите? Посмотрите.

Скитник подошёл и заглянул внутрь. Каркас «кибитки» из прутьев тальника. Стены обшиты ситцем. На «полу» на оленьих шкурах два спальных мешка. Сразу за ними миловидная хозяйка, стоя на коленях, возится возле железной печурки. Тут же сложены полешки. В другом углу — коротконогий столик, полочки с посудой и мешочки с продуктами.

Корней, чтобы не обижать молодых, попил с ними чай и, узнав, что нартовая дорога ведёт к посёлку на побережье, продолжил путь.

* * *

Впереди оказались дома. Из большинства труб столбом поднимался дым. Стоящее на бугре полузанесённое снегом здание сильно отличалось от построек, в беспорядке сбегających к морю. Как позже узнал Корней, в этом здании до войны находилась американская фактория¹.

Один из домов выделялся открытой террасой и двускатной крышей с истрёпанным красным флагом на коньке (у всех остальных построек крыши были плоскими). Над крыльцом лист фанеры: «Заготконтора». Снег вокруг утрамбован людьми, оленями

¹ У советского Госторга не хватало сил для снабжения северных районов, и американцы до конца 30-х годов вели активную торговлю с Чукоткой и Северо-Восточной Якутией.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

и собаками. Подойдя к обитой потёртой шкурой двери, Корней обнаружил «замок» — воткнутая палочка. В конце террасы вторая дверь. Постучался в неё.

Раздался недовольный голос:

— Обед. Приходи через два часа.

— Я только узнать. Могу ли подкупить провиант? Песцов нет. Лишь медвежья шкура.

— Тупой, что ли? Сказал, через два часа, значит, через два часа.

Спускаясь с террасы, Корней увидел на здании, стоящем наискосок от заготконторы, вывеску: «Пункт приёма пушнины». Обрадованный, направился туда. Приоткрыв дверь, спросил:

— Есть кто живой?

— Заходи, но предупреждаю, спирта нет, — донеслось откуда-то из глубины.

— Да я не за спиртом.

В большом помещении вдоль стен широкие полки-стеллажи, забитые объёмными пачками песцовых шкур, кухлянками, меховыми чулками. На отдельной трёхэтажной полке небогатый ассортимент товаров повседневного спроса: рулоны ткани, сахар, чай, кули с мукой, крупой, табак, оружие, боеприпасы и разная хозяйственная мелочёвка вплоть до иголок. Три угла в инее, а в четвёртом отгорожен небольшой закуток с печью из железной бочки. Возле неё на топчане сидел гладко выбритый человек с журналом в руках.

— Что хотели?

— Соли да крупы подкупить.

— Что-то голос ваш больно знаком. — Округлая фигура живо подскочила. — Корней Елисеевич?

— Батюшки, Роман! Вот сюрприз! Откуда ты здесь? (Роман пополнил команду «Арктики» в Тикси.)

— Вас поджидаю, — хохотнул он.

— А если серьёзно?

— Я в Лаврентии сошёл на берег. Старший брат там — директор заготконторы. Попросил выручить — мой предшественник

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

к спирту пристрастился, до горячки дело дошло. Думал, ненадолго, а уже второй сезон.

А вы, Елисеич, герой! Честно говоря, думал, что дальше Колымы не пройдёте. В этих краях и на даух ногах не разбежишься. По всему побережью дичь! От Индигирки до Колымы вообще пустыня — ни души.

— Да я потихоньку. Куда спешить?

— Зря вы с корабля сошли. Так бы ещё в прошлом году в Уэлене были б.

Скитник улыбнулся:

— Это неинтересно. Хотя, врать не буду, тяжелоато пришлось.

— Кремнёвый вы мужик. Уважаю! Садитесь, у меня хороший кофе есть. Мигом сварю.

— Спаси Христос!

Вскоре в помещении завитал неповторимый армат. Корнею он был знаком — пару раз пил кофе на «Арктике».

Отхлёбывая крохотными глоточками обжигающий напиток, Роман рассказывал:

— Прошлым летом и семью перевёз. Вон в том доме на берегу живём. Ваш друг Географ расписался с буфетчицей в Нижне-Колымске. Там и сошли. На обратном пути, может, увидите.

За окном смеркалось. На террасе заготконторы стали собираться охотники.

— Специально под вечер идут — думают, что при слабом электрическом свете приёмщик не заметит дефектов, — пояснил Роман.

— А зачем в одном месте два приёмных пункта?

— Так мы ведь от разных контор. Он от Якутской потребкооперации, а я от Чукотской.

— А почему к тебе не идут?

— Посмотрели бы, что тут творилось два дня назад! А как спирт кончился — так ни души. Им ведь главное, чтобы «весёлая вода» была.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

С улицы донеслись шум, ругань. Судя по характеру перепалки, один из промысловиков остался недоволен вчерашним расчётом.

— Обманщик! — кричал он. — В твоём сердце одно зло. Дождёшься, все от тебя уйдём!

— Ну-ну! Хвалились телята волка съест. Вали домой! — огрызнулся приёмщик и исчез за дверью.

Корней нахмурился.

— Не обращайтесь внимания. Обычное дело. Скорей всего, по пьяни продешевил, а теперь шумит. Да что толку — в ведомости-то расписался. Да и спорить с Правдуном бесполезно. Это у него только фамилия такая, а на деле пройдоха ещё тот. Больно корыстный, а жадность, сами знаете, хворь неизлечимая.

— Всё равно негоже людей обманывать, — с укором произнёс скитник.

— Это не всегда обман. Я ведь тоже срезаю. Если по-честному оценивать, то сам в минусах будешь — на меховой базе ой-ёй как занижают. Дело в том, что наш песец против лесного помельче и ость не такая длинная. Потому нам никогда высший сорт не дают.

— И всё же людей жалко. Труд-то тяжёлый.

— Согласен. По полгода на морозе. Но не надо их идеализировать. Особенно чукчей. С ними вообще непросто. Это сейчас их «огненной водой» одолели, а раньше были самым дерзким и воинственным племенем на Севере. Старики рассказывали, что на Колыме и в Анадыре они немало русских повырезали.

— Может, оговаривают? Я за всё время пути с кем только не общался. Все добрейшие люди. А эвены, дай бог им здоровья, вообще спасли от смерти.

— Корней Елисеевич, не будем углубляться. Как говорила моя мама, «кто старое помянет, тому глаз вон». Мы ведь тоже не без греха. Сейчас всё поменялось, времена другие. Кстати, у меня для вас хорошее предложение. На днях должна прилететь «аннушка» за пушниной. Могу попросить, чтобы вас взяли. Два часа — и в Лаврентии.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Благодарю, Роман! Но всё-таки хочу сам дойти.

— Конечно, вы можете дойти. Не так много осталось. И время с запасом. Но тут такая возможность поглядеть на Чукотку с высоты птичьего полёта. Вы и представить не можете, какая это красота.

— А Аляску будет видно?

— При ясной погоде будет.

— Хорошо, подумаю.

— Я, Елисеич, не настаиваю, но ежели согласитесь, не пожалеете. Ещё благодарить будете.

— Ладно, ладно, я же сказал — подумаю... Роман, ты не забыл, зачем я зашёл? Денег у меня, правда, нет, только шкура белого медведя, — сменил тему Корней, с удивлением разглядывая себя в засиженном мухами зеркале. Не ожидал, что за полтора года так сильно постарел.

— Не вопрос. Шкуры мы тоже принимаем, тем более медвежьи. Несите, не обижу.

Когда Корней развернул роскошную, слегка желтоватую «шубу», Роман присвистнул от восхищения:

— Хороша!!! — И, окинув критическим взглядом изношенную Корнееву одежду, добавил: — Тут не только на еству, но и приодеться хватит.

— Приодеться не мешает, — согласился скитник... — Что-то собаки расшумелись, похоже, дерутся. Пойду гляну, да и покормлю заодно, пора.

Минут через пять дверь в приёмный пункт распахнулась, и ввалился Правдун — гладковыбритый, довольно упитанный мужчина лет сорока.

— Привет, Рома! — поприветствовал он, щуря серые плутоватые глаза, усаживаясь на до блеска отполированный табурет. — Простаиваешь?

— Одолжишь спирту — поработаю.

— Сам последнюю флягу разливаю. Одноногий у тебя?

— Вышел собак кормить. Тебе-то он за какой надобностью?

— Охотники баяли, будто он сильный шаман.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

- Не шаман он, а грамотный лекарь.
- Да мне без разницы, лишь бы помог. Суставы замучили!
- Об этом с ним сам толкуй.

Когда Корней вернулся, Правдун встал:

— Здравствуйте, мил человек, за помощью к вам. Хвалят вас юкагиры. Говорят, повезло Роману — знатный шаман у него гостит. У меня проблема. Суставами мучаюсь, мочи нет. Сделайте что-нибудь. — Он протянул руки с искривлёнными узловатыми пальцами.

Корней по голосу сразу узнал человека, который не стал с ним разговаривать. Смерив его холодным взглядом, посмотрел на руки:

- К сожалению, поздно. Уже не поправить.
- Вы же лекарь, научите хотя бы, как боль ослабить? — с раздражением в голосе потребовал Правдун. — Я отблагодарю.

— Сделай мазь из равной смеси растёртой в порошок коры ивы, плодов можжевельника, листьев брусники, медвежьего жира и втирай несколько раз на день. А в благодарности вашей не нуждаюсь.

Роман, зная, что Корней человек сострадательный и отзывчивый, с недоумением слушал этот диалог. Когда Правдун ушёл, Корней, повернувшись, сам объяснил:

- Как он ко мне, так и я к нему.
- А вы что, встречались?
- Вроде того.
- Понятно.

* * *

Прошла неделя, а самолёта всё нет. На небе ни облачка. Солнце уже начало припекать. С моря всё чаще доносится треск зашевелившегося льда. На южных склонах холмов появились чёрные пятна первых пропарен: снег не растаял, а испарился. Роман испереживался: где же самолёт, если поднимется ветер, ледяные поля пойдут трещинами, и ему не сесть.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корней, соблазнённый предложением Романа посмотреть на Чукотку сверху, теперь уже склонялся к тому, чтобы продолжать путь на собаках. Ведь ещё недели две — и снег «поплывёт».

На следующий день, ближе к полудню, над бухтой пророкотала оранжевая «аннушка». Покачав спаренными крыльями, она пролетела мимо.

— В Ванкарем, к соседу, потом к нам, — пояснил ободрившийся Роман.

БУХТА ЛАВРЕНТИЯ. ОХОТА НА КИТОВ

— Борис Орлов, — представился широкоплечий, среднего роста мужчина в кожанке. Черты его лица были настолько резкими, что казались вырубленными из камня. Крепкое пожатие жёсткой руки выдавало в нём сильного, мастерового человека.

— Судя по собакам, вы издалека, — сказал он, обращаясь к Корнею. — Если не ошибаюсь, индигирские.

— Верно. Собаки индигирские, а сам я с Алдана.

— С Алдана, говоришь? И какими судьбами? — с сомнением переспросил, пропуская между пальцев длинный ус, Орлов.

— Не верите? — Корней достал из висевшего на груди кожаного мешочка справку от Шорникова.

Орлов внимательно прочитал. Взгляд потеплел.

— Другое дело! Сами понимаете, граница.

— Товарищи, кофе остывает! — Роман гостеприимным жестом указал на дымящиеся кружки и стопку галет.

— погоди, Рома, пока ветра нет, погрузимся. Шкурки пересчитывать не буду. Верю... Давай акт, подпишу... Да, флаги со спиртом привёз. Ещё от брата тебе посылочка.

— Борис, я тут взял на себя смелость предложить Корнею Елисеевичу до Лаврентия с тобой лететь. Он на одной ноге уже большой путь прошёл. Хочется, чтобы на Чукотку ещё и сверху посмотрел. Возьмёшь?

— Вот тебе на! Из такой дали на протезе?! Теперь понятно, почему даже Шорников за него просит. Конечно, возьму.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— У меня ещё собаки, — заволновался Корней.

— Сколько их?

— Семь.

— Ладно, ужмёмся как-нибудь. Кстати, на них пушнину и шкуры к самолёту и перевезём, а сюда спирт. Пусть отработывают перелёт, — засмеялся Орлов и, раскрыв портсигар из китового уса, предложил: — Закуривайте, «Казбек!».

Роман вынул одну, Корней отказался.

— Елисеич у нас некурящий и непьющий, — пояснил Роман.

— Дело хозяйское, — обронил Борис, но, затянувшись, невольно выпустил дым в сторону.

Корней, получив расчёт за медвежью шкуру, купил суконную куртку, штаны и кое-что из продуктов, включая махорку для чукчей. На это ушла половина суммы. Оставшиеся деньги отложил на жизнь.

Труженица «аннушка» надсадно взревела и, набирая скорость, понеслась по льду, оставляя позади клубящийся шлейф снега. Перед грядой торосов взмыла. Земля стала быстро удаляться.

Корней прилип к иллюминатору. Под ним белая пустыня с оледенелыми змейками речушек и мраморными пятнами озёр. По этой слепящей белизне ползла серая тень, похожая на крест. «От самолёта», — догадался скитник.

Справа заснеженные хребты, затейливо изрезанные ущельями.

Слева — обширные ледяные поля, гладь которых нарушали вздыбленные торосы. Над всем этим сияли неестественно большой диск солнца и огромная полупрозрачная луна. Странно было видеть их на одном уровне с самолётом. На гранях торосов солнечный свет дробился и сиял мириадами алмазов. Внезапно всё погасло — это облако закрыло солнце, и торосы приобрели обычный зеленовато-белый цвет.

Ритмичный рокот двигателя невольно напомнил Корнею Чванова, Светлану, золоторудное гнездо, изгнание из общины... Давно это было, а кажется, будто вчера...

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Корней Елисеевич, поглядите, какая красивая лагуна. Название, правда, язык сломаешь — Нешкенкильхын! — прокричал Орлов, указывая на залив, покрытый льдом, словно блестящей чешуёй, и отдёлённый от моря широкой полосой торосов. Это были даже не торосы, а целые архипелаги из нагнанных ураган-ными ветрами льдин.

— А тёмные пятна — это кто? Тюлени или моржи?

— Ни то и ни другое. Это камни вперемешку с землёй. Когда ледник сползает, он тащит с собой всё подряд. Возможно, скопление подобных «земляных» айсбергов и приняли за землю Санникова. Слыхали про такую? — перекрикивая грохот двигателя, спросил Орлов.

— Не слыхал. В российском атласе такой не попадалось.

— Так её и нет ни на каких картах. Эту землю так и не нашли... Смотрите, смотрите, это мыс Сердце-Камень! На нём родилась моя мама.

Самолёт вдруг словно провалился в пропасть. У Корнея внутри всё сжалось, к горлу подкатила тошнота. Орлов заметил это:

— Воздушная яма. Ещё не одна будет. — И протянул Корнею бумажный пакет. — На всякий случай.

Чем ближе Тихий океан, тем меньше снега. Вот сквозь дымку показался Берингов пролив с тёмными разводьями открытой воды. Сверху льдины напоминали клочки белой ткани, разбросанные на чёрном бархате. Аляска, к сожалению, была скрыта туманом. Видны лишь острова посреди пролива.

— Вон тот — остров Ратманова, он же — Большой Диомид. Это самая восточная точка России. На нём наша погранзаства. В четырёх километрах от него расположен остров Крузенштерна, или Малый Диомид, он американский. Между ними происходит смена суток. У нас 9 мая, а у них 8 мая.

— Как так?

— Там линия перемены дат. У нас день уже начался, а к ним он ещё не пришёл.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Ветер над проливом был посильнее, и лёгкий самолёт стало бросать из стороны в сторону. Собаки заскулили. Впереди показалась длинная узкая коса с рассыпанными вдоль неё кубиками домов и яранг¹. Это был Уэлен — самый восточный населённый пункт не только Советского Союза, но и Евразии. А чуть ниже самая восточная точка — мыс Семёна Дежнёва. Этот отчаянный казак, пройдя здесь в 1648 году, доказал, что Азия не соединяется с Америкой. (Экспедиция Беринга это сделала на восемьдесят лет позже.)

— Видишь маяк? На нём укреплена чугунная плита с барельефом знаменитого морехода Дежнёва, неподалёку деревянный крест... А тут самое узкое место пролива. Ещё в прошлом году на его берегу было эскимосское село Наукан. Прежде наши и американские эскимосы зимой по льду, а летом на байдарках регулярно ходили друг к другу. Когда выяснилось, что американцы вербуют их для разведки, всех жителей Наукана переселили кого в Уэлен, кого в Нунямо, кого в Лорино. Ниже — Берингово море, а дальше Тихий океан.

Покрытое тяжёлыми, словно маслянистыми валами, море показалось Корнею более мрачным и суровым, чем Чукотское.

Самолёт тем временем сделал разворот в сторону узкой, похожей на звериную пасть бухты Святого Лаврентия. Своим названием она обязана (не совсем заслуженно) англичанину Джеймсу Куку. Землепроходец Тимофей Перевалов нанёс этот залив на карту за тридцать лет до него.

Сделав пару кругов, «аннушка» зашла навстречу ветру и, снизившись, заскользила лыжами по снегу. Когда Корней спрыгнул на землю, его повело в сторону: болтанка всё-таки сказывалась.

— Что, качается земляца?

— Качается, — сознался он. — Будто на палубе в шторм.

— Это с непривычки.

Ошалевшие собаки повыскакивали следом.

¹ Здешние яранги до середины сложены из камней, а верхняя часть покрыта шкурами морских животных.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Борис, благодарю вас. Сверху и в самом деле всё так необычно и красиво! Кажется, увеличенную карту разглядываешь.

— Рад, что понравилось. Вы тут подождите чуток, сдам пушнину, помогу устроиться.

Когда машина с мехами отъехала, Корней огляделся. Перед ним приземистое здание аэропорта, рядом несколько «аннушек» и вертолёт. Метрах в ста от взлётной полосы темнело море, обрамлённое лентой припая. Бриз доносил оттуда запах йода.

Посёлок, состоящий в основном из двухэтажных зданий, тянулся длинной улицей с другой стороны. В центре возвышались два внушительных строения. Видимо, больница и школа. Вместо тропинок — деревянные мостки. Где-то тарахтела дизельная электростанция. Между домами трубы теплоснабжения, запрятанные в дощаные короба. У котельных горы угля и шлака. Снег вокруг них чёрный от угольной пыли и золы.

«Эх! — невольно подумал Корней. — Как всё-таки чисто и красиво там, где нет людей!»

За улицей начиналась тундра, упирающаяся в лысые сопки с заплатами снега. На берегу на опорах из китовых рёбер с десятков больших и малых байдар¹. «Ставят повыше, дабы собаки моржовые шкуры не погрызли», — догадался скитник. Отдельно четыре больших вельбота, подпёртых деревянными столбиками. Там же причал для морских судов. Возле него зиял ещё не обшитый моржовыми шкурами ребристый остов новой байдары.

Во время войны посёлок Лаврентия был важнейшей перевалочной базой для грузов, доставляемых из Америки по так называемому «ленд-лизу». Для их переброски от причала к аэродрому была проложена узкоколейка. (Судя по заржавевшим рельсам, ею уже не пользуются.) Здесь же осуществляли дозаправку самолёты, перегоняемые на фронт.

¹ Большая чукотская байдара — лодка с плоским дном и крутыми бортами, обтянутая дублёнными шкурами морских животных, сшитыми жилами в одно целое. Она выдерживает до тонны груза. Чтобы швы не пропускали воду, их промазывают салом китов либо моржей.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

В стороне от пирса стояли катера, судя по серой окраске, военные. На их реи то и дело садились чайки и, оставив очередную порцию помёта, улетали.

На припае¹ снова лежали ребята. Они ловили через многочисленные продушины морских бычков. Костлявых, но чрезвычайно вкусных.

До Корнея вдруг дошло:

— А ведь я уже там, куда так стремился последние годы, — на самом краю матушки-России! Дальше океан, совсем близко Аляска. Место тут, конечно, не больно приветливое, но ведь главное не в этом. Главное, я здесь!

По телу прокатился нервный озноб, и Корнея охватила небывалая радость. Он задрал голову и, глядя в глубину неба, прокричал:

— Отец, ты меня слышишь?! Я здесь! Я дошёл! Я исполнил нашу мечту!

Проехав и пройдя по Крайнему Северу многие сотни километров, Корней с грустью понял, что истинно старообрядческих общин на Севере не сохранилось. Только старые книги напоминали об их присутствии в этих краях. Большинство уехали, а те, что остались, отошли от веры. Вроде места потаённые, а веру не сберегли. Странно! А вот в их общине вера крепка по сей день.

Отвлёк Корнея от этих размышлений Орлов, подошедший с плотным, невысоким чукчей лет тридцати. Его лицо лоснилось то ли от жира, то ли от пота.

— Корней Елисеевич, познакомьтесь, бригадир зверобоев — Оттой. Он устроит вас в общежитие.

Чукча повёл Корнея к длинному зданию. Над дверью вывеска: «Колхоз «Заря Чукотки».

— Товарищ Корней, извините, у нас тут разные запахи, — предупредил Оттой.

¹ Припай — ледяная кайма вдоль берега.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Я привыкший, лишь бы крыша была над головой.

Пройдя тамбур, они оказались в просторном помещении, заваленном свежими шкурами тюленей, клыками моржей.

— Здесь участок подготовки шкур к выделке.

— А это что такое? — Корней показал на серые пластины.

— Китовый ус. Из них делают щётки, из нитей плетут особо прочные сети.

На низеньких табуретках сидели смуглые, миловидные женщины. Одни счищали скребками жир со шкур. Другие замачивали их в чанах с какой-то жёлтой жидкостью. Среди шкур одна выделялась размерами. Заметив удивлённый взгляд гостя, Оттой пояснил:

— Лахтак, или морской заяц. Тоже тюлень, только очень большой. Если вес самого маленького тюленя — нерпы, редко превышает девяносто килограммов, то этот может весить и триста, и четыреста. У них вкусное мясо, а толстая шкура — лучший материал для изготовления подошв обуви.

— А почему такую громадину назвали морским зайцем?

— Они пугливые, как зайцы, и по суше передвигаются прыжками, отталкиваясь задними лапами.

Поднявшись на второй этаж, вышли в коридор с десятком дверей по обе стороны.

— Наше общежитие. — Распахнув последнюю дверь, добавил: — Свободных комнат нет, будете жить со мной. Располагайтесь, я кипятку принесу,

Через пять минут на столе лежал нарезанный хлеб, стояли миска с тюленьим студнем, банка сгущёнки и чайник с кипятком.

— Вы уж извините, присоединиться не могу — работа. — Бронзовое лицо бригадира сразу стало серьёзным.

— Оттой, мне бы собак покормить.

— За них не беспокойтесь, — махнул рукой Оттой, — на берегу после разделки туш остаётся много отходов. Все наши собаки там кормятся. И вашим хватит.

Ночью посёлок накрыл тайфун. Трёхметровые волны, обрушиваясь на побережье, с такой яростью крошили береговой припай,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

что осколки льда и солёные брызги долетали до ближних к морю домов. Жизнь замерла.

На вторые сутки напор ветра стал ослабевать. На метеостанции подтвердили: тайфун уходит. Оттой повеселел и дал команду готовиться к охоте. Как раз подошло время, когда серые киты, ежегодно мигрирующие из Берингова моря в Чукотское, проходят мимо бухты Лаврентия.

Корней, никогда не бывавший на китовой охоте, попросил бригадира взять его. Тот поначалу отнекивался, но в конце концов уступил.

Ещё не совсем рассвело, а китобои уже собрались на берегу. Кто с веслом, кто с гарпуном, кто с бухтами канатов, кто с кожаными буями¹. Сложив инвентарь и несколько карабинов на дно двух байдар, перетасили их, подкладывая деревянные катки, к месту, свободному от припая. Одолев вал из выброшенных штормом водорослей, столкнули судёнышки в воду. Волна гулко забила в борта из туго натянутых тюленьих шкур.

Длинные вёсла в ремённых уключинах выметнулись вперёд. Несколько слаженных гребков, и байдары устремились в открытое море. Благодаря эластичности шкур, обтягивающих деревянный каркас, лодки обладали хорошим ходом, а главное, не боялись столкновения с льдинами.

Для увеличения зоны поиска байдары вскоре разошлись. Хотя ветра почти не было, по морю гуляли размашистые волны. Лодки то скатывались по долгому склону, то плавно «взлетали» вверх.

Пробарражировав до полудня, не засекали ни одного фонтана. Лишь однажды мимо них стремительно пронеслась, распарывая водную рябь, стая касаток. Зверобои приуныли. Оттой уже намеривался сменить место поиска, как вдруг впереди взметнулась белая расширяющаяся кверху струя. Кит!

Теперь важно угадать направление, в котором он плывёт, и постараться, когда вынырнет за очередной порцией воздуха,

¹ Буй (пых-пых) — поплавки из нерпичьих шкур, снятых чулком, надутых и высушенных.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

оказаться как можно ближе. Опытный бригадир не ошибся — следующий фонтан с шумом выметнулся метрах в ста. Гарпунёр, сжимая отполированное руками прочное древко, встал на носу. В третий раз кит вынырнул на расстоянии, позволяющем метнуть остро заточенный гарпун с раскрывающимся наконечником¹.

Бросок получился удачным. Линь, привязанный к гарпуну, утащил лежащий в байдаре буй в воду. (В этот момент кольцам линия ничто не должно мешать: если он обовьёт чью-либо ногу, человека выдернет из лодки.)

Подоспела вторая байдара. Вскоре уже три гарпуна торчали в громадной спине. Волоча за собой гроздь кожаных шаров, прыгающих на волнах, исполин терял скорость, а главное, не мог надолго уйти на глубину. Один раз он вынырнул так близко, что едва не опрокинул байдару: сквозь полупрозрачные тюленьи шкуру было видно, как зеленоватый фон воды сменился на серый. Лодка приподнялась и накренилась, к счастью, несильно.

Наконец все гарпуны брошены и оставалось ждать, когда раненый гигант ослабеет настолько, что его можно будет взять на буксир. Напоследок кит издал предсмертный вопль, напоминающий вой ветра в печной трубе, и, из последних сил забив хвостом, зацепил-таки борт байдары. Верхний брус с треском переломился. Не будь борт таким высоким, вода хлынула бы внутрь. А так обошлось ледяным душем.

Корней, глядя на маленькие, немногим больше чем у оленя, глаза, подёрнутые смертной пеленой, прочёл в них укор. Он, конечно, сострадал бедняге, но успокаивал себя тем, что этот кит накормит сотни людей.

Жестокая охота, но у береговых чукчей нет иных способов добыть кита. А без его мяса и жира на этой промёрзшей, бесплодной земле, где девять месяцев зима, им не выжить.

Буксировали многотонную тушу обе байдары. Приближаясь к бухте, зверобои выстрелами известили об успешной охоте. Когда

¹ Гарпун устроен по принципу зонтика: попадая в тело кита, наконечник раскрывается, не позволяя ему выйти обратно.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

подходили к причалу, жители посёлка уже толпились на берегу. В ожидании пиршества они пели, пританцовывали.

Перед тем как вытащить кита лебёдкой на берег, Оттой забрался на его спину и, опустившись на колени, исполнил обряд благодарения:

— Ръэвыт¹, ты наш прародитель. Спасибо тебе за то, что кормишь чукчей. Прости, что делали больно, но без твоего мяса и белоснежного сала чукчи умрут.

Как только морской исполин оказался на берегу, рабочие приступили к разделке. Ловко орудуя острозаточенными кривыми ножами, насаженными на длинные черенки, рассекали эластичную шкуру на квадраты и вынимали её вместе со слоем жира. Открыв доступ к мясу, вырезали его такими же квадратами. Помощники наполняли мясом и жиром принесённые жителями посёлка мешки и вёдра. Раздавали без ограничения — кто сколько унесёт. Довольные люди тут же спешили с «добычей» домой. Самые нетерпеливые на ходу отрезали кусочки и, не жуя, глотали. Но всё же первые куски мяса по традиции отведали сами китобои.

— Китовая шкура со слоем сала — для нас самый любимый деликатес, — пояснил Оттой. — Попробуйте, это очень вкусно. — Бригадир протянул Корнею бурюю полоску с белоснежным салом.

— Действительно вкусно, — согласился тот, съев её.

Рабочие артели тем временем вырезали из громадной пасти сероватые, невероятно гибкие и прочные роговые пластины китового уса². Они, словно листья книги, были плотно прижаты друг к другу. По краю пластин свисала бахрома, образующая подобие

¹ Ръэвыт (*чукотск.*) — кит. Его тёмно-красное с крупными, грубыми волокнами мясо даже после варки остаётся жестковатым. Поэтому есть его предпочитают сырым или замороженным, настрогав стружкой.

² Китовый ус представляет собой гибкие и упругие пластины длиной до четырёх метров и шириной порядка двадцати сантиметров. При нагревании они становятся эластичными и им можно придавать необходимую форму. Кроме того китовый ус хорошо делится в длину на тонкие нити, из которых плетут самые прочные и долговечные сети.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

щётки. Через неё киты отцеживают моллюсков, мелких рачков, рыбёшек и планктон. Когда все пластины были вырезаны, их связали в пачки и сложили отдельно.

Некоторые подходили к ним и, соскоблив ножом белый налёт, с наслаждением слизывали. Эту «вкуснятину» Корней попробовать не решился.

Сумерки сгущались. Мгла, подсвеченная багровым закатом, заливала берег, но артельщики не прекращали работу. Когда взошла луна, от кита остался лишь скелет с торчащими рёбрами (их потом используют при строительстве яранг).

Большую часть мяса и жира на тележках перевезли в колхозный ледник, вырубленный неподалёку от берега. Этот запас, ещё не раз пополняемый в течение лета, поможет жителям посёлка пережить долгую зиму. Внутренности забрала звероферма для голубых песцов. Почти всё оставшееся мясо отправили в цех для засолки в бочках. Туда же перевезли китовый ус. Из него изготовят щётки, сувениры, заготовки для защиты полозьев нарт.

Самые нежные куски с хвостовой части сложили в леднике отдельно — для общего праздничного стола. Его накрыли на следующий день. На берегу запалили костры, повесили котлы. Вскоре в воздухе завитал, призывая жителей посёлка, соблазнительный аромат. Берег наполнился звуками бубнов, песнями, танцами. С криками носилась ребятня.

Глядя на всеобщее веселье, Корней подумал: «Какой стойкостью, каким характером надо обладать, чтобы, родившись на голой, замороженной земле в окружении льдов, не только выживать, но и сохранять способность так радоваться жизни. Как велико в них чувство общинности! Наверное, благодаря этому они и сохранили свою культуру и чистоту крови».

* * *

После китовой охоты минуло десять дней. За это время окружающие посёлок холмы преобразились. Снег сошёл. Сквозь бурю прошлогоднюю траву из оттаявшей земли выстрелили синие,

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

красные, белые, жёлтые цветы, образовавшие красивый пёстрый ковёр. К сожалению, эта красота оказалась недолговечной. Уже через пять дней от неё осталась лишь зелёная щетина.

Скитник к тому времени успел обследовать весь посёлок и его окрестности. Поднимался на ещё заснеженные сопки, где видел отпечатки медвежьих лап. На расплзающемся снегу они казались особенно огромными. На протаявших участках краснела сохранившаяся с осени брусника. Побывал на метеостанции, звероферме, проведаль Орлова, познакомился с братом Романа.

Ходил и в глубь залива. Узкие карнизы, уступы, расщелины, пустоты, ниши скалистых берегов были усеяны гнёздами птиц. Резкие крики кайр, пронзительные вопли маёвок, хриплые голоса бургомистров, свист чистиков сливались в глухой, далеко слышный гвалт, заглушающий даже шум прибоя. Небо временами становилось серым от тысяч пернатых, беспрестанно снующих к морю и обратно, чтобы выкормить своих птенцов. Все обитатели птичьих базаров — отличные ныряльщики и без рыбы или рачков никто не возвращается. Среди скал мелькали чёрные косматые головы мальчишек. Размахивая сачками, они ловили птиц на лету.

Теперь Корней не знал, чем ещё заняться. Ему были в тягость царившие в посёлке скученность, слякоть, угольная пыль. А до прихода «Арктики» ещё не меньше месяца.

Скитник развернул свою замусоленную, потёртую на изгибах карту и нашёл на ней залив Лаврентия. Хорошо изучив ломаную линию его берегов, решил, вместо того чтобы маяться в ожидании парохода, ехать в Уэлен и поджидать «Арктику» там.

Когда бригадир вернулся с работы, Корней, несколько смущаясь, обратился к нему:

— Оттой, я вам всем очень благодарен за гостеприимство. Люди у вас хорошие, добрые, но хочу отправиться в Уэлен, чтобы по дороге посмотреть, как чукчи в стойбищах живут. В Лаврентии ведь даже настоящей яранги нет. До парохода ещё долго, добраться успею. Думаю завтра выехать.

— Корней Елисеевич, я вас понимаю, только как вы через залив переправитесь? По берегу далековато. Бухта у нас язы-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

кастая — километров на шестьдесят в материк уходит и берега крутые.

— Да как-нибудь, не привыкать.

— А знаете что? Мы послезавтра опять на охоту идём. Вас на байдаре можем переправить.

— Отличный вариант. Спасибо, Оттой!

ЧУКЧИ. УЭЛЕН

Волны с ленивым шуршанием накатывали на косу, заваленную тёмно-зелёными водорослями вперемешку с поплавками от сетей. Здесь особенно сильно ощущался запах йода. Байдара, подняв донную муть, мягко наехала на эту мешанину. Зверобои помогли Корнею выгрузиться. Через полчаса собаки уже весело бежали по мшистой тундре.

Впереди, на высоком берегу показались приземистые яранги Нунымы. Возле одной белело что-то похожее на арку. К селению с моря подходила большая байдара. Смуглолицые рыбаки в брезентовых бушлатах и непромокаемых штанах из нерпичьей кожи спрыгнули в воду и, подхватив причальные концы, вытянули судно на берег. После чего стали переносить нерп и мешки с рыбой в ледник. Добытый ими огромный морж плавал, привязанный верёвкой, к корме байдары. Из него торчала трубка, через которую в живот закачали воздух (чтобы туша не утонула).

Корней остановил упряжку и подошёл к ним. Командовавший разгрузкой невысокий, ловкий в движениях, чёрноволосый, несмотря на почтенный возраст, бригадир приветливо улыбнулся:

— Еттык!¹

— И вам здравствуйте.

— Табацёк на головочку ниту?

Корней достал из котомки пачку махорки.

— Угощайтесь.

Чукча вытащил из голенища костяную трубку; заправил её и протянул пачку обратно.

¹ Еттык (*чукотск.*) — форма приветствия, в переводе — пришёл!

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

— Нет, нет! Это вам. Я не курю.

Бригадир удивлённо заморгал:

— Как так — не курю?

— Вера не позволяет.

Обрадованный зверобой быстро сунул пачку в карман и с наслаждением затянулся.

— Откуда и куда едешь?

— Сейчас из Лаврентия, а еду в Уэлен. По пути хочу посмотреть, как живут настоящие чукчи.

— Гаврила! — окликнул бригадир атлетически сложенного парня, нёсшего на плече мешок с рыбой, и продолжил что-то почукотски. А повернувшись к Корнею, сказал:

— Пошли покажу, как живём.

Тем временем Гаврила, подойдя к Корнеевским собакам, высыпал им полмешка рыбы.

Белая арка оказалась китовой челюстью. Под ней мясная яма, прикрытая огромной китовой лопаткой. Хозяин открыл дверь. (Ручка двери была из моржового бивня.)

— Заходи!

Яранга представляла собой шатёр из тюленьих шкур, натянутых на каркас, вертикальный в нижней части, конусообразный в верхней. В центре дымовое отверстие. Основа для нижней части яранги деревянная, а верхняя из китовых, уже сильно закопчённых, рёбер. За счёт того, что стены на высоту человеческого роста вертикальны, яранга при одинаковом диаметре основания вместительней чума. Одно плохо — в ней довольно дымно. В чуме, благодаря конусообразной форме, дым лучше вытягивается.

Внутри два помещения: чоттагин и меховой полог. Чоттагин — холодная часть жилища. В нём горел костерок, над которым висел чайник, а рядом, на гудящем голубым пламенем примусе¹, стояла большая кастрюля с аппетитно пахнущим варевом. В цен-

¹ Примус — бесфитильный нагревательный прибор, работающий на керосине. Перед приготовлением пищи в латунный бачок с топливом необходимо накачать воздух, чтобы создать давление. До середины 60-х годов XX века в стране были популярны ещё керосинки и керогазы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

три яранги на крючках две керосиновые лампы. Повсюду связки сушёной рыбы.

На приспособленной под стол ещё одной китовой лопатке два железных подноса. На одном гора варёного мяса, на другом — рыбы. Рядом пучки дикого лука, лепёшки, алюминиевые кружки и две бутылки спирта. Хозяйка хорошо подготовилась к встрече мужа и членов его бригады.

Земляной пол застелен моржовыми шкурами. Они хорошо защищают от холода вечной мерзлоты и с них легко сметать мусор щёткой из китового уса.

Переодевшись, подошли и расселись на китовых позвонках, застеленных оленьими шкурами, остальные члены бригады.

Выпили, закусили. Мясо ели, отрезая ножами прямо у губ. Корней ел как привык — откусывал мясо зубами. Увидев это, бригадир протянул ему острый узкий нож:

— Зубами рвут мясо собаки, у человека нож есть.

Управившись с едой, Корней по просьбе хозяина рассказал о своём путешествии, о гостеприимстве юкагиров-оленеводов.

— Легко быть гостеприимным, когда еда вместе с тобой ходит. Наши оленные чукчи тоже хорошо живут. Голода не знают. У них одна забота — волков отгоняй. А наша еда в море. Чтобы добыть, байдару сделай, шкурами обшей, карабин, огнеприпасы купи. Тюленя выследи, застрели, из воды вытащи. Если море в сплошных льдах, месяцами тюленя не видишь. Тогда варим лохтачьи шкуры, соскабливаем со стенок бочек остатки жира, выковыриваем в ледниках примёрзшие кусочки мяса.

— Что же сами тогда оленей не заведёте?

— Пошто нам кочевая морока? Ярангу разбирай, собирай. Она такой тёплой, как у нас, никогда не будет.

Беседа шла в табачном дыму — чукчи все поголовно курили. Что интересно, кашляя, они прикрывали рот левой рукой, а не правой: чтобы при рукопожатии не передать микробы.

Выпили ещё. Захмелевший Гаврила, поёрзав на «стуле», неожиданно запел ровным чистым голосом:

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Ой мороз, мороз!

Не морозь меня...

— Красиво поёшь! Проникновенно, душевно! — похвалил Корней.

Польщённый юноша покраснел:

— Люблю русские песни. Столько в них чувства и слова хорошие.

«Какие на Севере удивительные люди, — не уставал восхищаться скитник. — Живут там, где под ногами вечная мерзлота, а зимой промерзает и всё остальное; не растёт ни картошка, ни рожь, армады кровососов залепляют глаза и рот, не дают дышать. Но при этом они довольны жизнью и даже песни поют».

* * *

Ехать Корней старался по берегу. Во время «короткой» воды — отлива, дно обнажалось, и он набирал полный котелок полюбившихся крабов. Вечером, отварив их в морской воде, лакомился бело-розовым мясом.

Как-то из-за увала вышел небольшой бурый медведь. Он то рылся в водорослях в окружении многочисленной птичьей братии, то ворочал камни в поисках затаившейся на время отлива живности. Обнаружив выброшенную на берег нерпу, тут же принялся потрошить её. Услышав приближение упряжки, подслеповатый зверь привстал на задние лапы и устремил угрюмый взгляд глубоко посаженных глазок в сторону источника шума. Стоило ветру донести запах собак и человека, как он пустился наутёк, подпрыгивая, будто мячик. Собаки протухшую нерпу есть не стали.

Яранги береговых чукчей стояли почти в каждой бухточке. Возле них бочки с керосином, соляжкой. Пустые уже приспособлены для хозяйственных нужд: кто-то сделал железную печь, кто-то коптильню, кто-то хранил в них продукты — в бочках они недоступны грызунам.

Весть об одноногом русском, прошедшем в одиночку не одну тысячу километров, быстро облетела побережье, и неизбалован-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ные встречами с новыми людьми чукчи собирались послушать и поглядеть на отважного путешественника.

Встречи с местными Корнею нравились, но от предложений ночевать в яранге он вежливо отказывался: предпочитал спать у моря. Разводил на берегу костерок и, удобно устроившись на спальнике, любовался под ритмичный рокот прибоя нежными красками северного заката. Пил чай. Подолгу смотрел, как волны гоняют мелкие камушки, стараясь перетереть их в песок.

Стояли белые ночи¹, и в прозрачной воде можно было разглядеть качающиеся в такт волнам молочные чаши медуз. Бескрайность моря успокаивала и в то же время вызывала волнующие воспоминания детства: жизнь в стойбище дедушки, бабушкины сказки, дружбу с беркутом, с рысью, лосём-альбиносом Снежком.

В одной из бухт на пустынном берегу увидел пирс. Рядом с ним небольшое кирпичное здание. В рамках без стёкол свистел ветер. От пирса за холмы, уходила зарастающая дорога. Корнею стало любопытно — куда же она ведёт?

Через пару километров показались кирпичные и железобетонные постройки. Среди них выделялись два огромных ангара. На одном красным выведено: «Наше знамя — знамя Победы». На другом: «Армия и народ едины». Между ними штабеля круглых потемневших брёвен, сотни бочек с нефтепродуктами и целый парк ржавеющих гусеничных тракторов. Чуть в отдалении здания поменьше. Все будто новенькие, без намёков на разрушение.

«Странно! Такие крепкие постройки — и брошены», нелепость этого расточительства не укладывалась в голове Корнея. Ведь на Север абсолютно весь стройматериал, начиная с гвоздей, кончая брёвнами, завозится морем².

¹ На Чукотке в этих широтах полярного дня и полярной ночи уже не бывает.

² После 1947 года американцы стали сосредоточивать на Аляске большое количество военных кораблей, включая авианосцы, и были серьёзные основания ожидать воздушных атак с высадкой десанта. В связи с этим, по решению Сталина, создавался Северный сектор береговой обороны. Техника и строительный материал с конца 40-х годов доставлялись судами из Владивостока.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Скитник заглянул в одно из окон. На крашеном полу валялась алюминиевая посуда. «Столовая» — сообразил он. — Так вот откуда у береговых чукчей столько кружек, мисок и бочек!»

Следующая бухта порадовала десятками яранг. К самой большой из них Корней и направился. Навстречу вышли двое. Чукча с заплетёнными в две косы чёрными волосами и совсем молоденький белобрысый, с курчавой апостольской бородкой и застенчивыми голубыми глазами паренёк.

— Корней Елисеевич, мы вас уже второй день поджидаем. Вот познакомьтесь. Это председатель сельсовета — Бориндо Юрьевич, а я учитель — Эдуард Яковлевич. Для вас просто Эдик. Учю чукотских детей грамоте, или, как они говорят, «записывать разговор». Проходите. — Он откинул меховую завесу, заменявшую дверь. — Вот здесь пока и учу. На днях обещают лес с брошенной базы для школы перебросить.

Встреча с жителями селения, как всегда, затянулась. Учитель уже несколько раз подрезал фитили, подливал керосин, а люди все не расходились...

Когда ярангу покинул последний слушатель, Эдуард посочувствовал:

— Наверное, мы замучили вас?

— Да нет. Мне и самому было интересно.

— У нас народ неизбалованный — любой новый человек, а тем более такой, как вы, событие... Пойдёмте, Бориндо Юрьевич ждёт нас. О собаках не беспокойтесь, их покормили.

Завершили ужин бессчетными чашками чая, приправленного соленым китовым жиром. На память о встрече председатель подарил Корнею моржовый клык с вырезанными на нём сценками охоты.

Вернувшись в «школу», скитник сразу раскатал спальный мешок и, отстегнув культю, плюхнулся на него.

Но через год после смерти вождя Хрущёв закрыл этот дорогостоящий проект, а саму Северную 14-ю армию расформировал. Военные дисциплинированно покинули чукотские берега, оставив множество готовых объектов (казармы, блиндажи, бомбоубежища, аэродромы).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Эдик, ты хотел что-то спросить.

Парнишка замялся:

— Вы, наверное, устали... Может, завтра?

— Не обращай внимания, что я лёг. Целый день на ногах. Тяжело.

— Корней Елисеевич, вот скажите, смогли бы вы остаться здесь жить?

— Вряд ли. Побывать, поработать в разных местах хорошо и полезно, но человека, как и птицу, тянет к родному гнезду... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Понимаете, я здесь почти год, но никак не привыкну. Всё время кажется, что это сон. Вот проснусь — и нет ни воя ветра, ни льдов, ни тошнотворного запаха прокисших шкур, табака. А я в родном Ленинграде, рядом мама... Не понимаю, почему так произошло? Я ведь с детства грезил Севером. Мечтал забраться в арктическую глушь, приносить пользу стране. Добился, чтобы сюда направили. Чукотский язык выучил... И что? Тоска и постоянное чувство одиночества. Никак не привыкну к этим запахам, однообразной и невкусной еде... Иногда так тошно, что готов пешком уйти отсюда.

— Друг мой, — начал Корней, чувствуя жалость к этому растерявшемуся парнишке. — Советовать я не берусь, могу лишь сказать, как сам поступил бы в такой ситуации. Ежели Господь направил бы меня сюда, я со всем старанием, дабы не стыдно было перед ним, отслужил урок... Постарайся взглянуть на свою работу глазами человека, который несёт этим людям знания и веру в то, что, научившись читать, они откроют для себя мир, в котором столько всего интересного! Сам говоришь, что они очень любознательные. Вот и помоги им.

Когда поймёшь важность того, что делаешь, будешь по-другому относиться к своей работе и к тесноте в яранге. Коренные северяне — люди простые, бескорыстные, последним готовы делиться, а взамен ждут немного. Лишь уважительного отношения и твоих знаний.

— Как хорошо, Корней Елисеевич, что я с вами об этом заговорил. А то ведь боялся, стыдно было... Теперь полегче стало...

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Учитель замолчал и, глядя в никуда, погрузился в свои мысли. Через минуту, словно очнувшись, произнёс:

— А ведь и вправду не так всё плохо. На днях завезут материал, построим просторную, светлую школу. Там не будет этих неприятных запахов.

— Вот-вот! А теперь представь, как в дальнейшем, где бы ты ни оказался, не только тебя, но даже твоих детей будет греть мысль о том, что это ты построил школу... Догадываюсь, как трудно тебе после города. Даже я, всю жизнь проживший в тайге, к некоторым местным особенностям до сих пор не привыкну. Но это всё мелочи и относиться к ним надо спокойней. Надо думать не о них, а о людях. Сам видишь, чукчи — практически дети. Живя веками на одном и том же месте, они мало что видели, мало что знают, а ты, окончивший университет, для них почти пророк. Кстати, если хочешь, можно ещё раз собрать народ. Расскажу о тех великих людях, которые открывали для мира эти земли.

— Здорово! Мне и самому это интересно.

— В общем так: сомнения в сторону — и за работу. Вон Семён Дежнёв девятнадцать лет без жалованья трудился, а сколько для Отечества сделал.

— А почему не платили?

— Да просто никто не знал, куда ему пересылать жалованье, да и жив ли он вообще. А когда вернулся в Москву, получил деньги за всё время своего служения.

— А вот у вас случались ли минуты, когда вы сожалели, что отправились в это рискованное путешествие?

— Нет! Не было такого! Была боль в ногах, много раз обмороживался, облезала кожа на лице и руках. Пару раз сильно хворал. Но ни разу не пожалел, что пошёл. Бывало одолевал страх: «Неужто не дойду?» А вот пожалеть, что пошёл, такого не было!

После лекции о землепроходцах и мореходах, открывших миру эти земли, Корней, прислушавшись к совету Бориндо Юрьевича, попросился на почтовый катер, отправлявшийся в Уэлен. И правильно сделал: дальше берега были изрезаны глубокими фиордами.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Собакам пришлось бы несладко. Некоторые бухты до сих пор, как ни странно, забиты льдом. На каменистой террасе одного из островов лежище моржей. Одни лежали спокойно, другие, отыскивая на мелководье мясистых моллюсков, рыхлили клыками гальку, трети, всплыв, отфыркивались, выплёвывая створки раковин. На появление катера животные никак не отреагировали.

— Здесь заповедник, — прокомментировал Денис, скуластый, черноволосый рулевой лет тридцати. — А вы в Уэлене к кому?

— Ни к кому. Мне надо дождаться прихода «Арктики».

— Если хотите, у меня можете остановиться. Живу один, дома бываю редко. Всё в разъездах, работа такая.

— Вот спасибо! Тебя мне, похоже, ангелы послали.

— Ангелы тут ни при чём! Сегодня я помог, завтра мне помогут. Без этого у нас никак.

Как только катер, ровно урча, прижался к пирсу, обвешанному покрывками, матрос опустил трап и закрепил швартовый конец. На берегу ни души. Да и кому интересен местный катерок? Вот если бы судно с материка, тогда всё население было бы на причале.

Уэлен располагался на длинной, узкой косе, возвышающейся над уровнем моря всего-то на метра два-три. При этом некоторые дома стояли почти у самого уреза. Корней невольно забеспокоился — может ведь и смыть.

Берингов пролив был чист ото льда. За островами Большой и Малый Диамид, тёмнела полоска суши.

«Аляска! Оказывается, она совсем близко! Где-то там Елена, а может быть, и внуки. Хоть бы одним глазком глянуть на них», — размечтался Корней.

В посёлке помимо жилых построек имелись школа, радиостанция, погранзастава, магазин, почта и большая косторезная мастерская. Судя по тому, что весь берег в байдарах, основное занятие местных — всё же зверобойный промысел и рыбалка. Число жителей в Уэлене за последний год, благодаря переселенцам с Наукана, заметно выросло.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Среди стоящих у берега судов одно выделялось ухоженностью и нерусской надписью на носу. Это была американская шхуна¹, арестованная за незаконную рыбную ловлю в наших водах. С неё по трапу спускался человек в белой душегрейке. При виде Корнея его чуть хищноватое лицо с глазами-буравчиками на миг вытянулось от удивления, но тут же расплылось в любезной улыбке:

— О! Старый знакомый! Не ожидал здесь увидеть. Вы теперь на Чукотке знаменитость! Торбазное радио только про вас и гудит. Узнаёте меня? Капитан Каменев, — протянул он руку. — Я вас сразу признал. Помните, на Лене документы спрашивал, вы на лодке с товарищем плыли? Я ведь тогда всё же про вас справки навёл: в наших краях «стружек» хватает. А вами восхищаюсь — дошли! Какие планы?

— Дождаться «Арктики» — и домой. Капитан обещал забрать.

— Ну что ж, благополучного возвращения. Кстати, «Арктика» уже вышла из Владивостока. Дней через десять будет... Не забудьте зарегистрироваться на погранзаставе. Она вон за тем забором. Порядок такой. Граница.

На заставе его ожидали — была радиограмма с Лаврентия. Дежурный приветливо улыбнулся:

— Добро пожаловать! Мы обязаны соблности формальности. Ваши документы, цель и время пребывания?

¹ После продажи Аляски Соединённым Штатам Америки американские промышленники помимо промысла морского зверя стали активно завязывать торговые отношения с населением Чукотки, Камчатки. В начале XX века хищнической торговлей с этой российской окраиной занималось уже 30 фирм. Американские фактории были разбросаны по всему побережью от Охотска до Колымы. Только на Чукотке их было двенадцать. Особенно широкий размах приобрело хищничество, когда американцы выкупили «Северо-Восточное Сибирское Акционерное общество», имевшее от царского двора монопольное право разведок и эксплуатации горных богатств Чукотки и заодно и торговли. После падения монархии американцы настолько обнаглели, что в июле 1920 года судно пограничной охраны США установило на мысе Пузино в бухте Провидения столб с надписью, объявляющей Чукотку территорией США.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Записав все данные в журнал, старший сержант не удержался, расспросил о путешествии, что больше всего запомнилось в пути, много ли было трудностей.

Корней вкратце поведал о переходе, особо отметив помощь местного населения.

— Товарищ командир, мне бы печать на справку, чтоб ни у кого не было сомнений, что я был на самом восточном краешке нашей страны.

— Не проблема. Могу даже подписаться... Кстати, где остановились?

— У Дениса.

— Почтовика?

— Да.

— Передавайте ему привет. Отличный парень... Питаться можете в нашей столовой. Повара предупрежу.

— Товарищ командир, а на Аляску можно будет сплавать?

— Вот чего нет, того нет. Запрещено! А что это вас на Аляску потянуло?

Корней понял, что ляпнул лишнего.

— Просто интересно. Это, оказывается, совсем рядом.

* * *

Третьи сутки бушует, нагоняя лёд с Чукотского моря, шторм. Резко похолодало. Льдины, наезжая на берег, крошатся, образуя вдоль косы торосы. В довершение повалил крупными хлопьями снег.

В трёх километрах от посёлка к берегу прижало громадную льдину, точнее, ледяное поле. Когда море успокоилось, местные зверобои отправились на неё кто на собачьих упряжках, кто пешком поохотиться на морского зверя. К вечеру большинство вернулось домой с одной, а кто и с двумя нерпами.

У Дениса следующий день был свободным, и он предложил гостю тоже попытать счастья. Корнею не хотелось ехать, но, не желая обидеть парня, согласился. Тронулись, едва стало светать. Пургу с подросшим Шустрым оставил на привязи — груза не-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

много, какой смысл гонять всех? К тому же молодой мог голос не вовремя подать.

Три километра до льдины и полтора до её края одолели махом. Остановив упряжку метрах в пятидесяти от открытой воды, Корней воткнул остол в лёд и, строго глядя на собак, приказал: «Сидеть!» Лайки послушно свернулись калачиками. Лишь Борой, чуть слышно скуля, забил хвостом: просил, чтобы его освободили. Когда хозяин отстегнул его от потяга, он дисциплинированно лёг рядом с остальными.

Подойдя к самому краю ледяного поля, на метр возвышавшегося над водой, Корней с Денисом увидели внизу множество более мелких и тонких льдин. Между ними чернела вода. Из неё то и дело показывались круглые усатые головы нерп. Глотнув воздуха, одни исчезали, другие, перевернувшись на спину, куда-то плыли, лениво пошевеливая хвостом.

Справа, почти упираясь в поле, возвышался громадный с плоской вершиной айсберг, окружённый белым поясом ледяного крошева. Его чисто вымытые грани сияли в лучах восходящего солнца.

Подъехало ещё несколько упряжек. Чтобы не мешать друг другу, зверобои широко разошлись. Корней устроился ближе к айсбергу, за снежным надувом. Денис метрах в тридцати от него.

Нерпы то и дело выныривали, но на обломки льдин не забирались. Пока они в воде, стрелять бессмысленно — не успеешь зацепишь «закидушкой», утонет. Наконец почти под ним из чёрной воды показалась усатая голова. Нерпа поплыла к небольшой льдине, собираясь, по всей видимости, погреться на уже хорошо припекавшем солнце.

Когда она, помогая лапами, выбралась на лёд, Корней нажал на спуск. Раздался сухой металлический щёлчок — осечка! Нерпа, вместо того чтобы сигануть в воду, беспokoйно завертела головой. Этого времени хватило для повторного выстрела. Через пару секунд со стороны айсберга донёлось шуршание. Корней

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

мельком глянул на ледяную громаду. Ему показалось, будто её вершина качнулась. Пригляделся — точно! Она медленно удалялась от него! Лёд под Корнеем жалобно заскрипел. Перепуганные собаки, вскочив, завыли.

Столообразная макушка айсберга в какой-то момент замерла, но почти сразу стала резко отклоняться. Корней не мог видеть, что под водой не менее резко поднимается подводная часть этой махины. Она упёрлась в ледяное поле и, с треском разломав его край, выходит вся в потоках воды. Обломок, на котором находился скитник, накренило, и он заскользил к воде. Его спасла находчивость и быстрота реакции: выхватив из голенища нож, он со всей силы вонзил его в лёд. А вот собакам не повезло — разлом прошёл прямо под ними, и вся упряжка рухнула в воду.

Когда буруны и тугие водовороты успокоились, а льдина, на которой распластался скитник, перестала крутиться, он огляделся. Увиденное повергло в ужас: бурлящими потоками его отнесло довольно далеко. Вокруг обломки льда. По краю того, что осталось от ледяного поля, бегали люди. Они что-то кричали, махали руками.

— Чего мечутся? На заставу бежать надо, катер вызывать! — подумал Корней вслух. В этот момент сбоку раздался странный звук: как будто кто-то отряхивался от воды. Повернув голову, ахнул! На небольшой льдине метрах в двадцати стоял Борой.

— Дружочек! Миленький! Жив! Плыви ко мне!

Услышав голос хозяина, пёс радостно завилял хвостом и, чуть потоптавшись, сиганул воду. Подплыв, никак не мог взобраться на высокий край льдины. Корней снял с пояса «закидушку» и бросил конец собаке. Умный пёс тут же вцепился в него зубами. Едва отряхнувшись, ошалевший от счастья Борой, бросился на грудь хозяину и принялся лизать ему лицо.

— Умница! Вдвоём не пропадём, — бормотал Корней.

Когда оба немного успокоились, скитник в очередной раз поглядел в сторону Уэлена. Берег заметно отдалился — подхваченную морским течением льдину несло в открытое море. Скитник

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

понимал, что помощи ждать не стоит. От сознания того, что от морской бездны, с неведомыми чудищами, его отделяет лишь хрупкий лёд, противно заныло под ложечкой. Корней достал отцову иконку с ликом Николая Чудотворца и принялся страстно молиться:

— Всесвятый Николае, извечный заступник странников, помоги мне, грешному. Умоли Господа даровать спасение...

От молитвы отвлекло тихой поскуливание Бороя.

«Есть просит», — догадался скитник и полез в висевшую на боку сумку.

— Ну что, дружище! Давай разберёмся, чем располагаем? Так, сухари, шмат тюленьего сала, фляжка с водой, банка стущёнки — как же без неё!.. Однако негусто...

А в это время в Варлаамовском скиту Дарья вместе со свекровью и семьёй Павла, усевшись за стол, пили чай. Как только свекровь обмакнула хлеб в мёд и поднесла ко рту, на подоконник села синица и принялась стучать клювом по стеклу.

— Ой, не к добру! — запричитала свекровь. — Что-то с Корнеем неладно!

— Не каркай! Ненароком беду накличешь! Мало ли зачем птаха на окно села. Не такой Корней человек, чтоб сгинуть! И тут же замахала рукой перед стеклом:

— Кыш, кыш, проказница!

Синица вспорхнула, перелетела на рябину и уставилась на неё, наклоняя голову то вправо, то влево.

* * *

Шли четвёртые сутки дрейфа.

Проснулся скитник оттого, что озяб. Всё вокруг было залито влажной мутью. Кухлянка отсырела и плохо грела. Немного выручало то, что спал не на льду, а на шкуре убитой позавчера нерпы. Туман был настолько густ, что нерпа, лежащая в трёх метрах от него, едва различалась. Настроение хуже некуда — непонятно, где они, куда их несёт. Земля, может быть, рядом, а он не знает об

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

этом. Кричать бессмысленно — голос вязнет, как в вате. Оставалось одно: молиться и ждать, когда молочная мгла рассеется.

Чтобы время тянулось не так медленно, он старался побольше спать или хотя бы дремать. В сновидениях к нему часто «приходила» Дарья. Она то брала его за руку, то, уходя, манила за собой, то звала издали. Он видел это столь явственно, что, очнувшись, непроизвольно начинал искать её глазами. Эти видения поддерживали, поднимали настроение. Корней то и дело молил Господа:

— Отец всемилостивый! Сжался! Сотвори чудо! Обрати милосердие на грешного раба Твоего Корнея и пса его Бороя, не дай сгинуть в этом бездонном вместилище воды...

Ночью его разбудили необычный шум и лай. Ветер не шелокнёт, а море вокруг словно кипит: отовсюду несутся всплески, сопение, шумные вздохи, странные звуки, напоминающие то ли клёкот, то ли хрюканье. Какие-то огромные, сильные существа быстро проносились мимо льдины. Они то погружались, то всплывали, выстреливая из отверстия в затылке струю влажного воздуха. Подойдя поближе к краю, Корней разглядел ослепительно-белую, блестящую, как эмаль, спину морского животного, похожего на гигантское веретено. Это была белуха — представитель семейства зубатых китов.

Их стая атаковала косяк трески. Хватая рыбу широко раскрытыми пастьями, они сталкивались, с шумом били по воде хвостами. Всё это буйство продолжалось минут десять.

Десятка два рыбин, спасаясь от белух, вылетело на льдину. Корней, собирая нежданный «улов», благодарил Господа за столь щедрый дар. Борой, с лаем бегавший вокруг, бурно проявлял свою радость и пару рыбин съел сразу.

Подул ветер, но не настолько сильный, чтобы разогнать белёсую муть. Туман стал отрываться от воды и таять в вышине лишь после полудня. Однако скрытое тучами солнце появилось нескоро. Зато, когда оно выглянуло, вода, пронизанная его лучами, сменила тёмно-свинцовый цвет на изумрудный. Мир из

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

мутного и скукожившегося до размеров льдины сразу стал светлым и огромным.

Как приятно ощущать прикосновение тёплых солнечных лучей! Борой тоже наслаждается: раскинул лапы и подставил брюхо солнцу.

Океан теперь хорошо просматривался во все стороны. Корней, щуря глаза от бликов водной ряби, без устали оглядывал открывшийся горизонт, но по-прежнему ни малейшего намёка на землю. Лишь вдалеке проплыли, выпуская «фонтаны», несколько китов.

Ближе к вечеру на стыке воды и неба показалось белое пятнышко, постепенно приобретающее очертания корабля. Он не был похож на суда, которые Корней видел прежде. На нём ослепительно-белыми были не только высокие надстройки, но и весь корпус с несколькими рядами чёрных точек.

Корабль всё ближе. Скитник принялся, размахивая руками, вопить изо всей силы: «О-го-го! Э-э-гэ-гей!» Борой поддерживал его лаем. Увы, на лайнере не заметили усилий терпящих бедствие.

Прошло ещё два дня. Солнце по-прежнему припекало: на небе лишь несколько полупрозрачных облачков. Полный штиль. Лишь изредка пробегает лёгкая зыбь. И, как всегда, куда ни глянь, беспредельная гладь океана с безупречно ровной линией горизонта. Корней со страхом наблюдал, как поверхность льдины покрывает всё больше и больше луж. Ещё несколько таких солнечных дней, и их «фрегат», истончившись, развалится.

* * *

На следующий день над слепящей гладью океана проступил лёгкий, почти прозрачный силуэт судна с тремя тонкими, в паутине снастей, мачтами и трубой. Он, казалось, парил в воздухе. Корней понимал, что это мираж, но сердце всё равно зачастило в надежде — а вдруг настоящий? Увы, вскоре силуэт бесследно исчез.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Льдина уже вся в сплошных лужах. Днём на солнце Корнею с Бороем ещё удавалось обсохнуть, а за ночь одежда вновь напитывалась влагой. Больше всего страдали ноги — они не просыхали даже днём. А ночью случилась более серьёзная неприятность: от льдины отломился кусок с остатками нерпы.

Корней со страхом ждал шторма — тогда им точно конец. Нервы напряжены до предела. Скитник был на грани отчаяния. И всё же вера в то, что Господь не оставит, не покидала его. Спал теперь в полглаза — льдина то и дело потрескивала и в любой момент могла разломиться.

Борой тоже при каждом треске настораживал уши и всё чаще, задрав морду, выл. Видимо, так пытался сообщить миру, что им нужна помощь.

Сегодня луна вынырнула из воды огромная, оранжевая, будто раскалённая. От её грозного вида предчувствие чего-то непоправимого у Корнея усилилось. Тут ещё Борой, уставившись на неё, стал беспрестанно выть.

— Ты чего беду кличешь? Успокойся, всё будет хорошо, — уговаривал пса скитник.

Задул ветер, раскачавший волну. Льдину то плавно приподнимало, то опускало вниз. Некоторые волны время от времени перекатывались через истончившуюся «посудину». При этом она, жалобно потрескивая, гнулась, будто резиновая. Чтобы не смыло, скитник поглубже воткнул нож в лёд и, когда волна накатывалась, держался за него. А смекалистый Борой вцеплялся в рукав его малицы. В конце концов льдина не выдержала и лопнула рядом с Корнеем с такой силой, что их обдало веером брызг.

Борой оказался отрезанным от хозяина быстро расширяющейся полосой воды. Поняв, что его уносит, пёс было завыл, но, сообразив, что вместе с воем ширится чёрная полоса, прыгнул в воду.

Остаток льдины был настолько мал, что, когда Корней попытался подползти к краю, чтобы помочь подплывшему псу, она заметно накренилась. К счастью, Борой сумел забраться само-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

стоятельно. Поджав хвост, он прижался к хозяину. Теперь любое перемещение даже на полметра приводило к опасному наклону.

Корней понимал — ещё один разлом, и они погибли...

Смерти, как таковой, он не боялся. Страшила, леденила душу перспектива упокоиться не в матушке-земле, а в километровой толще холодной воды. Корнею от этой мысли стало жутко.

Ближе к рассвету ему опять привиделась Дарья с хорошеньким младенцем на руках. Она взяла Корнея за руку:

— Хватит сидеть! Идём крестить внука!

Корней попытался встать и... открыл глаза. Никого. Зато о чудо! На заалевшем востоке вместо уже ставшей ненавистной ровной линии горизонта полоска гористого берега. Ликование, смешанное со страхом, охватило его — не мираж ли? Да нет! Скалы всё ближе! Уже слышен шум прибоя.

— Только бы не сменился ветер! Только бы не сменился ветер! — бормотал Корней.

В голове замелькали вопросы: «Материк или остров? Есть ли люди? Впрочем, не важно — главное, земля!» Весь сжавшись, боясь пошевелиться, он беспрестанно молился: «О всесвятый Николае, тёплый наш заступник и в бедах скорый помощник, не оставь в своей милости! Умоли Господа Бога не менять ветер!»

До берега было уже не более семидесяти метров, как льдина остановилась и потихоньку стала удаляться от него. Корней догадался — отлив! Выход один — надо самому плыть, и как можно скорей!

Он снял меховую одежду, обвязал её и сумку верёвкой. В этот момент льдина, наехав на большой камень, разломилась. Корней с Бороем очутились в воде. К счастью, благодаря отливу здесь было неглубоко.

Обходя валуны, побрёл где по шею, где по грудь в воде за плывущей впереди собакой.

С трудом одолев прибой (обратная волна несколько раз сбивала с ног), выбрался на берег!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Ура-а-а! Земля! Ура-аа-аа! Какое это счастье — ощущать под собой не качающийся, готовый в любой момент расколиться лёд, а несокрушимую земную твердь. Не помня себя от радости, Корней прыгал, как сумашедший, топал ногой, обнимал Боря, осыпал себя горстями гальки и песка. Достав из-под рубахи отцову икону, исцеловал её. Слезы благодарности и счастья текли по исхудалым, морщинистым щекам и бороде сами собой.

Выплеснув переполнявшие его эмоции, пал на колени и, ткнувшись лбом в землю, принялся страстно благодарить Господа и всех святых...

Обессилив, распластался на тёплом песке и в тот же миг забылся целительным сном.

СПРАВКА ОБ ИСТОРИИ РАСКОЛА

Языческая Русь приобщилась к христианству, приняв Крещение в водах Днепра в 988 году. Летописцы не отметили каких-либо выступлений, тем более кровопролитных, со стороны язычников против новой веры. Стало быть, по характеру и свойствам души подходила она славянам, и учение Христа быстро распространилось по княжествам, которые в совокупности потом и образовали Святую Русь, живя в согласии, крепчая из века в век. Для становления русских как этноса роль православия оказалась системообразующей. Именно оно дало возможность подданным разных княжеств осознать себя единым народом.

В течение почти семи столетий единство и чистоту русского православия не могли поколебать ни возникавшие временами ереси, ни набеги степных половцев, ни феодальные распри великих и малых князей, ни даже двухсотлетнее татаро-монгольское сожительство.

К середине XVII века, когда русский народ успешно справился и с авантюрой лжецаревичей, и с изменой бояр, и с бедствиями Смутного времени, когда соборно избрали царя из новой династии Романовых и, казалось, наступили времена процветать государству, Русь взломала катастрофа церковной реформации.

До XI—XII веков христианское вероучение было едино, и Церковь возглавлял папа, живущий в первопрестольном граде — Риме, где когда-то проповедовали и приняли мученическую смерть апостолы Петр и Павел. Начиная с XII века из-за споров о роли римского папы во Вселенской Церкви и его прав на внесение изменений в соборно принятые решения,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

происходит разделение Церкви на православную и отпавшую католическую. После этого главой православия становится патриарх Царьграда (Константинополя), которого титулуют «Вселенским». Русские цари и митрополиты довольно точно следуют установившимся в Константинополе, именуемом Святым Царством или Вторым Римом, догматам, признают их образцами православия.

Но к середине XV века под натиском турков Византия слабеет. Русская православная Церковь оказывается в сложном положении. С одной стороны, «тысячелетнее царство» катится к гибели, с другой — русская держава усиливается и сохраняет верность православию. Так зародилась идея: «Москва — Третий Рим, а четвертому не быти». После захвата турками в 1453 году Константинополя и прекращения существования Византии как государства эта идея еще более крепнет.

На Руси падение оплота православия — Царьграда — напрямую связывали с отступнической Флорентийской унией, заключенной с католиками в 1439 году в стремлении спастись от турецких завоевателей. Но это еретическое отклонение в вере так и не помогло.

Святая Русь в глазах народа начинает отождествляться с Государством Святого Духа, отмеченного избранничеством, как некое благодатное исключение.

В XVI веке учение о Москве — Третьем Риме получает дальнейшее развитие и становится более утвердительным. Знаменитый Московский собор 1551 года, называемый Стоглавым, окончательно подтверждает учение о превосходстве Православной Руси и ее церковно-социального уклада над иным православием, напрямую связывая политическую независимость Российского государства с соблюдением верности всем канонам православия. Собор также пригрозил строгими карами тем, кто дерзнет нарушать правила святых апостолов, исказить или отменить старые обряды и предания святой Церкви. Происходит реальное осуществление того, что предрекал киевский митрополит Иларион еще в XI веке, — «последние станут первыми».

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

В этот же период (в 1589 году) на Руси устанавливается свое патриаршество, что знаменует полноту и самодостаточность священного царства: и царь, и патриарх — оба православного вероисповедания. В других восточных Церквях православные только патриархи, а правители, как правило, католической веры. Обращаясь по этому случаю к царю Федору, восточный патриарх Иеремия сказал: «Ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом — Константинополем — завладели турки; твое же великое Российское царство — Третий Рим — всех превзошло благочестием».

Отныне Русь стала именоваться Святой Русью. В начале XVII века она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы задуматься об избавлении славянских народов и Константинополя от османской власти и стать Третьим Римом, Новым Израилем, империей, где сохранялась бы вся полнота Веры.

Молодой царь Алексей Михайлович возмечтал воссесть и на царьградском престоле. Вместе с Никоном они замыслили объединить вокруг Русской Церкви и Русского Царя все православные земли и народы, бывшие под гнетом мусульман и «папешников»¹, чтобы распространить спасительный свет Русского Православия повсюду и превратить Русь в Империю Православия. Тараном в реализации этих планов стал Никон. Ещё одной тайной целью царя было подчинение самостоятельной и богатой Церкви лично ему — самодержцу Всея Руси. Для осуществления этого замысла он использовал честолюбивое желание патриарха Никона обрести вселенское первенство и освободить византийские святыни православия от османского ига.

Для того чтобы заранее снять трения с иными православными Церквями в деле их интеграции под эгидой Московского Патриаршества и Русского Царя, Никон, отличавшийся жестокостью и упрямым характером, не выбирал средств. С молчаливого согласия самодержца он самовольно и скоропалительно взялся подстраивать ритуально-символические аспекты Русской Православной богослужебной практики под новогреческие стандарты,

¹ Папешники — пренебрежительное прозвище католиков на Руси.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

принятые в большинстве православных Церквей за пределами Руси и прежде всего среди украинцев, сербов и греков.

При этом он упустил важнейший момент: сам факт мощи Московского царства связывался русскими именно с непорочной верностью первородной вере, с упорным противостоянием всем нововведениям, идущим с Запада, от которых и пал Константинополь.

Иными словами, Никон решил пожертвовать ради унификации «Третьего Рима» — Москвы — тем, что являлось её самым важным и сильным религиозным и обрядовым преимуществом. И совсем уже нелепыми и надуманными кажутся ссылки патриарха Никона на якобы имевшееся отклонение Русской Церкви от древнегреческих норм, о «порче книг» и «богослужбных ритуалов». На самом деле Русь жила по древнему Студийскому уставу, действовавшему в Константинополе-Царьграде до его падения и смененного затем на правленный Иерусалимский.

Незадолго до этого московскими ревнителями веры были справедливо подняты вопросы о том, что негоже, не по чину вести службу многогласием, когда священники поют каждый свое, в два, три и даже в шесть голосов, отчего прихожанину невозможно понять, что читают, что поют им служители. Что надобно перейти к единогласному песнопению и псалмы говорить неспешно и внятно. Самыми активными сторонниками этого являлись члены кружка царского духовника Стефана Вонифатьева — протопопы Неронов, Аввакум, Логгин и Данилов. Осуждали они и «хомовое пение», при котором слова изменялись так, что нельзя было их узнать: вместо «Спас, Бог» пели «Сопасо, Бого».

Многогласное пение приучало народ к формальному отношению к церковной службе, хотя многих прихожан устраивала быстрота богослужения, достигавшаяся именно благодаря многогласию.

Наконец, по их предложению на соборе 1651 года было постановлено «петь чинно и единогласно, а псалмы говорить в один голос, тихо и неспешно». Одновременно с единогласием была возвращена в церковь вышедшая из обычая устная проповедь.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Таким образом самими будущими старолоубцами (духовник Стефан Вонифатьев из страха потерять своё место в конце концов перешел в стан Никона) был дан толчок последовавшим за этим переменам, в которых они, правда, прямого участия не принимали: в исправлении «недостатков» в богослужебных книгах. На них прежде не раз указывали Никону наезжавшие в Москву за милостью греки, с внесением троеперстия и иных новшеств. (В первоисточном православии существовал единый знак «ручного креста» — двуперстие.)

Эти так называемые книжные исправления Никон поручил Арсению Греку. Последний отличался стяжательством и чрезвычайно легко менял свои духовные пристрастия в зависимости оттого, кому служил: в Венеции он был католиком, в Польше — униатом, потом принял магометанство. На Руси же притворялся православным, но патриарх Иосиф, предшественник Никона, отправил его в Соловецкий монастырь как опасного вероотступника для исправления его веры. Тем не менее патриарх Никон призвал его к себе и сразу сделал главным своим помощником. Это вызвало ропот среди верующих; стали говорить, что «басурманин» правит святыми делами Церкви. Но царь Алексей предоставил Никону такое неограниченное право и чрезмерную власть, что перечить было сложно и смертельно опасно.

Под руководством Грека исправлениями богослужебных книг под новогреческие образцы занималась целая бригада справщиков. Эта работа началась и велась еще до Грека старцами Савватием и Иосифом, но они недоверчиво относились к греческим текстам и были близки по воззрениям к Неронову и Аввакуму. Посему Никон вывел их из состава переписчиков.

Не ошибки, не описки или другие неисправности старых книг «исправляли» никоновские книжные справщики. А выбрасывали из них вековые чины, обычаи и предания древней вселенской Церкви. Исправляли не только книги, но и богослужебные чины для приведения их в согласие с действующими новогреческими образцами. Многие чины церковные они то сократили, то поисказили, то выбрасывали из них важнейшие моменты. Фактиче-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ски не осталось ни одной неиспорченной богослужебной книги. Изменений этих внесено чрезвычайно много — насчитываются сотни. (К сожалению, в краткой справке нет возможности перечислить даже часть погрешностей никоновских книг.)

Особое недовольство противников перемен вызвал циркуляр, разосланный по московским храмам в 1653 году. В нем отменялись поклоны до земли во время Великого поста с вставанием на колени и касанием головой пола.

Начавшись с распоряжения о крестном знамении и поклонах, эти исправительные перемены постепенно распространились на весь чин богослужения и получили одобрение в соборных определениях 1654, 1656 годов. Эти изменения церковных обрядов не могли не вызвать резкий отпор со стороны рядовых священников и русских людей, почитавших святые предания и опасавшихся утраты чистоты веры. В народе возникло брожение и пошло нарастание противодействия новинам.

Польская война и мор 1654 года, стувившие множество людей, были истолкованы в народе как Божие наказание за отступничество от отеческой веры, поругание над святыми образцами. Противники реформ, составившие в дальнейшем ядро старообрядцев, были убеждены, что избранничество Третьего Рима было основано как раз на твердой приверженности существующему церковному преданию, буквальному исполнению всех норм и традиций в малом и в великом.

Бывшие члены кружка царского духовника к этому времени перешли в открытую оппозицию, считая, что книжная справа является подрывной антихристовой инициативой, аналогичной той, что ранее погубила Константинополь. Тем более что делалась она самочинно, без созыва, как требовали каноны собора, на котором и следовало открыто обсудить программу реформы. Они считали, что если и выправлять православный устав и богослужебные книги, то делать это надо другим православным странам по русскому образцу, а не наоборот.

Никон тем не менее продолжал реформу резко и своевольно. И чем жестче действовал патриарх, тем радикальней становилась

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

оппозиция. А он уже мнил себя главой всей будущей Православной Империи и даже делал попытки к узурпированию светских функций.

Точно в год, предсказанный «Книгой о Вере», 1666-й, в Москве произошёл беспрецедентный по своим разрушительным последствиям собор, где сам властолюбивый патриарх Никон, исполнивший свою миссию, был по указанию царя низложен и отправлен в ссылку в Белозерский монастырь, но его нововведения одобрены, а царская власть абсолютизирована. В результате идея Третьего Рима была подорвана и структурно, и идеологически.

Какими бы благими ни были изначально намерения Никона, результат реформ был катастрофичен во всех отношениях: Церковь разделилась на сторонников старого и нового обряда.

Как подтверждение правоты староверов о попрании истинного православия наступило царствование Петра Первого, при котором католическо-протестантский Запад откровенно был взят за образец, патриаршество упразднено и официальная Церковь поставлена под жесткий контроль светской власти на манер английской монархии. В высшей степени символично, что столица России переносится на Запад, прочь от Москвы, ставя тем самым последнюю точку в вопросе о Третьем Риме, который отныне фактически пал.

Все эти отступничества от традиций «Святой Руси» породили величайшую и грозную драму — Раскол, справедливый духовный протест против прерывания нестяжательной и аскетической религиозной традиции, пренебрежения к старине.

Планируя реформу, ни царь Алексей Михайлович, ни патриарх Никон не ожидали столь мощного сопротивления церковным новинам со стороны паствы. И хотя большая часть наших предков и священноначалия из-за угрозы проклятия вынуждена была все же пойти за корыстолюбивыми устроителями реформы, не менее четверти православных, получив от царевых соглашателей неправое прозвище раскольников, осталось в отеческой вере. И это несмотря на то, что гонения на ее

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

приверженцев (своих же русских людей) были порой страшны по своей жестокости. В дикой бесовской злобе власть сжигала сторонников старой веры на кострах, рубила им головы, резала языки, вырывала ноздри, ломала клещами рёбра, замораживала живьём, топила в прорубях.

Никому не было пощады: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. Особенно поусердствовала в этом царевна Софья, издавшая в 1685 году против старообрядцев 12 грозных статей. Одна из них гласила: «Если кто из старообрядцев... раскается, исповедуется и искренне пожелает причаститься, то его, исповедовав и причастив, все-таки казнить смертью безо всякого милосердия».

«Истинная вера не та, что гонит, а та, что терпит гонения. Истинно то, что со времен Христа, а не искаженное в угоду властолюбцам», — говорили старообрядцы и шли на смерть. В результате Раскола в России произошло первое выбраковывание всего генетически ценного и сильного, продолженное в последующие века и завершившееся двумя опустошительными волнами: в Гражданскую войну и в ходе репрессий тридцатых годов XX века.

Само слово «старообрядчество» не передает с должной полнотой суть явления. Смысл старообрядчества его оппоненты обычно сводили к обрядоверию, но это неверно. Старообрядцы были готовы претерпеть муки и пойти на смерть не ради самих обрядов, а во имя сохранения в неприкосновенности православной веры, «древлецерковного благочестия», порушенного реформой Никона. Они отстаивали незыблемость обрядов потому, что они есть символы, выражение веры. Реформой был затронут и такой важный обряд, как крестное знамение. Никон личным, ничем не обоснованным циркуляром изменил этот освященный Стоглавым собором обряд и ввёл по примеру Римо-католической церкви троеперстное знамение. Соборы 1666—1667 годов, поддержав Никона, не только утвердили это и другие новшества, но и объявили древнее апостольское двоеперстное крестное знамение еретическим, что было неверно по

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

существо. Тогда же было отменено крещение через троекратное погружение в воду и принято по католическому обычаю — обливанием.

Если пролистать страницы истории Руси, то приходишь к горькому и парадоксальному выводу: большинство реформ, задумываемых под завесой самых благих намерений, в итоге только ухудшали жизнь народа, ослабляли его корень, потому что проводились они не ради большинства, а для удовлетворения интересов самих реформаторов.

Старая Россия, сломленная и проклятая, оборванная на полуслове, не исполнившая своих заветов, осталась на гонения. Новая, наследниками которой мы являемся, пошла за Петром. А та, которая могла явиться из самостоятельного пути, не внедрявшая бы передовое насильно, а производившая его естественным ходом развития, так и не явилась на свет. А то, что она могла явиться, что в народе было для этого творческое и духовное обеспечение, больше всего размахом раскола и доказывается.

Самым сильным аргументом в руках сторонников староверия было убеждение, что Первый и Второй Рим пали именно из-за измены первородному православию. Вновь насаждаемое православие, утвердившееся и почитаемое в Греции и Сербии, с точки зрения сторонников староверия, было ущербным, неугодным Творцу. За что Он их и покарал, отдав эти страны под власть иноверцев.

Старолюбцев страшило, что если изначальное нестяжательное православие не противопоставит антихристу силу веры, питаемую идеей богоизбранности русского народа, то такая же участь постигнет и Москву. Они всегда смотрели на себя как на последний оплот истинного православия на земле. Противление любым изменениям и новинам не только в церковных книгах и обрядах, но и в одежде, быту стало целью их жизни.

Государство отвечало на это волнообразными гонениями. Они привели к тому, что старообрядцы массами бежали в соседние государства. (Каково было их количество, можно судить по сообщению Сената Петру I — 900 тысяч человек. В отношении

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

к общему числу всего тогдашнего населения России это составляло десять процентов.)

Император Петр I, провозгласив принцип веротерпимости, разрешил католическое, протестантское, мусульманское, иудейское вероисповедания. И только одни старообрядцы не получили свободы в родном отечестве. В царствование Петра их уже не сжигали массами, но отдельные случаи были. Петр I подписал указ о наложении на староверов двойного платежа податей, также вводился оброк за ношение длинной одежды и бороды.

Только во второй половине XVIII века во времена Екатерины Великой, произошло первое заметное послабление староверам. Сенатским указом от 01.02.1762 года были прекращены все следственные дела о старообрядцах («содержащихся под караулом тотчас в дома свои отпустить»), отменён двойной подушный налог, разрешалось носить бороды, древнерусскую одежду, строить церкви, селиться в городах и селениях, с условием регистрации их как раскольников в метрических книгах волостных правлений. При этом самые принципиальные старообрядцы отказались официально (через метрические книги) регистрироваться в раскол, считая раскольниками не себя, а как раз служителей господствующей церкви, исказивших отеческое православие. Поэтому запись в раскол ими воспринималась как признание своей неправоты.

В итоге уже в самой среде староверов рождается радикальное странническое или бегунское согласие, в котором идеализируется и приветствуется побег из мира, за пределы «антихристового царства». Бегуны, уходя в изоляцию от цивилизации, отрицали не только собственность («мое» — от дьявола), но и классовое разделение в обществе. Впоследствии как следующий шаг, в тридцатых годах XIX века, в Москве возникают два мощных центра старообрядчества — Рогожская община поповцев и Преображенская беспоповцев.

Относительно спокойные времена продолжались для старолюбцев до восхождения на престол в 1825 году Николая Первого, обладавшего рациональным, холодным умом, явно тяготеющего

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

к протестантству. Особенно активно приверженцев старой веры он стал преследовать и принуждать к переходу в никонианскую церковь с 1841 года. Одновременно велась крупномасштабная «охота» на старообрядческое священство. Были арестованы и сосланы в дальние монастыри-тюрьмы многие священнослужители. В результате большинство старообрядческих общин на долгое время остались без пастырского окормления. Но старообрядчество не какая-то политическая партия и победить его — дело немыслимое. Николаевская реакция, приведшая к почти повсеместному оскудению древлеправославного духовенства, с новой силой оживила в среде староверов желание восстановить институт епископства — это решило бы вопрос с нехваткой духовенства. На общих тайных собраниях сложившихся духовных центров было решено послать на поиски подходящей, достойной кандидатуры епископа особо доверенных делегатов. Нужно было найти еще и страну, и место для учреждения архиерейской кафедры за границей, так как в России это было невозможно из-за усилившихся притеснений.

После долгих поисков в 1846 году в австрийском селе Белая Криница безместный митрополит Амвросий дал согласие в обмен на пожизненное материальное содержание перейти в древлеправославие через соответствующий чиноприём и учредить староверческую иерархию. Так возникла Белокриницкая митрополия. Рукоположив несколько епископов, Амвросий дал начало так называемой Белокриницкой иерархии, находящейся в Австрии. Ее священство быстро распространилось так же и по другим странам, где обосновались старообрядцы. В 1853 году в России была основана старообрядческая Архиепископия. Поскольку светская власть её не признала, старообрядческим священнослужителям приходилось вести службы скрытно.

Сибирские же общины, не имея возможности из-за удаленности и оторванности приглашать епископов, стали вынужденными беспоповцами.

В связи с тем, что митрополит Амвросий был признан верховным пастырем не общим собором, часть староверческих общин

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

не признали Белокриницкую иерархию, тем более что иным общинам не было представлено убедительных свидетельств о его крещении троекратным погружением. Они остались в своём прежнем состоянии, продолжая окормляться бегствующим от новообрядческой церкви священством. Эта часть древлеправославных христиан, уповая на Промысел Божий, ожидала и искала такого архиерея, который бы полностью соответствовал всем православным каноническим требованиям и шёл бы в древлеправославие не по земным расчётам, а из стремления спасти свою душу.

Долгие, многотрудные поиски единомысленного древлеправославным христианам епископа в 1923 году привели к тому, что архиепископ Никола присоединился через повторное миропомазание к Древлеправосланому сообществу. Так была восстановлена трёхчинная иерархия и в Древлеправославной церкви (епископ, пресвитер, диакон). К сожалению Белокриницкие священнослужители той поры восприняли это событие негативно, усмотрев в этом угрозу собственным амбициям. Они всячески старались очернить не только владыку Николу, но и всю Древлеправославную церковь. Однако, несмотря на все происки недоброжелателей, Древлеправославная церковь укреплялась. И надо отдать должное мудрости новых Белокриницких иерархов: Рогожинская старообрядческая (РПСЦ) и Древлеправославная старообрядческая (РДПСЦ) Церкви со временем примирились. Так Господь в очередной раз явил приверженцам старой веры Свою любовь и заботу, посрамив сеятеля всяческих раздоров — дьявола.

В 2002 году собор, проходивший в городе Новозыбково Брянской области, восстановил в Древлеправославной церкви патриарший чин и избрал архиепископа Александра первым за последние три с половиной века Древлеправославным патриархом Московским и всея Руси.

Отрадно, что и официальная Русская православная церковь на поместном соборе в 1971 году сняла клятвы и анафемы со сторонников старого обряда. Более того, на том же соборе старый

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

обряд был окончательно объявлен равнозначным новому, введённому патриархом Никоном. А патриарх Русской православной церкви Алексей II в ноябре 2000 года признал: «Преследования и ограничения в отношении старообрядцев... явились следствием непродуманной государственной политики России».

Бог милостив, будем верить, что со временем Русская православная церковь и старообрядческие церкви воссоединятся ибо православные все есть братья и сестры во Христе.

Для старообрядцев непримиримость в вопросах веры являлась равноценной собственному спасению. Именно поэтому старообрядец есть для России новый тип человека. Его не знали ни Древняя Русь, ни Московское царство. В основе его — душевная тревога и мука, вызванные потерей святости бытия в любимой матушке России.

Раскол по своим внутренним духовным переживаниям есть явление глубоко драматичное. Он означал уход многих деятельных и грамотных россиян из лона государства и властвующей Церкви, которыми, как они полагали, овладел антихрист. Это существенно повлияло на ход исторического развития России, ослабило ее.

Вопреки устоявшемуся мнению о растворенности, нивелировке личности в общинах старообрядцев, особенность их мировоззрения как раз напротив, способствовала глубоко личностному восприятию окружающей действительности. И поныне староверы осознают себя единственными хранителями, защитниками истинного православия и старорусской национальной культуры и почитают своим долгом сохранять в чистоте древлерусскую веру до второго пришествия Христа.

Эта сверхзадача личной ответственности давала и дает старообрядцам силы для преодоления экстремальных трудностей и невзгод, развило в них исключительную способность к адаптации, включая житейскую предприимчивость. Ибо каждый период 350-летней истории староверства, порой кровавой и бессмысленно жестокой, требовал новых форм и способов сохранения старого уклада.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Часть старообрядцев вообще отвергла священство, утверждая, что священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди на основании канонических правил. «Сам Христос, — говорили они, — будет нам невидимым Святителем, как непреложно Он есть невидимый глава церкви православной». Эта часть старообрядцев и получила название беспоповцев. Важно подчеркнуть, что беспоповцы отвергали и отвергают священников и всю иерархию «не по принципу, а лишь по факту», то есть они признают необходимость священства и таинства, но считают, что в сложившихся условиях правильных попов нет, восстановление их невозможно, следовательно, невозможно и совершение пяти таинств. У них обязанность исполнения религиозных обрядов возлагается на наставников-уставщиков, избираемых общиной.

Бегуны, являвшиеся наиболее яркими последователями старой веры, мир антихриста отрицали буквально. Они считали, что истинный православный должен разорвать всякую связь с обществом и стать странником — не иметь «ни града, ни села, ни дому». Бегуны отвергали всякое подчинение властям, не платили податей, избегали военной службы. Странническое учение объявляло уход из мира главной целью человека, ибо бегство есть «брань с антихристом», но не открытая, которая невозможна до последнего пришествия, а в форме «противления его воле и неисполнения его законов».

Еще на заре раскола у старолюбцев появилась мечта о земле обетованной, окруженной природными преградами — свободной стране Беловодье, воплощавшей идеал спасения, где царят воля и справедливость. По преданиям, находится она где-то на Востоке, в Опоньском царстве, и откроется только тому, кто тверд в направленной отеческой вере.

Что любопытно, в Индии тоже существует легенда о сказочной стране всеобщего благоденствия, где-то в Гималайских горах, называемая Шамбалой, что в переводе означает «Белый остров». Туда могут попасть только люди высшей святости и духовной чистоты. Это место так защищено Творцом, что диавол и приблизиться к нему не смеет.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

* * *

Долгое крепостное право, существовавшее в России, привело к тому, что у крестьянина, занятого подневольным трудом, не было желания и устойчивых навыков к упорному, целенаправленному труду. А в староверческих поселениях занятие трудом каждого члена общины с малых лет было таким же естественным делом, как молитва, обед, сон — они работали на себя и свою общину. В их мировосприятии неустанный труд являлся высшим предназначением человека. Поэтому их культура не знала такого явления, как нищенство. Жизнестойкость общины обеспечивалась немудреным и естественным балансом коллективизма и единоначалия, включавшим в себя строгую нравственную дисциплину. Это осуществлялось через самоуправление сообщества, соборное обсуждение вопросов, но вместе с тем и безоговорочное послушание в исполнении решений общины и указаний наставника.

Свидетельство тому — поразительно быстрое становление общин при любых, даже самых неблагоприятных, условиях на новых девственных и малородных землях. Старовер не курил, не пил вина, не плясал под чужеземную дудку и лишь в одном не знал воздержания — в работе.

Обладая крепкой общинной спаянностью, обеспечиваемой взаимной поддержкой друг друга, особой любовью к матушке-земле, неистощимым трудолюбием, трезвым и здоровым образом жизни, исключительной честностью, смекалкой, выносливостью в борьбе не только с капризами погоды, но и с жизненными препонами, они проявляли себя самым лучшим образом.

Губернатор Трескин, правивший Восточно-Сибирским краем в начале XIX века, после первой же инспекционной поездки по своим владениям, которые, разумеется, оставили в нем тягостное впечатление, о староверах же писал: «...они и камень сделали плодородным».

Со слов авторитетного исследователя старообрядчества Николая Ядринцева: «Староверы народ сильный, спокойный с хорошим здоровьем. Много трудятся, питаются здоровой пищей. Что

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

за красавцы, что за богатыри! Мало того, что красивых среди них много, они к тому же очень крупный народ. Старики же бывают такие сановитые, что прямо просятся на полотно».

А профессор Дерптского университета К. Ледебур в 1826 году записал в своём дневнике: «Староверы мне очень понравились. В их характере есть что-то открытое, честное, уважительное, они очень приветливы и прилагают все усилия для помощи».

Старообрядцев, действительно, отличает высокий уровень дисциплины, без которой невозможно было бы сохранение первоисточного богослужения и уклада жизни в нетронутом виде. Эти люди, взяв за основу институт земства с его практикой советов, сходов (соборов), выборного самоуправления, принципы общинного пользования капиталом, выехали из лесов на большую дорогу экономики и повели в плохо управляемой стране хозяйство и быт лучше и успешней.

Находясь во враждебно настроенной официальной среде, они нашли, быть может, единственно верный путь к сохранению своих идейных убеждений и воззрений. А именно — перешли от первоначально приветствовавшегося отрешения от мира к рациональному участию в хозяйственной деятельности в тех сферах, где государство не препятствовало свободному предпринимательству и само практически не участвовало: текстильная промышленность, торговля и т.п.

Эта перемена во взаимоотношениях с внешним миром, позволила создать мощную материальную основу не только для существования, но и для развития староверческих толков и согласий, не изменяя при этом убеждению в своей избранности быть орудием Бога в сохранении первоисточного православия.

В результате из староверческой среды стали выходить яркие, цельные, предприимчивые личности — родоначальники крупнейших династий, имена которых неразрывно связаны с историей отечественной торговли и промышленности: Третьяковы, Рябушинские, Морозовы, Гучковы, Хлудовы, Кокоревы, Бриллиантовы, Громы и многие другие.

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

К сожалению, летописцы истории России в своём большинстве замалчивали, более того, зачастую искажали мир старообрядчества.

Вопреки настороженному и подозрительному отношению государства к противникам реформы Никона, староверы всегда были самыми верными сынами и патриотами Отечества. Они довели русскую фабричную промышленность до состояния, превосходящего западную.

Старообрядцы полагали, что, коли земные дела идут хорошо, стало быть, Господь к ним благоволит. Предприниматель-старообрядец видел в богатстве, созданном в результате неутомимого и честного труда, не богатство как таковое, а Божье благословение. Первоосновой их успехов было то, что они поголовно грамотные, много читали, ибо понимали, что только всесторонне развитая личность способна осознать истинное назначение человека.

Они же явились застрельщиками меценатства в России и многое сделали для распространения его в среде обеспеченных слоев населения. А период с 1905 по 1917 год вообще можно назвать «золотым временем» старообрядчества. Дело в том, что в 1905 году Николаем II, мечтавшим о воссоединении старообрядческой и Русской православной церковью подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», позволивший старообрядцам легализоваться. С этого момента начинается бурное возрождение духовной жизни староверов. Строятся тысячи храмов, около десятка монастырей; открываются печатальни, издаются газеты и журналы, повсюду появляются книжные лавки, певческие и приходские школы. Число староверов к тому времени в России достигло 20 миллионов! (В 1853 году их было 9 миллионов.)

В это трудное, исчервленное пороками и брожением время, часть народа, собравшись по человеку, явила силу и убежденность, какой никогда ни до, ни после в России не бывало, показав не только способность к самоорганизации, но и нравственное здоровье. Они подняли человека в его физических и духовных

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

возможностях на такую высоту, какой он в себе и не подозревал.

Невольно задаешься вопросом, а что бы могло стать с Россией, каких бы высот она достигла, если бы не десятая часть народа, а половина не дала увести себя от национальной самобытности в угоду сомнительных, насаждаемых со стороны, чужеродных идей? Какими еще достижениями обогатили бы мы цивилизацию?!

Трудно поверить, но к началу революции в руках представителей старообрядчества было сосредоточено более 70% всего российского капитала! В августе 1917 года был созван Съезд старообрядцев всех согласий. Его председатель П.П. Рябушинский в своей речи выразил недовольство бессилием Временного правительства и призвал «мощно встать на защиту нашей великой, глубоко несчастной России». Увы, было поздно. После Октябрьского переворота началось тотальное богоборчество и уничтожение в кострах ценнейших рукописей, древних икон и книг как патриаршей, так и староверческой церквей.

Парадоксально, но старообрядцам для сохранения «неподвижного», то есть традиционного, ядра старого, коими являются восьмиконечная форма креста, двуперстное знамение, хождение «посолонь», трехкратное погружательное крещение, совершение проскомидии на семи просфорах, двукратное (сугубое) произнесение «аллилуйя», написание через одно «и» Иисус, сами старопечатные книги, служение по первоисточникам, с использованием знаменитых древнерусских крюковых распевов, окладистая борода и русская одежда, приходится идти на мелкие «подвижные» компромиссы с вечно меняющейся действительностью.

Древнерусские обычаи и культурные традиции и по сей день бережно сберегаются в старообрядческих общинах в двадцати странах всех континентов земного шара. Особенно много старообрядцев живёт в Северной Америке. (В США, в штатах Аляска, Орегон, Монтане, Нью-Джерси, Пенсильвания и Канаде.) В Латинской Америке много староверов в Бразилии, Боливии, Ар-

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

гентине, Парагвае. Несмотря на отдалённость, все старообрядцы поддерживают тесное общение с общинами и родственниками из России, Австралии, Польши, Эстонии, Турции.

Что интересно — у старолюбцев никогда не было агрессивности по отношению к инаковерцам. Они не вмешивались и не пытались влиять на представителей иных христианских и инославных вероисповеданий. Никогда не выступали против действующей власти, ибо считали, что всякая власть от Бога.

Старообрядчество ценно уже тем, что сберегло для нас в нетронутой чистоте прежние формы нестяжательного русского быта и религиозности, дало примеры удивительной духовной стойкости, продлив жизнь истинно русской культуры до наших дней. Это, быть может, не меньший подвиг, чем защита Отечества на поле брани. Надо полагать, староверство еще послужит России, ибо оказалось исторически право — оно возникло не против истины, а ради истины.

Валентин Распутин писал: «Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, что на добрых три столетия продлили Русь в её обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, быть может, не меньше, чем защита Отечества на поле брани».

Для приверженцев главенствующей Русской православной церкви рассуждения о противостоянии новообрядцев со старообрядцами могут показаться кощунственными и даже оскорбительными. Милостиво прошу воспринимать их не как выражение автором неприязни к тем или иным религиозным воззрениям, а как историческую данность. Тем более что вера в своей основе у обеих церквей едина. Подтверждением тому стало снятие в 1971 году на поместном соборе Русской православной церкви клятвы и анафемы со сторонников старого обряда. Более того, на том же соборе старый обряд был окончательно объявлен равнозначным новому.

К несчастью, очень часто истинное во все времена воспринимается как ложное, а ложное — как истинное. Так и старообряд-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

чество — самое что ни есть истинное православие, долгое время воспринималось как ложное.

Одним из первых осознал ошибочность такого воззрения — Николай II, позволивший своим вышеупомянутым указом 1905 года легализоваться староверам и достигнуть всего за двадцать лет необыкновенного развития. Поэтому неудивителен растущий интерес россиян к уникальному, столетиями сберегаемому, явлению национальной истории — старообрядчеству.

Бог милостив, и надеюсь, придёт время и оба религиозных учения воссоединятся, ибо все православные есть братья и сёстры во Христе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
ПО АЛДАНУ	39
УСТЬЕ АЛДАНА.....	62
ЛЕНА. «АРКТИКА» В ПЛЕНУ. ЗИМОВКА.....	68
ЗДРАВСТВУЙ, СТУДЁНОЕ МОРЕ!	132
УСТЬ-ЯНСК	139
ИНДИГИРКА. ЮКАГИРЫ. ШАМАН.....	146
БУРАН. ПРОМЫСЛОВИК.....	200
ОБВАЛ. ЭВЕНЫ. РАСПУТИЦА.....	227
КОЛЫМА. АНЮЙСКИЙ ХРЕБЕТ. КОЧЕВНИКИ	240
ОКЕАН. ОДИНОКИЙ СТАРИК	250
ДОНОС. СТАРАТЕЛИ. КАМЕННЫЕ ЮКАГИРЫ	267
СТРАННОЕ МЕСТО. ШАЙТАН	278
ЧУКОТСКИЙ ХРЕБЕТ.....	284
ФАКТОРИЯ.....	293
БУХТА ЛАВРЕНТИЯ. ОХОТА НА КИТОВ.....	300
ЧУКЧИ. УЭЛЕН.....	312
СПРАВКА ОБ ИСТОРИИ РАСКОЛА	331

Литературно-художественное издание

Сибиряда

Зиганшин Камиль Фарухшинович

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЁНОМУ МОРЮ

Выпускающий редактор *О.М. Солдатов*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Левченко*

Художник *Н.А. Васильев*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.03.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 22. Тираж 1800 экз. Заказ № .